

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И.	Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Бабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Костюк М. П.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шиндлинг А.	Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКИ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКИ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабіцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І.	Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Касцюк М. П.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шындлінг А.	Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary** **MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Beletsky S. V.** Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Bryhadzin P. I.** Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpuyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Schindling A. Institute of the Early Modern History, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Летам Рэспубліка Беларусь адзначае адзін з самых значных юбіляяў у 2019 г. – 75-годдзе вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Нягледзячы на тое што за час, які аддзяляе нас ад тых падзей, паспела вырасці ўжо некалькі пакаленняў беларусаў, мы не перастаем, усведамляючы лёсавызначальнасць той барацьбы за свабоду беларускага народа, успамінаць людзей, якія аддалі за яе свае жыцці. Мы ўспамінаем герояў і ахвяр той барацьбы – людзей, хто са зброяй у руках на франтах ці ў тыле гераізмам і мужнасцю супрацьдзейнічаў ворагу, замярзаў, несучы варту ў акопах і партызанскіх зямлянках, хто самааддана каваў меч перамогі на заводах і фабрыках, тых, хто сабою ўвасабляў сілу і моц барацьбы за права беларусаў жыць на сваёй зямлі і выхоўваць дзяцей пад мірным небам.

Беларусь заплаціла за сваё вызваленне і перамогу над фашызмам велізарную цану: страціла амаль кожнага трэцяга жыхара (3 млн чалавек, з якіх палова – каля 1,5 млн – гэта мірныя людзі, якія не з’яўляліся ўдзельнікамі баявых дзеянняў). Мы не перастаем памятаць і тых бязвінных ахвяр, каго антычалавечая ідэалогія нацызму рукамі бязлітасных катаў спаліла разам з роднай вёскай, у печках лагераў смерці, замучыла насмерць у канцлагерах ці засценках гестапа. Памятаем усіх тых, каго знішчылі стваральнікі гэтай ідэалогіі як частку чалавечтства, што не адпавядала іх уяўленням аб пабудове новага парадку ў свеце. Менавіта таму на тэрыторыі Беларусі паўсталі і працягваюць паўставаць сотні помнікаў – сімвалаў вечнай памяці пра герояў і ахвяр той страшнай вайны.

Памятаем мы і пра тое, што ніводная рэспубліка былога СССР не панесла такіх страт у гэтай барацьбе з карычневай чумой. За час вайны была знішчана трэць нацыянальнага багацця Беларусі. Для разумення ўкладу Беларусі ў перамогу варта адзначыць, што Злучаныя Штаты Амерыкі разам з Вялікабрытаніяй страцілі ў час Другой сусветнай вайны не больш за 800 тыс. чалавек, і пры гэтым ваенныя дзеянні не праходзілі на іх тэрыторыі. Ні ў якім разе нельга недаацэньваць ролю саюзнікаў у перамозе над нацызмам, але такія параўнанні даюць магчымасць зразумець маштаб таго ўкладу і памеры тых страт, якія панесла Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Задача гісторыкаў сёння, як і раней, заключаецца ў глыбокім даследаванні ўсіх тэм, звязаных з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі, акупацыйным рэжымам, усенароднай барацьбой з захопнікамі, падрыхтоўкай вызвалення, правядзеннем аперацыі «Багратыён». Безумоўна, шмат зроблена, але ўсё яшчэ нямала матэрыялаў чакаюць сваіх даследчыкаў, нямала імёнаў пакуль безыменных герояў і ахвяр не выліты бронзай на абелісках і помніках. Задача гісторыкаў, якія займаюцца вывучэннем падзей Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, – вярнуць гэтыя імёны ў гісторыю. Удалым прыкладам з’яўляецца сумесная праца міжнароднага калектыву гісторыкаў, прадстаўнікоў мастацтва, дзяржаўных органаў па адкрыцці мемарыяла на месцы Трасцянецкага лагера смерці, які існаваў у гады вайны. І такіх прыкладаў шмат.

Матэрыялы, якія змешчаны ў нумары, тычацца некаторых старонак жыцця беларускага насельніцтва ў час вайны на акупаваных нацыстамі тэрыторыях. Артыкул А. М. Максімчыка прысвечаны адной з ключавых праблем у арганізацыі і развіцці партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны – праблеме харчовага забеспячэння. На аснове апублікаваных і архіўных дакументаў аналізуюцца крыніцы забеспячэння партызан харчаваннем, разглядаюцца аспекты ўзаемаадносін мясцовага насельніцтва і партызан, роля Беларускага штаба партызанскага руху і партыйных органаў у арганізацыі і забеспячэнні партызан. А. Г. Цымбал на падставе нямецкіх трафейных дакументаў даследуе працоўную штодзённасць беларускіх грамадзян у гады германскай акупацыі. Асаблівую ўвагу аўтар звяртае на аналіз стратэгіі выжывання простых людзей ва ўмовах акупацыі на прыкладзе работнікаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск». Нарэшце, С. У. Сілава на аснове архіўных дакументаў звяртаецца да дзейнасці праваслаўнай царквы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Разгледжана роля асобных святароў у нармалізацыі і развіцці прыходскага жыцця і выратаванні вернікаў, на прыкладах паказаны формы ўзаемадзеяння праваслаўнага кліру з партызанскім і падпольным рухам, праблемы ўзаемаадносін з прадстаўнікамі акупацыйнай улады і калабарацыі.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

**К 75-летию освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков**

**Да 75-годдзя вызвалення Беларусі
ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў**

**To the 75th anniversary of the liberation
of Belarus from the Nazi invaders**

УДК 2(23)(254.1)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944)

С. В. СИЛОВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

На основе документов различных архивов исследуются малоизвестные страницы истории православной церкви в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Выявлены основные направления деятельности православного духовенства во время нацистской оккупации, ранее не представлявшие интереса для отечественной исторической науки. Отражена роль отдельных священников в нормализации и развитии приходской жизни, а также в спасении прихожан.

Образец цитирования:

Силова СВ. К вопросу о деятельности православного приходского духовенства Беларуси в годы нацистской оккупации (1941–1944). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;3:6–14. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-6-14>.

For citation:

Silova SV. The role of activity of Orthodox parish clergy in Belarus during the Nazi occupation (1941–1944). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:6–14. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-6-14>.

Автор:

Светлана Владимировна Силова – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой современных технологий довузовского образования факультета довузовской подготовки, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Svetlana V. Silova, PhD (history), docent; head of the department of pre-university education technologies, faculty of pre-university training, and associate professor at the department of history of Belarus, archeology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism. ssilova@tut.by

На примерах показаны формы взаимодействия православного клира с партизанским и подпольным движением, рассмотрены проблемы взаимоотношений с представителями оккупационной власти и коллаборационистами.

Ключевые слова: Беларусь; оккупация; православное духовенство; приходская жизнь; партизанское движение; Великая Отечественная война.

ДА ПЫТАННЯ АБ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАВАСЛАЎНАГА ПРЫХОДСКАГА ДУХАВЕНСТВА БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ (1941–1944)

С. У. СИЛАВА^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

На аснове дакументаў розных архіваў даследуюцца малавядомыя старонкі гісторыі праваслаўнай царквы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Выяўлены асноўныя напрамкі дзейнасці праваслаўнага духавенства падчас нацысцкай акупацыі, якія раней не ўяўлялі цікавасці для айчыннай гістарычнай навукі. Адлюстравана роля асобных святароў у нармалізацыі і развіцці прыходскага жыцця, а таксама ў выратаванні вернікаў. На прыкладах паказаны формы ўзаемадзеяння праваслаўнага кліру з партызанскім і падпольным рухам, разгледжаны праблемы ўзаемаадносін з прадстаўнікамі акупацыйнай улады і калабаранцамі.

Ключавыя словы: Беларусь; акупацыя; праваслаўнае духавенства; прыходскае жыццё; партызанскі рух; Вялікая Айчынная вайна.

THE ROLE OF ACTIVITY OF ORTHODOX PARISH CLERGY IN BELARUS DURING THE NAZI OCCUPATION (1941–1944)

S. V. SILOVA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažeška Street, Hrodna 230023, Belarus

On the basis of documents from various archives, little-known pages of the history of the Orthodox Church in Belarus during the Great Patriotic War are being investigated. The main directions of activity of the Orthodox clergy during the years of the Nazi occupation, previously not of interest to the national historical science, are revealed. The author reflects the role of individual priests in the normalization and development of parish life and the salvation of parishioners. The examples show the forms of interaction of the Orthodox clergy with partisan and underground movements, the problems of relations with representatives of the occupying power and collaboration.

Keywords: Belarus; occupation; Orthodox clergy; parish life; guerrilla movement; Great Patriotic War.

История православной церкви в советском обществе – это история трагедий и героизма, переплетение сложных и противоречивых процессов, периодов уничтожения и возрождения церковных организаций. До сих пор и приходская жизнь, и деятельность православных приходских священников в годы Великой Отечественной войны остаются одной из самых малоизученных страниц истории Беларуси XX в. В конце XX – начале XXI в. в отечественной и зарубежной историографии появились исследования по истории православной церкви 1920–60-х гг., в которых авторы анализируют отдельные аспекты ее положения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Однако исследователи не делали отдельным предметом изучения приходское духовенство и приходскую жизнь в период нацистской оккупации Беларуси в 1941–1944 гг. И это, на наш взгляд, объясняется малочис-

ленностью источников либо их недоступностью для широкого круга исследователей. Цель, которую ставит перед собой автор данной статьи, – на основе введения в научный оборот ранее неизвестных источников проанализировать некоторые направления деятельности православного приходского духовенства, выявить особенности их служения во время нацистской оккупации Беларуси в 1941–1944 гг.

Особенность изучения и анализа деятельности церковных структур и организаций состоит в том, что при проведении исследования необходимо применять междисциплинарный подход, в котором ведущую роль играет пастырское богословие. Без учета специфики богословской подготовки невозможно в полной мере охарактеризовать пастырское служение священников. Среди практических руководств для священнослужителей, позволяющих понять суть пастырского служения, следует указать

учебник П. И. Нечаева, в котором подробно подается теоретический и практический материал о сущности пастырской деятельности приходского духовенства, приводятся церковные уставы и праздники [1]. Этот учебник выдержал более десятка изданий и был востребован среди священнослужителей как практическое пособие и в годы нацистской оккупации. Священство, закончившее духовные семинарии до 1941 г., проходило курс практического руководства приходскими по учебнику П. И. Нечаева. Те, кто был рукоположен во время оккупации, должны были сдать экзамен, в том числе и о сущности пастырского служения. Такая дисциплина предусматривалась программой действовавших в Минске, Гродно, Новогрудке курсов для кандидатов на священников (в терминологии того времени).

Начавшиеся Вторая мировая и Великая Отечественная войны, оккупация, партизанское и подпольное движение поставили перед православным клиром новые условия существования церковных структур и организаций. Советская историография при анализе деятельности Церкви исходила из принципов советской исторической науки и воинствующего атеизма, обвиняя церковные структуры в пособничестве оккупантам, замалчивая при этом помощь партизанам и подпольщикам, фронту.

Традиционные советские подходы, на наш взгляд, не обеспечивают всестороннего изучения пастырской деятельности и приходской жизни в оккупированной нацистами Беларуси. При анализе функционирования церковных общин необходимо применять не только богословский, но и антропологический, культурологический, цивилизационный и гуманитарный подходы, широко использовать нарративные источники. Применение современных методологических принципов и подходов позволяет не только проанализировать направления деятельности религиозных структур и организаций, но и вписать их в историческое пространство того времени.

Малоизученность темы связана с недостаточностью и недоступностью источников. Фонды Национального архива Республики Беларусь частично позволяют проанализировать политику оккупационных властей касательно Церкви, а также отношения церковных структур, прежде всего епископата, с гражданской администрацией и коллаборантами. Это часть документов фондов Генерального комиссариата Беларуси¹ и Белорусской народной самопомощи (БНС)². Однако они содержат единичные документы о самой приходской жизни и персональные данные лишь некоторых священнослужи-

телей. Это не позволяет в полной мере раскрыть все направления деятельности православного прихода, трудности его существования в годы оккупации и успешность реализации тех или иных направлений деятельности.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся периодические издания времен нацистской оккупации. Некоторые из них, прежде всего «Беларуская газета» (Минск, 1942–1944 гг.), в репортажах с мест размещали материал о приходской жизни. Так, в феврале 1944 г. вышла статья об освящении Козыревской церкви в Минске, которую отстроили на деньги прихожан на месте уничтоженного большевиками храма³. При анализе материалов периодики коллаборантов следует учитывать их крайнюю политизированность и антисоветскую направленность. Тем не менее эти публикации позволяют восстановить имена некоторых священнослужителей и проведение храмовых праздников.

Не сохранились до нашего времени церковные архивы. Архив Брестской консистории был захвачен партизанами в 1943 г. и позднее утерян. Большинство документов архива Гродненской епархии было вывезено архиепископом Венедиктом (Бобковским) в Германию, а оставшаяся часть была уничтожена после ареста секретаря Гродненского епархиального управления Евгения Котовича в 1944 г. Некоторые документы были уничтожены сразу, остальные – в 1948 г. «путем сожжения как не представляющие ценности»⁴. Исключением может служить архив Свято-Успенского Жировичского монастыря, где собраны документы отдельных церквей и благочиний периода нацистской оккупации. Однако большинство этих документов не обработаны и не каталогизированы. В архиве Гродненского епархиального управления также хранится необработанный массив документов по истории епархии. Обработка и введение в научный оборот данных источников позволят ликвидировать белые пятна в истории приходского духовенства периода нацистской оккупации Беларуси.

В фондах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по БССР и уполномоченных по областям в документации первых послевоенных лет встречается информация о православных священниках, которые в период оккупации служили на приходах, и о настроениях населения после освобождения БССР летом 1944 г.⁵

Достаточно информативным, но малодоступным источником по истории приходской жизни в оккупированной Беларуси являются следственные дела

¹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 370.

²Там же. Ф. 371.

³Беларус. газ. 1944. 25 лют.

⁴Арх. упр. Ком. гос. безопасности по Гродн. обл. Следственное дело Евгения Котовича [необработанный массив документов].

⁵НАРБ. Ф. 951.

духовенства, арестованного в 1944–1951 гг. По неполным данным, в эти годы было репрессировано 148 священнослужителей [2; 3] из 556 [4, с. 30]. Все они обвинялись в антисоветской деятельности и сотрудничестве с оккупационным режимом и белорусскими националистами. В протоколах допросов священнослужители не только рассказывали о себе, но и подробно останавливались на периоде нацистской оккупации и своем пастырском служении.

Среди следственных дел выделяется дело архимандрита Серафима (Шахмутья), арестованного в 1944 г. в Гродно. На допросах он развернуто отвечал на вопросы следователей. Его ответы позволяют достаточно детально восстановить, как проходила нормализация церковной жизни в Беларуси. В деле назван маршрут, подробно описаны все встречи и названы все священники, с которыми доводилось видеться архимандриту Серафиму и священнику Григорию Кударенко. При открытии храмов отец Серафим призывал священников принимать активное участие в церковно-созидательной жизни. Именно в этом деле приводится статистика открытых храмов и проведенных богослужений (около 100 служб)⁶.

В нем также содержится информация о священниках, которые в период оккупации служили в Минске: протоиерее Иосифе Балае, прибывшем из Глубокого, Николае Лапицком и Иоанне Кушнере, приехавших из Западной Беларуси, Иване Вруякине из Бобруйска, Константине Шашко, Иосифе Голубе. Показания архимандрита Серафима позволяют восстановить имена отдельных священников Восточной Беларуси, о которых практически ничего не было известно. К таким можно отнести гомельского протоиерея Николая Гейроха.

К сожалению, далеко не все имена приходских священников периода нацистской оккупации Беларуси известны отечественным историкам. Исследования в данном направлении, как правило, ведут современные священнослужители, которые пишут историю своих приходов. Среди них необходимо отметить преподавателя Минской духовной академии протоиерея Федора Кривоноса [5; 6] и витебского священника, кандидата богословия протоиерея Владимира Горидовца [7], которые в своих работах, посвященных репрессированным священникам, затрагивают в том числе и период нацистской оккупации.

В 2005 и 2014 гг. вышли воспоминания священника Евстафия Баслыка [8; 9], который в годы нацистской оккупации был настоятелем Благовещенского храма деревни Заберезье Воложинского благочиния. На сегодняшний момент это наиболее полные опубликованные воспоминания приходского священника, служение которого происходило на территории Беларуси в разные исторические периоды: когда

она входила в состав Второй Речи Посполитой, СССР, была под нацистской оккупацией. Автор достаточно подробно, но не всегда политкорректно описывает положение православного духовенства и реальные условия осуществления пастырской деятельности.

Практически уничтоженная в СССР к началу 1941 г. Русская православная церковь с первых дней войны заняла официальную позицию борьбы с нацистскими оккупантами. Об этом уже 22 июня 1941 г. заявил Местоблюститель Патриаршего престола Сергей (Старогородский). Однако быстрое продвижение армии вермахта и оккупация всей территории Беларуси к началу осени 1941 г. создали совершенно иные условия существования церковных структур и пастырского служения.

Возобновление приходской жизни на оккупированной нацистами территории Беларуси происходило неравномерно и имело свои особенности.

1. В Западной Беларуси церкви не закрывались и продолжали действовать вплоть до начала войны. На остальной территории БССР к этому времени православная церковь была уничтожена. Летом 1941 г. верующие стихийно стали открывать храмы. Это приняло массовый характер и вынудило оккупационные власти осенью 1941 г. заняться церковным вопросом. Деятельность православной церкви проходила под строгим контролем, под который попадали и приходские священники.

2. Необходимо было воссоздавать церковное управление на всех уровнях – начиная от центрального (митрополит и епископия), заканчивая низовыми (благочиния и приходы). Это заняло определенное время и в целом завершилось в марте 1942 г., когда были созданы шесть епархий, на которых назначались епископы. В мае 1943 г. была создана Гомельская епархия, что полностью завершило воссоздание церковной структуры в Беларуси. С лета 1941 г. по весну 1943 г. систематическое взаимодействие приходского духовенства с церковным руководством в ряде епархий было затруднено и осуществлялось через рассылку циркуляров.

3. При создании епархий и благочиний церковное руководство не учитывало административный раздел Беларуси оккупационными властями. Восточные районы были включены в тыл группы армий «Центр», южная часть и Брестчина отошли к рейхскомиссариату «Украина», Гродненщина вошла в состав Восточной Пруссии. В каждой из этих административных частей имелись свои особенности оккупационного режима, к которому приходское духовенство должно было приспосабливаться.

4. Приходское духовенство не имело права свободного передвижения по территории Беларуси, на любой выезд за границы своего прихода требовалось разрешение оккупационных властей. Это делало

⁶Центр. арх. Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь. Следственное дело Шахмутья Серафима Романовича и Кударенко Григория Лаврентьевича [необработанный массив документов].

невозможной тесную коммуникацию священства, например, при проведении соборных богослужений и храмовых праздников.

К лету 1941 г. число православных храмов в Беларуси не превышало 542, священников насчитывалось не более 600 человек, причем большинство из них было в Западной Беларуси [4, с. 5]. В приходах восточной части Беларуси не хватало священно- и церковнослужителей. Рукоположенные в священники без должной подготовки (без духовной семинарии или академии) должны были закончить курсы и выдержать экзамен. Кандидатов на священников находили разными путями. Так, в сентябре 1941 г. на имя мирского благочинного поступил рапорт от настоятеля Березовицкой церкви священника Константина Маевского. Еще до начала войны он подал прошение митрополиту Пантелеиму (Рожновскому) о переводе на «лучшее место» для священника. Вскоре К. Маевский получил назначение в одну из церквей Дисненского уезда с указанием самому позаботиться о паспорте, поскольку советские власти без него не принимают вновь назначенного священника. В получении паспорта К. Маевскому отказали, и он не смог занять новое место службы. Как сказано выше, осенью 1941 г. отец Константин делает еще одну попытку получить новое место через Епархиальный совет, который в то время находился в Жировичах, его прошение удовлетворили, и он был назначен на приход⁷.

Летом 1941 г. при Гродненском епархиальном управлении был создан миссионерский комитет. Его главная цель – отбор кандидатов для служения в той части Беларуси, которая была советской до 1939 г. Священнослужители, которые изъявляли желание, от имени архиепископа Венедикта (Бобковского) отсылались из Гродно к митрополиту Пантелеиму (Рожновскому) в Минск.

Необходимо отметить, что на территории Беларуси, присоединенной в 1939 г. к БССР, служили священники, рукоположенные еще в начале XX в. Это было очень редким явлением того времени, как и то, что эти священники служили на приходах. Самый старший – отец Дмитрий Гладков, который был рукоположен в 1900 г. В 1941 г. ему было 68 лет, он служил в д. Некраши Дятловского района. В 1900–1921 гг. были рукоположены Михаил Лавров, Юлиан Самкович, Юлиан Миллер, Владимир Верниковский, Сергей Голосов, Иван Комар, Владимир Емельянюк, Емельян Босько, Геннадий Гахович. В 1921–1939 гг. – Михаил Буткевич, Ефим Корнилович, Иннокентий Маевский, Иван Петельский, Михаил Скрипко, Матвей Яцкевич, Петр Иссар, Константин Клесов, Роман Лотоцкий, Константин Севбо, Василий Тернович, Иван Орлов, Никон Лешкевич,

Геннадий Моисеев и др. Всего в Гродненской епархии служило 55 священников, которые были рукоположены до 1939 г.

Это священство, которое имело опыт служения во времена Второй Речи Посполитой, когда условия существования православной церкви были неблагоприятными. Однако священники сохранили свой статус в обществе и имели большое влияние на верующих. Помогало им в этом и полученное образование. Так, из 55 священников 6 закончили полный курс Минской духовной семинарии, 9 – полный курс Виленской духовной семинарии, 1 – Витебскую духовную семинарию, 1 – Нижегородскую духовную семинарию, 11 – богословский факультет Варшавского университета⁸. Академическая подготовка включала в себя практическую подготовку к пастырскому служению, знание основ психологии и коммуникации. Священников учили, как необходимо организовывать приходскую жизнь, изучать и преподавать Закон Божий в средней школе.

Кроме того, на приходах были священники, являвшиеся капелланами в годы Первой мировой войны. Это священство было очень «неудобным» для оккупационной, а позже и для советской администрации. На них трудно было влиять и практически невозможно дискредитировать.

Всего с 1941 по 1945 г., по неполным данным, 213 человек были посвящены в сан иерея, в основном бывшие учителя (17), рабочие (16). Больше всего было крестьян-единоличников – 27 человек. Если в церкви долго не было священника, прихожане выбирали его из членов прихода [4, с. 12–13].

Несение пастырского служения в годы оккупации требовало «от священника особого напряжения духовных сил, а также глубоких богословских знаний»⁹.

Согласно Пастырскому правилу главное для приходского духовенства – служение Богу, а также сохранение и воспитание прихожан. Важным является и понимание Отечества. Отечество небесное – главное для верующего православного человека. Но следует понимать, что, согласно пастырскому богословию, земное Отечество неотделимо от Отечества небесного. И задача пастыря – любить земное Отечество и заботиться о нем, как и об Отечестве небесном. Прежде всего это выражается в сохранении своей паствы в сложные исторические периоды, духовная поддержка прихожан и практическая помощь в преодолении трудных жизненных и кризисных ситуаций, какими и был период нацистской оккупации Беларуси.

Нацисты разрешили существование Церкви под строгим контролем оккупационных властей и в жестко очерченных границах, которые подразу-

⁷Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 6.

⁸Гос. арх. Гродн. обл. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–23.

⁹Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 12.

мевали не объединение, а раскол и разобщенность. Уже сами эти условия противоречили сущности Церкви как сообщества православных верующих. От священства требовали признать оккупированную территорию Третьим рейхом. В большинстве своем православный клир оккупированной Беларуси открыто не заявлял о том, что для него земное Отечество сейчас. На первом месте в его служении стояло спасение не только своих прихожан, но и всех, кто в этом нуждался и боялся обратиться к священнику. Свое отношение к изменившейся политической и государственной обстановке священнослужители определяли в проповедях.

С лета 1941 г. стала восстанавливаться церковная структура. Православное приходское духовенство было лишено права открыто говорить о своем подчинении Местоблюстителю Патриаршего престола Сергию (Старгородскому). Белорусский епископат, включая и митрополита Пантелеимона (Рожновского), согласился с требованиями нацистских оккупационных властей и официально заявил о разрыве с Москвой. В 1942 г. был проведен Всебелорусский церковный собор, на котором было заявлено об автокефалии Белорусской православной церкви и принят ее Устав. Один из его параграфов гласил, что автокефалию Белорусской православной церкви должны признать все автокефальные церкви. В условиях войны сделать это было практически невозможно. Но границы деятельности церковных организаций были обозначены достаточно жестко. Приходское духовенство не могло открыто заявлять о нежелании автокефалии, а также критиковать действия не только оккупационных властей, но и белорусского епископата. Специальным циркуляром до приходского духовенства было доведено, что по согласованию с гражданскими властями митрополита Пантелеимона следовало называть митрополитом Минским и всей Беларуси. Языком богослужения и изучения повседневных молитв был определен церковнославянский, и священники не должны были заменять его другим языком. При этом проповедь, метрические книги, канцелярия и преподавание Закона Божьего в школе должны были вестись на белорусском языке¹⁰.

В первые месяцы было принято решение о возобновлении ежемесячных взносов на содержание епархиальных управлений. Благочинным был разослан циркуляр, в котором предписывалось делать выплаты без задержек. Взносы можно было делать натурой или деньгами. Ответственность за сбор выплат нес благочинный. Он распределял свои прихо-

ды по категориям и назначал каждому из них определенную сумму ежемесячно. При этом учитывался курс советского рубля к немецкой марке и рыночные цены на продукты и промышленные товары. В 1941 г. ежемесячная сумма выплат с малочисленного прихода составляла 50 советских рублей, или 5 немецких марок, не считая канцелярии благочинного. Многочисленные приходы должны были вносить больше¹¹.

Поездки владык и хиротонии новых епископов в восточной Беларуси, а также организация митрополичьего управления в Минске требовали больших расходов, что вело к увеличению размера выплат с каждого прихода. К концу 1941 г. эти выплаты повысились до 30–50 немецких марок, и эта величина была неокончательной¹².

К 1 ноября 1941 г. все благочинные должны были предоставить в епархиальные управления (которые существовали на эту дату) клировую ведомость по каждому приходу¹³.

Летом 1942 г. всем священникам через благочинных было доведено решение о том, что, согласно резолюции Его Преосвященства, Преосвященнейшего Афанасия, епископа Витебского и Полоцкого, управляющего Новогрудской епархией, все духовенство «должно сдать по одному пуду жита с прихода на содержание митрополита и митрополитальных институтов»¹⁴. Кроме того, все, кто приезжал в монастыри, должны были привозить с собой хлеб или муку для монастырских пекарен¹⁵.

Осенью 1941 г. были проведены перевыборы всех благочинных, духовников и катехизаторов, депутатов от священников и мирян в епархиальные собрания, где должны обсуждаться текущие дела епархии.

В возрождении и нормализации приходской жизни большую роль играли благочинные. Именно они должны были заботиться о положении и нравственном престиже духовенства. По возможности и при всяком удобном случае благочинные должны были вести братские беседы со священниками о «необходимой внешней и внутренней дисциплине, чтобы и наружным видом, и нравственным достоинством молитвенности священники приобретали авторитет в пастве и уважение окружающих их людей»¹⁶.

Благочинный должен был объяснить, что «совершенное оголение лица (бритье) священников, ношение светской одежды, заискивающее поведение по отношению к сильным мира сего отталкивает верующих от пастыря и вызывает брезгливое отношение к нему»¹⁷. Митрополит Пантелеимон (Рожновский)

¹⁰ Арх. Свято-Успен. Жирович. монастыря. Ф. Арх. Лидского благочиния. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 6.

писал, что «воин не стыдится своей форменной одежды, а даже гордится ею, трудящийся не пренебрегает своим рабочим костюмом, так и пастырь не должен стыдиться и бояться своего внешнего пастырского вида, и особенно среди своих пасомых, и не унижаться пред лицами, от которых зависит его личное земное благополучие. Пастырям следовало помнить, что священство – это не ремесло специально для куска хлеба, а добровольно взятый на себя апостольский труд. И если пастырь забывает об этом в заботах теперешней жизни, то он погибнет для вечной жизни. Не должен пастырь падать духом и отчаиваться, окруженный мирскими соблазнами, неверием, малодушием пасомых, тяжестью своей материальной жизни и духовного ослабления, памятуя непрестанно, что божественная благодать врачующая немощная, а недостающая восполняющая»¹⁸.

Благочинным следовало напоминать и учить приходских священников тому, как они внешне должны выглядеть в храме, поскольку являются примером для прихожан. В дни храмовых праздников все священники округа должны собираться для совместного богослужения и проповедования, а после него «за скромной братской трапезой обсуждать назревшие вопросы своей приходской жизни, за трапезой следует избегать спиртных напитков и легкомысленных разговоров»¹⁹. В условиях нацистской оккупации реализовать это практически часто было довольно проблематично: для выезда из прихода священнику необходимо было оформить пропуск, который выдавался по усмотрению властей.

На приходское духовенство вновь была возложена обязанность вести метрические книги. Записи рождений, браков и погребений предписывалось осуществлять самым тщательным образом. Если не было готовых бланков, священники могли вести метрические записи в обыкновенной тетради, «которую для экономии бумаги можно было и не разлинейвать по рубрикам, а писать все подряд»²⁰. В каждой метрике обязательно должно было указываться, кто совершал таинства и погребение, и при этом она должна была подписываться причтом церкви. В метриках о родившихся в графе «родители» требовалось указывать, венчаны они в церкви или только зарегистрированы в ЗАГСе: «...можно писать так: “венчаная” жена или “гражданская” жена, а если и в ЗАГСе записаны, записывать ребенка только на имя матери»²¹. Приходским священникам предписывалось составить метрические записи за 1939 и 1940 гг. там, где они отсут-

ствовали: «...сделать это нужно сейчас же (осенью 1941 г. – С. С.), не откладывая в долгий ящик»²². Метрики составлялись в двух экземплярах, один из них своевременно должен был передаваться в епархиальное управление.

В августе 1941 г. архиепископ Венедикт (Бобковский) издал циркуляр, который определял порядок назначения псаломщиков. Кандидат должен был знать Священное Писание Ветхого и Нового Завета, православное богослужение, катехизис, основные молитвы, а также уметь организовать церковный хор и руководить им. Кроме того, псаломщик в силу необходимости мог быть законоучителем в школе. К законоучительству следовало быть готовыми и священникам²³.

Приходские священники не могли не контактировать с представителями оккупационной власти. В июле 1941 г. солдаты одной из частей вермахта изнасиловали пять местных девушек в Грудово-Хожовском приходе. С протестом и требованием наказания преступников выступил священник Николай Гуринович²⁴.

В местечко Турец 5 июля 1941 г. немецкие войска привели с собой более 1000 советских пленных, здоровых и раненых. Оккупанты приказали старосте открыть церковь (за сопротивление – расстрел). До прибытия священника в храм загнали пленных. Настоятель протоиерей Иосиф Тумилович вместе с диаконем хотели забрать из церкви наиболее ценные вещи, но диакону было приказано принести подсвечники к иконостасу и икону с аналоем на клирос. Затем пленные поставили скамейки, создав тем самым заграждение. Через заграждение отец Иосиф прошел в алтарь, чтобы забрать антиминс, но смог вынести только Святые Дары. Немецкий командир заявил священнику, «что все будет сохранено, все будет в целостности, а кто попытается проникнуть через заграждение в алтарь, будет расстрелян»²⁵. Священника поставили в известность, что пленные пробудут в храме только одну ночь, после чего вывели его из церкви, не разрешив взять антиминс. При бомбардировке, которая началась позже, почти все стекла в церкви были разбиты, некоторые рамы были разломаны. В д. Синявская Слобода церковь сгорела со всем имуществом²⁶.

Взаимоотношения приходского духовенства с оккупационными властями остаются дискуссионными до сих пор. Православный клир открыто не выступал против оккупационных властей, поскольку открытый конфликт мог привести к физическому уничтоже-

¹⁸Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 6.

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Там же. Л. 7.

²³Там же.

²⁴Там же. Следственное дело Гуриновича Николая. Л. 9.

²⁵Там же. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 5.

²⁶Там же. Л. 7.

нию не только священника и его семьи, но и прихожан. Некоторые священнослужители (как, например, Николай Устинович, настоятель храма в д. Гончары Лидского района) знали немецкий язык и не раз ходатайствовали перед немецкими властями за арестованных жителей деревни независимо от того, являлись те прихожанами их храма или нет. Пользуясь тем, что оккупационные власти разрешали священникам выдавать справки о принадлежности к тому или иному православному приходу и эти справки воспринимались как своеобразные свидетельства лояльности к новым властям, приходское духовенство повсеместно выдавало их не только своим прихожанам, но и бывшим советским работникам. Известно, что такие справки выдавали священники Михаил Гапоник, Евстафий Балабушевич, Евстафий Баслык, Николай Гуринович [4, с. 44–45].

Одной из обязанностей приходского духовенства было совершение таинств и треб. Священник не мог отказать в этом обратившемуся к нему человеку, в том числе и коллаборанту. Поэтому священники отпевали не только мирное население, но и полицейских. Так, летом 1943 г. отец Николай Гуринович хоронил полицейских, что позднее стало одним из пунктов обвинения его в пособничестве оккупационным властям.

Коллаборационисты стремились привлечь приходское духовенство к своей деятельности. БНС в 1943 г. добилась от Генерального комиссариата Беларуси, чтобы все добровольные комитеты, которые создавались практически при каждом храме, могли существовать только как филиалы БНС. От приходских священников стали требовать ежемесячные отчеты о благотворительной и гуманитарной деятельности приходов²⁷.

А 22 марта 1943 г. главный председатель БНС направил официальное письмо на имя архиепископа Филофея (Нарко) о том, что детский сектор БНС готовится к проведению сборов на Пасху для детских домов и детских садов, которые находятся в Минске (общее число детей около 1390 человек). «Ставячы за гэту азнаямленне дзяцей з рэлігійна-нацыянальным зместам свята, дзіцячы сектар БНС хоча забяспечыць усе дзіцячыя ўстановы яйкамі, з тым каб дзеці самі, рыхтуючыся да свята, прымалі ўдзел у іх афарбоўцы, пазнаёміліся са звычаям катання яек, гульні ў біткі і г. д.», – указывалось в письме. Руководство БНС рекомендовало архиепископу Филофею направить в приходы официальное рас-

поряжение организовать сбор яиц и продуктов для детей²⁸. Приветствовалось и вступление в БНС приходского духовенства.

В зависимости от территориального расположения прихода священники контактировали с советскими партизанами. Формы коммуникации были различны: использование домов священнослужителей для хранения боеприпасов и отдыха разведгрупп, сбор информации о расположении немецких и полицейских гарнизонов, передвижении поездов по железной дороге, снабжение партизан продуктами и одеждой, медицинская помощь раненым [4, с. 34–51].

Однако несогласованность среди руководства партизанских отрядов и разведгрупп приводила к жертвам среди приходского духовенства: с 1941 по 1944 г. было убито 42 священника [4, с. 50]. До сих пор неизвестны имена всех священнослужителей, которые погибли от рук воинов Армии крайовой, «бульбовцев», «лесных братьев» и других бандформирований, которые действовали на территории оккупированной Беларуси.

По данным уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по БССР, к концу 1945 г. на территории Беларуси насчитывалось 556 священников, больше всего их было в западном регионе страны (Барановичская и Брестская области). По неполным данным, в первые послевоенные годы в освобожденной Беларуси было репрессировано 148 священнослужителей [2; 3] из 556 [4, с. 30].

Таким образом, в крайне неблагоприятных условиях нацистской оккупации происходил количественный прирост православного приходского духовенства, возрождение приходской жизни. Были воссозданы благочиния в восточной Беларуси. В этом регионе к июню 1941 г. церковная структура была уничтожена, а большинство духовенства репрессировано. В период оккупации в Беларуси действовало 1044 храма, в большинстве из них были назначены священники. Приходское духовенство на короткое время стало играть заметную роль в обществе. Священники вновь стали вести метрические книги, проводить катехизаторскую работу и осуществлять пастырское служение в разрешенных властями рамках. Приходское духовенство было посредником в коммуникации мирного населения с оккупационными властями, белорусской коллаборацией и антинацистским сопротивлением.

Библиографические ссылки

1. Нечаев ПИ. *Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав*. Ростовский АП, редактор. 12-е издание. Петроград: Типография П. П. Сойкина; 1915. 236 с.
2. Маракоў ЛУ. *Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнны і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967. Том 1*. Мінск: Беларускі Экзархат; 2007. 460 с.

²⁷НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 386. Л.18.

²⁸Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 177. Л. 7.

3. Маракоў ЛУ. *Рэпрэсаваныя прываслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967. Том 2.* Мінск: Беларускі Экзархат; 2007. 656 с.
4. Силова СВ. *Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг.* Минск: Белорусский Экзархат; 2005. 89 с.
5. Кривонос Ф. *Многи скорби праведным.* Минск: Приход Свято-Петро-Павловского собора; 2011. 36 с.
6. Кривонос Ф. «Но печаль ваша в радость будет» (Ин. 16:20). *Возрождение церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации (вторая половина 1941 года).* Жировичи: Издательство Минской духовной семинарии; 2013. 64 с.
7. Горидовец В. Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации 1941–1944 г. В: Воробьев В, редактор. *XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; 9–11 октября 2008 г.; Москва, Россия. Том 1.* Москва: Издательство ПЕТГУ; 2009. с. 307–311.
8. Баслык Е. *Записки священника Евстафия.* Минск: Лучи Софии; 2005. 245 с.
9. Баслык ЕК. *Многи скорби праведным. Под Польшей, Германией и Советским Союзом.* Минск: В. П. Ильин; 2014. 384 с.

References

1. Nechaev PI. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya svyashchennosluzhitelei, ili Sistematicheskoe izlozhenie polnogo kruga ikh obyazannostei i prav.* [Practical guidance for clerics, or The systematic presentation of their full range of duties and rights]. Rostovskii AP, editor. 12th edition. Petrograd: Tipografiya P. P. Soikina; 1915. 23 p. Russian.
2. Marakow LU. *Rjepresavanyja pravaslawnija svjashchjenna- i carkownasluzhyceli Belarusi 1917–1967. Tom 1* [Repressed Orthodox clergymen and clergymen of Belarus 1917–1967. Volume 1]. Minsk: Belaruski Jekzarhat; 2007. 460 p. Belarusian.
3. Marakow LU. *Rjepresavanyja pravaslawnija svjashchjenna- i carkownasluzhyceli Belarusi 1917–1967. Tom 2* [Repressed Orthodox clergymen and clergymen of Belarus 1917–1967. Volume 2]. Minsk: Belaruski Jekzarhat; 2007. 656 p. Belarusian.
4. Silova SV. *Krestnyi put': Belorusskaya pravoslavnaya tserkov' v period nemetskoj okkupatsii 1941–1944 gg.* [Way of the Cross Belarusian Orthodox Church during the German occupation of 1941–1944]. Minsk: Belaruskii Jekzarhat; 2005. 89 p. Russian.
5. Krivonos F. *Mnogi skorbi pravednym* [Many sorrows are righteous]. Minsk: Prikhod Svyato-Petro-Pavlovskogo sobora; 2011. 36 p. Russian.
6. Krivonos F. «No pechal' vasha v radost' budet» (In. 16:20). *Vozrozhdenie tserkovnoi zhizni v Vostochnoi Belorussii v nachal'nyi period nemetskoj okkupatsii (vtoraya polovina 1941 goda)* [«But your sorrow is a joy» (John 16:20). The revival of church life in Eastern Belarus during the initial period of the German occupation (second half of 1941)]. Zhirovichi: Izdatel'stvo Minskoi dukhovnoi seminarii; 2013. 64 p. Russian.
7. Goridovec V. [Church life on the territory of the Polotsk-Vitebsk diocese during the German occupation of 1941–1944]. In: Vorab'ev V, editor. *XIX ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta; 9–11 oktyabrya 2008 g.; Moskva, Rossiya. Tom 1* [19th annual theological conference of the Saint Tikhon's Orthodox University; 9–11 October 2008; Moscow, Russia. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Saint Tikhon's Orthodox University; 2009. p. 307–311. Russian.
8. Baslyk E. *Zapiski svjashhennika Evstafiya* [Notes priest Eustache]. Minsk: Luchi Sofii; 2005. 245 p. Russian.
9. Baslyk EK. *Mnogi skorbi pravednym. Pod Pol'shei, Germaniei i Sovetskim Soyuzom* [Many sorrows are righteous. Under Poland, Germany and the Soviet Union]. Minsk: V. P. Il'in; 2014. 384 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 23.06.2019.
Received by editorial board 23.06.2019.

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ОККУПИРОВАННОЙ БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕРМАНСКИХ ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

А. Г. ЦЫМБАЛ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

На основе германских трофейных документов исследуется трудовая повседневность белорусских граждан в годы германской оккупации. Источниковую базу статьи составили материалы фонда 378 Национального архива Республики Беларусь. Документы дают представление о многих аспектах оккупационной жизни сквозь призму деятельности одного учреждения – Главной железнодорожной дирекции «Минск» – и проливают свет на многие белые пятна трудовой повседневности населения Беларуси. Представленное исследование имеет целью в первую очередь ввести в научный оборот значительный комплекс фактического материала по проблеме трудовой повседневности и использования оккупационными властями труда населения Беларуси. Это представляет проблему в новом ракурсе и создает фактологическую основу для дальнейшего изучения вопроса на концептуальном уровне. Документальные источники позволяют дополнить существующие оценки использования оккупантами труда местного населения исключительно как принудительного рабского труда. Используя новые источники и современные методологические подходы, следует обратиться к анализу стратегий выживания простых людей в условиях оккупации. Информация источников коллекции документов Главной железнодорожной дирекции «Минск» ставит перед исследователями вопросы об условиях выживания местных работников на других предприятиях, в других сферах труда и регионах оккупированной территории Беларуси.

Ключевые слова: трудовая повседневность; оккупация; Беларусь; железная дорога; германские трофейные документы.

ПРАЦОЎНАЯ ШТОДЗЁННАСЦЬ У АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ Ў 1941–1944 гг. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ГЕРМАНСКИХ ТРАФЕЙНЫХ ДАКУМЕНТАЎ)

А. Г. ЦЫМБАЛ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

На аснове германскіх трафейных дакументаў даследуецца працоўная штодзённасць беларускіх грамадзян у гады германскай акупацыі. Базу крыніц артыкула склалі матэрыялы фонду 378 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Дакументы даюць уяўленне аб многіх аспектах акупацыйнага жыцця праз призму дзейнасці адной установы – Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» – і праліваюць святло на шматлікія белыя плямы працоўнай штодзённасці насельніцтва Беларусі. Прадстаўленае даследаванне мае на мэце ў першую чаргу ўвесці ў навуковы зварот значны комплекс фактычнага матэрыялу па праблеме працоўнай штодзённасці і выкарыстання акупацыйнымі ўладамі працы насельніцтва Беларусі. Гэта прадстаўляе праблему ў новым ракурсе і стварае факталагічныя падставы для далей-

Образец цитирования:

Цымбал А. Г. Працоўная штодзённасць у акупаванай Беларусі ў 1941–1944 гг. (па матэрыялах германскіх трафейных дакументаў). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;3:15–25.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-15-25>.

For citation:

Tsimbal AG. Everyday labour life in occupied Belarus in 1941–1944 (on the basis of the German trophy documents). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:15–25. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-15-25>.

Автор:

Александр Георгиевич Цымбал – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма.

Author:

Alexander G. Tsimbal, PhD (history), docent; associate professor at the department of history, world culture and tourism.
aleksander.g.t@gmail.com

шага вивучэння пытання на канцэптуальным узроўні. Дакументальныя крыніцы дазваляюць дапоўніць ацэнкі выкарыстання акупацыйнай працы мясцовага насельніцтва выключна як прымусовай рабскай працы. Выкарыстоўваючы новыя крыніцы і сучасныя метадалагічныя падыходы, варта звярнуцца да аналізу стратэгіі выжывання простых людзей ва ўмовах акупацыі. Інфармацыя крыніц калекцыі дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» ставіць перад даследчыкамі пытанні аб умовах выжывання мясцовых работнікаў на іншых прадпрыемствах, у іншых сферах працы і рэгіёнах акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Ключавыя словы: працоўная штодзённасць; акупацыя; Беларусь; чыгунка; германскія трафейныя дакументы.

EVERYDAY LABOUR LIFE IN OCCUPIED BELARUS IN 1941–1944 (ON THE BASIS OF THE GERMAN TROPHY DOCUMENTS)

A. G. TSIMBAL^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

Everyday work of Belarusian citizens during the German occupation is explored on the basis of German trophy documents. The article is based on the materials of the Fund 378 of the National Archives of the Republic of Belarus. The documents give an idea of many aspects of occupational life through the prism of the activities of one institution – the Main Railway Directorate «Minsk» and shed light on many «white spots» of the everyday work of the population of Belarus. The presented study aims, first of all, to introduce into scientific circulation a significant set of factual material on the problem of everyday work and the use of local people labour by the occupation authorities. That shows the problem from a new perspective and creates factual basis for further conceptual study of the issue. The German occupation authorities gave exceptional importance to the issue of gaining the support of the population of Belarus. With this purpose, they developed directive documents, analyzed the mood and labour potential of local workers. Using the method of «carrots and sticks», the railway management in occupied Belarus understood that it depended on the local population, therefore, in addition to repressive methods and the organization of the control system, the issues of providing products and creating social guarantees were raised. The wage premiums, bonuses, rewards, delivery of products and delicacies, charity and assistance to the families of employees were supposed to increase productivity and stimulate the work of local railway workers. However, the occupation authorities regularly noted a low desire to work and the escape of local workers to the partisans. The introduction to the scientific turnover of the information of the unique documents of Main Railway Directorate «Minsk» can not only significantly extend the factual basis of the research of the period of German occupation of Belarus, but also pose a number of theoretical questions. New documentary sources make it possible to add to the currently existing assessment of the use of labour by the local population solely as betrayal or forced slave labor. Using new sources and modern methodological approaches, the survival strategies of ordinary people under occupation should be analyzed. Information sources of the collection of documents of the Main Railway Directorate «Minsk» raise questions about the conditions of survival of local workers at other enterprises, in other fields of labour and regions of the occupied territory of Belarus.

Keywords: everyday labour life; occupation; Belarus; railway; German trophy documents.

Працоўныя рэсурсы акупаванай Беларусі з'яўляліся галоўным аб'ектам германскай эканамічнай палітыкі. Ужо з лета 1941 г. выкарыстанне працы беларускіх грамадзян у інтарэсах германскага рэйха набывае каласальныя памеры. Пытанні працоўнай штодзённасці доўгі час не знаходзіліся ў цэнтры ўвагі даследчыкаў. Дэталёвае і грунтоўнае вивучэнне праблемы сутыкалася з абмежаванасцю базы крыніц, а таксама з асаблівасцямі метадалогіі даследавання. Дамінуючы ў савецкія часы класавы падыход штучна спрашчаў і абмяжоўваў магчымасці вивучэння праблемы. Жорсткае структураванне грамадства на рабочы клас, сялянства і інтэлігенцыю пакідала па-за межамі даследавання остар-

байтараў, рамеснікаў, ваеннапалонных, інвалідаў, дзяцей, удоў, душэўнахворых і інш. Выдадзеныя ў савецкі час працы і зборнікі дакументаў звярталі ўвагу на вываз насельніцтва, але прымусовая праца атаясамлівалася з палонам¹. Асэнсаванне прымусовай працы ў гады акупацыі адбывалася праз выкарыстанне паняццяў «прыгон», «катаржная праца»². Па-за ўвагай заставаліся пытанні метадаў і форм прымусу, матэрыяльнага і прававога становішча насельніцтва пад акупацыяй. Не вивучалася праца насельніцтва ў кантэксце пошуку шляхоў выжывання ва ўмовах вайны і акупацыі, а праца на акупацыйных структуры разглядалася фактычна як здрадніцтва. Менавіта гэта тэма з'яўлялася ад-

¹Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1 / Чрезвычайн. гос. комис. по установлению и расследованию злодеяний нем.-фашист. захватчиков и их сообщников. М. : ГИПЛ, 1943. С. 15–20.

²Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 / Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ. Минск : Беларусь, 1965. С. 7–8.

ной з самых вострых і ў той жа час замоўчаных у гістарыяграфіі.

Распад СССР і змена грамадска-палітычнай сітуацыі, адкрыццё архіваў і метадалагічны плюралізм стварылі новыя магчымасці для даследавання выкарыстання мясцовых працоўных рэсурсаў у часы нацысцкай акупацыі. З'явіліся працы, прысвечаныя гісторыі беларускіх оstarбайтараў [1], якія раскрываюць агульныя пытанні палітыкі нацысцкага кіраўніцтва адносна беларускіх зямель, паказваюць полаўзроставаю структуру оstarбайтараў, называюць дакладныя лічбы вывезенага ў Германію насельніцтва. Пытанні штодзённасці оstarбайтараў у Германіі разглядала А. Корсак³.

Вывучэнне становішча грамадзянскага насельніцтва праз канцэпт прымусовай ці рабскай працы атрымала далейшы працяг у выданнях «Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)» [2] і «Вяртанне ў рабства. Прымусовая праца насельніцтва Беларусі, 1941–1945» [3]. Даследаванні актуалізуюць праблему на новым навуковым узроўні на падставе матэрыялаў архіваў Беларусі і Германіі, раскрываючы механізмы функцыянавання працоўнай павіннасці, уздымаюць пытанні працоўных рэзерваў, прымусовай працы яўрэйскага насельніцтва, матэрыяльнага становішча працоўных, арганізацыі і дзейнасці калабарацыйных прафсаюзаў, вярбоўкі і мабілізацыі на працу ў Германію. Работы паказваюць праблему як у агульнарэспубліканскім маштабе, так і праз аналіз становішча асобных акруг у гады акупацыі. Адзін з аўтараў вышэйназваных выданняў – С. Я. Новікаў – адзначае, што трагедыя грамадзян, якія знаходзіліся на акупаванай тэрыторыі Беларусі, заключалася ў тым, што «ў імя захавання далейшага жыцця саміх сябе і сваіх родных, заняцця пэўнага становішча ў савецкім грамадстве патрэбна было замоўчваць шматлікія факты ваеннага часу, у тым ліку факты гісторыі працоўнай паўсядзённасці перыяду нацысцкай акупацыі» [2, с. 134].

Беларускім гісторыкам Я. Грэбнем было абаронена дысертацыйнае даследаванне, прысвечанае праблеме прыцягнення грамадзян Беларусі на прымусовыя работы⁴. У 2016 г. ім выдадзена манаграфія аб становішчы грамадзянскага насельніцтва ва ўмовах нямецкай акупацыі. Дэталёва раскрываючы пытанні рэгламентацыі жыцця, сацыяльна-побытавых умоў і крыніц выжывання насельніцтва, аўтар падкрэслівае, што само жыццё ва ўмовах акупацыі з'яўлялася падзвігам [4, с. 493].

Нямецкая гістарыяграфія праблемы выкарыстання працы насельніцтва захопленых краін прадстаўлена ў першую чаргу работамі У. Герберта. Ства-

раючы агульную карціну прымусовай працы ў рэйху, аўтар асобна раскрывае становішча савецкай працоўнай сілы і звяртаецца да наступных пытанняў штодзённасці: харчаванне, кваліфікацыя, заработная плата, становішча дзяцей і інш. [5, S. 192, 198, 287].

Пытанне дыферэнцыяцыі працоўнай сілы, якая выкарыстоўвалася ў ваеннай эканоміцы Германіі і на акупаваных тэрыторыях, узняў М. Шпёрэр. У якасці крытэрыяў такой дыферэнцыяцыі ў яго выступаюць месцазнаходжанне, род заняткаў і магчымасці выжывання [6, S. 16–17].

Германская эканамічная палітыка і палітыка знішчэння насельніцтва ў Беларусі знаходзяцца ў цэнтры ўвагі Х. Герлаха [7]. У першай частцы сваёй фундаментальнай працы аўтар раскрывае палітыку адносна рабочай сілы праз стварэнне адпаведных акупацыйных органаў, вынікаў іх дзейнасці. Апісаны таксама метады і праблемы зносінаў з мясцовым насельніцтвам, вярбоўка рабочай сілы, формы прымусовага захопу, метады і сродкі, якія выкарыстоўваў акупацыйны рэжым для захавання патэнцыялу рабочай сілы ў межах самой Беларусі.

Найбольш вядомай працай, якая стварае перспектыву становішча насельніцтва акупаванай Беларусі з пазіцыі штодзённасці, з'яўляецца даследаванне Б. К'яры «Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 г.)» [8]. Пытанні менавіта працоўнай штодзённасці ў аўтара не выступаюць у якасці асноўнага аб'екта даследавання. Для нашай працы карысным падаецца наступная метадалагічная заўвага даследчыка: «Каб адэкватна выбудаваць неабсяжны сцэнар як зручны інструмент, магла б разглядацца мікрагісторыя – гэта значыць даследаванне канкрэтнай вёскі, горада, прадпрыемства або вайсковае часткі ці пэўнае сям'і. Стан наяўных крыніцаў не дазволіў пайсці гэтакім шляхам» [8, с. 23].

Дадзены артыкул з'яўляецца спробай часткова вырашыць адзначаную Б. К'яры праблему і раскрыць з перспектывы штодзённасці і мікрагісторыі асаблівасці становішча і працы мясцовага насельніцтва на прыкладзе асобнай установы – Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск». Дырэкцыя мела філіялы і прадпрыемствы па ўсёй тэрыторыі Беларусі з нямецкім і мясцовым рабочым персаналам. Выключную значнасць для раскрыцця тэмы працоўнай штодзённасці ўяўляюць трафейныя германскія дакументы, асабліва калекцыя Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» (фонд 378 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь). Яна ўяўляе сабой значны комплекс крыніц, якія ўключаюць вялікую колькасць паведамленняў статыстычнага характару аб колькасці рабочай сілы з ліку нямецкіх работнікаў

³Корсак А. І. Штодзённасць жыцця оstarбайтараў з Віцебскай вобласці ў нацысцкай Германіі (1941–1945 гг.) // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 73–78.

⁴Гребень Е. А. Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2005.

і мясцовых жыхароў, незадаволенай патрэбе ў персанале чыгуначнага прадпрыемства «Дойчэ Райхсбан», звесткі аб ваеннапалонных і яўрэях, якія былі задзейнічаны на работах. Матэрыялы змяшчаюць разнастайную інфармацыю аб дырэктываўных дакументах па арганізацыі працы мясцовых работнікаў, аб прафесіях, на якія быў найбольшы попыт у акупацыйных улад, галоўных напрамках службы, харчовым забеспячэнні работнікаў, умовах працы, апісваюць праблематыку ўздзеяння партызанскіх фарміраванняў на германскія спробы больш маштабнага выкарыстання мясцовага насельніцтва. Прадстаўленае даследаванне мае на мэце ў першую чаргу ўвесці ў навуковы зварот значны комплекс фактычнага матэрыялу па праблеме працоўнай штодзённасці і па выкарыстанні акупацыйнымі ўладамі працы насельніцтва Беларусі, які прадстаўляе праблему ў новым ракурсе і на падставе якога магчымае далейшае вывучэнне пытання на канцэптэуальным узроўні.

Пасля нападу нацысцкай Германіі на Савецкі Саюз 22 чэрвеня 1941 г. быў выдадзены загад А. Гітлера кіраўніцтву Імперскага міністэрства транспарту аб неабходнасці арганізацыі і стварэння чыгуначных камунікацый на акупаваных тэрыторыях СССР. Работы ў гэтым кірунку пачаліся 30 чэрвеня 1941 г.⁵ Папярэднім месцам знаходжання дырэкцыі павінен быў стаць Брэст-Літоўск. У сувязі з імклівым наступленнем нямецкіх войскаў ужо праз месяц яна была пераведзена ў Мінск. З 14 студзеня 1942 г. Галоўная чыгуначная дырэкцыя вылучылася з падраздзяленняў вермахта і была перададзена ў кіраванне Імперскаму міністэрству транспарту⁶. Структура Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» па стане на 1 мая 1942 г. уключала ў сябе 111 вакзалаў і службовых інстанцый з геаграфіяй ад Брэст-Літоўска да Смаленска і ад Полацка да Гомеля⁷. Нямецкія чыгуначныя чыноўнікі ганарыліся ў 1943 г. тым, што іх праца была адзначана фюрарам 11 жалезнымі крыжамі другой ступені, шматлікімі крыжамі за ваенныя заслугі першай ступені і крыжамі за ваенныя заслугі другой ступені, а таксама медалямі за ваенныя заслугі. Адзначаны быў у асноўным асабовы склад службы пуці, у першую чаргу – работнікі лакаматываў. Увогуле ўзнагародзілі трэць усіх нямецкіх рабочых і служачых⁸.

Рэгуляванне прыцягнення мясцовага персаналу на прадпрыемствах чыгункі вызначалася інструкцыямі па найме і ўзнагароджанні мясцовай рабочай сілы. Першая з іх пачала дзейнічаць з 25 чэрвеня 1941 г.⁹ Акупацыйнымі ўладамі вызначалася,

што ўсе пасады павінны былі размяркоўвацца паміж мясцовымі работнікамі, за выключэннем тых пасадаў, якія належала займаць немцам. Асобная ўвага звярталася на тое, каб работнікаў чыгункі не выкарыстоўвалі ў іншых галінах. Абмежаванняў па найме мясцовага персаналу таксама не прадугледжвалася. Дзякуючы гэтаму меркавалася мець запас персаналу і магчымасць скараціць працоўны час.

Нельга было прымаць на працу палітычных камісараў, яўрэяў і, як пазначана ў дакуменце, «паўяўрэяў». Нямецкамоўных грамадзян трэба было наймаць у першую чаргу. Прадугледжвалася апытанне наконт фізічнай прыдатнасці работніка, а таксама (у выпадку неабходнасці) медыцынскі агляд. Кожны работнік уносіўся ў спіс персаналу, дзе пазначаліся наступныя звесткі: бягучы нумар, прозвішча, імя, дата нараджэння, адрас пражывання, апошняя пасада, якую займаў работнік, час уступлення ў палявую чыгунку, від занятку і асобыя ўменні (напрыклад, перакладчык), а таксама дзень і прычына звальнення. Для ідэнтыфікацыі служачы атрымліваў павязку на руку і пропуск. Падкрэслівалася, што выкарыстанне мясцовага насельніцтва на кіруючых і адказных пасадах першапачаткова не разглядалася. Мясцовы персанал не павінен быў мець права аддаваць загады нямецкім супрацоўнікам чыгункі¹⁰.

У матэрыялах калекцыі дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» змяшчаецца дастаткова вялікі масіў інфармацыі аб колькасці нямецкіх і мясцовых працоўных. Сярод дакументальных крыніц можна сустрэць параўнальныя табліцы з іх суадносінамі, а таксама вялікую колькасць паведамленняў аб колькасці рабочай сілы з ліку нямецкіх і мясцовых работнікаў падраздзяленняў чыгункі акупаванай Беларусі. Па стане на 28 лютага 1943 г. на акупаванай беларускай чыгункі было занята 20 845 нямецкіх і 64 247 мясцовых работнікаў. Суадносіны паміж імі складалі 1:3,08 (24,5 % і 75,5 %). Найбольшая колькасць мясцовага насельніцтва выкарыстоўвалася на рамонце пуцей (34 596 чалавек), суадносіны нямецкіх і мясцовых работнікаў тут складалі 1:9,2. Менш за ўсё мясцовыя працоўныя былі заняты ў службе кіравання (звязанай з тэхнікай) (478 немцаў). Сярод кіроўцаў аўтамабіляў (244 немцы) мясцовых не было ўвогуле. Вялікая колькасць немцаў працавалі машыністамі паравых цягнікоў і на суправаджэнні цягнікоў. Машыністамі працавала 2909 немцаў і 1942 мясцовых работнікаў, а на суправаджэнні – 1503 немцаў і 1417 мясцовых. Дэталёва суадносіны нямецкага і мясцовага персаналу раскрывае табл. 1.

⁵Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 378. Воп. 1. Спр. 565. Арк. 54.

⁶Там жа. Спр. 565. Арк. 55.

⁷Там жа. Спр. 462. Арк. 75–79.

⁸Там жа. Спр. 565. Арк. 55 адв.

⁹Там жа. Спр. 48. Арк. 3–3 адв., 4–4 адв., 5–5 адв.

¹⁰Там жа. Спр. 326. Арк. 31 адв.

Табліца 1

Колькасць немцаў і мясцовых жыхароў,
якія працавалі на чыгунцы, па стане на 28 лютага 1943 г.

Table 1

Number of Germans and locals
who worked on the railway as of 28 February 1943

Месца занятасці	Немцы, чал.	Мясцовыя жыхары, чал.	Суадносіны
Служба кіравання (не звязаная з тэхнікай)	804	1274	1 : 1,6
Служба кіравання (звязаная з тэхнікай)	478	0	–
Служба кіравання (склады)	114	205	1 : 1,8
Рамонт пуцей	3570	34 596	1 : 9,2
Ахова пуцей	915	2541	1 : 2,7
Служба эксплуатацыі	5546	8617	1 : 1,6
Суправаджэнне цягнікоў	1503	1417	1,1 : 1
Вытворчы аддзел	1660	7317	1 : 4,4
Майстэрня	1744	3194	1 : 1,8
Машыніст паравых цягнікоў	2902	1942	1,6 : 1
Вадзіцель аўтамабіля	244	0	–
Лакаматывыўнае дэпо	1365	3144	1 : 2,3
Усяго	20 845	64 247	1 : 3,08

Крыніца: НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 577. Арк. 37.

Source: Natl. Arch. of the Repub. of Belarus. Fond 378. Invent. 1. File 577. Sheet 37.

Уяўленні аб суадносінах мясцовых работнікаў і немцаў даюць паведамленні аб колькасці рабочай сілы і незадаволенай патрэбе ў персанале падраздзяленняў чыгуначнага прадпрыемства «Дойчэ Райхсбан». Згаданыя паведамленні ўяўляюць сабой стандартныя фармуляры, якія складаліся на падставе звестак структурных падраздзяленняў чыгункі і розных упраўленняў, а таксама бірж працы. Паведамленні ўтрымлівалі інфармацыю аб наяўнай працоўнай сіле па наступных пазіцыях: імперскія немцы, мясцовыя жыхары, замежнікі, яўрэі, вучні і ваеннапалонныя, – а таксама змяшчалі даныя аб незадаволенай патрэбе ў мясцовых работніках-спецыялістах, дапаможных рабочых і вучнях.

Для аналізу былі абраны паведамленні за 15 верасня 1943 г. (іх захавалася найбольшая колькасць: 100 паведамленняў з Мінска, Полацка, Маладзечна, Оршы, Ліды), якія з'яўляюцца найбольш поўнымі. Дакументы не вызначаюць агульную колькасць работнікаў на чыгунцы, але даюць магчымасць уявіць структуру занятасці. У паведамленнях сцвярджа-

ецца, што сітуацыя з занятасцю на чыгунцы адзначаных гарадоў была наступная: імперскія немцы – 6606 чалавек, мясцовыя жыхары – 23475 чалавек. Таксама на чыгунцы было занята 54 замежнікі, 631 яўрэй, 456 вучняў і 369 ваеннапалонных. У той жа час адзначалася незадаволеная патрэба ў 649 мясцовых работніках-спецыялістах, 2052 дапаможных рабочых і 66 вучнях¹¹.

У дакументах Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» магчыма знайсці інфармацыю аб узроставым і гендарным складзе работнікаў (справаздачы па ўліку наяўных работнікаў). Так, у выяўленых дакументах за 1943 г.¹² можна вылучыць пэўныя тэндэнцыі ў дачыненні да ўзроставага і гендарнага складу прыцягнутых да працы мясцовых рабочых. Наяўныя дакументы з асобных прадпрыемстваў чыгункі датычацца 6228 чалавек. У гендарным аспекце пераважалі работнікі мужчынскага полу (4656 чалавек), колькасць жанчын – 1572 чалавек. Наглядна суадносіны мужчын і жанчын розных узростаў адлюстроўвае табл. 2.

¹¹НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 629. Арк. 10, 11, 12, 15; Спр. 630. Арк. 1-8, 10-91.¹²Там жа. Спр. 577. Арк. 19 адв., 21 адв., 23 адв., 41 адв., 44 адв.; Спр. 624, арк. 12, 13 адв., 14 адв., 15, 16 адв., 27 адв., 29 адв., 31 адв.

Табліца 2

Узроставы і гендарны склад работнікаў чыгункі

Table 2

The age and gender composition of railway workers

Узрост	Мужчыны, чал. (%)	Жанчыны, чал. (%)
Да 16 гадоў	137 (3)	116 (7,4)
16–18 гадоў	504 (10,8)	350 (22,3)
Больш за 18 гадоў	4015 (83,2)	1106 (70,3)
Усяго	4656 (74,8)	1572 (25,2)

Дастаткова шырока выкарыстоўвалася праца дзяцей і моладзі да 16 гадоў, якія пераважна працавалі вучнямі сталяра, слесара і інш. Жанчыны былі заняты практычна на ўсіх цяжкіх працах: рамонт рэйкавых пуцей і стрэлак, замена шпал. Акрамя таго, яны працавалі прыбіральшчыцамі, паварамі, пісарамі, у ахове пуцей і шлагбаумаў і інш. У асноўным гэта была некваліфікаваная фізічная праца, якую не кожная жанчына магла вытрымаць. Значным попытам карысталіся кваліфікаваныя спецыялісты.

Найбольш запатрабаванымі спецыяльнасцямі на прадпрыемствах чыгункі (зыходзячы з заявак на рабочую сілу біржы працы г. Мінска на 15 жніўня 1943 г.), акрамя падсобных рабочых, попыт на якіх быў самы высокі, з'яўляліся слесары і вучні слесара (123 заяўкі), столыяры (121), муляры (77), цесляры (60), электрыкі (53), маляры (32) і токары (31). У значна меншай ступені патрабаваліся цырульнікі (1), токары па метале (2), інжынеры (2), ліцейшчыкі (2), друкары (2), шорнікі (2), механікі (3), краўцы (3). Таксама былі патрэбны машыністы (10), вадаправодчыкі (9), страхары (11), бляхары (17), зваршчыкі (14), трубаўкладчыкі (6) і мастакі (6 заявак)¹⁵.

Асаблівую цікавасць выклікае ацэнка патэнцыялу мясцовага персалалу ў аналітычнай запісцы аб заахвочванні рабочых, падрыхтаванай 22 чэрвеня 1942 г. Даследаванне адбывалася ў розных чыгуначных службах заходняй і ўсходняй частак Беларусі, або, як называў іх аўтар запіскі, польскай і рускай абласцей. Паводле характарыстыкі, мясцовыя работнікі, асабліва з усходняй Беларусі, толькі за рэдкім выключэннем разглядаліся акупацыйнымі ўладамі як паўнаважанае і найдзейная рабочая сіла. «Рускі хутчэй вызначаецца як палова работніка. Ён працуе неахвотна, вяла і безадказна. Паляк цэніцца як больш спрытны і жадаючы працаваць»¹⁴ (тут і далей пераклад выкананы членамі часовага навуковага калектыву на кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта ў рамках Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці, нацыі і культуры» на 2011–2015 гг.).

Аднак ужо ў 1942 г. адзначаецца, што і ў польскай, і ў рускай абласцях нарасталі аб'яваваць і ўхіленне ад працы, што выклікала сур'ёзную апаску і контрмеры. Прычынамі такой з'явы былі варожая прапаганда і дзеянні партызан, напады якіх сталі ўсё больш частымі. Нежаданне працаваць паходзіла таксама ад недастатковага забеспячэння прадуктамі харчавання, якое асабліва моцна адбівалася на гарадскіх жыхарах, а таксама ў зусім недастатковай, на думку мясцовых, аплаце працы. Невялікая заробная плата яшчэ больш абясцэньвалася з-за амаль поўнай адсутнасці тавараў. Сродкаў не хапала на пражытак ні самога мясцовага работніка, ні яго сям'і нават пры наяўнасці добрай прадукцыйнасці. Работнік быў вымушаны звяртацца да чорнага рынку. На станцыях, дзе цягнікі рэгулярна спыняліся, мясцовыя адкрыта жабравалі або, хаваючыся, мянялі яйкі, свіное сала, масла і іншыя прадукты на сахарын, тытунёвыя вырабы, шнапс, кансервы, мыла і прадметы першай неабходнасці любога выгляду. Прадукты работнікі набывалі ў прылеглых да чыгункі раёнах у сялян, якім яны маглі выгадна прадаць атрыманыя пры абмене тавары, у асаблівасці шнапс і тытунёвыя вырабы, пры гэтым з'яўляўся грашовы або рэчавы прыбытак. Прычым грошы, якія зарабляліся на чыгунцы, заставаліся па большай частцы нявыкарыстанымі, што тлумачыць магчымасць мясцовых работнікаў аплаціць асабліва пажаданыя прадметы спажывання (гадзіннікі, кішэнныя нажы, запальнічкі і прадукты харчавання), цэны на якія былі вельмі завышаны. Такі абмен адбываўся звычайна ў працоўны час, што вяло да змяншэння прадукцыйнасці працы. Аднак з гэтага не вынікала, што зацікаўленаць мясцовага персалалу ў грошах знізілася. Адваротнае даказала неабходнасць зніжэння заробнай платы. Яна пацягнула за сабой расчараванне і нежаданне працаваць¹⁵.

Дырэктыва аб аплаце працы мясцовага персалалу была выдадзена 1 ліпеня 1942 г. Яна прадугледжвала падзел па тарыфных разрадах, пасадах і падзённай аплаце працы ў рэйхсмарках, што адлюстравана ў табл. 3.

¹³НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 654. Арк. 40–41.

¹⁴Там жа. Спр. 210. Арк. 56–58.

¹⁵Там жа. Спр. 191. Арк. 156.

Аплата працы мясцовага персаналу чыгункі

Remuneration of local staff of the railway

Тарыфны разрад	Пасада	Падзённая зароботная плата, рэйхсмаркі
1	Вакзальныя рабочыя, дзяжурныя па чыгуначным пераездзе	0,96
2	Ачышчальнік стрэлачных перакладаў, стрэлачны перакладчык, счэпшчык	1,2
3	Стрэлачнік цэнтральнага паста, наглядачы счэплення цягнікоў, кандуктар цягніка	1,4
4	Начальнік цягніка, брыгадзір	1,6
5	Брыгадзір	2,0

Крыніца: НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 191. Арк. 157.

Source: Nat. Arch. of the Repub. of Belarus. Fond 378. Invent. 1. File 191. Sheet 157.

За выдатныя поспехі ў працы або за асабліва адказную і якасную працу маглі быць выплачана прэмія памерам да 50 % зароботнай платы, якая не перавышала 20 % асноўнай аплаты кожнага тарыфнага разраду.

Сацыяльныя надбаўкі не прадугледжваліся. У выпадку хваробы зароботная плата складала 50 % ад звычайнай. Прадстаўлялася бясплатная медыцынская дапамога работнікам і іх сем'ям, якая ажыццяўлялася мясцовымі ўрачамі.

Велічыня зароботнай платы ацэньвалася як надта нізкая ў асноўным таму, што мясцовыя работнікі былі вымушаны дадаткова купляць празмерна дарагія прадметы першай неабходнасці. На чорным рынку, напрыклад, адна булка хлеба каштавала ад 4 да 12 рэйхсмарак, адно яйка – да 0,8 рэйхсмарак¹⁶.

Аплата працы была прыблізна аднолькавая на ўсіх прадпрыемствах. У дакументах захаваліся ведамасці аб выдачы заробку за чэрвень 1942 г. па горадабудаўнічым упраўленні, лясніцтве, вайскавай кухні, мясцовым ваенным шпіталі, рэчавым складзе, геадэзічнай станцыі. Характэрна, што ў ведамасцях можна ўбачыць яўрэйскія імёны і прозвішчы: Лебе Рубінштэйн, Яфім Капідай, Лара Голдзіна, Соня Эпштайн, Рыма Фельдман і г. д. Першапачаткова, як адзначалася, існавала забарона на выкарыстанне працы яўрэяў і «паўяўрэяў». Аднак да канца 1941 г. сітуацыя з працаўладкаваннем яўрэяў на прадпрыемствах чыгункі змяняецца. Патрэба ў прафесійных кадрах і прывал маланкавай вайны вымусілі дазволіць іх працу. Яўрэйскія рабочыя павінны былі атрымліваць прадукты харчавання замест грашовых узнагарод. У асобных выпадках дапускалася вы-

плата да 80 % акладу, адпаведна іх дзейнасці, без надбавак. Дакументальныя крыніцы даюць фрагментарныя звесткі адносна колькаснага аспекту выкарыстання працы яўрэяў. У матэрыялах архіва ўтрымліваюцца штодзённыя справаздачы за ліпень 1942 г. фірмы *C. & F. Lehmann*, у якіх можна прасачыць маштабы працы яўрэяў на будоўлях у Мінску. У ліпені 1942 г. там было задзейнічана 193 яўрэйскія рабочыя¹⁷, у жніўні 1942 г. – 199 яўрэяў¹⁸, у кастрычніку 1942 г. – 35 яўрэяў-мужчын і 126 жанчын¹⁹, у лістападзе 1942 г. – 44 яўрэя-мужчыны і 134 жанчыны²⁰.

Згодна з дакументамі аб занятасці мясцовых рабочых, у кацельні з 16 па 31 студзеня 1942 г. рабочы дзень у залежнасці ад прафесіі складаў ад 8 да 12 гадзін, у некаторых выпадках – 16 гадзін. Больш за ўсіх працавалі тэхнікі і слесары (па 10–12 гадзін), апальшчыкі і рабочыя (па 8 гадзін). Рабочы тыдзень складаў 7 дзён²¹.

Першапачатковыя дырэктывы і інструкцыі не прывялі, па меркаванні акупацыйных улад, да здавальняючага ўзроўню працы мясцовых работнікаў. Сітуацыя на фронце, рост уздзеянняў партызанскіх фарміраванняў спрыялі перагляду падыходаў да ўзаемадзеяння акупантаў з мясцовым персаналам. Акупанты ўсё больш задаваліся пытаннем павышэння прадукцыйнасці працы. З гэтай мэтай 15 кастрычніка 1942 г. была падрыхтавана аналітычная запіска «Аб мэтанакіраванай сістэме аплаты працы рускіх працоўных і яе ўплыў на прадукцыйнасць і павелічэнне прадукцыйнасці». Аўтар падкрэсліваў неабходнасць улічваць асаблівасці «рускага менталітэту», каб выхаваць і сфарміраваць рускіх як прадукцыйных і надзейных рабочых. У выніку

¹⁶НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 191. Арк. 158.

¹⁷Там жа. Спр. 529. Арк. 2.

¹⁸Там жа. Арк. 31.

¹⁹Там жа. Арк. 13.

²⁰Там жа. Арк. 32.

²¹Там жа. Спр. 406. Арк. 12.

«рускія будуць бачыць у немцах не прыгнятальнікаў і эксплуатацараў, а вызваліцеляў з-пад бальшавіцкага гнёту»²².

Акрамя заўваг наконт асаблівацей менталітэту, вынікам аналітычнай запіскі стала зацвярджэнне 29 лістапада 1942 г. новай Інструкцыі аб выкарыстанні і павышэнні прадукцыйнасці працы мясцовай рабочай сілы і ваеннапалонных²³. Падыходы да мясцовага насельніцтва істотна змяніліся: працягласць працы мусіла быць аднолькавай з працягласцю працоўнага дня імперскіх немцаў, а наступны прынцып выкарыстання працы мясцовага насельніцтва павінен быў стаць асноўным: «Кожны на сваім працоўным месцы». Падкрэслівалася, што кваліфікаваных рабочых дазвалялася выкарыстоўваць толькі ў адпаведнасці з іх адукацыяй. Каштоўныя нямецкія спецыялісты павінны былі вызваляцца праз замену іх мясцовымі кваліфікаванымі рабочымі. Забаранялася займаць мясцовых кваліфікаваных рабочых на неадпаведных іх кваліфікацыі работах. Прадугледжвалася павышэнне кваліфікацыі або перападрыхтоўка. Таксама мясцовых работнікаў прынцыпова забаранялася звальняць, магчымым быў толькі перавод на новыя ўчасткі чыгункі. Дэфіцыт рабочых сказваўся, на што акупацыйныя ўлады адзначалі: «Працоўная сіла з прадукцыйнасцю 30 % лепш, чым ніякая»²⁴.

Уяўленне аб харчовым забеспячэнні работнікаў даюць інфармацыйныя лісты, датаваныя чэрвенем і жніўнем 1943 г., з пунктаў тэхнічнага абслугоўвання ў Жыткавічах, Мікашэвічах, Лідзе і Валожыне. Яны ўяўляюць сабой своеасаблівую анкету, на падставе якой планавалася высветліць наступныя пытанні: «Ці забяспечвае пункт тэхнічнага абслугоўвання прадукты харчавання для ўсіх?», «Ці прадстаўляецца поўнае харчаванне ў сталовай (абед і вячэра)?», «Ці прадстаўляецца частковае харчаванне ў сталовай?», «Ці выдаюцца прадукты харчавання ў сырым выглядзе?». Даныя анкетавання сведчаць, што ўсе пункты абслугоўвання цалкам ці часткова забяспечвалі прадукты харчавання для работнікаў. У той жа час нідзе не давалася поўнае ці частковае харчаванне ў сталовай, а прадукты выдаваліся ў сырым выглядзе, акрамя Ліды, дзе не выдавалі харчаванне нават так²⁵. Анкеты таксама даюць уяўленне аб колькасці прадуктаў, якія атрымлівалі работнікі. На тыдзень выдавалася мука – ад 1350 да 2800 г, тлушч – ад 70 да 290 (выдаваўся толькі ў Мікашэвічах і Валожыне), мяса – ад 190 да 300 (атрымлівалі не ўсюды), буль-

ба – 5000 (толькі ў Валожыне і Жыткавічах), ячныя крупы – ад 280 да 370 (Мікашэвічы і Валожын), соль – 100 (Мікашэвічы і Валожын), мука – 70, гарох – 280, табака – 100 г, сахарын – 100 таблетаў, папіросы – 40 шт. (толькі Ліда)²⁶. Натуральна, што такое харчовае забеспячэнне не магло стварыць належных умоў жыцця і працы і не з'яўлялася дастатковым. У яшчэ больш складаных умовах знаходзіліся ваеннапалонныя, якіх выкарыстоўвалі на работах.

Нацысцкія ўлады разумелі неабходнасць вырашэння праблемы харчавання як мясцовых работнікаў, так і ваеннапалонных і рабілі пэўныя крокі з гэтай мэтай. Так, у Баранавічах 15 красавіка 1943 г. паведамлялася, што нямецкая фірма «Шцёр», якая неадкладна павінна была заняць 470 ваеннапалонных, змагла набыць вялікую колькасць конскага мяса і прадуктаў харчавання. Дзякуючы гэтаму дадатковаму харчаванню было дасягнута значнае паляпшэнне працаздольнасці ваеннапалонных. Акупацыйнымі ўладамі адзначалася: «Трэба спрабаваць дабіцца гэтага дадатковага харчавання таксама для тых ваеннапалонных, для якіх яно яшчэ не было дасягнута. Ва ўсялякім выпадку, больш-менш дастатковае харчаванне вельмі ўплывае на працаздольнасць ваеннапалонных і іх жаданне працаваць»²⁷. Асобную надбаўку, зыходзячы з паведамленняў акупацыйных улад, атрымлівалі рабочыя і ваеннапалонныя, якія выконвалі цяжкую працу. Так, у Магілёве 28 сакавіка 1943 г. паведамлялася аб 47 ваеннапалонных, занятых на цяжкіх працах, якім на 7 дзён выдзялялася для спажывання наступная колькасць прадуктаў: бульба – 310,5 кг, макаронныя вырабы – 6,75, джэм – 10,5, соль – 13,5, цукар – 2,5, гарбата – 0,65, мяса – 13, сала – 2,7, таматы – 10,8, бурак – 46, бручка – 27, мука – 6,5 кг, хлеб – 81 буханка. Выдзялялася дадатковая колькасць проса і папярос. Вынікі працы ваеннапалонных да гэтага моманту былі здавальняючымі для акупацыйных улад²⁸. Выкарыстанне ваеннапалонных фрагментарна адлюстравана ў дакументальных матэрыялах. Па стане на 5 красавіка 1942 г. мінскі ўчастак чыгункі абслугоўвалі 15 лагераў для ваеннапалонных, дзе знаходзілася 1474 чалавекі, з якіх на працах на чыгунцы было занята 987. Задзейнічаныя яны былі пераважна на будаўніцтве драўляных пабудов, уборцы льду і снегу, жылых памяшканняў. Сярод вартаўнікоў былі немцы і ўкраінцы²⁹. У красавіку 1943 г. у 34 лагерах і аб'ектах чыгункі была выкарыстана праца 2536 ваеннапалонных³⁰. У дакументах адзначаны 33 смяротныя выпадкі³¹.

²²НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 326. Арк. 31 адв.

²³Там жа. Спр. 307. Арк. 22.

²⁴Там жа. Арк. 22 адв.

²⁵Там жа. Спр. 622. Арк. 1, 9, 11, 19, 23.

²⁶Там жа. Арк. 1, 4, 11, 19.

²⁷Там жа. Спр. 670. Арк. 7.

²⁸Там жа. Арк. 12.

²⁹Там жа. Спр. 312. Арк. 5.

³⁰Там жа. Спр. 191. Арк. 184–184 адв.

³¹Там жа. Спр. 312. Арк. 4 адв.

Патрэба ў мясцовых працоўных рэсурсах на прадпрыемствах чыгункі заўсёды заставалася высокай і так і не была вырашана. Акупацыйнай адміністрацыяй адзначалася, што па стане на 15 жніўня 1943 г. патрабавалася 16 040 рабочых, з якіх кваліфікаваных спецыялістаў – 3685 чалавек, падсобных рабочых – 11 632 і вучняў – 729 чалавек.³²

Нацысцкія ўлады спрабавалі паўплываць на павелічэнне прадукцыйнасці працы мясцовых жыхароў і іх жаданне працаваць. Для гэтага выкарыстоўваліся разнастайныя метады, якія апісваюцца ў цыркуляры Імперскага транспартнага кіраўніцтва ў г. Мінску ад 29 сакавіка 1943 г. Згадваліся наступныя магчымасці аказання дапамогі мясцовым жыхарам: надбаўкі да заробтнай платы, прэміяльная і здзельная аплата працы, узнагароджанні (за ліквідацыю вытворчай небяспекі, абарону ад партызан і г. д.), прэміі для мясцовых машыністаў і вучняў машыністаў, асігнаванне прадуктаў харчавання і далікатэсаў, а таксама арганізацыя дапамогі параненым, сем'ям загінулых. Велічыня ўзнагароджанняў ва ўсіх выпадках павінна была абмяжоўвацца чвэрцю прадугледжанай для немцаў сумы. Але ў асобных выпадках было магчыма пры выключных выніках выплаціць узнагароджанне да 50 рэйхсмарак. Узнагароджанні маглі выплачвацца і не работнікам чыгункі, што асабліва датычылася выпадкаў знаходжання мін мясцовымі жыхарамі.³³

Акупанты спрабавалі наладзіць сістэму сацыяльнага забеспячэння работнікаў чыгункі з ліку мясцовых жыхароў. Гэтага пытання датычыўся цыркулярны ліст гарадскога камісара г. Мінска і біржы працы г. Мінска ад 29 студзеня 1944 г. адносна забеспячэння мясцовых працоўных у выпадку хваробы, няшчаснага выпадку і пры асобных умовах. Забеспячэнню кампенсацыяй пры хваробе або няшчасным выпадку падлягалі ўсе рабочыя і служачыя, якія знаходзіліся на працы, незалежна ад іх занятку. Сюды таксама адносіліся памагатыя паліцыянтаў, паліцыянткі і дапаможныя службоўцы вермахта, а таксама эвакуіраваныя з іншых абласцей.³⁴

Неабходна адзначыць, што акупацыйныя ўлады надавалі функцыянаванню чыгуначных служб выключнае значэнне і спрабавалі рабіць усё неабходнае для забеспячэння працы і ўтрымання персаналу чыгункі. Гэта пацвярджае і дырэктыва аб эвакуацыі, выдадзеная Імперскім транспартным кіраўніцтвам у г. Мінску 22 чэрвеня 1944 г., у якой падкрэслівалася: «Сёння любы асобны рабочы, які застаецца як пры чыгунцы рэйху, так і пры аба-

роннай прамысловасці на Радзіме ці які паступае на працу, уяўляе сабой каштоўную маёмасць і ўмацоўвае абараназдольнасць! Але кожны рабочы, які зноў трапляе ў распараджэнне бальшавікоў, азначае паслабленне нашай і павелічэнне варожай абараназдольнасці!» Эвакуацыю планавалася праводзіць пад наступным лозунгам: «Ніводны працоўны не павінен патрапіць у рукі рускіх! Кожны чыгуначнік павінен зноў быць дастаўлены ў штаб чыгункі акупіраванай вобласці ці ў рэйх!» Галоўным сродкам уплыву на мясцовы персанал, каб ён добраахвотна эвакуіраваўся і загадзя не ўцякаў, планавалася зрабіць прапаганду.³⁵

Усе гэтыя меры не давалі добрых вынікаў. Ужо падчас складання інфармацыйных лістоў у чэрвені і жніўні 1943 г. у Жыткавічах, Мікашэвічах, Лідзе і Валожыне адзначалася, што з працы збеглі 27 чалавек.³⁶ Уцёкі фіксаваліся акупацыйнымі ўладамі пры праверцы чыгуначных служб у Гомелі ў жніўні 1943 г. Сцвярджалася, што ў сярэднім каля 510 чалавек адсутнічалі кожны дзень без істотных прычын.³⁷ Выказвалася меркаванне, што яны перабеглі да партызан. Раследаванні штабаў, служб бяспекі і чыгуначнай паліцыі ўвесь час праходзілі безвынікова.³⁸

Акупацыйныя ўлады падкрэслівалі, што ў большасці выпадкаў адсутнасць дысцыпліны спрыяла партызанскім акцыям. Сярод парушэнняў часцей за ўсё называлася ўжыванне алкаголю, небяспечнымі лічыліся зносіны з мясцовымі, асабліва з жанчынамі. На вытворчых сходах акцэнтавалася ўвага на магчымай небяспецы.³⁹

Паражэнні на франтах Вялікай Айчыннай вайны, а таксама аперацыі партызан па зрыве мерапрыемстваў акупацыйных улад уносілі свае карэктывы ў намеры выкарыстання працы мясцовага насельніцтва. Работнікі вельмі часта станавіліся сувязнымі ці давалі партызанам і падпольшчыкам неабходную інфармацыю. Германскія службы контрразведкі накіравалі 3 студзеня 1944 г. у Галоўную чыгуначную дырэкцыю «Мінск» данясенне з характарыстыкай выпадкаў супрацоўніцтва з партызанамі і рэкамендацыямі адносна выкарыстання працы мясцовага насельніцтва на чыгунцы. Абгрунтавалася неабходнасць абмежавання доступу мясцовых рабочых да дакументацыі, узмацнення кантролю за іх паштовымі адпраўленнямі. Частымі былі выпадкі выкарыстання жанчын у якасці партызанскай агентуры. Сцвярджалася, што савецкія жанчыны, асабліва інтэлігентных прафесій –

³²НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 654. Арк. 38, 39, 42–44, 47–68.

³³Там жа. Спр. 577. Арк. 9–13.

³⁴Там жа. Спр. 591. Арк. 70–72 адв.

³⁵Там жа. Арк. 45.

³⁶Там жа. Спр. 622. Арк. 1, 4, 11, 19.

³⁷Там жа. Спр. 191. Арк. 184–184 адв.

³⁸Там жа. Спр. 586. Арк. 9–10.

³⁹Там жа. Спр. 1020. Арк. 2.

настаўніцы, урачы, інжынеры, – часцей за ўсё з’яўляюцца заўзятымі камуністкамі, таму на іх трэба звяртаць пільную ўвагу. Падкрэслівалася неабходнасць пры перамяшчэннях паблізу лініі фронту ці тэрыторыі партызан трымаць наготове зброю, не хадзіць па адным, пазбягаць тых жа дарог і часу паездкі, узмацніць ахову кватэр. Асобная ўвага звярталася на магчымыя падробкі бланкаў і пячаткаў⁴⁰. Недапушчальнымі былі агульныя фотаздымкі рускіх і нямецкіх чыгуначнікаў, бо такім чынам раскрывалі сакрэтных агентаў, таксама загадвалася трымаць наготове гаручае для своечасовага знішчэння дакументаў. Прадпісвалася пільна сачыць і ахоўваць тэхнічныя збудаванні, кухні, падвальныя памяшканні, шахты для загрузкі вугалю⁴¹.

Наяўныя матэрыялы крыніц калекцыі дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» даюць фрагментарную інфармацыю адносна праблемы выкарыстання мясцовага насельніцтва на прадпрыемствах акупаванай Беларусі. Масіў факталагічнай інфармацыі з цяжкасцю паддаецца абагульненню і генералізацыі, але дазваляе зрабіць пэўныя высновы, якія маюць у тым ліку і канцэптуальны характар. Акупацыйныя ўлады надавалі выключнае значэнне пытанням здабыцця падтрымкі насельніцтва Беларусі. З гэтай мэтай распрацоўваліся дырэктывыя дакументы, інструкцыі, цыркуляры, аналізаваліся настроі і працоўны патэнцыял мясцовых работнікаў і ваеннапалонных. Акупанты разумелі, што германскія планы на ўсходзе, як і сама перамога ў вайне, у значнай ступені залежаць ад стаўлення да іх мясцовага насельніцтва. Першапачатковыя намеры выключна жорсткага выкарыстання амаль бяспраўных мясцовых работнікаў хутка сутыкнуліся з рэчаіснасцю. Акупацыйная адміністрацыя звярталася да іншых сродкаў заахвочвання і павышэння прадукцыйнасці працы мясцовых работнікаў. Акрамя рэпрэсіўнага ўздзеяння і аргані-

зацы сістэмы кантролю, ставіліся пытанні забеспячэння прадуктамі, стварэння пэўных сацыяльных гарантый, праводзіліся мерапрыемствы, накіраваныя на павелічэнне прадукцыйнасці і стымуляванне працы: надбаўкі да заробтнай платы, прэміяльныя, здзельная аплата працы, узнагароджанні, выдача прадуктаў і далікатэсаў, дабрачынная дзейнасць і дапамога сем’ям супрацоўнікаў. Але ва ўмовах уздзеяння партызанскіх фарміраванняў гэтыя захавы не давалі асаблівых вынікаў. Акупацыйныя ўлады рэгулярна адзначалася нізкае жаданне працаваць і ўцёкі мясцовых рабочых да партызан. Уплыў апошніх быў асабліва моцным у сельскай мясцовасці, гэта значна змяншала магчымасці выкарыстання мясцовых рабочых, попыт на якіх у гады германскай акупацыі Беларусі заўсёды заставаўся вельмі высокім.

Дакументы Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» змяшчаюць унікальную інфармацыю, якая дазваляе істотна пашырыць факталагічную базу даследаванняў перыяду акупацыі Беларусі. Увядзенне ў навуковы зварот новых крыніц дазваляе паставіць тэарэтычныя пытанні адносна навуковых схем і падыходаў да аналізу акупацыйнага перыяду. Неабходна дапоўніць ранейшыя канцэптуальныя ацэнкі выкарыстання германскімі акупацыйнымі ўладамі працы мясцовага насельніцтва як прымусовай рабскай працы новым падыходам, заснаваным на характарыстыцы штодзённых вытворчых узаемаадносін у акупаванай Беларусі. Выкарыстоўваючы ўведзеныя ў навуковы зварот крыніцы, а таксама сучасныя метадалагічныя падыходы, варта аналізаваць стратэгіі выжывання насельніцтва Беларусі ва ўмовах акупацыі. Інфармацыя трафейных германскіх дакументаў ставіць перад даследчыкамі пытанні аб умовах выжывання мясцовых работнікаў на іншых прадпрыемствах, у іншых сферах працы і асобных рэгіёнах акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кнатько ГД, Адамушко ВИ, Бондаренко НА, Селеменев ВД. *Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование*. Минск: НАРБ; 2001. 335 с.
2. Літвін АМ, рэдактар. *Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)*. Мінск: Медисонт; 2010. 210 с.
3. Літвін АМ, Грэбень ЯА, Новікаў СЯ. *Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі, 1941–1945 гг.* Мінск: Тесей; 2010. 581 с.
4. Гребень ЕА. *Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.)*. Минск: БГАТУ; 2016. 496 с.
5. Herbert U. *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Bonn: Verlag J. H. W. Dietz; 1999. 589 S.
6. Spoerer M. *Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939–1945*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt; 2001. 229 S.
7. Gerlach C. *Kalkulierte Morde. Die Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. 2 Auflage*. Hamburg: Hamburger Ed.; 2000. 1232 S.
8. К’яры Б. *Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944)*. Мінск: [б. в.]; 2008. 389 с.

⁴⁰НАРБ. Ф. 378. Воп. 1. Спр. 1011. Арк. 45.

⁴¹Там жа. Арк. 46.

References

1. Knat'ko GD, Adamushko VI, Bondarenko NA, Selemenov VD. *Belorusskie ostarbaitery: istoriko-analiticheskoe issledovanie* [Belarusian ostarbeiters: historical and analytical research]. Minsk: National archives of the Republic of Belarus; 2001. 335 p. Russian.
2. Litvin AM, editor. *Raznjavolenaja pamjac'. Prymusovaja praca belaruskich gramadzjan na akupavanaj tjerytoryi Belarusi (1941–1944 gg.)* [Liberated memory. Forced labour of Belarusian citizens in the occupied territory of Belarus (1941–1944): collection of scientific articles]. Minsk: Medisont; 2010. 210 p. Belarusian.
3. Litvin AM, Greben' YaA, Novikov SYa. *Vjartanne w rabstva: prymusovaja praca nasel'nictva Belarusi, 1941–1945 gg.* [Return to slavery: forced labour of the population of Belarus, 1941–1945]. Minsk: Theseus; 2010. 581 p. Belarusian.
4. Greben' EA. *Grazhdanskoe naselenie Belarusi v usloviyakh nemetskoj okkupatsii (1941–1944 gg.)* [The civilian population of Belarus under the conditions of German occupation (1941–1944)]. Minsk: Belarusian State Agrarian Technical University; 2016. 496 p. Russian.
5. Herbert U. *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Bonn: Verlag J. H. W. Dietz; 1999. 589 S.
6. Spoerer M. *Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939–1945*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt; 2001. 229 S.
7. Gerlach C. *Kalkulierte Morde. Die Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944*. 2 Auflage. Hamburg: Hamburger Ed.; 2000. 1232 S.
8. Chiari B. *Shtodzjonnasc' za linijaj frontu. Akupacyja, kalabaracyja I supraciw u Belarusi (1941–1944)* [Everyday life behind the front line. Occupation, collaboration and resistance in Belarus (1941–1944)]. Minsk: [publisher unknown]; 2008. 389 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.06.2019.
Received by editorial board 11.06.2019.

УДК 94(476)«1941/1944»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Н. МАКСИМЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена одной из ключевых проблем в организации и развитии партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны – продовольственному обеспечению. На основе опубликованных и архивных документов анализируются источники снабжения партизан продовольствием, рассматриваются аспекты взаимоотношений местного населения и партизан, роль белорусского штаба партизанского движения и партийных органов в организации продовольственных поставок.

Ключевые слова: партизанское движение; гражданское население; продовольственные поставки; продукты питания; хозяйственные базы; трофейные продукты; посылки из тыла.

ХАРЧОВАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ САВЕЦКІХ ПАРТЫЗАН У БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

А. М. МАКСИМЧЫК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны адной з ключавых праблем у арганізацыі і развіцці партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны – харчоваму забеспячэнню. На аснове апублікаваных і архіўных дакументаў аналізуюцца крыніцы забеспячэння партызан харчаваннем, разглядаюцца аспекты ўзаемаадносін мясцовага насельніцтва і партызан, роля Беларускага штаба партызанскага руху і партыйных органаў у арганізацыі харчовых паставак.

Ключавыя словы: партызанскі рух; грамадзянскае насельніцтва; харчовыя пастаўкі; прадукты харчавання; гаспадарчыя базы; трафейныя прадукты; пасылкі з тылу.

PROVISION OF FOOD OF SOVIET PARTISANS IN BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. N. MAKSIMCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to one of the main problem in the organization and development of the guerrilla movement in the territory of Belarus during the Great Patriotic War. This is a problem provision of food. On the basis of published and archival

Образец цитирования:

Максимчик АН. Продовольственное обеспечение советских партизан в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:26–37. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-26-37>.

For citation:

Maksimchik AN. Provision of food of Soviet partisans in Belarus during the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:26–37. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-26-37>.

Автор:

Андрей Николаевич Максимчик – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrey N. Maksimchik, PhD (history); associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history. forest_child@list.ru

documents, sources of supply of partisans with food are analyzed, aspects of relations between the civilians and partisans, the role of the Belarusian headquarters of the guerrilla movement and Soviet party authorities in the organization and supply of partisans are considered. The main role in providing partisans with food belonged to civilians. In addition to mutually beneficial cooperation between partisans and the local population, there were frequent cases of confrontation, which did not contribute to the formation of trusting relations, often led to violence and killings. Prevention and suppression of looting, robbery and coercion by partisans was an intractable problem for guiding the partisan movement throughout the entire period of occupation.

Keywords: guerrilla movement; civilians; food supply; foodstuffs; food bases; trophy food; packages from rearward.

Введение

На протяжении всего периода оккупации территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны советские партизанские отряды и бригады помимо диверсионной и разведывательной работы ежедневно сталкивались с проблемой обеспечения продовольствием. Необходимо признать, что от успешного решения данной проблемы во многом зависела эффективность боевой деятельности народных мстителей. Вопрос: из каких источников снабжать партизан? – всегда был в центре внимания руководства партизанского движения. При этом какие бы варианты ни предлагались для его решения в сложных условиях войны, командование отрядов всегда старалось исходить из соображений строгого соблюдения принципов советского законодательства, которые, по обоснованному мнению известного комбрига, Героя Советского Союза В. З. Коржа, позволяли выстраивать основу для дальнейшего успешного развития партизанского движения [1, с. 122].

Следует подчеркнуть, что в историографическом плане проблема продовольственного обеспечения советских партизан в настоящее время условно находится на противоположных взаимноисключающих полюсах оценки данного процесса: от бесконфликтного и добровольного участия местного населения в снабжении партизан продовольствием до насильственной и принудительной конфискации продуктов питания партизанами у мирных жителей. В советской историографии отчетливо проводилась мысль о всесторонней поддержке партизан местным населением (в том числе и продовольствием), помощь жителей была «бескорыстной, шла от всего сердца и на основе добровольности» [2, с. 23]. Соблюдение этого тезиса ясно прослеживается в отборе документов, которые публиковались в тематических сборниках [3–6]. Конфликтные ситуации во взаимоотношениях партизан и местного населения, которые, разумеется, имели место, игнорировались, поскольку партизанское движение являлось табуированной, а оттого и однобокой темой, находившейся вне критики. Какое-либо сомнение в правомерности действий советских партизан на оккупированной территории Беларуси, вообще сколько-нибудь негативное отношение к партизанской войне делали

человека очернителем священной памяти павших героев.

Подобный подход, несмотря на открывшийся в 1990-х гг. доступ к ранее засекреченным архивным документам, имеет место и в настоящее время. Попытки более объективного взгляда на событийную картину советского партизанского движения на территории Беларуси носят косметический характер, существенно не влияя на основополагающие результаты предшествующего периода исторической науки [7]. Острые моменты во взаимоотношениях партизан и местного населения, как правило, подаются расплывчато, сглаживаются путем включения в текст исследования отдельных абзацев, в которых подчеркивается, что руководство партизанского движения в центре и на местах прилагало усилия по борьбе с мародерством со стороны партизан, принимало соответствующие документы, проводило разъяснительную работу с личным составом отрядов и бригад, вело пропаганду среди местного населения по продвижению положительного образа советского партизана, который дискредитировался, с одной стороны, оккупационными властями, а с другой – действиями самих партизан, применявших различные формы принуждения по отношению к населению [8, с. 95, 99, 105–106]. Во многом причина такой исследовательской «робости» сопряжена с тем, что события Великой Отечественной войны вмонтированы в историческую часть государственной идеологии Республики Беларусь, которая априори не может иметь деструктивный характер и служить фактором раскола в обществе. Опять же, это хорошо можно продемонстрировать на примере опубликованных сборников документов, посвященных партизанскому движению на территории Беларуси в годы войны, в которых не приведены сведения, указывающие на негативные проявления со стороны партизан по отношению к местному населению [9–11]. Вместе с тем в современной историографии имеется ряд работ, в которых партизанское движение рассматривается под другим углом. В преобладающем большинстве это исследования зарубежных историков, которые фокусируют внимание на сложных и конфликтных взаимоотношениях между партизанами и местным населением Беларуси [12–16]. При этом они практически игнорируют и (или)

не всегда обоснованно критикуют своих «робких» коллег, их выводы и наработки. В отношении продовольственного обеспечения партизан указанные авторы отдают предпочтение таким понятиям, как конфискация, насильственный отбор продуктов питания и одежды. Следует обратить внимание на то, что тексты исследований, посвященных именно этому вопросу, составлены на основе одних и тех же архивных фондов, к которым обращаются историки разных взглядов и подходов. Однако если одни умышленно не используют в своей работе документы, в которых содержится дискредитирующая пар-

тизан информация, то другие, опять же умышленно, работают только с ними. В результате это приводит к тому, что партизанское движение в исследованиях объективно не выдерживает принципа золотой середины (в качестве исключения можно привести работы белорусского исследователя Е. Я. Павловой [17–19]). Таким образом, в статье предпринята попытка совместить оба документально обеспеченных подхода к проблеме продовольственного обеспечения советских партизан на территории Беларуси для выстраивания критически выдержанной картины исторического прошлого.

Результаты и их обсуждение

В годы войны организация снабжения советских партизан всем необходимым была возложена на отдел материально-технического обеспечения Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). Этот отдел занимался поставкой для партизан вооружения, боеприпасов, инженерно-технического имущества, обмундирования и продовольствия. До его образования эту функцию выполняли оперативные группы (северо-западная и западная), организованные при фронтах ЦК КП(б) Беларуси 20 марта 1942 г. В их расположение партизаны приходили из-за линии фронта для получения оружия, боеприпасов и других видов довольствия. Получив все необходимое, они уходили обратно в тыл противника. Для прохода партизан-одиночек и групп в целях доставки в тыл врага оружия, боеприпасов и продовольствия был использован имевшийся разрыв линии фронта в районе Сураж – Витебск (февраль – сентябрь 1942 г.). Привезенное имущество концентрировалось в 1-й Белорусской бригаде Витебской области (командир – М. Ф. Шмырев)¹. Здесь оно распределялось среди партизанских групп и отрядов с последующим направлением по назначению. Всего до сентября 1942 г., т. е. до образования БШПД, оперативными группами было выдано 185 466 суточных пайков [6, с. 659–660]. При этом в 1941 г. для отправки в тыл противника было выделено 103 896 пайков, в 1942 г. – 44 200. Помимо этого, в 1942 г. суточные пайки были выданы для партизан, вышедших из тыла противника в опергруппы, – 32 800, а также для оказания помощи продовольствием членам семей партизан – 4570 пайков. Итого за 1942 г. – 81 570 суточных пайков. В последующие годы количество пайков возросло и в 1943 г. составило 84 260, а в 1944 г. – 425 456 единиц². Пребывавшие временно по служебным командировкам в распоряжении БШПД партизаны (командиры и начальники штабов бригад) обеспечивались по суточным нормам, которые предполагали: 1) сухари ржаные (500 г); 2) сало шпик или масло коровье (90 г); 3) кол-

баса или консервы мясные (150 г); 4) рыба или рыбные консервы (150 г); 5) сахар или конфеты (35 г); 6) печенье (20 г); 7) папиросы (25 шт.); 8) спички (1 кор.); 9) соль (30 г); 10) чай (2 г)³.

Не отрицая усилия БШПД в организации продовольственного обеспечения партизан, следует сказать, что этих поставок было явно недостаточно, и партизаны были вынуждены искать другие источники снабжения продуктами питания [16, с. 348]. Из отчета отдела материально-технического обеспечения БШПД о помощи советского тыла белорусским партизанам за период с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. видно, к каким именно способам активно прибегали партизаны: «Так, например... обмундированием и продовольствием партизаны обеспечивали сами себя за счет того, что было оставлено или запрятано в лесах частями Красной Армии при отходе их вглубь нашей страны; частично за счет трофейного имущества, которое добывалось при нападении партизан на обозы и малочисленные гарнизоны противника; частично за счет воинских частей Красной Армии Западного фронта, куда партизаны приходили из-за линии фронта, приносили ценные разведывательные данные о противнике, а здесь получали оружие, боеприпасы и другие виды продовольствия» [6, с. 656].

Следует отметить, что с 1941 г. и до конца оккупации партизаны снабжались не только за счет мирного населения: они захватывали трофеи в результате разгрома обозов, складов и гарнизонов противника; некоторые продукты питания заготавливали на своих хозяйственных базах (занимались охотой, ловлей рыбы, сбором пригодных в пищу растений, грибов и ягод) [8, с. 94]. Кроме того, партизаны иногда получали посылки с продовольствием из советского тыла [20].

Из документов также известно, что некоторые отряды и группы, формировавшиеся в восточных районах БССР, в связи с приближением линии фронта успевали создавать свои продовольственные

¹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 87. Л. 6.

²Там же. Л. 103.

³Там же. Л. 76.

базы на еще не занятой противником территории. Однако эти базы не могли удовлетворить растущих потребностей партизан. Как вспоминали руководители партизанского движения на территории Полесской области С. В. Маханько и С. А. Прокопчик, уже в августе 1941 г. «наша жизнь стала трудной и невеселой. Начались перебои в питании, не было хлеба, жили на одном чае. По ночам стали ходить в деревни за хлебом. Это были очень рискованные вылазки, так как в то время во всех деревнях стояли гитлеровцы или полиция» [21, с. 297]. Порой партизаны вынужденно отрывались от созданных ими продовольственных баз, в ряде случаев базы попадали в руки предателей или оккупационных властей. В непростой ситуации оказывались диверсионные группы, которые направлялись в тыл противника. Они обеспечивались 5-дневным сухим пайком (сухари, сахар, консервы, колбаса, соленая рыба)⁴, а дальше должны были самостоятельно находить провиант. Исследователь А. И. Залесский отмечал, что созданных продовольственных баз по причине постепенного роста отрядов за счет попавших в окружение красноармейцев и брошенных в тыл противника десантных отрядов было недостаточно, «даже если бы удалось все их использовать» [2, с. 17].

Расширение партизанского движения и активизация боевой деятельности партизан на оккупированной территории Беларуси, а также удаление линии фронта на восток требовали от командования поиска местных источников снабжения. К слову, такая же задача стояла и перед оккупационными властями. Первую зиму войны партизаны использовали для питания ресурсы колхозов [19, с. 108], а также проводили реквизиции на территории так называемой госсобственности или у семей, сотрудничавших с захватчиками, с целью воспрепятствовать регулярному снабжению оккупационных властей [17, с. 89]. Это дало возможность организовать планомерное продовольственное обеспечение. Секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б И. Д. Варвашеня писал: «Совместно с Далидовичем (командиром отряда имени Е. Д. Горбачева Минской области. – А. М.) решили создать на острове Зыслав, расположенном среди болота, зимний запас продуктов – жиров, муки, сухарей, соли – и подготовить землянку. Продукты брали в совхозах и на колхозных фермах, где имелись запасы, и по болоту на плечах, по пояс в воде, переносили на остров. Запас продуктов делали на 100 человек, несмотря на то, что наша группа состояла из 23 человек. Население очень сочувственно относилось к партизанам. Местные жители выпекали для нас хлеб, сушили сухари и помогали одеждой» [21, с. 119]. Особое внимание в снабжении продовольствием было обращено на передачу партизанам скота, который населению трудно было

скрыть от оккупационных властей. Жители резали свиней, овец, снабжая партизан мясом, угоняли в лес коров. Помимо собственного обеспечения продовольствием, партизаны в 1942 г. для нужд Красной Армии через разрыв линии фронта переправляли в тыл поголовье скота, зерно и фураж [16, с. 348]. Следует отметить, что скот и зерно изымались у местного населения и в интересах оккупационных властей, а затем вывозились в Германию [19, с. 109]. Так, зимой 1941/42 гг. только в один прием по Лоевскому району было изъято 1800 голов крупного рогатого скота и отправлено в Германию [9, с. 183]. Однако ресурс колхозов и работавших на немецкую администрацию государственных имений был ограниченным, поскольку зачастую советские партизаны уничтожали эти объекты во время боевых операций [15, с. 81].

Перебои в снабжении продуктами питания стали проявляться уже с зимы 1941–1942 гг., а весной 1942 г. усилились в связи с притоком местного населения в партизанские отряды и бригады. Командир отдельного партизанского отряда имени Л. П. Берии Минской области С. А. Ваупшасов отмечал: «Запасы хлеба и продовольствия подходили к концу. Мы устраивали на дорогах засады, ожидая обоза противника; наши связные просачивались в деревни, занятые немцами, но там продовольствия достать было нельзя» [22, с. 278]. Наиболее ярко трудности по заготовке продуктов питания, возникавшие на протяжении всей войны, можно продемонстрировать на примере 8-й Рогачевской партизанской бригады (Рогачевской военно-оперативной группы) Гомельской области. В ее материалах сохранился один очень интересный документ, который следует привести целиком:

«В каждом отряде и полку был помощник командира отряда по хозяйственной части, в батальонах и ротах – старшины. Главной задачей их была организация продовольственного снабжения. До лета 1942 г. в основном питались, особенно мясом, за счет гарнизонов и семей полицейских. Хлеб и картофель собирали со всего населения, кроме семей партизанских (их к этому времени уже полностью ограбила полиция), красноармейских и других семей, которые были материально плохо обеспечены. С лета 1943 г. продовольственное положение стало усложняться. Гарнизоны были усилены и стали осторожней, семьи полицейских со всем своим имуществом скрывались в гарнизонах. Кроме того, численность личного состава бригады увеличилась, и требуемое количество продовольствия возросло. Пришлось брать скот и у семей, которые не имели отношения к полиции, и проводить более обширные организованные заготовки продовольствия. Осенью 1943 г. бригадой в Рогачевском районе проведены плановые заготовки хлеба и картофеля,

⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 65. Л. 34.

и весь сбор запрятан в лесах. Это мероприятие население активно поддерживало. Согласно разверстке на деревню, все было собрано и доставлено в назначенные пункты самим населением. Крупного рогатого скота с осени 1943 г. почти не осталось. Там, где его оставили партизаны, угнали немцы.

Вопрос обеспечения мясом стал перерастать в проблему. В конце ноября 1943 г., как сказано выше, обстановка заставляла бригаду перейти в Кличевские леса. Все заготовленное продовольствие переправить через сильно укрепленное шоссе Могилёв – Бобруйск было невозможно, и здесь бригада начала испытывать большие продовольственные трудности. Эти трудности усугублялись тем, что по воле Кличевского партизанского командования установилось неправильное взаимоотношение между партизанами разных бригад. Командир Кличевской военно-оперативной группы (Кличевской бригады) Изох (Игнат Зиновьевич. – А. М.) приказал своим подчиненным обезоруживать и не давать картофеля, сена и вообще ничего из продовольствия и фуража в деревнях Кличевского района партизанам других районов. В невылазную грязь и абсолютное бездорожье (такое бездорожье стояло до половины зимы) при недостатке транспорта приходилось ездить за картошкой за 40–50 км. При таких условиях полностью обеспечить личный состав одной только картошкой было невозможно. Хлеба не было, а соль и до этого уже была редким гостем. Это вызывало значительное недовольство бойцов и командиров и порождало много конфликтов партизан нашей бригады с партизанами бригады Изоха. Недовольство возникло потому, что в населенные пункты, в которых Изох запрещал нам брать картошку (Кличев, Биодо, Ковеза и др.), врываются немцы и уничтожали ее.

Особенно большие трудности с продовольствием бригада переживала начиная с февраля 1944 г. Люди питались одной несоленой картошкой, которой также не хватало вволю. Лошадиное мясо употреблялось не каждый день, так как поголовье лошадей подходило к концу. Убивали на мясо тех лошадей, которые выходили из строя и не могли быть больше использованы для перевозки картошки. В мае месяце 1944 г. продовольственная трудность заставляла нас просить Могилёвский обком разрешить передислоцироваться в район к северу от шоссе Могилёв – Минск. Санкция была получена, и бригада вышла в Круглянский, Крупский и Борисовский районы. Здесь с боями из гарнизонов взяли 137 коров, 8 овец и около 200 лошадей. Положение сразу улучшилось, и 28 июня 1944 г. соединились с Красной Армией»⁵.

При этом данную ситуацию не следует обобщать на всю территорию Беларуси. Так, командир соединения партизанских отрядов Гомельской области

генерал-майор И. П. Кожар отмечал, что «по мере роста симпатии населения к партизанам росла и поддержка населения партизан продуктами, разведанными и т. д. Немногочисленные партизанские отряды осенью и зимой ощущали очень большие затруднения с продуктами, но уже с весны 1942 г. значительно возросшие партизанские отряды неплохо были обеспечены продуктами питания и до конца партизанской войны, т. е. до 16 ноября 1943 г., дня соединения с Красной Армией, нужды в хлебе, картофеле, овощах, мясе не ощущали» [9, с. 183]. На этот факт обращают внимание в своих работах исследователи А. Бракель, З. Бородин и Б. Мусял [14, с. 328; 15, с. 81; 16, с. 354]. Бесперебойное питание партизан обеспечивалось за счет активной работы подпольных партийных организаций и руководителей партизанских отрядов, которые обращались к мирным жителям с призывами оказывать всемерную помощь партизанам в обеспечении продовольствием. В некоторых местах население давало специальные письменные обязательства по снабжению партизан продуктами питания. Эта мера нашла свое отражение в книге С. А. Ваупшасова «Партизанская хроника», где он описал собрание по вопросам продовольственного обеспечения в д. Переселки. Чтобы создать у партизан уверенность в том, что они и в дальнейшем будут получать необходимую помощь, крестьяне давали командиру и комиссару отряда расписки-обязательства, в которых обещали передавать им определенное количество продуктов питания [22, с. 280, 282], при этом сами крестьяне, как правило, руководствовались тем, что переход на организованный сбор продовольствия являлся фактором сдерживания грабежей со стороны недисциплинированных партизан, которых старались за такие нарушения серьезно наказывать [17, с. 90].

Необходимо подчеркнуть, что именно местное население сыграло ключевую роль в снабжении партизан продуктами питания. И. П. Кожар в докладной записке в БШПД об обстановке и организации партизанских отрядов в южной группе районов Гомельской области отмечал, что «безукоризненное отношение к местному населению облегчило переход партизан на “подножный корм”, так как продовольственные базы иссякли в октябре – ноябре месяце [1942 г.]» [10, с. 63].

Распространенным явлением было питание партизан в домах местных жителей. Но в силу различных обстоятельств эти контакты не всегда могли открыто осуществляться на территории самих населенных пунктов, а зачастую партизаны вообще не имели возможности посетить ту или иную деревню. Местное население, оказывая помощь партизанам, подвергало свою жизнь опасности. Распространенной практикой было посещение расположения партизанского отряда крестьянами, которые приносили

⁵НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 252. Л. 156.

в лес продукты питания. В ряде случаев поставки продовольствия имели бесперебойный характер, даже во время блокад партизанских отрядов и бригад. Так, в одном из отчетов о боевой деятельности 1-й Гомельской партизанской бригады указывалось, что когда она была блокирована войсками противника в чечерских лесах, то население носило сюда хлеб и кормило разрозненные группы партизан [2, с. 31]. Помощь партизанам продуктами питания нашла свое отражение и в фольклоре:

Партызаны ў лясу –
Я абедаць ім нясу:
Хлеба, яблык, агурцоў
І махоркі для курцоў [23, с. 409].

Командир 99-й Калининградской партизанской бригады К. М. Бакун вспоминал, что большую поддержку в обеспечении продовольствием и одеждой, а также в сборе разведанных и вооружения партизаны получали от населения Калининковского, Мозырского и Василевичского районов. «В какую бы деревню ни зашли партизаны, везде их принимали как родных. Крестьяне помогали нам создавать запасы продовольствия, хлеба и мяса. Так, в сентябре 1942 г. в районе деревни Ужинец при их помощи мы засыпали в специальные, хорошо замаскированные хранилища-ямы около 50 тонн зерна» [21, с. 32]. С развитием партизанского движения в большей мере возрастала потребность в сельскохозяйственных продуктах. Поэтому руководители партизанских краев и зон вынуждены были переходить к такой организации заготовок продовольствия, которая предполагала бы планомерное и регулярное снабжение отрядов продуктами питания. В ходе борьбы против оккупантов многие партизанские отряды и соединения вынуждены были временно концентрироваться на территории тех или иных партизанских краев, а потом снова рассредоточиваться на более обширной территории, совершать рейды, переходя из одного партизанского края в другой. В каждом районе встречались и постоянно здесь находившиеся, и временно останавливающиеся по пути своего движения группы партизан. Постоянная или временная концентрация партизанских сил на одной территории создавала потребность в продуманной системе снабжения сельскохозяйственными продуктами [2, с. 33]. Все это предполагало проведение заготовок продуктов по типу довоенных поставок.

Поскольку возникла такая необходимость, подпольные партийные организации, органы советской власти партизанских зон и партизанское командование стали проводить в тылу противника соответствующую работу. Первые серьезные меры к осуществлению организованных поставок сельскохозяйственных продуктов стали принимать-

ся уже в 1942 г. Для подготовки партизанских отрядов к боевым действиям зимой 1942–1943 гг. и создания для этого необходимых материальных баз ЦК КП(б)Б и Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) в августе 1942 г. разработали и разослали директивные указания командирам отрядов. В этих документах перед ними ставились следующие задачи: заготовка продовольствия на зиму; сбор теплой одежды; организация складских хранилищ в местах, недоступных для противника, и т. д.⁶ Сенненский подпольный райком КП(б)Б Витебской области 24 июля 1943 г. постановил: «...выделить проверенных командиров и партизан для подготовки тайников и их наполнения, обеспечив полную конспирацию мест нахождения тайников и сохранность в них продуктов; немедленно приступить к изготовлению и сбору тары: мешков, бочек, ящиков и др., а также к оборудованию тайников; в период уборки урожая своевременно организовать заготовку зерна: ржи, пшеницы, ячменя, овса и других культур. Своевременно обеспечить сушку и хранение сухарей, а также засолку в осеннее время мяса, капусты и т. д.» [5, с. 37]. А 18 сентября 1942 г. вышло постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мерах по созданию продовольственных баз для партизанских отрядов в Витебской области за 1942 г.». В частности, в нем говорилось: «1) в целях создания необходимых запасов продовольствия для обеспечения партизанских отрядов разрешить Витебскому облисполкому и обкому КП(б)Б в прифронтовых районах в тылу противника (Меховском, Сурожском, Городокском, Полоцком и других районах) на строго добровольных началах провести в колхозах и среди крестьян отчисление зерновых и других культур в фонд обороны; 2) все сельскохозяйственные продукты, сдаваемые колхозами и крестьянами в счет фонда обороны, использовать для создания продовольственных баз партизанских отрядов; 3) рекомендовать партизанским отрядам для создания продовольственных баз: а) полностью использовать урожай на брошенных огородах; б) организовать сбор и переработку грибов и ягод (в особенности клюквы), а также переработку и засолку сельскохозяйственных продуктов непосредственно в партизанских отрядах» [3, с. 296–297]. Для полноты картины заготовки партизанами продуктов у местных жителей следует обратить внимание на случаи, когда население, несмотря на предварительные договоренности, пыталось избежать сдачи продовольствия по разным причинам [17, с. 90]. И. П. Кожар отмечал, что «бывали нередко случаи, когда многие из крестьян даже не желали встречаться с партизанами, закрывали дверь на запор и не впускали в хату», поскольку боялись наказания со стороны оккупационных властей за оказание партизанам помощи продуктами и одеждой [10, с. 133].

⁶НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 87. Л. 11.

В последующем осуществление организованных заготовок сельскохозяйственных продуктов было продолжено. ЦК КП(б)Б 14 августа 1943 г. принял постановление «Об урожае 1943 г.», в котором указывалось, что заготовка хлеба для нужд партизанских отрядов и бригад на зиму должна вестись с опорой на поддержку населения, не допускалось администрирование в этом вопросе по отношению к крестьянам. ЦК КП(б)Б неслучайно строго предупреждал руководителей партизанского движения в районах, чтобы они были весьма осторожны в изыскании продовольствия за счет населения, поскольку оккупационные власти неоднократно пытались ночными налетами на деревни под видом партизан дискредитировать народных мстителей в глазах мирных жителей. «С таким явлением мы столкнулись, например, в Кривичском районе, – отмечал комбриг И. Ф. Титков. – Крестьяне из деревень Слобода, Сивцы и Бубны прислали к нам своих ходяков с жалобой, что, дескать, житья нет от ночных налетов партизан. Мы отправили туда кавалеристов, и они поймали группу полицейских, которые, выдавая себя за народных мстителей из бригады “Железняк”, донимали население ночными грабежами» [24, с. 128–129].

В постановлении Толочинского райкома ЛКСМБ Витебской области от 30 августа 1943 г. «О подготовке к зиме партизанских отрядов» вторым пунктом подчеркивалась необходимость «разъяснить всем партизанам, что вся работа должна проходить на началах строгого сохранения советских принципов законодательства. Ни в коем случае не нарушать революционную законность военного времени. Не допускать случаев насильственных изъятий и мародерства, разбазаривания и присвоения вещей для [себя] лично» [5, с. 146]. Аналогичный приказ о правилах проведения хозяйственных операций был разработан для партизанского соединения Гомельской области. В четвертом параграфе указывалось, что «присвоение любой вещи кем бы то ни было из партизан рассматривается как грабеж, и виновных в этом строго наказывать» [10, с. 250]. Командирам и комиссарам отрядов было разрешено расстреливать на месте лиц, совершавших мародерство, произвол и насилие по отношению к мирным гражданам. Следует подчеркнуть, что к 1943 г. партизанский состав стал неоднородным. Это было связано с тем, что началось массовое вступление в отряды разных слоев населения, в том числе и бывших полицейских. Среди таких элементов наблюдались иногда случаи мародерства. В рукописном журнале рогачевских партизан по данному вопросу было записано: «Под видом хозоперации такие люди трясли сундуки, вымогали самогон, громили ульи с пчелами, брали ненужные в партизанском отряде

предметы, угрожали оружием и т. д. С мародерами расправа была короткая, партизанский суд был суров, за мародерство расстреливали. Так, например, в 265-м отряде за мародерство по приговору общественного партизанского суда были расстреляны мародеры Куцаков и др.»⁷. Случаи насильственного изъятия партизанами одежды и продуктов питания у населения, несмотря на жесткие меры наказания, были характерны для многих районов Беларуси. Местным жителям трудно было провести различие между криминальными и политически мотивированными действиями партизан, поэтому понятия «бандит» и «партизан» в ряде случаев выступали синонимами. Историк Э. Габерер отмечает, что «даже в 1944 г. общественный образ партизан как бандитов сохранялся, поскольку ни кампании политпросвещения, ни “партизанские суды”, ни даже смертные приговоры не искоренили “бандитизма”» [13, с. 227]. Об этом на конкретных примерах говорят также исследователи А. Бракель, З. Бородин и Б. Мусял [14, с. 325–326; 15, с. 82–83; 16, с. 350–352].

Однако в целом постановление «Об урожае 1943 г.» и ряд других аналогичных документов ЦК КП(б)Б и БШПД отразили сложившуюся тогда обстановку в обеспечении партизан продуктами питания. Сдача продуктов имела характер реквизиции, что мотивировалось законными потребностями государства [17, с. 90]. Организованные и регламентированные поставки продовольствия были широко распространены во всех областях Беларуси. Между партизанскими отрядами были распределены зоны для заготовок продуктов, что позволяло не допустить неорганизованного снабжения или чрезмерного отягощения поставками отдельных населенных пунктов. В целях поддержания порядка при заготовительных операциях личный состав комендантских взводов имел право применить к нарушителям оружие. Были случаи, когда между партизанами разных бригад во время заготовок происходили перестрелки [8, с. 97]. Важнейшим элементом организованности в проведении поставок являлись нормы сдачи сельскохозяйственных продуктов каждым крестьянским двором. В зависимости от места, времени и других конкретных условий нормы поставок продовольствия были разными [8, с. 97]. Существовали также нормы сдачи скота и шерсти, а в ряде районов и молока. Местное население снабжало партизан и табаком, в котором они тогда испытывали острую нужду. Иногда в виде поставок сдавали даже ягоды и грибы, на которые партизаны через своих людей в немецких гарнизонах выменивали соль, табак, кожевенные товары [2, с. 41].

Дефицитным продуктом в годы войны являлась соль. Местные жители покупали ее у оккупантов, выменивали на различные продукты, пытались при

⁷Рогачевские партизаны в борьбе с немецкими захватчиками: рукописный партизанский журнал. 1944. Июнь. С. 10 // Белорус. гос. музей истории Великой Отеч. войны. КП № 15360.

этом обеспечить потребности партизан. Командир партизанской бригады «Железняк» И. Ф. Титков по этому поводу писал следующее: «Труднее всего было добывать соль. В этом продукте острую нужду испытывало и население. Дело в том, что оккупанты совершенно не завозили ее в захваченные районы. Имевшиеся там запасы соли они вывезли или отравили, чтобы она не попала в руки народных мстителей. Гитлеровцы даже пробовали засылать своих диверсантов с отравленной солью. Иногда в лесу находили целые мешки с такой солью, якобы сброшенные советскими самолетами на парашютах. В результате гибли люди, а также скот. В нашей бригаде пало несколько десятков коров, которые набрели на отравленную соль в лесу, возле речки Красногубка. Облегчение пришло, когда соль стала поступать из советского тыла» [24, с. 129].

Таким образом, снабжение партизан продовольствием за счет местных жителей осуществлялось в двух основных формах – организованными поставками сельскохозяйственных продуктов и повседневным, никем не регламентированным снабжением продуктами питания партизан, длительное время находившихся в населенных пунктах или вблизи них. Обеспечение продовольствием за счет средств местного населения представляло собой единственный вид снабжения партизан, организованный полностью в тылу врага.

Одной из форм обеспечения партизан продуктами питания был захват продовольствия у противника путем проведения засад, уничтожения гарнизонов и т. д. Это позволяло снять на время продовольственную нагрузку с местного населения. Так, в отчете командования партизанского отряда имени В. И. Чапаева бригады «За Советскую Белоруссию» Витебской области отмечалось следующее: «21 августа [1941 г.] отряд оперировал на шоссе Витебск – Бешенковичи. Разбит и уничтожен штаб полевой комендатуры, который следовал из Витебска на Бешенковичи. Уничтожено 22 офицера и 24 солдата, сожжено 9 автомашин с продовольствием, как то: консервами, шоколадом и спиртом. Взято 300 кг шоколада, 500 кг консервированного мяса, 100 кг сыра, 200 кг чечевицы» [3, с. 25].

Интересный случай произошел с партизанами отряда имени С. М. Кирова бригады имени П. К. Пономаренко Брестской области во время проведения боевой операции. В ночь с 28 на 29 марта 1943 г. диверсионной группой под командованием лейтенанта Кузнецова было ликвидировано рыбное хозяйство в имении Могилёвцы, разводившее зеркального карпа. В отчете о боевой деятельности комиссар отряда А. Ф. Почебутов записал: «Запоры шлюза вытащены и разбиты, и карп вместе с водой выпущен в р. Писаревка. Оставшийся в резервуаре карп около 1 ц взят на питание партизан. В резервуаре оставлен плакат с надписью на дощечке на русском и немецком языках: “Я, зеркальный карп,

воспитанник Советского Союза, люблю только советский народ и красных партизан. Ненавидя чужеземных захватчиков, немцев, я решил сегодня ночью частью стать продуктом питания партизан, а частью дезертировать из немецкой клетки на свободу. Пусть знают немецкие оккупанты, что мы, советские карпы, не будем служить продуктом питания для гитлеровцев. Зеркальный карп”» [4, с. 381].

Комиссар партизанского отряда «Большевик» Гомельской области Е. И. Барыкин в своем дневнике боевых операций за 4 июля 1942 г. записал: «В шесть часов появился катер с грузеной баржей. Обстреляли, мотор катера вышел из строя. Убит 1 немец, 4 русских работника катера и баржи ранены. О последнем немного жаль. Однако – пусть не служат фашистам. Лес рубят – щепки летят. 3 немца сбежали и скрылись в кустах, когда баржа и катер, потеряв управление, приплыли к противоположному берегу. Трофеи: 2 винтовки, 2 шинели, 2 куртки, 2 пары сапог. Содержимое баржи: 6 бочек масла сливочного, 26 ящиков яиц (по 1500 шт.), 100 тонн картофеля. Ребята утомились разгружать. Работали всю ночь и ворчат на немцев: “Задали работы”. Масло, яйца – все забрали, сколько можно было увезти, взяли картошки, остальное пошло ко дну...”» [21, с. 52].

Получаемые продукты питания партизаны не только съедали сами, но и отдавали нуждавшимся местным жителям. В докладной записке ответственного организатора Витебского обкома ЛКСМБ по Полоцкой зоне А. П. Жавнерко Витебскому обкому ЛКСМБ о положении в детском доме имени В. И. Ленина Ветринского района отмечалось, что «с ноября 1942 г. партизанский отряд “Смерть фашизму” бригады Тябута помогал детдому продуктами питания». А после того как сюда было направлено 120 детей из Полоцкого детского дома, «партизанский отряд “Смерть фашизму” бригады Тябута и отряд Комлева бригады Прудникова сразу оказали помощь детям. Отряд “Смерть фашизму” выдал 10 кг сухарей, послал к детям врачей, агитаторы провели собрания в колхозах и собрали детям немного одежды, закрепили деревни, которые дают молоко для детей, а также установили нормы продуктов для детей – хлеба по 400 г, мяса по 150 г в день на человека. И необходимое количество продуктов подвозят» [4, с. 200].

Продукты питания партизаны передавали и военно-армейским госпиталям. Так, 12 июля 1944 г. командиром хозяйственной роты партизанской бригады имени М. И. Калинина Минской области младшим лейтенантом Кривошеевым был составлен акт о передаче продуктов питания военному госпиталю № 5241, в котором указывалось, что «для улучшения питания раненым и больным офицерам и бойцам Красной Армии партизанская бригада им. Калинина передает две коровы. Одна из них дойная и одна для мяса. Кроме того, бригада передает 100 (сто) кг сухарей» [6, с. 533].

Партизаны не только брали готовые продукты у населения, добывали продовольствие у противника, но и прилагали усилия по переходу на собственное обеспечение путем строительства в партизанских зонах мельниц, пекарен, маслобойных заводов и т. д. Так, в докладной записке инструктора ЦК ЛКСМБ Т. И. Головень секретарю ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянину о деятельности комсомольских организаций в Россонском, Освейском и Дриссенском районах Витебской области доносилось: «Материальная база партизан в этих районах построена правильно. В Дриссенской бригаде работает несколько заводов. Лесопильный завод изготавливает доски для зимних лагерей, бочки для засолки капусты, лодки для перевозки боеприпасов. Работает несколько мельниц (в Россонском районе – 7), пекарни, маслобойные заводы, изготавливающие масло для НЗ. На 10 декабря 1942 г. отряд тов. Глуховского (Россонская бригада) численностью в 220 чел. заготовил: ржи – 14 865 кг, ячменя – 10 606 кг, гороху – 3750 кг, пшеницы – 1400 кг, картофеля – 55 345 кг... Все это расположено в 5 складах, находящихся в лесу, вблизи зимних лагерей» [4, с. 47]. Представление о работе партизанских мельниц можно получить из документа, изданного 27 июня 1943 г. в партизанской бригаде имени К. Е. Ворошилова Минской области. В нем подробно описывался порядок помола зерна от гражданского населения и от партизанских отрядов: «1) от всех граждан помол принимается в порядке очереди и взимается помольный сбор в размере 10 % общего веса; 2) партизанские семьи, имеющие на руках справки от партизанских отрядов, от помольного сбора освобождаются; 3) помол от партизанских отрядов производится по справке, выданной отрядом, за подписью начальника штаба, заверенной печатью с указанием количества килограммов или в крайнем случае количества мешков. Без данной справки помол от партизан не принимать; 4) помол для партизанских отрядов производится вне очереди и взимается помольный сбор 10 % от общего веса; 5) весь помольный сбор собирается на мельнице и поступает в распоряжение штаба бригады им. Ворошилова; 6) все уполномоченные на помол от партизанских отрядов после производства помола обязаны получить от весовщика мельницы на произведенный им помол справку и представить ее в отряд; 7) учет поступления помольного сбора от помольщиков (отрядов, граждан) производится по квитанциям, установленным штабом бригады; 8) учет расходования помольного сбора и отчетность за него заведующий мельницей производит по распоряжению штаба бригады на расходование помольного сбора. <...> За нарушение настоящего приказа будут приняты меры согласно законам военного времени» [25, с. 218].

Информацию о создании мельниц и пекарен в партизанских бригадах можно встретить в доклад-

ной записке секретаря Витебского обкома КП(б)Б И. А. Стулова в ЦК о состоянии партизанского движения в восточных районах области и положении в Суражской партизанской зоне: «В Суражском районе партизанами полностью сохранено оборудование завода “Новка” и картонной фабрики им. Воровского, а также Запольского льнозавода. От силовых установок картонной фабрики работает мельница, лесопильная рама (распилка досок для колхозников), баня и прачечная для обслуживания частей Красной Армии. В дер. Пудоть восстановлена пекарня сельпо, которая выпускает 2 т хлеба в сутки для снабжения частей Красной Армии. В Суражском районе работают 3 сливных пункта и маслозавод» [3, с. 170].

Помимо стационарных мельниц партизаны создавали и мобильные. В протоколе № 7 заседания бюро Ельского подпольного райкома КП(б)Б Полесской области отмечалось: «В связи с тем, что фашистские палачи сожгли в районе все имеющиеся мельницы, обязать командиров и комиссаров партизанских отрядов построить в каждом отряде примитивные перевозные конные мельницы для помола необходимого количества зерна отрядов и оказания помощи на этих мельницах в помол зерна населению района» [5, с. 205].

Решению хозяйственных вопросов в отрядах партизанской бригады Н. П. Гудкова Витебской области способствовала организация трех артелей по улову рыбы [6, с. 321]. В Освейском районе Витебской области местный житель д. Лисно Яков Зунда создал бригаду, которая ловила рыбу для партизан [2, с. 25].

В опубликованных документах имеются сведения о награждении за хорошее обеспечение партизан. Так, в докладной записке секретаря Пуховичского подпольного райкома КП(б)Б Минской области В. Я. Шклярника секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко от 27 мая 1943 г. сообщалось, что 50-летний партизан Петровский «за исключительно хорошую постановку питания представлен к награде» [4, с. 386].

Следует подчеркнуть, что во время проведения оккупационными властями карательных операций против партизан снабжение продуктами ухудшалось, суточный рацион питания сводился к минимуму. Бывший начальник штаба партизанского отряда «Грозный» бригады имени С. М. Короткина Витебской области В. М. Горцев вспоминал, как после выхода из блокады бригада остановилась в южной части Россонского района, на территории Краснопольского и Тродовичского сельсоветов. «Наш отряд расквартировался в деревне Асетки. Бойцы приводили себя в порядок. Потери отряда в личном составе были невелики, но мало было боеприпасов, трудно было с питанием, не хватало соли. Наши хлебные запасы остались в Сиротинском районе, поэтому перебивались кое-как. Вспоминается такой случай. Как-то партизаны второго взвода об-

наружили на чердаке пустовавшего дома мерзлую шкуру, снятую с убитого кабана. Вмиг расстелили ее на снегу, выжгли раскаленным железом щетину, промыли и, порезав на мелкие кусочки, опустили в кипящий котел. Нашлось немного и мерзлой картошки. Какая получилась замечательная похлебка и с каким аппетитом мы ее кушали! К концу февраля район нашей дислокации расширился и благодаря помощи местных жителей с питанием стало лучше» [21, с. 149]. В рукописном журнале «Быт Рогачевских партизан» в рубрике «Чем питались» также отмечалось, что с января 1944 г., «когда приблизился фронт, питание резко ухудшилось, питались кониной, картошкой, в недостаточном количестве и к тому же без соли»⁸. Нормы продовольствия для партизан не были едиными. Как правило, это зависело от целого ряда факторов. Командир партизанской бригады «Железняк» И. Ф. Титков вспоминал: «На каждого отпускалось 600 граммов хлеба, 500 граммов картофеля, 150 граммов крупы, 300 граммов мяса или сала и щепотка соли» [24, с. 128]. Исследователь А. Бракель на основе отчетов ряда партизанских бригад подсчитал, что рацион партизана в среднем составлял около 3000 килокалорий. «Нельзя назвать это голодной диетой, однако, принимая во внимание жизнь партизана с большими физическими нагрузками, не назовешь такой рацион и роскошью», – подытожил историк [14, с. 328].

Говоря о рационе питания партизан, следует обратиться к мемуарам руководителей партизанского движения. Из них следует, что главная роль на партизанском столе отводилась картофелю. Так, комбриг И. Ф. Титков, посещая командира бригады Ф. Ф. Дубровского, описал партизанский обед сле-

дующим образом: «Отварная картошка, сало с тмином, жареное и вареное мясо, огурцы, лук. Не забыли по случаю встречи и выпить по маленькой» [24, с. 77].

Вместе с тем не следует забывать о еще одном источнике обеспечения продовольствием – передаче подарков белорусским партизанам из советского тыла [20]. Так, в справке секретаря Казанского ГК ВКП(б) Н. Г. Грековой приводится перечень одежды, подарков, а также продуктов питания, собранных жителями г. Казани для партизан Беларуси. В их числе были «копчености (колбаса и баранина) – 1500 шт., шоколад плиточный – 200 кг, конфеты и пряники – 3452 кг, персональные пакеты с кондитерскими изделиями – 300 шт., водка «Московская» – 500 л, табак легкий «Особенный» – 5400 стограммовых пачек, табак-махорка – 475 кг, мед – 1 бочка, соль – 5 тыс. кг» [4, с. 98]. В другом документе содержится список предметов первой необходимости, одежды, обуви, а также продуктов питания, переданных комсомольцами г. Иваново и Ивановской области РСФСР: «...17) пряники – 1 ящик; 18) сухари сдобные – 1 ящик; 19) масло сливочное – 4 ящика; 20) колбаса – 5 свертков; 21) печенье – 5 свертков; 22) конфеты – 10 свертков...» [3, с. 179]. О доставке таких подарков вспоминал секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б И. Д. Варвашеня: «В ночь с 28 на 29 июня 1942 г. нам с советского самолета было сброшено 16 мешков груза. Тут были несколько автоматов, папиросы, патроны, немного тола, обмундирование, сапоги и подарки от казанских рабочих. <...> Все это чрезвычайно подняло боевой дух партизан и настроение местного населения» [21, с. 125].

Заключение

Вопросы продовольственного обеспечения являлись центральной, жизненно важной проблемой для советских партизан. От ее оперативного решения напрямую зависела боеготовность и боеспособность народных мстителей. Снабжение партизан Беларуси в годы войны было организовано из нескольких источников, однако львиная доля из них приходилось на помощь местного населения. Исследователь Е. А. Соколова справедливо отмечает, что «материальное обеспечение и обслуживание народных мстителей, особенно в партизанских краях и зонах, носило характер своеобразной интендантской службы, что дает основание считать тех, кто постоянно оказывал эту помощь, участниками всенародной борьбы в тылу врага. Тем более что это касается многих сотен людей – мужчин и женщин, стариков и подростков, составлявших в совокупности прочный “партизанский тыл”, без которого немислим был и сам постоянно действующий фронт

народной борьбы» [7, с. 108]. Помощь партизанскому движению со стороны населения, оказавшегося в тылу противника, была разнообразной. Крестьяне предоставляли партизанам жилье, снабжали их продуктами и одеждой, выполняли различные работы по обслуживанию партизанских отрядов и соединений. В то же время в партизанских зонах активно проводился полный цикл сельскохозяйственных работ, что значительно облегчало положение крестьян и помогало им в хозяйственных вопросах. Однако, помимо взаимовыгодного сотрудничества, между партизанами и местным населением были нередки случаи конфронтации, которые не способствовали формированию доверительных отношений, не раз приводили к насилию и убийствам. Профилактика и пресечение мародерства, грабежей и принуждения со стороны партизан являлись трудноразрешимой проблемой для руководства партизанского движения на протяжении всего периода оккупации.

⁸Рогачевские партизаны в борьбе с немецкими захватчиками: рукописный партизанский журнал. 1944. Июнь. С. 1 // Белорус. гос. музей истории Великой Отеч. войны. КП № 15360.

Дискредитацией партизан активно занимались и оккупационные власти, для которых проблема обеспечения продовольствием также была насущным вопросом. Тем не менее, чтобы представить более правдоподобную общую картину взаимоотно-

шений партизан и местного населения по вопросу продовольственного обеспечения, необходимо провести дальнейшие исследования на основе ранее недоступных документов, придерживаясь известного принципа «без гнева и пристрастия».

Библиографические ссылки

1. Нордман ЭБ. *Не стреляйте в партизан...* Минск: Беларусь; 2007. 198 с.
2. Залесский АИ. *Героический подвиг миллионов в тылу врага: помощь населения партизанских зон народным мстителям*. Минск: Беларусь; 1970. 183 с.
3. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Том 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942)*. Минск: Беларусь; 1967. 743 с.
4. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Том 2, книга 1. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 – июль 1943)*. Минск: Беларусь; 1973. 679 с.
5. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Том 2, книга 2. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (июль – декабрь 1943)*. Минск: Беларусь; 1978. 813 с.
6. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Том 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь – июль 1944)*. Минск: Беларусь; 1982. 791 с.
7. Соколова ЕА. Роль гражданского населения в оказании помощи белорусским партизанам и подпольщикам в оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны. В: Кошелев ВС, редактор. *Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ*. Минск: РИВШ; 2014. с. 108–114.
8. Ивицкий АМ. *Материально-техническое и продовольственное обеспечение партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны* [диссертация]. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2016. 185 с.
9. *Гомельщина партизанская. Выпуск 1. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г.* Минск: НАРБ; 2010. 260 с.
10. *Гомельщина партизанская. Выпуск 2. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г.* Минск: НАРБ; 2015. 424 с.
11. Селеменев ВД, Скоморощенко МН, Тумаш МЕ, составители. *Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь – декабрь 1942 года*. Андриевич ВВ, Кураш ВИ, Селеменев ВД, Скоморощенко МН, Сорокин АК, Шепелев ВН и др., редакторы. Минск: Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки; 2017. 460 с.
12. Бартушка М. *Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.* Вильня: Институт белорусистыки; 2011. 187 с. Сумеснае выданне з Беларускамі гістарычным таварыствам.
13. Габерэр Э. Нямецкая жандармерыя і беларускія партызаны ў 1941–1944 гг. *Arche. Пачатак*. 2013;1:202–233.
14. Бракель А. Адносіны паміж савецкімі партызанамі і цывільным насельніцтвам Беларусі пад нямецкай акупацыяй (1941–1944 гг.). *Arche. Пачатак*. 2013;1:303–337.
15. Барадзін З. *Нёман – рака нязгоды. Польшка-савецкая партызанская вайна на Наваградчыне (1943–1944 гг.)*. Санкт-Пецярбург: Невский простор; 2018. 332 с.
16. Мусял Б. *Савецкія партызаны ў 1941–1944 гг. Міфы і рэчаіснасць*. Смаленск: Інбелкульт; 2018. 584 с.
17. Павлова ЕЯ. Многогранье всенародной войны. Отношения партизан с местным населением. *Белорусская думка*. 2014;2:82–91.
18. Павлова ЕЯ. Взаимоотношения партизан и местных жителей Витебщины: взаимопомощь и проблемы. В: Крыварот АА, Грэбень ЯА, Півавар МВ, Салаўянаў АП, Шышанаў ВА, Юрчак ДВ, укладальнікі. *Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны*. Кавалена АА, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2015. с. 163–172.
19. Павлова ЕЯ. Архивные документы как источник изучения взаимодействия партизан с местным населением. В: Криворот АА, Соловьянов АП, Гаранин СЛ, Третьяк СА, составители. *Этот день мы приближали, как могли... Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны; 7–8 мая 2015 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 137–144.
20. Жариков АД. «Большая земля» снабжает белорусских партизан. *Вопросы истории*. 1973;4:121–129.
21. Кравченко ИС, редактор. *Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.)*. Сборник воспоминаний. Минск: Госиздат БССР; 1961. 506 с.
22. Ваупшасов СА. *Партизанская хроника*. Москва: Воениздат; 1959. 470 с.
23. Гутараў ІВ, Грынблат МЯ, Кабашнікаў КП, Сцяпунін ІР, Цішчанка ІК, укладальнікі. *Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны*. Глебка ПФ, Гутараў ІВ, Майхровіч СК, рэдактары. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1961. 617 с.
24. Титков ИФ. *Бригада «Железняк»*. 2-е издание. Минск: Беларусь; 1982. 268 с.
25. Папко АМ, укладальнік. *Памяць. Уздзенскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі*. Кісялёў ГН, рэдактар. Мінск: БЕЛТА; 2003. 654 с.

References

1. Nordman EB. *Ne strelyajte v partizan...* [Don't shoot the partisans...]. Minsk: Belarus; 2007. 198 p. Russian.
2. Zalesskii AI. *Gerioicheskii podvig millionov v tylu vraga: pomoshch' naseleniya partizanskikh zon narodnym mstityeliam* [The heroic feat of millions behind enemy lines: helping the partisan zones to popular avengers]. Minsk: Belarus; 1970. 183 p. Russian.

3. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944). Tom 1. Zazhdenie i razvitie partizanskogo dvizheniya v pervyi period voiny (iyun' 1941 – noyabr' 1942)* [The nationwide partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944)]. Volume 1. The origin and development of the partisan movement in the first period of the war (June 1941 – November 1942)]. Minsk: Belarus; 1967. 743 p. Russian.
4. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944). Tom 2, kniga 1. Razvitie vsenarodnogo partizanskogo dvizheniya vo vtoroi period voiny (noyabr' 1942 – iyun' 1943)* [The nationwide partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Volume 2, book 1. The development of the popular partisan movement in the second period of the war (November 1942 – June 1943)]. Minsk: Belarus; 1973. 679 p. Russian.
5. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944). Tom 2, kniga 2. Razvitie vsenarodnogo partizanskogo dvizheniya vo vtoroi period voiny (iyul' – dekabr' 1943)* [The nationwide partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Volume 2, book 2. The development of the popular partisan movement in the second period of the war (June – December 1943)]. Minsk: Belarus; 1978. 813 p. Russian.
6. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944). Tom 3. Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii na zavershayushchem etape (yanvar' – iyul' 1944)* [The nationwide partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Volume 3. The nationwide partisan movement in Belarus at the final stage (January – July 1944)]. Minsk: Belarus; 1982. 791 p. Russian.
7. Sokolova EA. [The role of the civilians in assisting the Belarusian partisans and underground workers in assisting the front during the Great Patriotic War]. In: Koshelev VS, editor. *Obshchestvo, gosudarstvo i religii v sovremennom mire: materialy kruglogo stola kafedry istorii novogo i noveishego vremeni BGU* [Society, state and religions in the modern world: materials of the conference of the department of Modern and Contemporary history of Belarusian State University]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2014. p. 108–114. Russian.
8. Ivitskii AM. *Material'no-tehnicheskoe i prodovol'stvennoe obespechenie partizan Belarusi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Material and technical and food supply of Belarus partisans in the Great Patriotic War] [dissertation]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2016. 185 p. Russian.
9. *Gomel'shchina partizanskaya. Vypusk 1. Nachalo. Iyun' 1941 g. – mai 1942 g.* [Gomel region partisan region. Part 1. Start. June 1941 – May 1942]. Minsk: The National Archives of the Republic of Belarus; 2010. 260 p. Russian.
10. *Gomel'shchina partizanskaya. Vypusk 2. Razvitie. Iyun' 1942 g. – avgust 1943 g.* [Gomel region partisan region. Part 2. Development. June 1942 – august 1943]. Minsk: The National Archives of the Republic of Belarus; 2015. 424 p. Russian.
11. Selemenev VD, Skomoroshchenko MN, Tumash ME, compilers. *Belorusskii shtab partizanskogo dvizheniya. Sentyabr' – dekabr' 1942 goda* [Belarusian partisan movement headquarters. September – December 1942]. Andrievich VV, Kurash VI, Selemenev VD, Skomoroshchenko MN, Sorokin AK, Shepelev VN, et al., editors. Minsk: Belaruskaja Jencyklapedyja imja Petrusja Browki; 2017. 460 p. Russian.
12. Bartushka M. *Partizanskaja vajna w Belarusi w 1941–1944 gg.* [Guerrilla war in Belarus in 1941–1944]. Vilnius: Instytut belarusistyki; 2011. 187 p. Belarusian. Co-published by the Belaruskae gistorychnae tavarystva.
13. Gaberjer Je. [German gendarmerie and Belarusian partisans in 1941–1944]. *Arche. Pachatak*. 2013;1:202–233. Belarusian.
14. Brakel' A. [Relations between Soviet partisans and the civilian population of Belarus under the German occupation]. *Arche. Pachatak*. 2013;1:303–337. Belarusian.
15. Baradzin Z. *Njoman – raka njazgody. Pol'ska-saveckaja partyzanskaja vajna na Navagradchynе (1943–1944 gg.)* [Neman – the river of disagreement: the Novogrudok region in the Polish-Soviet guerrilla war (1943–1944)]. Saint Petersburg: Nevskii prostor; 2018. 332 p. Belarusian.
16. Musjal B. *Saveckija partyzany w 1941–1944 gg. Mify i rjehchaisnasc'* [Soviet partisans in 1941–1944: myths and reality]. Smolensk: Inbelkul't; 2018. 584 p. Belarusian.
17. Pavlova EYa. [The versatility of a popular war. Partisan relations with the local population]. *Belaruskaja dumka*. 2014;2:82–91. Russian.
18. Pavlova EYa. [Mutual relations of partisans and local residents of Vitebsk region: mutual assistance and problems]. In: Kryvarot AA, Grjeben' JaA, Pivavar MV, Salawjanaw AP, Shyshanaw VA, Jurchak DV, compilers. *Vicebshchyna w gady Vjalikaj Ajchynnaj vajny* [Vitebsk region during the Great Patriotic War]. Kavalenja AA, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. p. 163–172. Russian.
19. Pavlova EYa. [Archival documents as a source of studying the interaction of partisans with the local population]. In: Krivorot AA, Solov'yanov AP, Garanin SL, Tret'yak SA, compilers. *Etot den' my priblizhali, kak mogli... Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine i okonchaniya Vtoroi mirovoi voiny; 7–8 maya 2015 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [We brought this day closer as we could... Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the end of Second World War; 2015 May 7–8; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 137–144. Russian.
20. Zharikov AD. [«The Big land» supplies Belarusian partisans]. *Voprosy istorii*. 1973;4:121–129. Russian.
21. Kravchenko IS, editor. *Iz istorii partizanskogo dvizheniya v Belorussii (1941–1944 gg.)*. *Sbornik vospominanii* [From the history of the partisan movement in Belarus (1941–1944). A collection of memoirs]. Minsk: Gosizdat BSSR; 1961. 506 p. Russian.
22. Vaupshasov SA. *Partizanskaya khronika* [Guerrilla chronicle]. Moscow: Voenizdat; 1959. 470 p. Russian.
23. Gutaraw IV, Grynblat MJa, Kabashnikaw KP, Scjapunin IR, Cishchanka IK, compilers. *Belaruskij fal'klor Vjalikaj Ajchynnaj vajny*. [Belarusian folklore of the Great Patriotic War]. Glebka PF, Gutaraw IV, Majhrovich SK, editors. Minsk: Vydavectva Akadzemii navuk BSSR; 1961. 617 p. Belarusian.
24. Titkov IF. *Brigada «Zheleznyak»* [The Brigade «Zheleznyak»]. 2nd edition. Minsk: Belarus'; 1982. 268 p. Russian.
25. Papko AM, compiler. *Pamjac'. Uzdzenski rajon: gistoryka-dakumental'nyja hroniki garadow i rajonaw Belarusi* [The book of Memory. Uzdzenski region: historical and documentary chronicles of cities and regions of Belarus]. Kisjaljow GN, editor. Minsk: BELTA; 2003. 654 p. Belarusian.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 336.22:352(476)(091)«18/19»

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ЗЕМСКИХ ПОВИННОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Н. С. МОТОРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании анализа правовых актов охарактеризованы изменения в системе земских повинностей на территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в. Отмечено, что в пореформенный период система функционировала по принципам, изложенным в Правилах нового устройства земских повинностей 1851 г., но в то же время в ее структуру были включены расходы на финансирование сельско-врачебной части и содержание учреждений приказов общественного призрения. Выделены основные недостатки существовавшей системы земских повинностей и рассмотрены подходы правительства Российской империи к их устранению. Подробно проанализированы сметы земских повинностей и на основе этого сделан вывод о том, что постепенно земский сбор трансформировался в главный источник обеспечения широкого круга потребностей местного населения, в том числе и социального характера.

Ключевые слова: земские повинности; земский сбор; местные налоги; сметы; белорусские губернии.

Образец цитирования:

Моторова НС. Эволюция системы земских повинностей на территории белорусских губерний (вторая половина XIX – начало XX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:38–45. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-38-45>.

For citation:

Motorova NS. The evolution of zemski obligations' system on the territory of the Belarusian provinces (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:38–45. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-38-45>.

Автор:

Надежда Сергеевна Моторова – кандидат исторических наук, доцент; докторант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Nadezhda S. Motorova, PhD (history), docent; doctoral student at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history. motorova@ro.ru

ЭВАЛЮЦЫЯ СІСТЭМЫ ЗЕМСКІХ ПАВІННАСЦЕЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТ.)

Н. С. МАТОРАВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На падставе аналізу прававых актаў ахарактарызаваны змены ў сістэме земскіх павіннасцей на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст. Адзначана, што ў парэформенны перыяд сістэма функцыянавала па прынцыпах, выкладзеных у Правілах новага ўладкавання земскіх павіннасцей 1851 г., у той жа час у яе структуру былі ўключаны выдаткі на фінансаванне сельска-ўрачэбнай часткі і ўтрыманне ўстаноў прыказаў грамадскага апекавання. Вылучаны асноўныя недахопы існаваўшай сістэмы земскіх павіннасцей і разгледжаны падыходы ўрада Расійскай імперыі да іх ліквідацыі. Падрабязна прааналізаваны каштарысы земскіх павіннасцей, на падставе гэтага зроблена выснова, што паступова земскі збор трансфармаваўся ў галоўную крыніцу забеспячэння шырокага кола патрэб мясцовага насельніцтва, у тым ліку і сацыяльнага характару.

Ключавыя словы: земскія павіннасці; земскі збор; мясцовыя падаткі; каштарысы; беларускія губерні.

THE EVOLUTION OF ZEMSKI OBLIGATIONS' SYSTEM ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN PROVINCES (THE SECOND HALF OF THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

N. S. MOTOROVA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

In the article, based on the analysis of legal acts, changes in the system of zemsky obligations on the territory of the Belarusian provinces in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century are characterized for the first time. It was noted that in the post-reform period it functioned on the basis of the 1851 Rules of the New Organization of the Zemsky Obligations, but its structure gradually included expenditures on social sphere: financing the rural-medical part, the maintenance of institutions departments' of public charity and primary schools. The corresponding changes were fixed by the laws of 1868, 1883, 1887 and decisions approving zemsky estimates. The study made it possible to identify the main disadvantages of the existing system of zemsky obligations. They included: legislative approval of estimates for a three-year term, the impossibility of prompt redistribution of zemsky funds, bureaucratic procedures for disposing of them, long-term preparation of estimates, which was accompanied by extensive correspondence of central and local authorities. To eliminate these shortcomings, the Ministry of Internal Affairs proposed to reform the existing system of zemsky obligations by introducing Zemstvo self-government on the territory of the Belarusian provinces. However, the ministry met with opposition on this issue from the two most influential dignitaries of the late 19th century: Finance Minister S. Yu. Witte and the Chief Prosecutor of the Synod K. P. Pobedonostsev. An analysis of the estimates of zemsky obligations has led to the conclusion that in the post-reform period the zemsky tax was transformed into the main source to provide the wide range of needs of the local population. At the end of 19th – the beginning of 20th century they amounted to a total of more than 3 million rubles in year. In the structure of the estimates, the share of social spending ranged from 30–40 %. On the territory of the Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces these resources were handed over to the institutions of local economy in 1903. In the Grodno and Vilna provinces it was kept the former order of management of the zemsky obligations according to the 1851 Rules of the New Organization of the Zemsky Obligations. Based on the analysis of estimates for these regions, it was first shown the annual amount of expenditures on zemsky duties increased 1.5 times from 1.5 to 2.3 million rubles. At the same time, the share of social spending increased by 1.3 times and reached 48 % on the eve of the First World War. During the post-reform period, the system of zemsky obligations on the territory of the Belarusian provinces underwent a significant evolution. On the basis of an analysis of legal acts and estimates of zemsky duties, it was first proved that this source of local taxation has become the main financial resource for the development of various components of the social sphere in countryside.

Keywords: zemsky obligations; zemsky duty; local taxes; estimates; Belarusian provinces.

Введение

После отмены крепостного права в условиях трансформации социальной структуры и модернизации всех сфер жизни общества и государства в Российской империи начали разрабатываться механизмы разрешения широкого спектра проблем,

с которыми сталкивалось население на региональном уровне. В центральных регионах эти функции были возложены на земства, созданные в ходе реформы 1864 г. Им был передан в распоряжение основной источник местного бюджета – земский

сбор – и в целом заведование земскими повинностями в губерниях. Эти средства обеспечивали финансирование большинства мероприятий органов местного самоуправления. В неземских регионах, к которым относились и белорусские губернии, система земских повинностей продолжала функционировать на основе принципов, закрепленных дореформенным законодательством. Однако по мере актуализации разнообразных социальных проблем и возникновения новых социальных запросов ресурсы земских сборов начали активно использоваться для развития здравоохранения, общественного призрения и народного образования в сельской местности. Соответствующие изменения вносились в действовавшее законодательство.

Наиболее подробно проблема эволюции земских повинностей, как и системы местного налогообложения в целом, была изучена в дореволюционной историографии. Так, М. П. Кашкаров детально охарактеризовал проводившиеся в первой половине XIX в. работы по подготовке правовых актов, регулировавших исполнение земских повинностей [1]. В. А. Лебедев [2] и Н. В. Шелгунов [3] рассмотрели их состояние через призму системы местного налогообложения в Российской империи. В. Ю. Скалон в своей обширной публикации, посвященной земским финансам [4], проанализировал не только земские бюджеты и те проблемы, с которыми сталкивались земства при их формировании, но и состояние земских повинностей в неземских губерниях. Трансформация системы местного налогообложения в Российской империи была охарактеризована в юбилейном издании, посвященном истории Министерства финансов [5; 6]. В совре-

менной историографии данные вопросы в общеимперском контексте были рассмотрены в работе А. В. Толкушкина [7] и коллективном исследовании «История налогов в России. IX – начало XX века» [8].

В перечисленных работах проблема трансформации системы земских повинностей на территории белорусских губерний затрагивается косвенно. Однако именно эти ресурсы превратились в основной финансовый источник, за счет которого обеспечивалось развитие социальной сферы на региональном уровне. В этой связи изучение данной проблемы является актуальным и будет способствовать более глубокому освещению специфических особенностей социально-экономического развития белорусских земель во второй половине XIX – начале XX в.

Источниковую базу исследования составили опубликованные правовые акты, делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного исторического архива, а также сведения, собранные Комиссией для пересмотра системы податей и сборов. Его теоретической базой выступили основные принципы исторического познания – объективность и историзм. Обобщение и систематизация собранного материала были осуществлены посредством использования общенаучных методов, таких как анализ (в том числе статистический), синтез, сравнение, а также специально-исторических методов – историко-генетического и историко-сравнительного. Это позволило достичь поставленной цели исследования – определить основное направление эволюции системы земских повинностей на территории белорусских губерний в условиях развернувшихся модернизационных процессов.

Основная часть

Понятие «земские повинности» широко использовалось в административно-финансовой практике Российской империи в дореформенный период, однако в соответствующих правовых актах отсутствовало его точное определение. Как правило, земские повинности исполнялись населением в денежной и натуральной формах и находились под контролем местной администрации. В 1816 г. был принят закон, согласно которому денежные земские повинности были разделены на два вида – общие по губернии и частные. Это деление сохранилось и после отмены крепостного права. К общегубернским земским повинностям относились расходы на содержание путей сообщения и земских зданий. Частные включали в себя расходы на содержание канцелярий при предводителях дворянства, зданий депутатских собраний, волостного и сельского управлений, подвод для земского суда, сельских запасных магазинов

в казенных имениях. Натуральные повинности законодательно не регламентировались [4, с. 514–515].

В 1851 г. были изданы Правила нового устройства земских повинностей (далее – Правила 1851 г.), на основе которых был подготовлен Устав о земских повинностях¹. В них сохранилась норма, согласно которой земские повинности должны были взиматься в двух формах – денежной и натуральной. Денежные повинности по-прежнему делились на частные и общие, однако последние фактически распались на две группы. К первой были отнесены повинности, за счет которых должны были обеспечиваться потребности, общие для всей Российской империи (в дальнейшем они стали именоваться государственными). Вторую группу составили повинности, обеспечивающие потребности отдельных регионов (в пореформенный период они будут называться земскими). Законодательно допускалась

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. СПб., 1852. Т. 26. Отд.-ние 1. № 25398. С. 483–531; Устав о земских повинностях // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 4, кн. 2. С. 1–248.

возможность перевода натуральных повинностей в денежную форму (при желании обывателей)².

Согласно Правилам 1851 г. общая сумма земского сбора по губерниям определялась в законодательном порядке. Им облагались торговые и промышленные свидетельства (в размере 10 % от суммы государственной пошлины), а также земли, находившиеся в собственности частных лиц, правительственных учреждений, казны и уделов. Оставшаяся часть земского сбора распределялась по городам и уездам в соответствии с числом ревизских душ сроком на три года³. В связи с ограниченностью обложения первых двух источников – свидетельств и земель – и постепенным увеличением земских потребностей основная тяжесть земского сбора приходилась на податные сословия [4, с. 524].

Отмена крепостного права внесла изменения в систему земских повинностей, функционировавшую на основании Правил 1851 г. Так, в Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, подтверждалась их обязанность выплачивать земский сбор. В ст. 167 подчеркивалось, что земские повинности с помещичьих имений (как натуральные, так и денежные) до 1862 г. должны были выполняться на прежних основаниях. Вместе с тем указывалось, что для обеспечения равномерного взимания земского сбора с землевладельцев и крестьян в ближайшее время будут пересмотрены соответствующие законодательные акты⁴.

Эта работа была поручена Комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Она предложила сохранить в структуре земских повинностей только местные сборы. Те из них, которые имели общегосударственное значение, должны были получить статус обязательных [4, с. 516]. В материалах Комиссии отмечалось, что в законодательстве отсутствовало четкое определение понятия «земские повинности», а в Правилах 1851 г. лишь перечислялись расходы, которые обеспечивались за их счет: содержание почт, устройство и содержание путей сообщения, арестантская и воинская повинности, потребности местного управления, другие предметы (например, расходы на оспопрививание)⁵. Кроме того, в записках, поступивших в Комиссию для пересмотра системы податей и сборов, содержались и другие кри-

тические замечания. Так, А. А. Головачев отмечал, что сметы земских повинностей до их окончательного утверждения рассматривались не менее девяти раз и что в этой сложной процедуре не было учреждений или лиц, заинтересованных в эффективном использовании земских средств и их разумной экономии⁶. Б. Е. Прутченко указывал, что в связи с обширностью предварительной переписки, нехваткой квалифицированных чиновников, коротким временем, отведенным на подготовку, сметы земских повинностей практически никогда не представлялись в установленные сроки⁷.

Работы по реформированию системы земских повинностей затягивались. В связи с этим в государстве продолжали действовать сметы и раскладки, утвержденные еще до отмены крепостного права: составленные на срок с 1 января 1860 г. по 31 декабря 1862 г., они были продлены сначала на 1863-й, а затем и на 1864 г.⁸

Коренные изменения в существовавшей системе местного налогообложения произошли в результате проведения в центральных регионах Российской империи Земской реформы 1864 г. В частности, в ст. 3 Временных правил для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении все потребности, которые ранее обеспечивались за счет земских денежных повинностей, были разделены на три категории: государственные, земские (губернские и уездные) и частные⁹. В соответствии с этой нормой министру финансов было поручено включить расходы на обеспечение общегосударственных потребностей в государственную роспись¹⁰.

Разделение повинностей на государственные, губернские и частные было распространено и на неземские губернии. Это было закреплено в новых сметах и раскладках земского сбора на трехлетие, утвержденных в 1866 г.¹¹

В 1875 г. взимание земского сбора на обеспечение государственных потребностей было прекращено¹². Это создало условия для его окончательного превращения в основной источник местного бюджета для удовлетворения различных потребностей населения как в земских, так и в неземских регионах. В то же время в государстве сохранялись разные

²ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1852. Т. 26. Отд-ние 1. № 25398. С. 484.

³Там же. С. 499–500.

⁴Там же. СПб., 1863. Т. 36. Отд-ние 1. № 36657. С. 165.

⁵Историко-статистические сведения о земских повинностях // Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1863. Т. 4, ч. 1. С. 1, 7, 87.

⁶О земских повинностях. Записка, представленная в Комиссию А. А. Головачевым // Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1863. Т. 4, ч. 1. С. 37–38.

⁷Об устройстве управления земскими повинностями. Записка г. управляющего земскими повинностями Б. Е. Прутченко // Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1863. Т. 4, ч. 1. С. 3–4, 8–9.

⁸ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1862. Т. 35. Отд-ние 1. № 35901. С. 752–753; Там же. СПб., 1865. Т. 37. Отд-ние 1. № 37866. С. 36; Там же. СПб., 1866. Т. 38. Отд-ние 1. № 39816. С. 740–741.

⁹Там же. СПб., 1867. Т. 39. Отд-ние 1. № 40458. С. 14.

¹⁰Там же. С. 20–21.

¹¹Там же. СПб., 1868. Т. 41. Отд-ние 1. № 43440. С. 739–741.

¹²Там же. СПб., 1876. Т. 49. Отд-ние 2. № 54144. С. 415–416.

подходы к управлению земскими повинностями: в неземских губерниях оно имело бюрократический характер, основывалось на строгой централизации и находилось под контролем правительства, а в земских регионах было построено на принципах децентрализации и самоуправления. В первом случае сохранялось утверждение центральной властью проектов земских смет и раскладок, составленных на местах, а во втором они составлялись земствами и утверждались губернатором. Принципиальное различие заключалось и в сроках действия смет: земства составляли их на год, что давало возможность своевременно направлять средства на обеспечение различных местных потребностей, а неземские губернии – на три года [4, с. 519]. Естественно, это служило серьезным препятствием для разрешения целого ряда социальных проблем.

В структуре расходов на земские повинности первоначально не предусматривалось финансирование социальной сферы. Как видно из материалов, собранных высочайше учрежденной Комиссией для пересмотра системы податей и сборов, в целом по Российской империи на исполнение земских повинностей в 1860–1862 гг. было назначено более 23,8 млн руб., из этой суммы на пять белорусских губерний приходилось около 1,6 млн руб. Эти средства планировалось направить на обеспечение почтовой, дорожной, ссыльно-этапной и воинской повинностей, содержание арестантских рот гражданского ведомства, земского полицейского управления, губернского правления и тюрем. Отдельную категорию расходов составляли «другие предметы». К ним относились затраты на медицинскую полицию и затраты, не перечисленные в Уставе о земских повинностях¹³ (например, расходы на оспопрививание)¹⁴.

По мере нарастания модернизационных процессов и актуализации широкого спектра социальных проблем в белорусских губерниях все острее вставал вопрос о поиске финансового источника, обеспечившего бы их своевременное решение. Это предопределило постепенный перевод на счет земских средств финансирования здравоохранения в сельской местности и образовавшихся дефицитов по общественному призрению.

В 1868 г. при реформировании сельско-врачебной части в неземских губерниях расходы на содержание медицинского персонала были включены в состав губернских земских повинностей¹⁵. В 1883 г. на счет этого же источника было отнесено

финансирование медицинской части в сельской местности Могилевской губернии: на увеличение штата медицинского персонала и количества лечебниц планировалось ежегодно направлять 90 500 руб. из сумм земского сбора¹⁶. В 1887 г. аналогичное решение было принято в отношении остальных белорусских губерний – Витебской, Минской, Виленской и Гродненской¹⁷. Расходы на содержание сельско-врачебной части должны были ежегодно составлять 338 878 руб.¹⁸ Кроме того, в 1887 г. на счет земских сборов были отнесены расходы на содержание губернских благотворительных заведений и уездных больниц, которые находились в ведении приказов общественного призрения, но не обеспечивались доходами последних¹⁹.

Однако принятых мер было недостаточно. На правительственном уровне неоднократно обсуждалась необходимость коренной реорганизации системы земских повинностей в неземских губерниях. Так, в 1884 г. Государственный совет предложил упростить процедуру рассмотрения и утверждения земских смет и раскладок [4, с. 519]. В 1887 г. министру внутренних дел было поручено подготовить предложения по совершенствованию организации общественного призрения и соблюдению интересов земского обложения в неземских губерниях²⁰. Данное поручение было обусловлено двумя причинами. Во-первых, перевод расходов на содержание уездных больниц и губернских благотворительных обществ на счет земского сбора не отменял плату за пользование ими для представителей сельского сословия, которые выступали основным налогоплательщиком. Во-вторых, в законе заключалось глубокое противоречие, которое в будущем могло спровоцировать возникновение разночтений и злоупотреблений финансового характера: приходно-расходные сметы приказов общественного призрения составлялись и утверждались на год, а сметы земских повинностей – на трехлетие.

Вновь вопрос о пересмотре принципов организации земского обложения обсуждался в 1896 г. При утверждении смет земских раскладок Государственный совет поручил министру внутренних дел подготовить к 1899 г. предложения по преобразованию учреждений, заведовавших земским хозяйством в неземских губерниях. Для исполнения этого поручения И. Л. Горемыкин уже в июле 1896 г. обратился к виленскому и киевскому генерал-губернаторам, а также витебскому, минскому и могилевскому губернаторам

¹³Ведомость № 1. Приложение к историко-статистическим сведениям о земских повинностях // Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1983. Т. 4, ч. 1.

¹⁴Историко-статистические сведения о земских повинностях // Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1983. Т. 4, ч. 1. С. 87.

¹⁵ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1873. Т. 43. Отд-ние 2. № 46590. С. 560–561.

¹⁶Там же. Собр. 3. СПб., 1886. Т. 3. № 1304. С. 4–5.

¹⁷Там же. СПб., 1889. Т. 7. № 4377. С. 184.

¹⁸Там же. Штаты и табели. С. 148–149.

¹⁹Там же. № 4399. С. 194–195.

²⁰Там же. С. 195.

с просьбой высказать свое мнение о возможности введения положения о земских учреждениях²¹.

Поступившие материалы были детально рассмотрены в Министерстве внутренних дел. В ходе развернувшейся работы особое внимание уделялось обсуждению недостатков существовавшей системы земских повинностей. В их числе назывались несвоевременное представление проектов земских смет и раскладок, их неполнота и неточность, провоцировавшие длительную и обширную переписку центральных органов власти с местными учреждениями. Кроме того, расходы вносились в сметы в соответствии с Правилами 1851 г. и не делились на обязательные и необязательные. Законодательно не были определены источники финансирования для обеспечения широкого круга потребностей населения в неземских губерниях: улучшения санитарного состояния населенных пунктов, оказания помощи во время стихийных бедствий, организации противопожарного дела и пр.

Неоднократно подвергалась критике и процедура утверждения земских смет и раскладок. Их проекты готовили распорядительные комитеты и за год до утверждения представляли на рассмотрение в Министерство финансов. Затем они передавались на согласование Министерству внутренних дел и другим заинтересованным ведомствам. После этого проекты земских смет и раскладок поступали в Государственный совет, где рассматривались Департаментом государственной экономии и Общим собранием. Только после этого они передавались на высочайшее утверждение. Эта процедура была сложной и неудобной для правительственных учреждений, постоянно вызывала необходимость в получении дополнительных сведений. В итоге утверждение смет обычно задерживалось на 3–4 месяца.

Среди других недостатков указывались трехлетняя продолжительность сметного периода и невозможность пересмотра запланированных расходов. В случае экстренной необходимости губернские распорядительные комитеты могли дать разрешение на расходование сверх утвержденной сметы до 10 тыс. руб. (но только из свободных остатков), а Министерство финансов – до 20 тыс. руб. На сверхсметные расходы в большем размере требовалось получить высочайшее разрешение через Государственный совет. В итоге реализация самых простых и неотложных проектов (например, ремонт моста, восстановление сгоревшего здания) затягивалась на многие годы из-за обширной переписки различных инстанций²².

Министерство внутренних дел видело только один выход из создавшейся ситуации – реформирование существовавшей системы управления земскими

ми повинностями в неземских губерниях и введение здесь полноценного земского самоуправления. Однако это встретило оппозицию со стороны двух наиболее влиятельных сановников конца XIX в. – министра финансов С. Ю. Витте и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Они выступили категорически против введения земского самоуправления.

Несмотря на неудачные попытки реформировать саму систему земского обложения, к концу XIX в. в нее все же были внесены некоторые изменения. В частности, при законодательном утверждении смет начали подробно перечисляться основные статьи не только доходов, но и расходов. Так, при утверждении смет на 1896–1898 гг. в числе последних были указаны дорожная повинность, содержание местного гражданского управления, содержание и переустройство сельско-врачебной части, пособие приказам общественного призрения, содержание арестных помещений, воинская и этапная повинности, содержание духовенства и устройство причтовых помещений, народное образование, прочие расходы (отдельно обязательные и необязательные). По пяти белорусским губерниям общая сумма земских повинностей на год была определена в размере 3 311 740 руб., соответственно, на трехлетие она должна была составить 9 935 220 руб. При этом на социальные цели предполагалось направить почти 30 %. Большая часть этой суммы приходилась на содержание и переустройство сельско-врачебной части – 492 806 руб. в год, или 14,9 %. Пособия приказам общественного призрения должны были составить 321 574 руб., или 9,7 %. На финансирование народного образования выделялось 179 111 руб., или 5,4 %. Правда, большую часть этих средств планировалось направить на содержание церковно-приходских школ²³. Необходимо отметить, что при утверждении смет и раскладок на 1893–1895 и 1896–1898 гг. Государственный совет рассматривал финансирование сети церковно-приходских школ из средств земского сбора как временную меру чрезвычайного характера, от которой в дальнейшем планировалось отказаться²⁴. Однако в реальности она стала постоянной.

Смета расходов на 1899–1901 гг. получила еще большую детализацию. В ней сохранялось распределение расходов по 13 основным статьям, однако внутри они были распределены по параграфам. Общий размер расходов по пяти белорусским губерниям на один год должен был составить 3 119 549 руб. В их структуре наблюдалась тенденция к увеличению доли затрат на социальные цели, которая превысила 40 %. По-прежнему значительные средства направлялись на финансирование сельско-врачебной части – 800 262 руб. (25,7 %). На содержание заведений

²¹Рос. гос. ист. арх. (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 146.

²²Там же. Л. 160 об. – 162.

²³Подсчитано по: ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1899. Т. 16. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 136–137.

²⁴РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 167–167 об.

приказов общественного призрения планировалось затратить 278 515 руб. (8,9 %), а на народное образование – 294 206 руб. (9,4 %) ²⁵.

Указанные пропорции с небольшими изменениями сохранились в смете земских повинностей, утвержденной на 1902–1904 гг. Общая сумма расходов по пяти белорусским губерниям увеличилась до 3 555 963 руб. в год. В то же время удельная доля расходов на социальные цели уменьшилась примерно до 36 % расходной сметы. Наблюдалось сокращение затрат на здравоохранение, они составили 621 065 руб., или 17,5 %. Это объяснялось тем, что к началу XX в. на территории белорусских губерний в целом завершилась реорганизация сельско-врачебной части в соответствии с принципами, изложенными в законах 1883 и 1887 гг., а также была построена основная часть небольших стационарных лечебниц в сельской местности, что позволило сократить затраты на указанные цели. На долю расходов на содержание учреждений приказов общественного призрения приходилось 362 288 руб. (10,2 %), а на народное образование – 305 594 руб. (8,6 %) ²⁶.

В связи с введением в 1903 г. Положения об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилёвской и Подольской (далее – Положение 1903 г.) были внесены коррективы в существовавшую систему земских повинностей в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях. Так, составление смет было поручено новым органам – уездным и губернским управам и комитетам по делам земского хозяйства. Все расходы были разделены на обязательные и необязательные. Срок действия смет был сокращен до одного года, а процедура их утверждения упрощена. В первый год после введения в действие Положения 1903 г. Министерство внутренних дел после согласования с Министерством финансов должно было вносить на рассмотрение Государственного совета проекты земских смет и раскладок по каждой губернии. Предполагалось, что в последующие годы их утверждение в законодательном порядке будет отменено ²⁷.

Что касается Виленской и Гродненской губерний, то на них Положение 1903 г. так и не было распространено, а потому здесь сметы и раскладки земских повинностей составлялись и утверждались на основании принципов, сформировавшихся еще в дореформенное время. Однако на протяже-

нии трех трехлетий (с 1905 по 1913 г.) наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению как общей суммы расходов на земские повинности, так и удельной доли затрат на различные социальные нужды. Так, по Виленской и Гродненской губерниям ежегодный совокупный расход на 1905–1907 гг. был сведен к сумме 1 516 204 руб., на 1908–1910 гг. – 1 923 825 руб., на 1911–1913 гг. – 2 317 464 руб. При этом доля расходов на социальные нужды сначала чуть превышала 36 %, затем достигла 41 %, а накануне Первой мировой войны составила более 48 %. В целом за девять лет ежегодная сумма расходов по двум губерниям увеличилась в 1,5 раза, а доля затрат на социальные нужды – в 1,3 раза ²⁸.

В структуре расходов на земские повинности по Виленской и Гродненской губерниям по-прежнему значительные средства направлялись на содержание и развитие сельско-врачебной части. На протяжении 1905–1907 гг. они ежегодно составляли 247 704 руб. (16,3 %), 1908–1910 гг. – 279 957 руб. (14,6 %), 1911–1913 гг. – 440 123 руб. (18,9 %). Пособия учреждениям приказов общественного призрения колебались в пределах 13–15 % от общей суммы расходов. В 1905–1907 гг. на указанные цели ежегодно назначалось 199 232 руб., в 1908–1910 гг. – 286 968 руб., в 1911–1913 гг. – 337 348 руб. Наиболее резко увеличились затраты на народное образование. Если на протяжении 1905–1907 гг. они составляли 100 210 руб. в год (6,6 %), то в 1908–1910 гг. достигли 222 374 руб. (11,6 %), а в 1911–1913 гг. – 344 071 руб. (14,9 %). Однако эти средства направлялись преимущественно на содержание церковно-приходских школ ²⁹.

Новые сметы расходов на земские повинности на 1914–1916 гг. по Виленской и Гродненской губерниям были утверждены Николаем II после одобрения Государственной думой и Государственным советом 29 июня 1914 г. ³⁰ Однако они не были приведены в исполнение в связи с началом Первой мировой войны. Тем не менее анализ их расходной части позволяет определить подходы правительства к дальнейшему развитию системы местного налогообложения. Планировалось, что на протяжении 1914–1916 гг. совокупный расход по Виленской и Гродненской губерниям должен был составить 3 136 594 руб. По сравнению с предшествующим трехлетием прирост достиг 819 130 руб. При этом расходы на содержание и развитие сельско-врачебной части составили бы 542 975 руб. в год (17,3 %), на финансирование учреждений приказов обще-

²⁵Подсчитано по: ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1902. Т. 19. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 216–225.

²⁶Подсчитано по: ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1904. Т. 22. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 139–147.

²⁷ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1905. Т. 23. Отд-ние 1. № 22757. С. 348–350.

²⁸Подсчитано по: ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 250–255; ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1911. Т. 28. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 444–451; ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1914. Т. 31. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 266–273.

²⁹Подсчитано по: ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 250–255; ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1911. Т. 28. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 444–451; ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1914. Т. 31. Отд-ние 2. Штаты и таблицы. С. 266–273.

³⁰ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1918. Т. 34. Отд-ние 1. С. 675–677.

ственного призрения – 483 339 руб. (15,4 %), на народное образование – 630 202 руб. (20,1 %). В общей сложности доля затрат на социальные цели должна была достичь 52,8 %³¹. Это свидетельствовало о со-

хранении устойчивой тенденции к превращению системы земских повинностей в неземских губерниях в основной источник финансирования социальной сферы на местах.

Заключение

После отмены крепостного права и отказа распространить на белорусские губернии Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. здесь для финансового обеспечения широкого круга потребностей населения стали привлекаться ресурсы земских повинностей. Основным источником их формирования выступал земский сбор, который уплачивался крестьянами и собственниками недвижимости в сельской местности. Система взимания земских повинностей сложилась еще до отмены крепостного права и регулировалась принципами, закрепленными Правилами

1851 г. На территории белорусских губерний на счет земского сбора были отнесены расходы на содержание сельско-врачебной части и учреждений приказов общественного призрения. С 1903 г. в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях он был передан в распоряжение управлений по делам земского хозяйства. В Виленской и Гродненской губерниях был сохранен прежний порядок составления и исполнения смет и раскладок земских повинностей. При этом здесь земский сбор превратился в основной источник финансирования социальной сферы.

Библиографические ссылки

1. Кашкаров МП, составитель. *Исторический обзор законодательных работ по общему устройству земских повинностей*. Санкт-Петербург: Министерство финансов; 1894. X, 367 с.
2. Лебедев ВА. Земские повинности и местные налоги. В: Безобразов ВП, редактор. *Сборник государственных знаний. Том 2*. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К^о; 1875. с. 125–180.
3. Шелгунов НВ. *Податной вопрос*. Санкт-Петербург: Типография А. Моригеровского; 1872. II, 213 с.
4. Скалон ВЮ. Земские финансы. В: Брокгауз ФА, Ефрон ИА, издатели. *Энциклопедический словарь. Том 12А*. Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона; 1894. с. 514–531.
5. *Министерство финансов. 1802–1902. Часть 1*. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг; 1902. X, 640 с.
6. *Министерство финансов. 1802–1902. Часть 2*. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг; 1902. VIII, 692 с.
7. Толкушкин АВ. *История налогов в России*. Москва: Магистр; 2011. 480 с. Совместное издание с Инфра-М.
8. Захаров ВН, Петров ЮА, Шацилло МК. *История налогов в России. IX – начало XX века*. Москва: РОССПЭН; 2006. 296 с.

References

1. Kashkarov MP, compiler. *Istoricheskii obzor zakonodatel'nykh rabot po obshchemu ustroistvu zemskikh povinnostei* [Historical review of legislative work on the general structure of zemsky obligations]. Saint Petersburg: Ministerstvo finansov; 1894. X, 367 p. Russian.
2. Lebedev VA. [Zemsky obligations and local taxes]. In: Bezobrazov VP, editor. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy. Tom 2* [Collection of State knowledge. Volume 2]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K^o; 1865. p. 125–180. Russian.
3. Shelgunov NV. *Podatnoi vopros* [The tax question]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo; 1872. II, 213 p. Russian.
4. Skalon VJu. [Zemstvo finance]. In: Brokgauz FA, Efron IA, publishers. *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom 12A* [Encyclopedic Dictionary. Volume 12A]. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya I. A. Efrona; 1894. p. 514–531. Russian.
5. *Ministerstvo finansov. 1802–1902. Chast' 1* [Ministry of Finance. 1802–1902. Part 1]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag; 1902. X, 640 p. Russian.
6. *Ministerstvo finansov. 1802–1902. Chast' 2* [Ministry of Finance. 1802–1902. Part 2]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag; 1902. VIII, 692 p. Russian.
7. Tolkushkin AV. *Istoriya nalogov v Rossii* [The history of taxes in Russia]. Moscow: Magistr; 2011. 480 p. Co-published by the Infra-M. Russian.
8. Zaharov VN, Petrov JuA, Shacillo MK. *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka* [The history of taxes in Russia. 9th – the beginning of the 20th century]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 296 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2019.
Received by editorial board 01.04.2019.

³¹Подсчитано по: Проекты законов, одобренные Государственной думою. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 гг. Вып. 2 (№ 301–602). Петроград, 1914. С. 539–541, 658–660.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ (1919–1922)

Т. Д. ГЕРНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Цель статьи – выявление мероприятий, которые определили становление государственных архивов Беларуси. Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд задач: 1) установить источники, содержащие информацию о собирании документальных комплексов, комплектовании документами централизованных государственных архивохранилищ и организации системы архивных учреждений; 2) определить круг лиц, принимавших участие в создании Центрального архива при Народном комиссариате просвещения БССР (Центрархива); 3) выявить комплекс нормативных документов, которые предшествовали первому закону об архивах БССР. Актуальность исследования определяется неразработанностью обозначенных проблем в белорусском архивоведении. Впервые вводятся в научный оборот источники о комплектовании первых государственных архивохранилищ, дается информация о фондах учреждений, сохраненных благодаря усилиям Д. И. Довгялло, Н. П. Шкляева, А. А. Савича, М. А. Вахаева. Раскрывается механизм передачи архивных комплексов в состав Центрархива, приводятся сведения об организационных и методических основаниях деятельности по организации архивной отрасли в БССР. Рассматривается деятельность подотдела охраны памятников старины и искусства отдела искусства Наркомпроса БССР и академического центра Наркомпроса БССР в качестве учреждений – предшественников Центрархива. Делается вывод, что деятельность Наркомпроса и самоотверженные усилия историков-архивистов стали также основанием для создания Национального архива Республики Беларусь, Национального исторического архива Беларуси. На основе выявленной информации предлагается уточнить историю архивных учреждений и пересмотреть даты их основания. В результате сравнительного анализа нормативных актов об архивах РСФСР и БССР выявлено сходство формулировок первоначальных редакций и теоретических установок, характерных для законопроектов первых нормативных актов об архивах. Заключается, что архивное дело в БССР формировалось под влиянием нормативных актов РСФСР. Однако практическая работа по сохранению архивов, их объединению в крупные комплексы и созданию в итоге сети государственных архивных учреждений в начале 1920-х гг. в БССР осуществлялась исключительно внутренними силами на основании нормативных правовых актов, издаваемых республиканскими органами управления.

Ключевые слова: архивоведение; государственный архив; Центрархив БССР; законы об архивах; БССР.

Благодарность. Автор выражает особую признательность за помощь в поиске и обсуждении материалов заведующему кафедрой источниковедения исторического факультета БГУ доценту М. Ф. Шумейко.

ЗАСНАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ АРХІВАЎ БЕЛАРУСІ (1919–1922)

Т. Д. ГЕРНОВИЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Мэта артыкула – выяўленне мерапрыемстваў, якія вызначылі станаўленне дзяржаўных архіваў Беларусі. Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна было вырашыць шэраг задач: 1) вызначыць крыніцы, якія змяшчаюць інфармацыю аб збіранні дакументальных комплексаў, камплектаванні дакументамі цэнтралізаваных дзяржаўных архіваў і ўтварэнні сістэмы архіўных устаноў; 2) вызначыць асоб, якія прымалі ўдзел у стварэнні Цэнтраль-

Образец цитирования:

Гернович ТД. Становление государственных архивов Беларуси (1919–1922). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:46–56. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-46-56>.

For citation:

Hiarnovich TD. Formation of state archives of Belarus (1919–1922). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:46–56. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-46-56>.

Автор:

Татьяна Дмитриевна Гернович – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Tatsiana D. Hiarnovich, PhD (history); associate professor at the department of source studies, faculty of history. <https://orcid.org/0000-0003-1970-7156>
adelia.z@gmail.com

нага архіва пры Народным камісарыяце БССР (Цэнтрархіва); 3) выявіць комплекс нарматыўных дакументаў, якія папярэднічалі першаму закону аб архівах БССР. Актуальнасць даследавання вызначаецца нераспрацаванасцю акрэсленых праблем у беларускім архівазнаўстве. Упершыню ўводзяцца ў навуковы абарот крыніцы аб камплектаванні першых дзяржаўных архівасховішчаў, даецца інфармацыя аб фондах устаноў, захаваных дзякуючы намаганням Д. І. Даўгялы, М. П. Шкляева, А. А. Савіча, М. А. Вахаева. Раскрываецца механізм перадачы архіўных комплексаў у склад Цэнтрархіва. Прыводзяцца звесткі аб арганізацыйных, метадычных падставах дзейнасці па арганізацыі архіўнай галіны ў БССР. У якасці ўстаноў – папярэднікаў Цэнтрархіва разглядаецца дзейнасць пададдзела аховы помнікаў даўніны і мастацтва аддзела мастацтва Наркамасветы БССР і акадэмічнага цэнтра Наркамасветы БССР. Робіцца выснова, што дзейнасць Наркамасветы і самааддання намаганнямі гісторыкаў-архівістаў сталі таксама падставай для стварэння Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. На аснове выяўленай інфармацыі прапануецца ўдакладніць гісторыю архіўных устаноў і перагледзець даты іх заснавання. У выніку параўнальнага аналізу нарматыўных актаў аб архівах РСФСР і БССР было выяўлена падабенства фармулёвак першапачатковых рэдакцый і тэарэтычных устаноў, характэрных для законапраектаў першых нарматыўных актаў аб архівах. Робіцца выснова, што архіўная справа ў БССР вызначалася пад уплывам нарматыўных актаў РСФСР. Адзначаецца, што практычная праца па захаванні архіваў, іх аб'яднанні ў буйныя комплексы і стварэнне ў выніку сеткі дзяржаўных архіўных устаноў на пачатку 1920-х гадоў у БССР ажыццяўлялася выключна ўнутранымі сіламі, на падставе нарматыўных прававых актаў, якія выдаваліся рэспубліканскімі органамі кіравання.

Ключавыя словы: архівазнаўства; дзяржаўны архіў; Цэнтрархіў БССР; законы аб архівах; БССР.

Падзяка. Аўтар выказвае асаблівую падзяку за дапамогу ў пошуку і абмеркаванні матэрыялаў загадчыку кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ дацэнта М. Ф. Шумеіка.

FORMATION OF STATE ARCHIVES OF BELARUS (1919–1922)

T. D. HIARNOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article was to identify the activities that determined the formation of the state archives of Belarus. To achieve this goal, it was necessary to solve several problems: 1) identification of sources containing information on the collection of documentary complexes, the acquisition of documents from centralized state archives and the organization of the system of archival institutions; 2) identification of persons who participated in the creation of the Central Archive of the People's Commissariat of Education of BSSR (Central Archive of BSSR); 3) identification of regulatory documents that preceded the first law on the archives of the BSSR. The relevance of the study is determined by the lack of development of the problems identified in the Belarusian archival studies. The article for the first time introduces into the scientific circulation sources about the acquisition of the first state archives, provides information about the funds of institutions, saved thanks to the efforts of D. I. Dovgyallo, N. P. Shklyaev, A. A. Savich, M. A. Vakhayev. The mechanism of transfer of archival complexes to the Central Archive of BSSR structure is revealed. Information is provided on the organizational, methodological foundations of the organization of the archival industry in the BSSR. As the predecessor institutions of the Central Archive of BSSR, the activities of the subdivision of the protection of monuments of antiquity and art of the art department of the People's Commissariat of Education of the BSSR and the academic center of the People's Commissariat of Education of the BSSR are considered. It is concluded that the activities of the People's Commissariat of Education and the dedicated efforts of historians and archivists were also the basis for the creation of the National Archives of the Republic of Belarus, the National Historical Archives of Belarus. Based on the information revealed, it is proposed to clarify the history of archival institutions and revise the dates of their establishment. As a result of a comparative analysis of the normative acts on the archives of the RSFSR and the BSSR, a similarity of the wording of the original editions and theoretical guidelines of the first normative acts on the archives was revealed. It is concluded that the archives in the BSSR was determined under the influence of the regulations of the RSFSR. However, it is noted that the practical work on the preservation of archives, their unification into large complexes and the creation of a network of state archival institutions in the early 1920s in the BSSR was carried out exclusively by internal forces, on the basis of normative legal acts issued by republican government bodies.

Keywords: archival science; state archive; Central Archives of BSSR; laws on archives; BSSR.

Acknowledgments. The author expresses her special appreciation for the help in searching and discussing materials to the head of the department of source study at the faculty of history of the Belarusian State University, docent M. F. Shumeiko.

Введение

Понятие «государственный архив» появляется одновременно с понятием «государство». Довольно сложно сформулировать характерные черты, которые свойственны государственным архивам. Как феномен они возникают в западноевропейских странах в разное время. Но чаще всего это явление

совпадает с развитием государства современного типа, с разделением ветвей власти, способных реализовывать законодательные, экономические, культурные, политические и другие функции в сфере управления, опираясь на нацию и защиту достоинства, свободы и прав человека. Государственные архивы создаются как публичные институты, обеспечивающие сохранность и использование документов государственных структур и осуществляющие контроль за ведением делопроизводства в государственном аппарате.

Традиционно считается, что впервые государственные архивы возникли во Франции во время Великой французской революции. Декретом от 7 мессидора II г. Французской республики (25 июня 1794 г.) архивы объявляются достоянием граждан и получают публичный статус. Таким образом, создается традиция передачи документов, создаваемых в государственных и муниципальных учреждениях, на постоянное хранение для обеспечения их защиты и введения в научный оборот. Во Франции публичность государственных архивов понималась как одно из важнейших революционных достижений: ее основой является принцип собственности граждан на национальное культурное достояние. В связи с этим во французской традиции выделяют публичные, а не государственные архивы.

На территории Беларуси государственные архивы появляются в начале XX в. О существовании государственных архивов в более ранние периоды говорить довольно сложно хотя бы потому, что тогда еще не было создано белорусское государство современного типа.

Метрика Великого княжества Литовского, которую часто называют государственным архивом ВКЛ, представляла собой архив канцелярии великого князя и по большей части состояла не из самих документов, а из книг записей. Конечно, документирование работы государственного аппарата, которое обеспечивала Метрика ВКЛ, – это весьма важная функция, свойственная государственным архивам, однако она далеко не единственная. Одна из важнейших их функций – обеспечение доступа исследователей к документам. Очевидно, что уровень развития исторической науки в ВКЛ не позволяет рассматривать Метрику ВКЛ в таком аспекте.

Виленский центральный архив древних актов книг и Витебский центральный архив древних актов книг, которые были созданы в 1852 г., гораздо ближе к понятию «государственный архив». Несмотря на их узкую специализацию, которая была вызвана стремлением государства обеспечить сохранность актов книг и их защиту от подделок, они выполняли не только административную, но и научную функцию. Работа Виленской археографической комиссии, публикации Н. И. Горбачевского, подготовка актов Виленской археографической комиссии

и историко-юридических материалов стали логическим итогом использования документов виленского и витебского архивов древних актов. Однако понятие «государственный архив» предполагает, что документы должны отражать историю государственного управления на всей его территории, либо, если речь идет о создании сети региональных архивов, документальный охват не может ограничиваться документами одного вида. Документу должны показывать все сферы деятельности государственных органов на определенной территории.

Первые предпосылки к созданию в Беларуси государственных архивов возникают в начале XX в. Первым импульсом стал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», подписанный 1 июня 1918 г. В. И. Лениным. В соответствии с декретом собственником государственных архивов объявлялось государство, которое рассматривало их как средство проведения идеологической политики. Такой подход к архивам и исторической науке не мог не способствовать установлению режима ограниченного доступа к документам.

Провозглашение Республики Беларусь стало причиной пересмотра политики «закрытых» государственных архивов. В соответствии с законом Республики Беларусь от 1994 г. «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» государственные архивы становятся публичными и граждане получают право пользования документами. Несмотря на развитие архивного законодательства в последующие годы, принятый в 2011 г. закон «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» сохраняет за государством право собственности на архивы, предоставляя для всех остальных категорий лиц лишь право пользования архивными документами. Пользователем архивных документов объявляется «государственный орган, иная организация либо гражданин, обращающиеся на законных основаниях к архивным документам для получения и использования содержащейся в них информации» (ст. 2). В то же время отмечается, что «архивные документы, хранящиеся в государственных архивах... находятся только в собственности государства... Государственные архивы... территориальные (городские или районные) архивы, а также государственные музеи и библиотеки являются владельцами хранящихся у них архивных документов» (гл. 5, ст. 14). Таким образом, несмотря на открытие доступа к государственным архивам, принцип собственности граждан на национальное достояние так и не был провозглашен.

Насколько важен принцип собственности граждан на национальное достояние и нужно ли его противопоставлять принципу государственной собственности? Рассуждения в этой плоскости приводят нас к понятию ответственности за сохранность архивных документов не только в мирных условиях, но и во время кризисных ситуаций, войн, рево-

люций, распада государств. Конечно, следуя теории общественного договора, мы можем утверждать, что право граждан на владение архивными документами передается государству в обмен на обеспечение их защиты. А можно следовать простой логике: создатель архива является владельцем архива и несет ответственность за его сохранность. Но, с другой стороны, во время революции 1917 г. и распада СССР, когда происходила смена политического режима и вместо одного государства возникло другое, защищало национальное достояние не государство, а общество и граждане, которые осознали его культурную ценность. Информация, содержащаяся в документах государственных архивов, необходима в первую очередь обществу для понимания

собственной исторической и культурной уникальности. Без этого невозможен процесс объединения, а следовательно, и создания государства.

Решение проблемы соотношения собственности государства и общества на национальное достояние, возможно, как нам кажется, при использовании историко-генетического метода для реконструкции процесса и при выделении основных этапов создания Центрального архива при Народном комиссариате просвещения БССР (Центрархива). Применяя метод структурного анализа, можно определить субъект, который выступает в качестве создателя государственных архивов на основании действий, предпринимаемых государством и обществом по спасению архивов и выработке нормативных правовых актов.

Результаты исследования

До издания 1 июня 1918 г. декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архивы хранились в соответствии с ведомственным принципом. Ведомство было собственником созданных документов, оно же и несло ответственность за их сохранность. Даже во время военных действий в ходе Первой мировой войны ответственность за организацию эвакуации возлагалась не на государство, а на ведомство. Конечно, последнее было не в силах самостоятельно реализовывать такую сложную задачу. Огромную помощь в эвакуации документов с территории Беларуси оказала Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов Русского исторического общества, которая с 1912 г. возглавляла деятельность губернских ученых архивных комиссий [1, с. 13].

Война, революция, смена политического режима, оккупация приводят к тому, что архивы теряют своего владельца и, оставшись бесхозными, расхищаются и уничтожаются.

Несмотря на отсутствие понятия «государственный архив», общество и власть тем не менее понимают культурное значение архивных документов и предпринимают меры по их сохранению. Создание системы, которая обеспечивала бы сохранность документов, возможно только при наличии единого центра, который не только сконцентрировал бы документы, но и осуществлял бы руководящие функции в архивной отрасли. Так, во Франции был создан Национальный архив, в Бельгии – Главный архив королевства, в Нидерландах – Главный архив королевства в Гааге, в РСФСР – Главное управление архивным делом при Наркомате просвещения РСФСР (Главархив), в США – Национальное управ-

ление архивов и документации. В БССР таким органом становится Центрархив.

В процессе создания единого органа управления архивами Беларуси можно выделить несколько этапов.

1. Нормативно-декларативный (1 июля 1918 г. – август 1919 г.). В самом начале пути новой власти, не имеющей достаточных властных полномочий и институтов, исполняющих ее распоряжения, было довольно сложно реализовывать утверждаемые нормативные акты. Распоряжения государственных органов, не подкрепленные деятельностью общества, остаются в виде деклараций. Так, Президиум областного исполкома Советов Западной области и фронта 1 июля 1918 г. издает постановление «Об организации архивного дела»¹. Совет народных комиссаров ССРЛИБ 13 марта 1919 г. принимает декрет «О централизации архивного дела»². Однако эти нормативные документы не применялись. С 1917 до 1919 г. фактически отсутствует какая-либо информация о деятельности по собиранию и обеспечению сохранности архивов в Беларуси.

Первые мероприятия по учету и регистрации архивных фондов начинают проводиться в Беларуси Комиссариатом просвещения Временного рабочекрестьянского правительства ССРБ. Начало этой деятельности было положено 30 января 1919 г. изданием декрета «О передаче культурных ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и разных учреждениях Комиссариату по просвещению и об организации их учета, охраны и собирания»³.

2. Собираение и постановка на государственный учет ведомственных архивных комплексов (август 1919 г. – январь 1921 г.). На территории

¹Постановление Президиума областного исполкома Советов Западной области и фронта «Об организации архивного дела», 1 июля 1918 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 11.

²Декрет Совета народных комиссаров ССРЛИБ «О централизации архивного дела», 13 марта 1919 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 14.

³Декрет «О передаче культурных ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и разных учреждениях Комиссариату по просвещению и об организации их учета, охраны и собирания», 30 января 1919 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 12–13.

Витебской и Могилёвской губерний, которые были включены в состав РСФСР, действовали распоряжения российских органов власти. В августе 1919 г. после издания Положения Совнаркома РСФСР «О губернских архивных фондах» от 31 марта 1919 г.⁴ были созданы губернские областные управления, которые стали первыми архивными органами на восточной территории Беларуси. Их работа строилась на энтузиазме архивистов и историков. Она не была регламентирована нормативными актами и не подкреплялась материальной поддержкой Главархива РСФСР. Основная заслуга в собирании и сохранении архивов в восточной части Беларуси принадлежит Д. И. Довгялло, который был назначен заведующим Могилёвским губернским архивом и уполномоченным Главархива РСФСР по Могилёвской губернии. В Могилёве хранилище архива размещалось по адресу пр. Днепровский, 4; в бернардинском костеле на ул. Покровской находился архив бывших судебных учреждений; в доме Вильда по адресу пер. Маковецкий, 12, – архив бывшей Могилёвской казенной палаты; в доме Ратнера по Днепровскому проспекту – архив бывшей контрольной палаты и др. [2, с. 57].

На территории ССРБ работа по организации государственных архивов начала проводиться в Минске с апреля 1920 г. При подотделе охраны памятников старины и искусства отдела искусства Наркомпросвещения БССР 15 апреля 1920 г. была создана архивная секция. Обязанности заведующего охраной архивов в ней выполнял до 26 мая 1921 г. Николай Павлович Шкляев [3, с. 223–224]. Благодаря самоотверженным усилиям этого человека за год были собраны и сохранены архивы учреждений, хранившиеся в городе [4, с. 17–26].

Первоначально основной задачей архивиста являлось принятие на учет архивов бывших учреждений и обеспечение их сохранности. Сделать это было сложно, так как не всегда новые учреждения, занявшие здания, в которых хранились архивы, соглашались на размещение документов.

Так, архив Минского губернского правления был вынесен из здания и помещен в два каменных сарая, один из которых требовала освободить типография революционного комитета. Понимая, что сарай – неподходящее место для хранения архивных документов, Н. П. Шкляев, за неимением других вариантов, просит денег у руководства на доски, гвозди и оплату рабочим, заколачивавшим окна сарая, чтобы архив смог хоть как-то перезимовать⁵.

Архив Минской казенной палаты находился в более благоприятных условиях: хранился на чердаке этого здания. Однако его было невозможно

Рис. 1. Н. П. Шкляев
Fig. 1. N. P. Shklyayev

опечатать, потому что ежедневно через чердак проходил мастер, который обслуживал часы на башне здания⁶.

В 1921 г. в ведении Минского губархива находились 7 архивных комплексов: 1) архив Минской казенной палаты (угол пл. Соборной и ул. Койдановской); 2) архив Минского губернского правления (пл. Соборная, Дом труда); 3) архив старшего нотариуса Минского окружного суда (пл. Соборная, Дом труда); 4) архив упраздненных судебных мест Минской губернии (пер. Монастырский); 5) архив Минской губернской контрольной палаты (угол Юрьевской и Петропавловской улиц); 6) архив минского дворянства (угол Подгорной и Петропавловской улиц); 7) архив Минской духовной православной консистории (угол ул. Захарьевской и пер. Архиерейского)⁷.

Здание бывшей Минской казенной палаты, которое размещалось на Соборной площади под башней с часами, стало одним из первых центральных архивохранилищ г. Минска. В нем были сконцентрированы фонды бывшей Минской казенной палаты, бывшего казначейства, Либаво-Роменской железной дороги. Документы здесь находились в относительной безопасности. Во время немецкой оккупации часть материалов была повреждена пожаром, но основной массив документов сохранился. Здание оставалось пустым после эвакуации советских учреждений из Минска в сентябре 1920 г. По возвращении Советов в октябре оно не было занято до февраля 1921 г. Подотдел охраны памятников старины и искусства БССР опечатал шесть оборудованных архивных помещений, которые находились на чердаке. В одном из них разместилось, как указывал Н. П. Шкляев, около 2000 пудов документов.

⁴Положение Совнаркома РСФСР «О губернских архивных фондах», 31 марта 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 541–543.

⁵Нац. арх. Респ. Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6 об.

⁶Там же. Л. 5.

⁷Там же. Л. 22,23.

Кроме этого, был опечатан большой оборудованный под архив подвал. В нем также хранилось несколько тысяч пудов документов⁸. Таким образом, в течение 1920–1921 гг. были заложены основы для создания государственных архивов Беларуси. Фонды, принятые на хранение Минским губархивом, составляют в настоящее время основу Национального исторического архива Беларуси.

Концентрация ведомственных документов в государственных архивохранилищах не гарантировала полную защиту документов и была первым этапом на пути к созданию архивной отрасли республики. Это становится понятным в декабре 1920 г., когда Наркомпрос БССР получает из Президиума Совета народного хозяйства БССР неоднократные требования о выделении «архивных бумаг» для нужд бумажной промышленности [5, с. 72–80].

Несмотря на отказы Н. П. Шкляева выделить из архива бумагу для переработки, а также ряд писем в Совнарком БССР «по поводу недостаточного понимания в некоторых учреждениях сознания ценностей для культуры сохранения архивов...», была организована специальная комиссия, которая в мае 1921 г. отправила 951 пуд архивной бумаги на писчебумажную фабрику «Папирус» в Ново-Борисове⁹.

И это был не единственный случай, когда документы архива отправлялись на переработку [6, с. 14–20].

3. Выработка нормативной базы по охране документов от уничтожения (январь – июнь 1921 г.). Декрет 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» не гарантировал защиту архивных документов Беларуси, поэтому Н. П. Шкляев в январе 1921 г. подготовил проект декрета «Об охране архивных материалов на территории ССРБ». В соответствии с проектом местные отделы народного образования должны были до 15 марта 1921 г. взять на учет имеющиеся архивные комплексы, опечатать их и проинформировать об этом Наркомпрос БССР¹⁰. Проект Н. П. Шкляева лег в основу Постановления СНК БССР «Об учете и сохранении архивных материалов» от 23 января 1921 г., который был опубликован в газете «Звезда» 2 февраля 1921 г.¹¹

Н. П. Шкляев подготовил также проект об организации Главного архива Беларуси. Основная цель его создания предполагала, во-первых, объединение архивов для их лучшей сохранности; во-вторых, предоставление научным силам возможностей для разработки истории края. В проекте предусматривалось выделение для архива отдельного здания (например, дом бывшего военачальника). При

Минскъ.
Minsk.

Соборная площадь. Католическiй костелъ и Губернаторскiй домъ.
Kathedraleplatz. Katholisches Kloster und Haus von Gubernator.

Рис. 2. Здание бывшей Минской казенной палаты на Соборной площади – одно из первых центральных архивохранилищ г. Минска

Fig. 2. The building of the former Treasury Chamber, Cathedral Square. One of the first central archives of Minsk

⁸Там же. Д. 527. Л. 35–35 об.

⁹НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–30 об., 33, 40–42 об.

¹⁰Там же. Л. 31–31 об., 45–45 об.

¹¹Постановление СНК БССР «Об учете и сохранении архивных материалов», 23 янв. 1921 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 16.

систематизации фондов предлагалось использовать следующую классификацию: 1) отделение внутренних дел (архив губернского правления); 2) отделение судебных дел; 3) отделение финансовых дел; 4) отделение церковных дел; 5) отделение местного дворянства и других сословий; 6) отделение учебных заведений; 7) военный, железнодорожный и другие фонды. Каждое отделение должно было иметь своего заведующего. Общее руководство архивом возлагалось на директора, помощника и секретаря, при них должна была действовать общая канцелярия. В архиве предполагалось оборудовать библиотеку, читальный зал, переплетную мастерскую. Планировался штат из 12 постоянных и 4 разъездных сотрудников¹².

Проблема сохранности архивов так и не была решена. В феврале 1921 г. здание бывшей Минской казенной палаты было занято 81-ми Минскими пехотными подготовительными курсами командного состава. Печати с архивов были сорваны, документы расхищались. Н. П. Шкляев в присутствии представителя администрации курсов и милиции вновь наложил печати Наркомпроса БССР на 7 помещений. Начальник курсов Л. П. Клауз обещал полную неприкосновенность архивов, однако обещание не было выполнено. В том же месяце администрация курсов занялась распродажей хранящихся в здании архивов: были проданы часть материалов казенной палаты и Либаво-Роменской железной дороги¹³.

Стало очевидно, что для обеспечения силы принимаемых законодательных актов необходимо создать центральное архивное учреждение, которое будет иметь полномочия по осуществлению контроля за сохранностью архивов.

4. Создание органа управления архивами и определение нормативных основ его деятельности (июнь 1921 г. – декабрь 1922 г.). Основа центрального архивного учреждения была заложена созданием 27 июня 1921 г. высшего административного научного органа – Академического центра Наркомпроса БССР (далее – Академический центр), на который было возложено общее руководство научной, учебной и просветительской деятельностью Наркомпроса БССР. В соответствии с положением об Академическом центре 11 июля 1921 г. председателем Наркомпроса стал В. М. Игнатовский. В состав секретариата входили ученый секретарь по делам науки Н. М. Гутковский и ученый секретарь по делам искусства В. С. Фальский. Структура Академического центра состояла из Научно-терминологической комиссии, Минского общества истории и древностей, литературно-издательского отдела, в художественную часть входили Экспедиция по изучению белорусского народного

творчества и подотдел охраны памятников искусства и культуры.

В составе Академического центра 17 августа 1921 г. была создана Архивная комиссия. Ее председателем был назначен В. И. Пичета, заместителем – А. А. Савич, членом – Н. П. Шкляев, научным секретарем – Н. М. Гутковский¹⁴. Комиссия начала активную работу по собиранию архивов. В удостоверении А. А. Савича было написано, что «ему поручено сконцентрировать все местные архивы в одно учреждение Главархива...», в связи с чем профессору А. А. Савичу «дается право входа во все древлехранилища и учреждения как в г. Минске, так и [в] других местах Белоруссии с тем, чтобы он мог извлечь оттуда все, что имеет историческую архивную ценность»¹⁵.

Рис. 3. А. А. Савич

Fig. 3. A. A. Savich

В. И. Пичета в это время был главным инспектором Главархива РСФСР и ректором БГУ. Несмотря на свою большую занятость (помимо прочего, ученый участвовал в переговорах об условиях выполнения Рижского мирного договора 1921 г., связанных с передачей Польше культурных ценностей), он вносил свою лепту в дело становления белорусских государственных архивов. Благодаря своему исключительному служебному положению В. И. Пичета в равной степени содействовал сохранению белорусских архивов, которые находились как на территории ССРБ, так и в восточной части Беларуси, входившей в состав РСФСР. Так, 21 декабря 1921 г. Д. И. Довгялло, который был назначен заведующим Могилёвским губернским архивом и уполномоченным из Главархива РСФСР по Могилёвской губернии, получил телеграмму из Главархива РСФСР с просьбой приехать в Гомель для спасения архивов.

¹²НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12 об.

¹³Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 37.

¹⁴Там же. Д. 65. Л. 1.

¹⁵Там же. Д. 518. Л. 59.

Ситуация с гомельскими архивами была настолько типична для того времени, что 23 декабря 1921 г. в губернские архивы был разослан циркуляр Главархива РСФСР за подписью В. В. Адоратского и В. И. Пичеты о невыдаче архивных документов без разрешения Главархива¹⁶.

Работа в Минске Архивной комиссии Академического центра в этот период также была связана с созданием условий по обеспечению сохранности архивных документов. Как отмечалось в отчете за 1921 г., «свезены и совершенно находятся в безопасности в высшей степени ценные архивы: 1) бывшей контрольной палаты, 2) дворянский, 3) консисторский, 4) Слуцкого монастыря, 5) дирекции народных училищ Минской губернии, 6) городского минского самоуправления; удалось раздобыть драгоценные материалы из Бобруйска, и совершенно случайно оказался в пользовании Архивной комиссии сундук с редкими архивными материалами из какой-то барской усадьбы. На очереди перевозка в приличное здание из помещения сарая величественного и очень важного архива бывшего Минского окружного суда и Минского губархива»¹⁷. Далее составитель отчета (предположительно Н. М. Гутковский) пишет, что «Академический центр не может не отметить выдающейся деятельности в сохранении минских архивов профессора А. А. Савича, председателя Архивной комиссии, самоотверженно и фанатично преданного архивам, а также члена Архивной комиссии Н. П. Шкляева, во время всех политических перипетий, пережитых Минском, ревниво, с подвигом ученого, охранявшего драгоценное архивное достояние...»¹⁸.

Несмотря на довольно широкие полномочия Архивной комиссии Академического центра, учреждения часто ее игнорировали. Так, А. А. Савич в докладной записке в Академический центр от 4 января 1922 г. отмечал, что деятельность архивной комиссии не определена нормативными актами, поэтому «Академическому центру через комиссара просвещения необходимо добиться постановления Совнаркома Белоруссии о том, чтобы все архивы, которыми не пользуются учреждения в своей текущей работе, были переданы в ведение архивной комиссии, все вообще архивы поставлены под ее защиту, и чтобы ни одно учреждение, ни одно лицо не имело ни малейшего права уничтожать какие бы то ни было архивные материалы без санкции архивной комиссии...»¹⁹.

В следующей докладной записке А. А. Савич отмечает, что «подобные хищения не прекратятся,

пока высшим законодательным порядком все архивы, кроме текущих, [не] будут переданы в ведение Наркомпроса Белоруссии, в частности в ведение Академического центра, как это сделано в РСФСР. Декрет РСФСР, ограждающий неприкосновенность архивов и передающий их в ведение Центрального архивного управления прилагается при сем...». В этой записке приведена резолюция от 17 февраля 1922 г.: «Гутковскому заготовить проект декрета для внесения в Совнарком»²⁰. Это и стало отправной точкой для создания первого нормативного акта об архивах БССР, который не только закрепил защиту архивных документов от уничтожения, но и заложил основы создания централизованной системы управления архивами Беларуси.

К официальному моменту создания Централархива БССР М. А. Вахаев сменил А. А. Савича на посту временно исполняющего обязанности заведующего. В проекте доклада «Об архивном деле в Белоруссии» от 17 июля 1922 г. Вахаев отмечал, что в Минске на учет взяты следующие архивные фонды: 1) «...в здании, занимаемом 81 пехотным курсом, – архив бывшей казенной палаты, Казначейства, Либаво-Роменской [железной] дороги; 2) в Доме труда – нотариальный архив, 3) в сарае возле Дома труда – архив губернского присутствия; 4) в подвальном помещении Горисполкома – архив местного самоуправления бывшей Городской думы, управы, магистрата, полицейского управления, полевого управления, старинный нотариальный архив; 5) в подвальном помещении здания, занятого НКВД, – архив бывшей духовной консистории; 6) в Центральном архивном хранилище по ул. Юрьевская, 16 (район современной Октябрьской площади. – Т. Г.) – архив бывшего Дворянского депутатского собрания Минской губернии, часть архива духовных консисторий, местного самоуправления, старинные выписки из актов XVI–XIX вв., часть архива Дирекции народных училищ, Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, бывшей Минской контрольной палаты и Белорусского национального комитета»²¹.

Централархив БССР остро нуждался в помещении, которое могло бы объединить все архивные комплексы. Планировалось, что таким помещением может стать здание по адресу пер. Мало-Монастырский, 4. Это здание находилось в ведении Наркомюста БССР, который предложил Централархиву вывезти оттуда все ценные архивные документы. Но штат Централархива в 1922 г. состоял из двух человек (М. А. Вахаев и И. М. Барашко), поэтому такая работа заняла бы не менее года и потребовала бы большого количества

¹⁶НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹⁷Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 519. Л. 38–39 (Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с орфографическими нормами современного русского языка. – Т. Г.).

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. Д. 527. Л. 37–37об.

²⁰Там же. Л. 34 об.

²¹Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5.

денежных средств, которых у Центрархива не было. Учитывая, что в здании на Мало-Монастырском переулке имелись свободные помещения, которые можно было использовать для дальнейшего комплектования архивными документами, М. А. Вахаев предложил передать здание Центрархиву вместе со всеми хранящимися в нем архивными фондами.

Здание по Мало-Монастырскому переулку стало первым переданным Центрархиву в соответствии с постановлением «Об архиве» от 4 августа 1922 г., первым нормативным актом об архивах, принятым Президиумом ЦИК БССР. Постановление состояло из 5 пунктов и запрещало «под страхом строгих взысканий продажу архивных материалов». Центрархив передавался в ведение ЦИК, а уполномоченным ЦИК по архивному делу был назначен А. В. Балицкий²².

Система архивных органов была определена в Положении «О Центральном архиве ССРБ», принятом 12 сентября 1922 г.²³ Основой для него стало постановление «О Центральном архиве РСФСР» от 30 января 1922 г. Первые правки были сделаны прямо по тексту, в котором слово «РСФСР» было зачер-

кнуто и исправлено на «ССРБ»²⁴. Однако в остальных редакциях проекта положения 1922 г. ясно прослеживается стремление авторов (которыми, по нашему мнению, были члены Архивной комиссии А. А. Савич и Н. П. Шкляев) создать систему управления архивами Беларуси по самостоятельному принципу. Так, в ст. 1 было зафиксировано, что «все архивы правительственных учреждений Белоруссии, как ведомственные учреждения, и всякого рода актохранилища ликвидируются и хранящиеся в них дела и документы образуют единый Государственный архивный фонд Белоруссии в лице Центрального архива Белоруссии, состоящего в административно-хозяйственном отношении в непосредственном ведении ЦИК Белоруссии. В порядке научной работы Центрархив подчиняется распоряжениям Инспекции научных учреждений НКПБ, в порядке технического управления архивами руководствуется инструкциями и указаниями Главного управления Центрархива при ВЦИК РСФСР, с которым Центрархив Белоруссии по указанным техническим вопросам может сноситься непосредственно»²⁵.

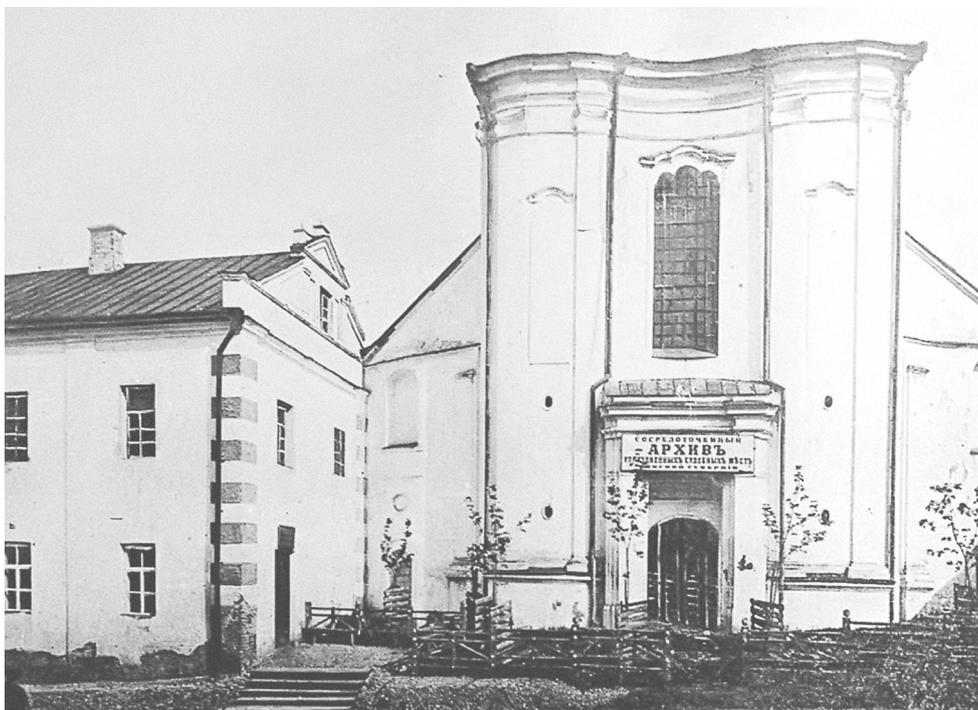

Рис. 4. Здание Центрархива БССР – бывшее здание Архива упраздненных судебных мест, современное здание Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства и Белорусского государственного архива научно-технической документации

Fig. 4. The building of the Central Archive of the BSSR, the former building of the Archive of the abolished judicial places, the modern building of Belarusian State Archive and Museum of Literary and Art and Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation

²²Постановление Президиума ЦИК БССР «Об архиве», 4 авг. 1922 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 17.

²³Постановление Президиума ЦИК БССР «Об утверждении Положения о Центральном архиве ССРБ и сметы на расходы», 12 сентября 1922 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 18–21.

²⁴НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 20–20 об.

²⁵Положение Президиума ЦИК БССР о Центральном архиве ССРБ от 12 сентября 1922 г. // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 18–21.

Для определения порядка выполнения Положения «О Центральном архиве ССРБ» Постановлением Президиума ЦИК БССР от 13 декабря 1922 г. была утверждена инструкция «О порядке передачи в центральный Государственный архивный фонд Белоруссии и его уездные отделы архивных дел и бумаг и о порядке уничтожения их». В инструкции определялись правила передачи архивных дел на государственное хранение и порядок их использования. В частности, предписывалось, что передаче также подлежат и «фонды предшественников данного учреждения или слившихся с ним других организаций; материалы случайные, оставшиеся от учреждений, прежде находившихся в данном помещении...» и «материалы по истории освободительного движения и революции...»²⁶. Инструкция заложила основы по комплектованию фондов Национального архива Республики Беларусь и Национального исторического архива Беларуси.

Официальную историю своего создания Национальный архив Республики Беларусь ведет с 28 мая 1927 г., когда Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Белорусской ССР законодательно оформили создание Центрального архива Октябрьской революции БССР. Как нам пред-

ставляется, эта дата нуждается в уточнении. В 1922 г. сложилась нормативная правовая база, которая не только определяла орган управления архивной отраслью, но и регламентировала порядок передачи и использования документов. Отсутствие выделения архивов как отдельных учреждений и объединение фондов под одним общим названием «Центрархив» не уменьшает значения этого явления. Фактически датой основания Национального исторического архива Беларуси может рассматриваться 1922 г., а не 5 июля 1938 г., когда Постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета БССР «О реорганизации архивных органов в связи с организацией областей в БССР» Могилёвский исторический архив был реорганизован в Центральный исторический архив БССР. Объединение архивных фондов под одним общим названием «Центрархив» на первоначальном этапе формирования архивной системы вполне типично для большинства западноевропейских стран. Например, Национальный архив Франции в первые годы своего функционирования означал одновременно и орган управления архивами, и название учреждения, которое имело несколько хранилищ, расположенных в разных частях города.

Заключение

Таким образом, становление архивов на территории Беларуси проходило в несколько этапов: 1) нормативно-декларативный этап; 2) собирание и постановка на государственный учет ведомственных архивных комплексов; 3) выработка нормативной базы по охране документов от уничтожения; 4) создание органа управления архивами и определение нормативных основ его деятельности.

В течение первых этапов влияние на сохранность архивов в большей степени оказывало не нормативное регулирование, а практическая работа отдельных историков и архивистов, которые осознавали ценность архивных документов для общества. Однако в последующее время для полноценной реализации усилий граждан, связанных с деятельностью по сохранению архивных фондов, требовалась поддержка государственных институтов в виде нормативных актов и государственных органов, осуществляющих управление архивами.

Отвечая на поставленный в начале исследования вопрос о том, насколько важен принцип собственности граждан на национальное достояние и нужно ли его противопоставлять принципу государственной собственности, мы приходим к выводу, что, безусловно, граждане осознают свое право собственности на национальное достояние. Они сохраняют архивные документы не для защиты собственности государства, а в силу осознания информационной ценности документов для развития культуры народа. Но общество и государство могут обеспечить сохранность архивов только тогда, когда у них совпадают интересы. Принцип государственной собственности на культурное достояние возможен только при условии абсолютной публичности и открытости архивов. В противном случае потери несет не только общество, которое оказывается оторванным от своего культурного достояния, но и государство, которое лишается культурно-исторического фундамента, объединяющего нацию.

Библиографические ссылки

1. Шумейко МФ. *Собрать рассеянное: о реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем*. Минск: БелНИИДАД; 1997. 153 с.
2. Шумейко МФ. *Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло*. Минск: БелНИИДАД; 2002. 165 с.
3. *Архівісты Беларусі. Біябібліяграфічны даведнік*. Жумар СУ, Шумейка МФ, складальнікі. Минск: БелНДІДАС; 2006. 253 с.

²⁶ Инструкция «О порядке передачи в центральный Государственный архивный фонд Белоруссии и его уездные отделы архивных дел и бумаг и о порядке уничтожения их» // Архивное дело в БССР (1918–1968) : сб. законодат. и руководящих док. Минск, 1972. С. 21–28.

4. Гернович ТД. Николай Павлович Шкляев – хранитель минских архивов. В: Кароль АД, редактор. *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация. Международная научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты; 5 октября 2018; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. с. 17–26.

5. Гернович ТД. Социокультурный кризис как фактор развития архивного права в 20-х годах XX в. В: Кароль АД, редактор. *1917 год у гістарычных лёсах Беларусі. Міжнародная навуковая канферэнцыя; 30 лістапада – 1 снежня 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2017. с. 72–80.

6. Клепиков НЕ. Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х – начала 1930-х гг. *Отечественные архивы*. 2009;3:14–20.

References

1. Shumeika MF. *Sobrat' rasseyannoe: o restitutsii belorusskikh arkhivov v proshlom i nastoyashchem* [Collect the scattered: on the restitution of the Belarusian archives in the past and present]. Minsk: BelNIIDAD; 1997. 153 p. Russian.

2. Shumeika MF. *Arkhivist i arkeograf Dmitrii Ivanovich Dovgyallo* [Archivist and archeographer Dmitry Ivanovich Dovgyallo]. Minsk: BelNIIDAD; 2002. 165 p. Russian.

3. *Arhivisty Belarusi. Bijabiblijagrafichny davednik* [Archivists Belarus. Bibliographic reference]. Zhumar SU, Shumeika MF, compilers. Minsk: BelNIIDAD; 2006. 253 p. Belarusian.

4. Hiarnovich TD. [Nikolai Pavlovich Shklyayev – the keeper of the archives of Minsk]. In: Karol AD, editor. *Istoriya i istoriografiya: ob'ektivnaya real'nost' i nauchnaya interpretatsiya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 140-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. I. Pichety; 5 oktyabrya 2018; Minsk, Belarus'*. [History and historiography: objective reality and scientific interpretation. International conference, devoted to the 140th anniversary of the birth of Academician V. I. Picheta; 2018 October 5; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University Publishing Center; 2018. p. 17–26. Russian.

5. Hiarnovich TD. [Sociocultural crisis as a factor in the development of archival law in the 1920s]. In: Karol AD, editor. *1917 god u gistarychnyh ljosah Belarusi. Mizhнародnaja navukovaja kanferjencyja; 30 listapada – 1 snezhnja 2017 g.; Minsk, Belarus'* [1917 in the historical fate of Belarus. International scientific conference; November 30 – December 1, 2017; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University Publishing Center; 2017. p. 72–80. Russian.

6. Klepikov NE. Waste campaigns in the Belarusian archives of the 1920s – early 1930s. *Otechestvennye arkhivy*. 2009;3:14–20. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.03.2019.
Received by editorial board 11.03.2019.

УДК 351.751.5(476)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА СТАЛИНА В БССР В 1934–1939 гг.

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

С привлечением архивных источников, периодических изданий и трудов современных исследователей рассмотрено формирование культа Сталина в Советской Белоруссии. Немногочисленные работы, появившиеся во время двух волн десталинизации – во второй половине 1950-х – 1960-е гг. и во второй половине 1980-х – 1990-е гг., – не раскрыли феномен культа вождя в БССР. В них были лишь обозначены контуры данной проблемы, без прояснения ее сути, конкретных форм проявления и последствий. Рассматривается период от XVII съезда ВКП(б), когда культ начал активно формироваться, до 60-летнего юбилея Сталина, когда почитание вождя достигло своего пика. Дополненный неограниченным насилием, культ не менее эффективно, чем марксистская доктрина, мобилизовал общество на поддержку советского тоталитарного режима. Культ вождя коренился в традиционном, архаическом обществе и имел иррациональные начала, что наглядно иллюстрировала вся советская политическая культура. Главным инструментом его конструирования была партийная бюрократия – подлинный правящий класс советского общества. Культ внедрялся с помощью пропагандистской машины и представлял, по сути, государственную религию с собственными священными текстами, догматами, ритуалами, обрядами, праздниками и святынями. По указанию и под контролем партийного руководства образ харизматического вождя целенаправленно формировался на протяжении второй половины 1930-х гг. с помощью средств массовой информации, литературы, искусства, а также учреждений образования.

Ключевые слова: культ Сталина; Советская Белоруссия; партийная бюрократия; тоталитарный режим; средства массовой информации; литература; искусство; юбилей; государственная религия.

ФАРМІРАВАННЕ КУЛЬТУ СТАЛІНА Ў БССР У 1934–1939 гг.

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

З прыцягненнем архіўных крыніц, перыядычных выданняў і прац сучасных даследчыкаў разглядаюцца фарміраванне культа Сталіна ў Савецкай Беларусі. Нешматлікія працы, якія з’явіліся падчас дзвюх хваль дэсталінізацыі – у другой палове 1950-х – 1960-я гг. і ў другой палове 1980-х – 1990-я гг., – не раскрылі феномен культа правадыра ў БССР. У іх былі толькі пазначаны контуры дадзенай праблемы, без высвятлення яе сутнасці, канкрэтных форм праяўлення і наступстваў. Разглядаецца перыяд ад XVII з’езда ВКП(б), калі культ пачаў актыўна фарміравацца, да 60-гадовага юбілею Сталіна, калі шанаванне правадыра дасягнула свайго піка. Дапоўнены неабмежаваным гвалтам, культ не менш эфектыўна, чым марксісцкая дактрына, мабілізаваў грамадства на падтрымку савецкага таталітарнага рэжыму. Культ правадыра паходзіў з традыцыйнага, архаічнага грамадства і меў ірацыянальныя пачаткі, што наглядна ілюстравала ўся савецкая палітычная культура. Галоўным інструментам яго канстрування была партыйная

Образец цитирования:

Гужаловский АА. Формирование культа Сталина в БССР в 1934–1939 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:57–67.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-57-67>.

For citation:

Huzhalouski AA. Formation of Stalin’s cult in Soviet Belarus in 1934–1939. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:57–67. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-57-67>.

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

бюракратыя – сапраўдны кіруючы клас савецкага грамадства. Культ укараняўся з дапамогай прапагандысцкай машыны і ўяўляў сабой, па сутнасці, дзяржаўную рэлігію з уласнымі свяшчэннымі тэкстамі, дагматамі, рытуаламі, абрадамі, урачыстасцямі і святынямі. Па ўказанні і пад кантролем партыйнага кіраўніцтва вобраз харызматычнага правадыра мэтанакіравана фарміраваўся на працягу другой паловы 1930-х гг. з дапамогай сродкаў масавай інфармацыі, літаратуры, мастацтва, а таксама ўстаноў адукацыі.

Ключавыя словы: культ Сталіна; Савецкая Беларусь; партыйная бюракратыя; таталітарны рэжым; сродкі масавай інфармацыі; літаратура; мастацтва; юбілей; дзяржаўная рэлігія.

FORMATION OF STALIN'S CULT IN SOVIET BELARUS IN 1934–1939

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the basis of archival sources, periodicals and contemporary research works, consolidation of Stalin's cult in Soviet Belarus is presented in the article. The few works that appeared during the two waves of de-Stalinization – in the second half of the 1950 – 1960s and in the second half of the 1980 – 1990s – did not reveal the phenomenon of the cult of the leader in Soviet Belarus. They only indicated the contours of this problem, without clarifying its essence, specific forms and consequences. The author gives an opportunity to a reader to examine the period from the 17th Congress of the CPSU(b), when the cult began to actively develop until the 60th anniversary of Stalin, when he reached his zenith. Supplemented by unlimited violence, the cult of Stalin was as effective as the Marxist doctrine to mobilize the society for support of Soviet totalitarian regime. The cult origin was rooted in a traditional, archaic society. It had irrational nature, what reflected the entire Soviet political culture. The main tool for leader's cult construction was the party bureaucracy, true ruling class of Soviet society. The cult was introduced through the propaganda machine and was essentially a state religion with its own sacred texts, dogma, rituals, rites, holidays, and shrines. Under the direction and control of the party leadership, the image of a charismatic leader – the father, the teacher, the creator of a brighter future was purposefully formed during the second half of the 1930s with the help of media, literature, art, and educational institutions.

Keywords: cult of Stalin; Soviet Belarus; party bureaucracy; totalitarian regime; mass media; literature; art; anniversary; state religion.

Сталіну мы скажам: родны, блізкі,
Мы гатовы ўсе – ты нас бяры!
П. Броўка. *Самае шчаслівае*. 1936.

Введение

Сталинский период новейшей истории Беларуси и культ личности вождя как его важнейшая часть оставили после себя сложное, противоречивое и во многом травматическое наследие. С 1929 по 1953 г. средства массовой информации, кино, театр, литература и изобразительное искусство представляли Сталина как всемогущего, всезнающего, непогрешимого лидера, и этот образ прочно вошел в белорусское массовое сознание. Немногочисленные работы, появившиеся во время двух волн десталинизации – во второй половине 1950-х – 1960-е гг. [1, с. 160; 2, с. 26; 3, с. 99] и во второй половине 1980-х – 1990-е гг. [4, с. 139; 5, с. 5; 6, с. 85], – не раскрыли феномен культа вождя в БССР. Их авторы лишь обозначили контуры данной проблемы, не прояснив ее сути, конкретных форм проявления и последствий.

Между тем зарубежные исследования культа Сталина обширны и охватывают большой круг научных дисциплин, включая историю, политологию,

социологию, психологию и др. Ученые обсуждают происхождение культа, его иерархию, практики распространения, визуальные образы и культовое мышление. Впервые попытка осмысления феномена культа Сталина была предпринята современными критиками его режима [7, с. 136–213]. Кремленологи выдвинули тезис о том, что культ вождя являлся центральным элементом сталинизма, неотъемлемой частью власти коммунистической партии и одной из наиболее характерных черт советской цивилизации [8]. Понимание культа Сталина было развито учеными-гуманитариями на страницах большого числа работ, посвященных политическим, социальным и культурным аспектам советской истории. Ключевые тексты, раскрывающие данную тему, вышли из-под пера исследователей политической истории [9, с. 151–182; 10, с. 167–186; 11–13], искусствоведов [14; 15], социальных историков [16], историков детства [17], литературоведов [18], поли-

тических психологов [19]. В последнее время корпус исследований советского тоталитаризма пополнили серьезные работы, посвященные изучению региональных аспектов культа вождя [20].

В статье предпринята попытка проанализировать феномен культа Сталина, показать основные механизмы его установления в БССР в период между XVII съездом ВКП(б) и празднованием 60-летия вождя. В качестве методологической основы использовано сформулированное Н. А. Бердяевым понимание марксистского учения как квазирелигиозного [21, с. 47]. Эту мысль развил М. Элиаде, который концептуально противопоставил линейному, мирскому времени круговое, священное. Последнее он связывал не только с архаическими культурами, но и с реализацией марксистской утопии, кото-

рая ставила своей целью построить общество, созвучное мифологическим мечтам о золотом веке. К. Маркс, по мнению М. Элиаде, только усложнил этот распространенный в архаических культурах миф мессианской идеологией иудеохристианства – ролью проповедника-пролетариата, спасительная миссия которого приведет к последней схватке между Добром и Злом и окончательной победе Добра [22, с. 171]. Если признать, что большевизм представлял собой квазирелигию, то появление нового политического квазибога было неизбежно. С. Себаг Монтефиоре так передает характерный диалог Сталина с М. А. Шолоховым, во время которого писатель начал критиковать чрезмерные похвалы в адрес вождя. Сталин в ответ хитро улыбнулся и ответил: «Что я могу сделать? Людям нужен бог» [23, с. 155].

Средства массовой информации

Начало полномасштабного культа Сталина обычно связывают с XVII съездом ВКП(б), который состоялся в январе – феврале 1934 г., долгое время носил название «Съезд победителей», а сегодня все чаще упоминается как «Съезд расстрелянных». Именно он обеспечил верховному партийному чиновнику всю полноту власти и свободы действий, в том числе конструирование собственного культа.

БЕЛТА в своем сообщении из Москвы так передавала царившую во время открытия XVII съезда атмосферу: «Съезд стоя приветствует вождя непобедимой партии Ленина. Овации, прерываемые возгласами делегатов: “Да здравствует наш Сталин!”, “Ура Сталину!” – тянутся долгие минуты: они утихают лишь на мгновение, чтобы с новой силой загреметь под гулками сводами зала»¹ (здесь и далее перевод наш. – А. Г.). Культ подогревался ближайшим окружением вождя – Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворошиловым, К. Б. Радеком, Н. И. Бухариным. Последний в своем выступлении на съезде применял такие эпитеты, как «фельдмаршал пролетарских сил», «лучший из лучших» и др.

За новыми веяниями в Москве внимательно следила белорусская республиканская партноменклатура. Открывая пленум ЦК в Минске в декабре 1934 г., второй секретарь ЦК КП(б)Б Д. И. Волкович назвал Сталина «величайшим гением, лучшим из лучших ленинцев, вождем и учителем мирового пролетариата»².

Имя Сталина активно использовалось в качестве мобилизационного ресурса второй пятилетки. Наряду с присвоением его промышленным предприятиям и колхозам было развернуто соревнование за наименование в честь вождя производствен-

ных бригад. В 1935 г. подобных сталинских бригад в БССР насчитывалось 56, в них числилось 723 ударника³. На состоявшемся в Гомеле слете сталинских бригад были награждены бригада землекопов имени Сталина кирпичного завода № 2 г. Бобруйска, а также отделение имени Сталина в N-ской полковой школе. Всеобщее внимание привлекала молодежная женская бригада проводниц имени Сталина поезда Минск – Днепропетровск⁴. Новой мобилизационной инициативой 1934 г. стал Всесоюзный производственный поход имени Сталина.

Журналисты стремились вдохновить читателей и одновременно засвидетельствовать свою преданность вождю с помощью псевдонимов, производных от его имени. Так, в середине 1930-х гг. творческий псевдоним «Стальной» избрал литсотрудник редакции газеты «Звезда» В. Д. Пархимович.

К середине 1930-х гг. окончательно закрепляется взгляд на прессу как на коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. В результате практически все содержание СМИ приобрело пропагандистский характер и было направлено на укрепление существовавшей политической системы, а также идеологическое воспитание масс. Печать выступала в качестве мощного фактора воздействия на сознание и поведение людей, направляя его в заданное русло. Например, белорусская комсомольская газета предлагала следующую модель совместного гармоничного отдыха молодежи и старшего поколения: «Старый мастер прищурился, подошел к молодым учителям, которые пришли читать газеты, и попросил: “Почитай, сынок, слова Сталина”»⁵. Республиканский женский журнал давал своей аудитории пример любви к вождю с помощью интервью с его

¹Чырвоная змена. 1934. 28 студ. (№ 22). С. 1.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7617. Л. 1.

³Гарэлік. Злёт ударнікаў сталінскіх брыгад // Звезда. 1935. 5 мая (№ 101). С. 4.

⁴П. Д. Другі рэйс // Работніца і калгасніца Беларусі. 1934. № 13. С. 10.

⁵Рудзько Ю. Школа ля мяжы // Чырвоная змена. 1934. 1 сак. (№ 48). С. 2.

матерью – Е. Г. Джугашвили («в ее взгляде – и ласка, и гордость»⁶). Главная белорусская партийная газета объясняла читателям, что образ вождя должен сопровождать не только производственную и общественную сферы их жизни, но и частную: «Семья стахановца-формовщика минского завода имени Ворошилова И. В. Мурашко живет на Надеждинской улице в квартире из трех комнат, с кухней и передней. В комнатах чисто и уютно. Со стены, улыбаясь, смотрит дорогое лицо самого близкого и любимого человека – Сталина»⁷.

С другой стороны, неверная интерпретация факта или события, связанного с диктатором, либо ошибка в написании его имени могли стать роковыми для журналистов. Так, на заседании бюро ЦК КП(б)Б, которое состоялось 14 декабря 1935 г., рассматривался вопрос «Об искажении фамилии Сталина в Ушачской районной газете». По итогам обсуждения члены бюро приняли строго секретное постановление, согласно которому был снят с должности редактор газеты. Наркому внутренних дел БССР И. М. Леплевскому было поручено начать расследование инцидента в целях привлечения виновных к суровой ответственности⁸.

С. Дэвис, анализируя массовые коммуникации в СССР второй половины 1930-х гг., констатировала появление «языка культа» [24, р. 178]. Так, начиная с 1935 г. в официальном дискурсе имя «Сталин» нужно было применять в сопровождении эпитетов, восхвалявших его гений, мудрость и дар предвидения. Наметились основные характеристики культа, такие как присвоение Сталину всех экономических и социально-политических достижений в стране, обязательное цитирование и всенародное изучение его выступлений и печатных работ, официальный статус соратника и продолжателя дела Ленина. Но в подобном возвеличивании вождя крылась опасность исчезновения его человеческого измерения. Поэтому одновременно с обожествлением культивировался «народный», простой образ диктатора. С этой целью газеты публиковали впечатления участников неофициальных встреч со Сталиным в Кремле. В одном из подобных театрализованных мероприятий участвовала делегат II съезда колхозников-ударников в Москве, заместитель председа-

теля колхоза «Красные Скориничи» Минского района, член ЦИК БССР К. Я. Кульба. Она так передала корреспонденту белорусского женского журнала их диалог с вождем:

– Ну, белоруска, расскажите, как у вас рабоботают? Мне очень нравятся белорусы.

Я от волнения не знала, что говорить, и ответила ему:

– Какой же вы простой, товарищ Сталин!

А товарищ Сталин у меня спрашивает:

– А у вас еще не так просто?

Я сказала, что у нас еще есть председатели колхозов не такие простые. Тогда товарищ Сталин и говорит мне:

– Товарищ Кульба, когда поедешь домой, ты скажи не только в своем колхозе, но и в других, чтобы и там было так просто. (Громкие аплодисменты)⁹.

«Народную» маску значительно дополнял образ рачительного отца. Этот образ пропаганда начала активно формировать после выступления Сталина 4 мая 1935 г. перед красными командирами, на котором он призвал бережно относиться к кадрам. В БССР формированию «отцовского» измерения культа поспособствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 2 августа 1937 г. «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белорусской ССР и о ликвидации последствий вредительства в деле колхозного устройства». Имея агрессивнo-воинственную констатирующую часть, где политика террора в отношении крестьянства объяснялась происками польских шпионов в облике нацдемов, постановление содержало и хорошую новость. Союзное правительство «по инициативе товарища Сталина» давало колхозам и единоличникам Советской Белоруссии льготы по поставкам сельхозпродукции и налогам, а также списывало все недоимки 1935–1936 гг.¹⁰ Сразу после выхода постановления «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белорусской ССР...» в республиканских СМИ развернулась кампания по выражению индивидуальной и коллективной благодарности за нее «лучшему другу белорусских колхозников». Белорусская кинохроника посвятила этому кинозарисовку «Сталинский декрет»¹¹.

Сталинская Конституция

В феврале 1935 г. под руководством Сталина началась работа над текстом новой Конституции, которая должна была засвидетельствовать построение в СССР социализма. В вынесенном на обсуж-

дение в июне 1936 г. проекте Конституции речь шла о предоставлении всем гражданам страны, включая «лишенцев», равных избирательных прав при прямом тайном голосовании. В тексте проекта

⁶Гутарка з маткай таварыша Сталіна // Работніца і калгасніца Беларусі. 1935. № 20. С. 1.

⁷Гасман Н. Радасна спаткаем свята // Звязда. 1936. 24 кастр. (№ 245). С. 4.

⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7794. Л. 47.

⁹Кульба К. Я. Я гаварыла з таварышом Сталіным // Работніца і калгасніца Беларусі. 1936. № 2. С. 5.

¹⁰Сталінская дапамога беларускаму народу // Звязда. 1937. 4 жн. (№ 178). С. 2.

¹¹Кінонарыс «Сталінскі дэкрэт» // Звязда. 1937. 8 кастр. (№ 232). С. 4.

декларировались права на труд и отдых, образование и материальное обеспечение в старости. Кроме того, провозглашались свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности и тайна переписки.

СМИ формировали впечатление того, что обсуждение названной в честь ее главного редактора Конституции шло по собственной инициативе рабочих: «В теплой товарищеской обстановке, за чашкой чая, на квартире старого рабочего Добрушской бумажной фабрики “Герой труда” т. Дробаденова собрались рабочие на обсуждение проекта сталинской Конституции»¹². Иногда «спектакль» обсуждения по инициативе наиболее ярких пропагандистов приобретал радикальные формы. Например, орденоседец, овцевод колхоза «Октябрь» Дриссенского района В. А. Ганус пообещал за Конституцию «отдать жизнь»¹³, а научный работник Белорусского политехнического института, инженер М. Е. Глусский был готов отстаивать сталинскую Конституцию «своей кровью»¹⁴.

Кульминационной точкой пропагандистской кампании под названием «обсуждение сталинской Конституции» стало принятие основного закона 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. В первый день съезда с программной речью о проекте новой Конституции СССР выступил Сталин. План партийного руководства предусматривал массовое коллективное прослушивание по радио доклада вождя на производстве, в рабочих клубах, партаудиториях и даже на квартирах:

«В красивой уютной комнате т. Каждана сегоднялюдно. К своему парторгу пришли на квартиру девять стахановцев минской фабрики имени Кагановича, чтобы слушать по радио исторический доклад вождя народов т. Сталина.

– Медленно движется минутная стрелка, – говорит Фаня Яковлевна, жена т. Каждана.

Розочка Мардукович, ученица 5 класса 12-й школы, ближе пододвигается к громкоговорителю. – Все буду слышать, – хвастается она. Пятилетняя Маня Шапиро спрашивает мать:

– Мама, это дедушка Сталин говорит?

Стену украшает картина XVIII съезда партии. Вот он, серьезный, простой, самый близкий, мудрый Сталин на трибуне, как и сегодня там на Съезде в Большом Кремлевском дворце. Все смотрят на портрет вождя. Они чувствуют себя заочными делегатами Съезда. Ровесница Октября, стахановка Геня Эстэрман с восхищением говорит:

– Как хорошо было бы сидеть близко возле Сталина. Видеть и слышать его – это моя мечта.

Говорит Сталин, слушают внимательно, с увлечением.

– Как просто и ясно говорит, – замечает стахановка Якимашко.

Доклад закончен. Вместе с делегатами поют “Интернационал” и аплодируют слушатели в небольшой комнате на Интернациональной, 26. Долго после доклада не расстаются, делятся впечатлениями»¹⁵.

Подобный пропагандистский прием – коллективное прослушивание радиотрансляции речей Сталина – активно использовался и в дальнейшем. Воздействие на население с помощью живого голоса вождя усиливалось изданием его докладов массовыми тиражами в виде отдельных брошюр. Так, выступление генерального секретаря на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. вышло в Белорусском государственном издательстве 100-тысячным тиражом на русском и белорусском языках. По словам исполняющего обязанности первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волкова, в республике было создано 13 тыс. кружков по изучению сталинской Конституции, где занималось до полумиллиона человек¹⁶.

Создавая унитарную империю, Сталин пристально следил за внешними проявлениями «расцвета национальных культур». Об этом свидетельствует эпизод, произошедший во время выступления народной артистки БССР Л. П. Александровской на XVIII съезде ВКП(б). Говоря по-русски, она процитировала пару строк из стихотворного белорусскоязычного «Письма белорусского народа товарищу Сталину», а потом вновь перешла на русский язык. Тогда Сталин прервал ее репликой: «Говорите по-белорусски», после чего певица закончила выступление на родном языке¹⁷.

Во второй половине августа 1936 г. параллельно с проведением долгосрочной кампании по обсуждению проекта сталинской Конституции была организована акция народной поддержки процесса «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (так называемого первого московского процесса). В ходе многочисленных собраний, которые прошли в разных населенных пунктах БССР, пробуждение ненависти к «готовившим убийство руководителей страны» Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву дополнилось новым мотивом – «Сталин в опасности». В газетах появились статьи с характерными названиями: «Никакой пощады подлой банде троцкистско-зиновьевских террористов», «Спасибо славным чекистам», «Жизнь Сталина дороже всего на свете» и т. п.¹⁸ Таким образом, разжигание политического насилия сопровождалось высказыванием чув-

¹²Громаў С. На кватэры старога рабочага // Звязда. 1936. 1 верас. (№ 200). С. 2.

¹³Звязда. 1936. 17 чэрв. (№ 137). С. 2.

¹⁴Там жа. 18 чэрв. (№ 138). С. 2.

¹⁵Пеўзнер. На кватэры ў парторга // Звязда. 1936. 28 лістап. (№ 272). С. 4.

¹⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12309. Л. 61.

¹⁷Александровская Л. П. Нас слухаў Сталін // Работніца і калгасніца Беларусі. 1939. № 8. С. 2.

¹⁸Звязда. 1936. 21 жн. (№ 191). С. 1.

ства народной любви, заботы о Сталине, который на этот раз выбрал для себя маску жертвы.

Во время Большого террора 1937–1938 гг. репрезентации образа Сталина в СМИ стали более сдержанными, что, возможно, объяснялось его нежеланием ассоциироваться с массовыми репрессиями. Примечательно, что увеличение репрезентаций вождя, связанное с появлением одного из важнейших произведений сталинской пропаганды – «Краткого курса истории ВКП(б)», совпало со свертыванием

Большого террора осенью 1938 г. Отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП(б)» предложил не только коммунистам, но и всему населению страны его личную версию истории партии большевиков. Сталин и его окружение были представлены настоящими марксистами-ленинцами, организаторами всех побед и свершений партии и государства, а их политические оппоненты (Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Рыков) – врагами марксизма и Советского государства, иностранными агентами.

Мифы и маски

Г. Джилл заметил, что сталинскими идеологами активно использовались все три универсальных компонента, из которых состоит большинство мифов мира, а именно: заговор сил зла против добрых людей, наличие спасителя, который отведет от людей силы тьмы, и, наконец, наступление золотого века [10, р. 4]. В качестве сил зла обычно выступало капиталистическое окружение, в роли спасителя и защитника народа предстал Сталин, а золотым веком должен был стать коммунизм. Таким образом, в советской мифологии миф о Сталине занимал важное, центральное место. Он состоял из ряда второстепенных мифов или масок, которые вождь надевал в зависимости от времени и обстоятельств.

Одну из мифологем, которая весьма активно внедрялась в массовое сознание белорусского советского общества, можно определить как «Сталин – создатель белорусской государственности». Окончательно эта мифологема сложилась к 1936 г., когда Институт истории партии при ЦК КП(б)Б во главе с директором С. В. Поссе подготовил документальный сборник «Сталин и образование КП(б)Б и БССР»¹⁹. Из него следовало, что именно Сталину, как нарком по делам национальностей РСФСР, в 1918 г. принадлежала идея создания белорусской компартии и советской республики, а в 1919–1920 гг. именно под его руководством КП(б)Б и БССР выстояли в борьбе с белополяками.

В ходе подготовки сборника «Сталин и образование КП(б)Б и БССР» сотрудникам Института истории партии пришлось выполнить большой объем работы по сбору и цензурированию свидетельств участников тех событий. Некоторые из свидетельств, сохранившиеся в первоначальном виде до наших дней, позволяют провести деконструкцию этого политического мифа. Так, из воспоминаний председателя Белорусского областного комитета при Всероссийском Совете крестьянских депутатов Е. С. Канчера следует, что роль Сталина в сложном процессе становления белорусской советской государственности была преимущественно технической. Принципиальное согласие на создание «бело-

русской автономной ССР» Е. С. Канчер получил на аудиенции у Ленина в Смольном в ноябре 1917 г. [25, с. 93]. Образ Сталина-администратора, который рисует мемуарист, иногда приобретает даже негативную окраску. Примером этого может быть его неспособность обеспечить выполнение собственных распоряжений, как это было во время разгона Областным исполнительным комитетом Западной области и фронта Первого Всебелорусского съезда.

Как следует из сделанных сотрудниками Института истории партии копий телеграмм и стенограмм телефонных разговоров Сталина периода образования ССРБ, в последние дни 1918 г. его роль сводилась преимущественно к урегулированию конфликта между председателем первого правительства ССРБ, национал-коммунистом Д. Ф. Жилуновичем, и председателем Центрального бюро КП(б)Б, интернационалистом А. Ф. Мясниковым. Эту роль арбитра передает следующая телеграмма Сталина А. Ф. Мясникову: «Сегодня приезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их как младших братьев, может быть и неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной и советской работе»²⁰. В начале января 1919 г., когда конфликт между Д. Ф. Жилуновичем и А. Ф. Мясниковым вступил в горячую фазу, нарком по делам национальностей пообещал вмешаться в него лично: «Я откладываю приезд в Минск дней на 10, когда вернусь из поездки, буду у вас. Ведите себя спокойно, не деритесь, или будет плохо»²¹. Из контекста телеграмм и телефонных разговоров следует, что степень влияния Сталина на А. Ф. Мясникова была ограниченной. В то же время, если Д. Ф. Жилунович пытался проявить даже малейшую инициативу в конструировании правительства ССРБ, Сталин его жестко останавливал, требуя беспрекословного повиновения ЦК.

Еще более спорным образ Сталина – участника советско-польской войны 1919–1920 гг. предстает в воспоминаниях ее участников, собранных в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б. Ветеран Гражданской войны И. С. Саватьев, которого вес-

¹⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10865. Л. 5.

²⁰Там же. Ф. 591. Оп. 1. Д. 216. Л. 5.

²¹Там же. Л. 14.

ной 1919 г. член Революционного военного совета Западного фронта Сталин назначил на должность заместителя председателя минской ЧК, так вспоминал организованные по инициативе и методике его покровителя зачистки гражданского населения в прифронтовой зоне: «Вырывали контрреволюцию и доставляли ее в Минск в Чрезвычайную Комиссию на Подгорной улице. Весь двор был забит ими. Здесь были и княжеские дочери, и беженцы со всех концов страны, и попы, и ксендзы, и купцы, и просто черная сотня. Всех их пускали в расход. Приводят – ночью уже нет... Однажды ночью расстреляли офицеров, попали под расстрел еще какие-то контрреволюционеры, отвезли этих расстрелянных на еврейское кладбище. Закопали, но плохо, ботинки были видны. Целый скандал получился. Потом закопали должным образом... Сталин живо интересовался нашей работой, давал ряд ценных практических указаний, подбадривал в те минуты, когда поляки отбивали у нас арестованных, настойчиво требовал самой суровой расправы с контрреволюцией на месте. Этих месяцев совместной боевой работы с вождем мне не забыть никогда»²².

Желание Сталина стать «важнейшим действующим лицом» и «героем», который участвовал в ключевых событиях революционного эпоса, высшая партноменклатура почувствовала уже в 1936 г. Именно тогда по согласованию секретаря ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало с наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым к делу московского троцкистского центра была присоединена группа сотрудников редакции газеты «Звезда» во главе с заведующим культотделом Л. Я. Розенблюмом. Последний во время командировки в Сталинград получил от бывших участников обороны Царицына неприемлемые сведения о Сталине, что стоило ему жизни²³.

Сразу после появления «Краткого курса истории ВКП(б)» сложилась тенденция к абсолютизации его положений, формулировок и выводов. А 14 сентября 1938 г. появилось решение бюро ЦК КП(б)Б «Об изучении истории ВКП(б)», где пропаганда новой книги была определена как «центральная задача всех партийных органов и руководителей». Секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко отдал распоряжение создать с этой целью курсы и семинары пропагандистов при всех горкомах и райкомах партии²⁴. Также 11 января 1939 г. вышел приказ Комитета по делам высшей школы при СНК СССР о введении преподавания во втором семестре 1938/39 учебного года нового предмета «Основы марксизма-ленинизма».

В некоторых вузах, например в Минском пединституте имени Горького, в дополнение к этому предмету вводился спецпредмет «Краткий курс истории ВКП(б)»²⁵. С октября 1938 г. по заранее определенным дням коллективное изучение сталинской «библии»²⁶ началось на всех предприятиях, в колхозах и учебных заведениях. Газета «Звезда» печатала ее по главам из номера в номер. Государственное издательство БССР в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» издало его тиражом 400 тыс. экземпляров, из которых 150 тыс. – на белорусском языке²⁷. Новые экспозиции, посвященные отдельным главам «Краткого курса истории ВКП(б)», появились в Музее революции БССР, Доме-музее I съезда РСДРП, областных краеведческих музеях²⁸.

В конце 1938 г. арсенал методов и приемов внедрения в массовое сознание культа Сталина обогатился проведением паломничеств советских граждан на его родину, в город Гори, где уже существовал музей вождя. Расчет идеологов был прост: в условиях фактического запрета религии использовать, наполнив новым содержанием, христианский обычай поклоняться местам и святыням, связанным с Христом, Богородицей, апостолами. Отдел пропаганды и агитации ЦК формировал группы паломников в соответствии с их социальной, профессиональной, а также возрастной принадлежностью. В течение 1939 г. за государственный счет Гори посетило около 350 лучших белорусских рабочих, колхозников, учителей, художников, комсомольцев и пионеров²⁹. К менее почитаемым местам паломничества относились Музей обороны Царицына в Сталинграде, Музей Авлабарской типографии в предместье Тбилиси и Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

В сентябре 1939 г. в официальной пропаганде появился новый образ Сталина – «освободителя рабочих из-под ига польских панов и капиталистов», «объединителя белорусского народа». С помощью таких эпитетов руководство БССР во главе с П. К. Пономаренко поздравляло вождя с его 60-летием. Сразу после присоединения западнобелорусских земель к БССР началась советизация местного населения, его перевоспитание в «новых людей» – верных носителей партийной идеологии, активных участников пропагандистских кампаний, безупречных исполнителей приказов сверху. Одним из наиболее эффективных инструментов преобразования «западников» в новых советских граждан был культ вождя. Осенью 1939 г. поэты Советской Белоруссии прочитали им стихи, а артисты филармонии спели песни о Сталине,

²²НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 139. Л. 31, 39, 42.

²³Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10204. Л. 8.

²⁴Там же. Д. 12924. Л. 1.

²⁵Там же. Д. 12968. Л. 6–9.

²⁶С 1938 по 1956 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» был издан 301 раз в количестве 42 816 000 экземпляров на 67 языках.

²⁷НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 14895. Арк. 158.

²⁸Музей рэвалюцыі БССР у новым будынку // Звезда. 1939. 6 ліп. (№ 153). С. 2; Самсонаў Г. Выстаўка па гісторыі ВКП(б) // Звезда. 1939. 3 верас. (№ 201). С. 2.

²⁹Экспурсіі і падарожжы па СССР // Звезда. 1939. 27 сак. (№ 70). С. 4.

библиотекари передали более 100 тыс. экземпляров «Краткого курса истории ВКП(б)» и «Вопросов ленинизма», музейные сотрудники показали передвижную выставку о революционной деятельности вождя, Белгоскино направило 60 автопередвижек, которые показывали «Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов»³⁰.

На торжественных митингах, которые прошли в Гродно, Белостоке, Лиде, Новогрудке, Барановичах и других населенных пунктах, стоя под портретами вождя, рабочие выражали единодушное желание жить «под солнцем сталинской Конституции»³¹. За «освобождение от панского гнета» благодарили Сталина все депутаты Народного собрания Западной Белоруссии, которое состоялось 28 октября 1939 г. в Белостоке³². Третья внеочередная сессия Верховного

Совета БССР, на которой 14 ноября 1939 г. Западную Белоруссию на законодательном уровне принимали в состав БССР, закончилась также принятием письма Сталину, в котором выражалась признательность за «освобождение братьев и счастливое будущее»³³.

Об эффективности советской пропаганды и быстрое усвоение «языка культа» бывшими гражданами Второй Речи Посполитой свидетельствует заявление виленского часового мастера Э. Шейкера, поданное в Пинский городской отдел ЗАГСа 25 октября 1939 г. В своем заявлении часовщик просил дать ему развод с проживавшей в Пинске П. Черной в связи с ее «буржуазным, эксплуатирующим и ростовщическим характером» и помочь «связаться с невестой чистой пролетарской души под солнцем сталинской Конституции»³⁴.

60-летний юбилей

60-летие Сталина отмечалось на всех уровнях как государственный праздник. Вождя поздравляли партийные, комсомольские и профсоюзные собрания, съезды передовиков, совещания ученых и пионерские слеты. В середине декабря 1939 г. «Звезда» начала печатать иллюстрированную биографию Сталина³⁵. Три номера – от 21, 22 и 23 декабря – главная белорусская газета посвятила юбилею полностью. Основное место в этих номерах занимали поздравления партийных и советских руководителей, иностранных политиков, а также ученых, писателей, художников и, конечно, обычных строителей социализма. Среди прочих Сталина поздравил рейхсканцлер Германии А. Гитлер³⁶. Юбиляр отправил ему в ответ любезную благодарность³⁷.

В преддверии своего 60-летия Сталин начал приобретать (особенно в поэтических репрезентациях) божественные качества. На страницах газеты «Літаратура і мастацтва» Я. Купала поздравил юбиляра стихотворением «Сталіну мудраму», Я. Колас – «Правадыру і настаўніку», а П. Пестрак – «Дума пра Сталіна». З. Бядуля написал рассказ «Песня», посвященный встрече западнобелорусского батрака Василия Панасюка с вождем в Кремле: «Сталин такой близкий и простой. В его волосах светится серебро шестидесяти лет, а в его глазах – мудрость всего мира. Ласковым взглядом смотрит он на Василия. Знает ли Сталин его жизнь? Знает»³⁸.

Журнал «Работніца і калгасніца Беларусі» помещал рассказы женщин, которые видели юбиляра вживую. Депутат Верховного Совета БССР гомельчанка Прудникова запомнила его таким: «Я вижу очень близко нашего великого Сталина, всматриваюсь в его лицо. Какое мужественное спокойствие, какая величественная мудрость, какая замечательная скромность. Он видит, что каждому из нас нужно. Кажется, я бы обняла его, как сына, и сказала: “Ты – наше счастье, ты – наш день, наше солнце, под которым вырастают миллионы прекрасных людей”... Я очень хотела подойти к нему, чтобы поблагодарить за все, все... Волновалась. Вдруг осмелилась. Быстро поднялась на ступеньки, направилась к товарищу Сталину. Вместе со мной поднялась известная колхозница Мария Демченко. Подошел товарищ Сталин. Сердце сильно билось. Я сказала: “Спасибо за школу, за детей. Они – самые счастливые. Они окружены Вашей заботой”. Глубокие добрые глаза ласково смотрели, губы улыбались и отвечали всем одновременно: “Хорошо работайте, любите работу”»³⁹.

Главной площадкой празднования юбилея в БССР стал Государственный театр оперы и балета, где 21 декабря состоялось собрание партийного актива Минска. Его открыл второй секретарь ЦК КП(б)Б В. Н. Малин речью о жизни и деятельности Сталина, о награждении его звездой Героя Социалистического Труда. Подобные собрания партактива про-

³⁰Кінаперасоўкі для Заходняй Беларусі // Звезда. 1939. 16 лістап. (№ 264). С. 4.

³¹Мы хочам жыць і працаваць пад сонцам сталінскай Канстытуцыі – аднадушна заяўляюць працоўныя Заходняй Беларусі // Звезда. 1939. 9 кастр. (№ 233). С. 2.

³²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13757. Л. 1–274.

³³Звезда. 1939. 15 лістап. (№ 263). С. 1.

³⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14810. Л. 72.

³⁵Звезда. 1939. 14 снеж. (№ 287). С. 2.

³⁶Там же. 1939. 23 снеж. (№ 295). С. 4.

³⁷Там же. 25 снеж. (№ 297). С. 4.

³⁸Бядуля З. Песня // ЛіМ. 1939. 21 снеж. (№ 42). С. 2.

³⁹Пруднікава. Незабўўнае // Работніца і калгасніца Беларусі. 1939. № 24. С. 14.

Иллюстрация из газеты «Звезда» от 11 июля 1939 года
The illustration published in July 11, 1939 «Zvjazda» newspaper issue

шли и в других городах БССР⁴⁰. В Доме Красной армии организовали литературно-музыкальный вечер, в Политехническом институте – юбилейную научную конференцию, а в Медицинском институте – научную сессию. Выставки, посвященные юбилею Сталина, открылись в минском Доме партактива, могилёвской городской библиотеке, витебском историческом музее. По приказу отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б передвижные юбилейные выставки направились в крупнейшие города западной части БССР. А 22 лучших белорусских стахановца премировали поездкой на родину юбиляра в Гори⁴¹.

Согласно уже сформированной традиции поздравлять вождя следовало прежде всего великими свершениями. Старший экономист планового

отдела Белостокской железной дороги М. А. Римшена писал Сталину: «В день Вашего 60-летия присоединяюсь к пламенному приветствию и пожеланиям всех граждан Союза и беру обязательство, работая сейчас по 6,5–7 часов в сутки, работать столько же времени в день бесплатно до конца жизни моей, и пусть остальные мобилизуются так же, как я»⁴².

Главный подарок к 60-летию Сталину готовила Красная Армия: военачальники пообещали ему молниеносную победу над маленькой соседней Финляндией. Однако одолеть финскую армию за обещанные две недели они так и не смогли. Война приобрела затяжной и кровопролитный характер, что создавало не лучший фон для дальнейшего конструирования культа.

⁴⁰Сход партактива Мінска // Звезда. 1939. 22 снеж. (№ 294). С. 4.

⁴¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15508. Л. 183.

⁴²Там же. Д. 14814. Л. 54.

Заклучение

Кульٹ Сталина, зародившийся в дни празднования его полувекового юбилея, как самостоятельный социальный феномен сложился на протяжении второй половины 1930-х гг. Дополненный неограниченным насилием, он не менее эффективно, чем марксистская доктрина, мобилизовал общество на поддержку советского тоталитарного режима. Культ вождя коренился в традиционном, архаическом обществе и имел иррациональные начала, что наглядно иллюстрировала вся советская политическая культура. Главным инструментом его конструирования была

партийная бюрократия – подлинный правящий класс советского общества. Культ внедрялся с помощью пропагандистской машины и представлял, по сути, государственную религию с собственными священными текстами, догматами, ритуалами, обрядами, праздниками и святынями. В культовом формировании массового сознания были задействованы СМИ, литература, кино, театр, массовые действия вроде парадов физкультурников. Вождь представлялся центральным идентификационным символом режима – отцом, учителем, создателем светлого будущего.

Библиографические ссылки

1. Каменская НВ. О некоторых вопросах развития исторической науки в Белоруссии. *Вопросы истории*. 1960;11: 159–167.
2. Кучынскі УА, Маргунскі СП. Народны суверэнітэт – аснова канстытуцыйнага будаўніцтва ў сацыялістычнай дзяржаве. *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук*. 1964;4:21–28.
3. Шыкуноў ВС. Развіццё пракуратуры БССР за гады Савецкай улады. *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук*. 1967;4:94–102.
4. Костюк МП. *Большевицкая система власти в Беларуси*. Москва: Институт российской истории РАН; 2002. 340 с.
5. Платонаў РП. *Палітыкі. Ідэі. Лёсы. Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў*. Мінск: БелНДЦДАС; 1996. 382 с.
6. Протыко ТС. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)*. Минск: Тесей; 2002. 688 с.
7. Троцкий ЛД. *Сталин. Том 2*. Москва: Терра; 1996. 285 с.
8. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
9. Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult, 1929–1939. In: Plaggenborg S, editor. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin: Verlag Arno Spitz; 1998. S. 151–184.
10. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 356 p.
11. Morgan K. *International communism and the cult of the individual: leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin*. London: Palgrave Macmillan; 2017. 363 p.
12. Rees EA. Leader cults: varieties, preconditions and functions. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 3–26.
13. Rolf M. Working towards the centre: leader cults and spatial politics in pre-war Stalinism. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 141–157.
14. Плампер Я. *Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. Москва: Новое литературное обозрение; 2010. 496 с.
15. Pisch A. *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications*. Canberra: ANU Press; 2016. 516 p.
16. Штёплер Б, Зуппан А. «Революция св ерху» и культ Сталина. В: Носов БВ, редактор. *Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова*. Москва: Индрик; 2000. с. 286–305.
17. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin era. *The Slavic and East European Journal*. 2005;49(2):199–224. DOI: 10.2307/20058260.
18. Sobanet A. *Generation Stalin: french writers, the fatherland, and the cult of personality*. Bloomington: Indiana University Press; 2018. 312 p.
19. Post JM. Current concepts of the narcissistic personality: implications for political psychology. *Political Psychology*. 1993;14(1):99–121.
20. Ashirova A. *Stalinismus und Stalin-Kult in Zentralasien. Turkmenistan 1924–1953*. Stuttgart: Ibidem-Verlag; 2009. 412 S.
21. Бердяев НА. Религиозные основы большевизма. (Из религиозной психологии русского народа). В: Бердяев НА. *Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.* Бронникова ВЕ, составитель. Санкт-Петербург: Издательство русского христианского гуманитарного института; 1999. с. 42–52.
22. Eliade M. *Sacrum i profanum: o istocie religijności*. Reszke R, tłumacz. Warszawa: Wydawnictwo KR; 1999. 206 s.
23. Себар Монтефиоре С. *Сталин: двор Красного монарха*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; 2005. 767 с.
24. Davies S. *Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 258 p.
25. Канчер Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). *Беларуская думка*. 2010;1:92–97.

References

1. Kamenskaya NV. [On some issues of historical research development in Byelorussia]. *Voprosy istorii*. 1960;11:159–167. Russian.
2. Kuchynski UA, Margunski SP. [Popular sovereignty as the basis of constitutional construction in a socialist state]. *Vesci Akademiі navuk Belaruskaj SSR. Seryja gramadskih navuk*. 1964;4:21–28. Belarusian.
3. Shykunow VS. [The development of prosecutors in Soviet Byelorussia]. *Vesci Akademiі navuk Belaruskaj SSR. Seryja gramadskih navuk*. 1967;4:94–102. Belarusian.
4. Kostjuk MP. *Bol'shevistskaya sistema vlasti v Belarusi* [The Bolshevik system of state power in Belarus]. Moscow: Institut Rossijskoj istorii RAN; 2002. 340 p. Russian.
5. Platonaw RP. *Palityki. Idzei. Ljosy. Gramadzjanskija pazicyi va wmovah narastannja idjeolaga-palitychnaga dyktatu w Belarusi 20–30-h gadow* [Politics. Ideas. Fates: social positions in the face of growing ideological and political dictate in Belarus in 1920–1930s]. Minsk: Belarusian Archival Science and Records Management Research Institute; 1996. 382 p. Belarusian.
6. Prot'ko TS. *Stanovlenie sovetskoj totalitarnoi sistemy v Belarusi (1917–1941 gg.)* [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tesej; 2002. 688 p. Russian.
7. Trotskij LD. *Stalin. Tom 2* [Stalin. Volume 2]. Moscow: Terra; 1990. 285 p. Russian.
8. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
9. Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult, 1929–1939. In: Plaggenborg S, editor. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin: Verlag Arno Spitz; 1998. S. 151–184.
10. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 356 p.
11. Morgan K. *International communism and the cult of the individual: leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin*. London: Palgrave Macmillan; 2017. 363 p.
12. Rees EA. Leader cults: varieties, preconditions and functions. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 3–26.
13. Rolf M. Working towards the centre: leader cults and spatial politics in pre-war Stalinism. In: Apor B, Behrends JC, Jones P, Rees EA, editors. *The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan; 2004. p. 141–157.
14. Plamper J. *Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [The alchemy of power. The Stalin cult in a fine art]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. 496 p. Russian.
15. Pisch A. *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications*. Canberra: ANU Press; 2016. 516 p.
16. Shtjoppler B, Zuppan A. [«Revolution from above» and cult of Stalin]. In: Nosov BV, editor. *Slavjanskije narody: obshhnost' istorii i kul'tury. K 70-letiju chlena-korrespondenta Rossijskoj akademii nauk Vladimira Konstantinoviča Volkova* [Slavic peoples: community of history and culture. To the 70th anniversary of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Vladimir Volkov]. Moscow: Indrik; 2000. p. 286–305. Russian.
17. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin era. *The Slavic and East European Journal*. 2005;49(2):199–224. DOI: 10.2307/20058260.
18. Sobanet A. *Generation Stalin: french writers, the fatherland, and the cult of personality*. Bloomington: Indiana University Press; 2018. 312 p.
19. Post JM. Current concepts of the narcissistic personality: implications for political psychology. *Political Psychology*. 1993;14(1):99–121.
20. Ashirova A. *Stalinismus und Stalin-Kult in Zentralasien. Turkmenistan 1924–1953*. Stuttgart: Ibidem-Verlag; 2009. 412 S.
21. Berdjaev NA. [The Religious Foundations of Bolshevism. (From the Religious Psychology of the Russian People)]. In: Berdjaev NA. *Duhovnye osnovy ruskoj revolucii. Opyty 1917–1918 gg.* [Spiritual foundation of the Russian revolution. Experiences of 1917–1918s]. Bronnikova VE, compiler. Saint Petersburg: Izdatel'stvo russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta; 1999. 429 p. Russian.
22. Eliade M. *Sacrum i profanum: o istocie religijności*. Reszke R, tłumacz. Warszawa: Wydawnictwo KR; 1999. 206 s.
23. Sebag-Montefiore S. *Stalin: dvor Krasnogo monarkha* [Stalin: the court of the Red tsar]. Moscow: OLMA-PRESS; 2005. 764 p. Russian.
24. Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 258 p.
25. Kančer E. [From the history of the Civil War in Byelorussia in 1917–1920 (written on memories, personal records and documents)]. *Belaruskaja dumka*. 2010;1:92–97. Russian.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(363.2)

ДЕВИАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

И. О. ЕВТУХОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются девиантные нарушения принятой в рамках англосаксонского общества парадигмы поведения, рассматривается только одна форма девиантного нарушения парадигмы поведения – правонарушение. В качестве объекта анализа избраны древнеанглийские хартии о судебных тяжбах. Доказывается, что реакция общества на правонарушение представлена широким спектром принуждения: от конфискации до изгнания и объявления вне закона. В хартиях X в. («Фонтхиллское письмо», хартия S 1455; об изгнании Этельсига за кражу свиньи, хартия S 886; о конфискации имени Этельфледы за помощь брату-изгнаннику Леофсигу, хартия S 926) используются глаголы *flytan*, *aflietan*, *exulare* с семантикой ‘изгонять, принуждать к бегству’. В хартиях XI в. (например, о приговоре вдове из Эйлсворта и ее сыну, хартия S 1377) вместо указанных глаголов фигурирует слово *utlah*, от которого происходит современное *outlaw*. Таким образом, показывается, что контроль за поддержанием парадигмы поведения в равновесном состоянии был двухуровневым. Первый уровень воздействия – конфискация имущества в случае разового правонарушения, не связанного с покушением на жизнь иного человека. Второй уровень воздействия – объявление человека вне закона (при повторной краже и при совершенном убийстве одного или нескольких человек). Правом на применение данной меры обладали король и епископ. Однако отдельные тяжкие преступления, связанные с убийствами и разбоем (преступления Вульфольда и его вдовы, хартия S 877), к изгнанию не приводили. Причины этого неизвестны вследствие фрагментарной сохранности источников (в частности, неизвестно, чем завершилась история, описанная в хартии S 877).

Ключевые слова: парадигма поведения; девиация поведения; англосаксонские хартии; англосаксонские судебные иски.

Образец цитирования:

Евтухов И.О. Девиация парадигмы поведения в англосаксонском обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:68–73.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-68-73>.

For citation:

Yeutukhou IO. Deviation of the behavior paradigm in the Anglo-Saxon society. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:68–73. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-68-73>.

Автор:

Игорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Ihar O. Yeutukhou, doctor of science (history); professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
ewtuhov@tut.by

ДЭВІЯЦЫЯ ПАРАДЫГМЫ ПАВОДЗІН У АНГЛАСАКСОНСКІМ ГРАМАДСТВЕ

І. А. ЕЎТУХОЎ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Аналізуюцца дэвіянтныя парушэнні прынятай у рамках англасаксонскага грамадства парадыгмы паводзін, разглядаецца толькі адна форма дэвіянтнага парушэння парадыгмы паводзін – правапарушэнне. У якасці аб'екта аналізу былі абраны старажытнаанглійскія хартыі аб судовых цяжбах. Даказваецца, што рэакцыя грамадства на правапарушэнне прадстаўлена шырокім спектрам прымусу: ад канфіскацыі да выгнання і аб'яўлення па-за законам. У хартыях X ст. («Фантхілскі ліст», хартыя S 1455; аб выгнанні Этэльсіга за крадзеж свінні, хартыя S 886; аб канфіскацыі маёнтка Этэльфлэды за дапамогу брату-выгнанніку Леофсігу, хартыя S 926) выкарыстоўваюцца дзеясловы *flyman*, *afli-man*, *exulare* з семантыкай 'выганяць, прымушаць да ўцёкаў'. У хартыях XI ст. (аб прысудзе ўдаве з Эйлсворта і яе сыну, хартыя S 1377) замест названых дзеясловаў фігуруе слова *utlah*, ад якога паходзіць сучаснае *outlaw*. Такім чынам, паказваецца, што кантроль над падтрыманнем парадыгмы паводзінаў у раўнаважным стане быў двухузроўневым. Першы ўзровень уздзеяння – канфіскацыя маёмасці ў выпадку разовага правапарушэння, не звязанага з замахам на жыццё іншага чалавека. Другі ўзровень уздзеяння – аб'яўленне чалавека па-за законам (пры паўторным крадзежы і забойстве адной або некалькіх асоб). Права на прымяненне дадзенай меры мелі кароль і біскуп. Аднак асобныя цяжкія злачынствы, звязаныя з забойствамі і разбоям (аб злачынствах Вульфбольда і яго ўдавы, хартыя S 877), да выгнання не прыводзілі. Прычыны гэтага невядомыя, таму што крыніцы захаваліся фрагментарна (у прыватнасці, невядома, чым скончылася гісторыя, апісаная ў хартыі S 877).

Ключавыя словы: парадыгма паводзін; дэвіяцыя паводзін; англасаксонскія хартыі; англасаксонскія судовыя іскі.

DEVIATION OF THE BEHAVIOR PARADIGM IN THE ANGLO-SAXON SOCIETY

I. O. YEUTUKHOV^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article analyzes the deviant violations of the accepted behavior paradigm in the Anglo-Saxon society, reflected in Old English charters. The article deals with only one form of deviant violation of the paradigm of behavior – crime. The old English lawsuits charters were chosen as the object of analysis. The author proves that the reaction of society to the offense was placed in a wide range of forcing: from confiscation to expulsion and outlawing. In charters of the 10th century (Fonthill letter, charter S 1455; the expulsion of Æðelsig for stealing a pig, charter S 886; the confiscation of Æðelflæda estate for the help for her exiled brother Leofsin, charter S 926) uses verbs *flyman*, *afli-man*, *exulare* with the semantics 'to expel, to force, to flee'. In the charters of the 11th century (the lawsuit of the widow in Ailsworth and her son, charter S 1377), the word *utlah*, from which the modern *outlaw* derives, is used instead of these verbs. Thus, the author shows that the control over the maintenance of the paradigm of behavior in the equilibrium state was two-level. The first level of impact was the confiscation of property in the case of a single crime not involving with attempt on the life of another person. The second level of influence was the outlawing of a person for the re-theft or the murder of one or more people. The king and Bishop had the right to apply last measure. However, some serious crimes related to the murders and robbery (crimes of Wulfbald and his widow, charter S 877) were not connected with the expulsion. The reasons for this are unknown due to the fragmentary preservation of the sources. In particular, it is not known how the story of Wulfbald's widow ended.

Keywords: behavior paradigm; deviation of behavior; Anglo-Saxon charters; Anglo-Saxon lawsuits.

В контексте изучения парадигмы поведения в обществе девиация (от лат. *deviare* 'уклониться от пути': *de* – от, *via* – путь) означает последовательное и осознанное нарушение общепринятых норм. В западноевропейской средневековой истории наиболее известные примеры длительного подобного поведения – еретические направления, сформировавшиеся в рамках католического вероучения и получившие исторически значимое число после-

дователей. Столь же бескомпромиссно, как и еретиков, в средневековой Европе преследовали гомосексуалистов, которых в большинстве случаев ждала смерть или кастрация (в Испании) [1, р. 388].

В современной историографии девиантное поведение рассматривается в рамках отдельных социальных (как правило, маргинальных) групп – тех же еретиков или представителей организованных профессиональных преступных сообществ (банд).

Девиантное поведение обычных людей и реакция общества на него не были предметом специального анализа.

В англосаксонской Англии средства предотвращения девиантных проявлений были сосредоточены в идеологической и юридической сферах.

В первом случае речь идет о стандартном наборе предостережений и угроз, связанных с посмертным воздаянием и Страшным судом. Например, формула, известная в латинском (*LonStP* 18) и древнеанглийском (хартия *S* 1495) вариантах, обещает, что нарушитель *noscat se cum Juda proditore Christi æterna confusione edacibus flammis periturum* 'погибнет вместе с Иудой, предателем Христа, в пламени всепоглощающем с вечным позором'¹ [2, p. 186–187] или, как вариант, будет *Judas gefere ðe urne Drihten belewde en helle wite* 'спутником Иуды, предавшего Господа нашего, в мучении ада' [2, p. 178–179].

Во втором случае речь идет о мерах юридического воздействия, направленных на удержание от противоправных поступков в рамках парадигмы поведения, принятой в англосаксонском обществе, и на наказание совершивших подобного рода поступки.

Подробная информация о 178 судебных разбирательствах, проходивших в VIII–XI вв., содержится в «Списке англосаксонских судебных тяжб» (далее – Список) [3], составленном крупнейшим британским историком права Чарльзом Патриксом Вормалдом. Список состоит из четырех частей: хартий (№ 1–95), «Книги Страшного суда» (№ 96–102), картуляриев и хроник (№ 103–153), нарративных источников (№ 154–178). Особого внимания заслуживает первый раздел, так как информация, зафиксированная в хартиях, не только скреплена подписями свидетелей, но и, как правило, весьма подробно изложена.

Правонарушение само по себе – девиантный акт, выходящий за рамки признаваемой обществом парадигмы поведения, и без реакции он не оставался. В подавляющем большинстве случаев речь шла о конфискации имущества (№ 27, 29, 30, 33, 36–38, 40, 41, 44, 48, 53, 57, 61, 68, 70, 72, 73, 75, 76, 79, 81, 88). Конфискация могла сочетаться с объявлением вне закона (№ 25, 43, 56, 71), ссылкой (№ 63) и объявлением врагом народа (№ 60 – *publicus hostis*). Дополнительная выборка информации по термину «внезаконник» приводит к позициям № 50, 51 Списка. Сочетание «конфискация и казнь» (№ 31) рассматриваться не будет, поскольку хартия (*S* 443), в которой фигурирует данная мера воздействия, признается спорной [4, p. 297].

Статистика наказаний показывает, что степень строгости воздействия на нарушителя соответствует степени его отклонения (девиации) от общепринятых норм (парадигмы): чем больше отклонение, тем строже наказание.

Анализ текстов хартий, объединенных по признаку «объявление вне закона», позволяет распределить позиции Списка по двум группам: 1) № 25, 56, 71; 2) № 43, 50, 51.

Позиция № 25 Списка опирается на хартию *S* 1445 [5], известную также как «Фонтхиллское письмо». Хельмстан, главный фигурант документа, украл пояс у Этельреда и предстал перед судом за это преступление. Наличие надела в пять гайд позволяло ему принести очистительную клятву при свидетелях и таким образом оправдаться. При этом документы на землю переходили к одному из свидетелей, а Хельмстан стал держателем указанной земли. «Но после этого, – сообщает автор письма, – через полтора года или через два, я точно не знаю, он украл непривязанных быков в Фонтхилле – этим он среди всех сделался падшим (*ðe he mid ealle fore forward*) – и отвел их в Кютлид». Хельмстана лишили всего имущества, кроме тех самых пяти гайд, которыми он присягал. Король объявил его изгнанником (*hine hete ða flyman*) [5, p. 101].

Позиция № 56 Списка опирается на хартию *S* 886 [6, p. 357]. Король Этельред пожаловал Вульффрику две с половиной гайды земли, принадлежавшие ранее Этельсигу. В латинском тексте документа сообщается о том, что земля была получена им от родителей и конфискована королем за совершенное преступление. В связи с тем что конфискации подверглись наследственные земли, возникла необходимость в издании специальной хартии, чтобы «предотвратить возможные претензии на имущество со стороны родственников» [7, p. 55].

Детали правонарушения описаны во фрагменте документа на древнеанглийском языке: *...he forstæl Æthelwines swyn Æþelmæres suna ealdermannes. Ða ridon his men to 7 tugin ut ð spic of Æðelsiges huse 7 he oð bærst to wuda 7 man hine aflymde ða* '...он украл свинью у Этельвина, сына элдормена Этельмера. Тогда поскакали его люди туда и взяли там тушу свиньи у дома Этельсига, и он убежал в лес, и люди его изгнали' [6, p. 357].

Позиция № 71 Списка связана со ссылкой и объявлением вне закона элдормена Леофсиге за убийство королевского герефы Эфика. Детали события раскрывает хартия *S* 926 [8, p. 299–300] (позиция № 75 Списка), описывающая конфискацию имущества Этельфледы за оказанную брату материальную помощь: *Peracto itaque scelere ab eo inii consilium cum sapientibus regni mei petens ut quid fieri placuisset de illo decernerent placuitque in commune nobis eum exulare et extorrem a nobis fieri cum complicitibus suis* 'После его преступления совет мудрых спросил меня, короля, что следует о нем присудить. И решил совет изгнать его от нас вместе с его сообщниками' [8, p. 299–300].

Во всех позициях первой группы использованы глаголы *flyman*, *afliman*, *exulare* с семантикой 'из-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Е.

гонять, принуждать к бегству', что и объединяет хартии.

Позиция № 43 Списка «О конфискации [имущества] неназванной вдовы и сына за колдовство (вдова казнена, сын объявлен вне закона)» связана с хартией S 1377 [4, p. 68]. Документ посвящен обмену землями между епископом Этельвольдом и Вульфстаном Уккой. Земельный комплекс включал в себя имение Эгелесвирсе, история которого приводится в хартии: *7 þæt land æt Ægeleswyrðe headde an wyduwe 7 hire sune ær forwyrft forþan þe hi drifon serne stacan on Ælsie Wulfstanes feder 7 þæt werð æreafe 7 man teh þæt morð forð of hire inclifan. Ða nam man þæt wif 7 adrehte hi æt Lundene brigce 7 hire sune ætberst 7 werð utlah 7 þæt land eode þam kyng to handa 7 se kyng hit forgeaf þa Ælfsige...* 'И эту землю в Эгелесвирсе имела одна вдова и ее сын ранее, [они] лишились [ее] потому, что они воткнули железную иголку (?) в Элси, отца Вульфстана, и это стало установлено, и объект преступления вынесли (досл. 'взял вперед'. – И. Е.) из их комнаты. Тогда взяли женщину и утопили около Лондонского моста, и ее сын убежал и стал незаконным, и земля перешла королю в руку, и король дал ее тогда Эльфсиге...' [4, p. 68].

Документ этот хорошо известен в историографии и долгое время особых вопросов не вызывал. С легкой руки издателя хартии Агнес Робертсон, интерпретировавшей слово *morð* как *the deadly image* [4, p. 69] и пришедшей к выводу о том, что речь идет о первом на территории Англии примере *pin-sticking magic* [4, p. 324], обвиняемая женщина рассматривалась как ведьма. Учитывая, что Эгелесвирсе (современный Эльсворс) находится в 80 милях от Лондона, было не совсем ясно, зачем женщину везли на столь далекое расстояние. В результате было высказано предположение, что ее утопили на мосту через реку Нен [9, p. 51], т. е. в лондонском направлении.

Если встать на позицию Агнес Робертсон, то нужно будет признать, что это не только первый, но и единственный задокументированный случай англосаксонской магии иголки: изготавливается фигурка (тот самый «образ смерти»), в которую втыкают иголки, после чего, по мысли исполнителя, должна наступить смерть человека. Но использование магии не наказывалось смертной казнью. Пенитенциарий Эгберта предусматривал всего лишь годовое заключение в монастыре на хлебе и воде [9, p. 50]. Исходя из единичного характера приведенного примера и чрезмерной суровости наказания, Кэрол Ху предложила совершенно иную интерпретацию слова *morð*: *That which causes death* 'то, что причиняет смерть' [10, p. 98]. В этом случае *[i]serne stacan* оказывается не железной иголкой/булавкой, а железным стержнем, орудием убийства, а не магии. Казнь при такой интерпретации оказывается результатом самосуда.

Положение вне закона терминологически обозначено не *flyman*, а *utlah* – словом, появившимся под скандинавским влиянием [11, p. 97], что объединяет позиции, включенные во вторую группу Списка.

Этим же словом обозначены «внезаконники» в позициях № 50, 51 Списка. Информация взята из хартии, содержащей перечень земельных владений, предоставленных как поручительство аббату Эадульффу (хартия S 1448a) [4, p. 74–83]. В первом случае речь идет о совершившем массовое убийство Осготе. Его жертвами стали одиннадцать человек, в том числе священник по имени Освиг [4, p. 78]. Обстоятельства происшествия в документе не раскрываются. Во втором рассказывается о Вульфноте, преступление его не указано [4, p. 80].

Вместе с тем события, описанные в хартии S 877 [4, p. 128–131] и связанные с неповиновением королевской воле и убийствами, не приводят к объявлению нарушителей вне закона (см. № 57–58 Списка).

Составленный на латинском языке документ посвящен передаче королем Этельредом II своей матери Этельфрите шести земельных наделов размерами от 1 до 3,5 сулунгов. Все эти участки были конфискованы после смерти Вульфбольда. Обстоятельства, приведшие к конфискации, подробно описаны в древнеанглийском фрагменте, включенном в хартию.

После смерти отца Вульфбольд забрал у мачехи все, что попало под руку (*eal þæt he þær funde inne 7 ute læsse 7 mare* 'все, что там нашел внутри и снаружи, большое и малое'). Последовали жалоба королю и приказ последнего о возврате захваченного имущества. Вульфбольд оставил королевское распоряжение без внимания. Далее последовало наложение штрафа (вергельда) в пользу короля, однако результат был тот же. После второго вергельда Вульфбольд забрал земли у своего родственника Брихтмара. Последовало еще два безрезультатных вергельда. Четырежды королевская воля была отвергнута. Но Вульфбольд не был поставлен вне закона. Сдерживающим фактором при этом было то, что спор не выходил за рамки имущественных отношений, убийства или покушения на убийство не было. Для окончательного решения затянувшегося спора в Лондоне последовало собрание светских и духовных лиц.

Симон Кейнс обращает внимание на следующие аспекты документа: подробное описание обстоятельств дела и обширный список свидетелей необходимы при размещении материалов в архиве, чтобы закрепить за королем земли, полученные в результате тяжбы. Впрочем, исследователь допускает, что 1) описание было вставлено в хартию составителями документа (*draftsmen of the charters*); 2) преступление Вульфбольда выросло на почве споров о наследовании, что было нередким в те времена, а значит, этот вопрос был одним из многих,

вынесенных на рассмотрение представительного синода; 3) активность Вульфольда припадает на 980-е гг. и маркирует слабость королевской власти первого десятилетия правления Этельреда II; 4) неоднократное неподчинение королевским приказам указывает скорее на слабое место в правовой системе, чем на неспособность отдельного короля применить закон [12, р. 79].

Профессор Йоркского университета Ричард Флетчер в целом поддерживает эту позицию, заостряя внимание на регионе происшествия (юго-восток Англии), где, по его мнению, совместные действия короля и архиепископа Кентерберийского были особенно эффективны [13, р. 63].

Завершение дела на этом этапе не совсем понятно. Описание собрания заканчивается фразой: *De se cyng wolde swa to life swa to deaþe. 7 he hæfne ealle þis ungebet oþe he forþferd* 'Королю делать, как он пожелает, как для жизни, так и для смерти, и он держал все это (захваченное имущество. – И. Е.) без исправления, пока не умер'. Эндрю Рабин указывает, что фраза допускает двоякое толкование: 1) смерть от естественных причин; 2) королевская кара (грамота дала королю право убить преступника) [14, р. 198].

После смерти Вульфольда произошло следующее: *His laf to mid hyre cilde 7 ofsloh Eadmær þæs cyngis þegen Wulfboldis faderan sune 7 his fiftyne geferan on þan land æt Burnan þe he on reaflice ongen þæne cyning hefde* 'Его вдова [пошла] вместе со своим ребенком и убила Эадмера, этого королевского тэна Вульфольда, брата сына и его пятнадцать слуг в этом имени в Бурнана, которое он получил от этого короля во владение' [4, р. 131].

Особое внимание следует обратить на словосочетания *his laf... mid hyre cilde*, обозначающее активно действующих лиц. Первое из них вопросов не вызывает: *His laf* 'его вдова'. Второй участник – *mid hyre cilde* 'со своим ребенком' – заслуживает более пристального внимания. Слово *cild* означает малолетнего ребенка [15, р. 154], в силу своего

возраста неспособного совершать какие-либо результативные действия с оружием. Более старший возраст обозначается словами *snara* (мальчик-подросток) [15, р. 161] и *cnicht* (юноша) [15, р. 162]. Именно последнее слово обозначает молодого человека, способного носить оружие; в нем просматривается будущее английское *knight* (рыцарь).

Получается, что вдова вместе с маленьким ребенком убивает шестнадцать взрослых человек (племянника своего покойного мужа и его слуг). Видимо, в операции принимали участие вооруженные люди из круга ее покойного мужа, которые по неизвестным причинам не были названы в хартии.

Подводя итоги, можно сказать, что статистика распределения наказаний в первой части Списка, основанной на материале хартий, показывает, что контроль за поддержанием парадигмы поведения в равновесном состоянии был двухуровневым. Первым уровнем воздействия (наибольшее число позиций Списка) была конфискация имущества в случае разового правонарушения, не связанного с покушением на жизнь иного человека. Вторым уровнем воздействия – объявление человека вне закона при условии повторной кражи и убийства одного или нескольких человек. Правом на применение данной меры обладали король и епископ.

Терминологическое обозначение «внезаконников» X в. – *flyman* – показывает, что речь шла скорее об изгнании, чем о лишении прав. Однако в хартиях, относящихся к последним годам столетия, в силу скандинавского влияния используется термин *utlah* (от которого образовано современное англ. *outlaw*), указывающий именно на поражение в правах.

Наиболее сложные случаи (неоднократное открытое неподчинение приказам короля) выносились на совместное заседание светских и церковных властей для их решения.

Хартии не дают ответа на вопрос о том, распространялось ли объявление вне закона на женщин.

Библиографические ссылки / References

1. Clinard MB, Meier RF. *Sociology of deviant behavior*. Wadsworth: Cengage Learning; 2010. 608 p.
2. Kelly SE, editor. *Charters of St Paul's, London*. Oxford: Published for The British Academy by Oxford University Press; 2004. 243 p.
3. Wormald P. A handlist of Anglo-Saxon lawsuits. In: *Anglo-Saxon England*. 1988;17:247–281. DOI:10.1017/S0263675100004099.
4. Robertson AJ. *Anglo-Saxon Charters*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 1956. 594 p.
5. The Fonthill Letter. In: Marsden R. *The Cambridge Old English Reader*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. p. 96–102.
6. Adams H, Lodge HC, Young H, Laughlin JL. *Essays in Anglo-Saxon Law*. Boston: Little, Brown, and Co; 1905. 392 p.
7. Smith ST. *Land and Book: Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England*. Toronto: University of Toronto Press; 2012. 288 p.
8. Thorpe B. *Diplomatarium Anglicum aevi saxonici*. London: Macmillan & Co; 1865. 683 p.

9. Davies A. Witches in Anglo-Saxon England. Five Case Histories. In: Scragg DG, Meaney AL, Davies A, Kitson P, Parker S. *Superstition and popular medicine in Anglo-Saxon England*. Manchester: Centre for Anglo-Saxon Studies; 1989. p. 41–56.
10. Hough C. *An Ald Reht: Essays on Anglo-Saxon Law*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2014. 313 p.
11. Attenborough FL. *The laws of the Earliest English Kings*. Cambridge: Cambridge University Press; 1922. 268 p.
12. Keynes S. Crime and Punishment in the Reign of King Aethelraed Unready. In: Wood IN, Lund N, editors. *People and Places in Northern Europe, 500–1600: Essays in Honour of Peter Hayes Sawyer*. Woodbridge: Boydell Press; 1991. p. 67–81.
13. Fletcher R. *Bloodfeud: Murder and Revenge in Anglo-Saxon England*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 264 p.
14. Rabin A. Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus: a Maximum View? In: Gates JP, Marafioti M, editors. *Capital and Corporal Punishment in Anglo-Saxon England*. Woodbridge: Boydell Press; 2014. p. 181–199.
15. Bosworth J, Toller TN. *An Anglo-Saxon Dictionary*. Oxford: Clarendon Press; 1898. 1302 p.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2018.
Received by editorial board 04.09.2018.

УДК [94+327(091)](470+571)«15»

ДВЕ «СТАРИНЫ» – ОДНА ПОЛИТИКА: «ЮРЬЕВСКАЯ ДАНЬ» И «КАЗАНСКАЯ ДАНЬ» В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1550–60-х гг.

Ф. Д. ПОДБЕРЁЗКИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В начале 1550-х гг. дипломаты русского царя Ивана IV впервые использовали легенды о «казанской дани» и «юрьевской дани» для обоснования исторического господства над землями Казанского ханства и немецкой Ливонии. Если сведения о «казанской дани» впервые актуализируются в годы правления Ивана IV, то «юрьевская дань» упоминается еще в русско-ливонских соглашениях XV в., однако их происхождение остается исторической загадкой. В статье впервые в историографии проводится сравнительный анализ двух легенд, делается попытка выяснить их источники, автора, роль в обосновании континуитета Руси времен первых Рюриковичей и московского государя Ивана IV, взаимосвязь терминов «отчина», «дань» и «земля». С 1470-х гг. в Москве начали переосмысливать даннические отношения, существовавшие в монголо-тюркском политическом пространстве, что выразилось в попытке прекращения «подарков» крымскому хану (1473) и последующих требованиях платить дань «по старине» епископу Дерпта (1474). В результате творческой обработки текста Повести временных лет русские книжники постулировали тождественность Волжской Булгарии и Казанского ханства, древнерусского Юрьева и немецкого Дерпта в рамках Никоновского свода. Основным критерием для обоснования наследственного господства над территорией являлась «земля» как политическая единица вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности ее населения. Высказано предположение, что царский окольничий Алексей Адашев редактировал историю о «юрьевской дани» по образцу сюжета о «казанской дани». Таким образом, между двумя легендами существует прямая генеалогическая связь.

Ключевые слова: «казанская дань»; «юрьевская дань»; Иван IV; Ливония; Казанское ханство; Волжская Булгария; Алексей Адашев; Русское государство; Рюриковичи; Никоновский свод; Юрьев; русско-ливонские отношения; «отчина»; «старина»; «земля».

ДЗВЕ «ДАЎНІНЫ» – АДНА ПАЛІТЫКА: «ЮР'ЕЎСКАЯ ДАЊІНА» І «КАЗАНСКАЯ ДАЊІНА» Ў РУСКАЙ ДЫПЛАМАТЫІ І ГІСТАРЫЧНАЙ ДУМЦЫ 1550–60-х гг.

П. Д. ПАДБЯРОЗКІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На пачатку 1550-х гг. дыпламаты рускага цара Івана IV упершыню выкарысталі легенды пра «казанскую даніну» і «юр'еўскую даніну» для абгрунтавання гістарычнага панавання над землямі Казанскага ханства і нямецкай Лівоніі. Сведчанні пра «казанскую даніну» ўпершыню актуалізуюцца падчас кіравання Івана IV, а «юр'еўская даніна» узгадваецца ў руска-лівонскіх пагадненнях XV ст., аднак іх паходжанне застаецца гістарычнай таямніцай. У артыкуле ўпершыню ў гістарыяграфіі праводзіцца параўнальны аналіз абедзвюх легенд, робіцца спроба выявіць іх крыніцы.

Образец цитирования:

Подберёзкин Ф.Д. Две «старинны» – одна политика: «юрьевская дань» и «казанская дань» в русской дипломатии и исторической мысли 1550–60-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:74–82.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-74-82>.

For citation:

Podberezkin PD. Two antiquities – one policy: the «tribute of Dorpat» and the «tribute of Kazan» in Russian diplomacy and historical thought in 1550–60s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:74–82. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-74-82>.

Автор:

Филипп Дмитриевич Подберёзкин – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский.

Author:

Philip D. Podberezkin, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
hetmanpolny@yandex.ru

аўтара, ролю ў абгрунтаванні кантынuitэту Русі часоў першых Рурывічаў і маскоўскага гасудара Івана IV, узаема-сувязь тэрмінаў «вотчына», «даніна» і «зямля». З 1470-х гг. у Маскве пачалі пераасэнсоўваць падатковыя адносіны, якія існавалі ў мангола-цюркскай палітычнай прасторы. Праявамі гэтага была спроба перастаць даваць «падарункі» крымскаму хану (1473), а таксама патрабаванне даніны «па-даўнейшаму» епіскапу Дэрпта (1474). У выніку творчай пераапрацоўкі тэксту Аповесці мінулых гадоў рускія кніжнікі пастуліравалі тоеснасць Волжскай Булгарыі і Казанскага ханства, старажытнарускага Юр'ева і нямецкага Дэрпта ў межах Ніканаўскага зводу. Асноўным крытэрыем для спадчыннага панавання над тэрыторыяй з'яўлялася «зямля» як палітычная адзінка, не звярталася ўвага на палітычную і рэлігійную ідэнтычнасць яе насельніцтва. Выказана меркаванне, што царскі акольнічы Аляксей Адашаў рэдагаваў гісторыю «юр'еўскай даніны» па ўзоры сюжэта пра «казанскую даніну». Такім чынам, паміж дзвюма легендамі існуе генеалагічная ўзаемасувязь.

Ключавыя словы: «казанская даніна»; «юр'еўская даніна»; Іван IV; Лівонія; Казанскае ханства; Волжская Булгарыя; Аляксей Адашаў; Руская дзяржава; Рурывічы; Ніканаўскі звод; Юр'еў; руска-лівонскія адносіны; «вотчына»; «даўніна»; «зямля».

TWO ANTIQUITIES – ONE POLICY: THE «TRIBUTE OF DORPAT» AND THE «TRIBUTE OF KAZAN» IN RUSSIAN DIPLOMACY AND HISTORICAL THOUGHT IN 1550–60s

P. D. PODBEREZKIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the beginning of 1550s the diplomats of Russian Tsar Ivan IV for the first time used the legend about «Kazan tribute» and «Dorpat tribute» to justify the historical rule over Kazan and German Livonia. The story about «Kazan tribute» was firstly mainstreamed during the reign of Ivan IV; however, the «Dorpat tribute» was mentioned in the Russian-Livonian treaties of 15th century – its origin is still unknown. For the first time in historiography this article compares two stories. The author examines the sources of both legends, their author, the role in the justification of the continuity between the ancient Rus' of Rurikovi-chi and Moscow Russia of Ivan IV, the relation between the terms «otchina» (paternity), «dan'» (tribute), «zemlya» (land). Since the 1470s Moscow began to rethink the tribute relationships, that had been established in Mongol-Turk political space. This resulted in an attempt to stop the payments for the Chan of Crimea (1473) and to demand the tribute from the Bishop of Dorpat (Russian Yuryev, 1474). Based on the Text of «Primary chronicle» the Russian intellectuals claimed the identity of Volga Bulgaria and Kazan, ancient Russian Yuryev and German Dorpat in the text of Nikon Chronicle. The main criterion for the hereditary rule over the territory was «zemlya» (land) as the political category, regardless of the ethnicity and religion of its population. The author concludes that the courtier Alexey Adashev edited the story about «Dorpat tribute» following the example of «Kazan tribute» story. Thus, there is a direct intertextual dependence between the two stories.

Keywords: «Kazan tribute»; «Dorpat tribute»; Ivan IV; Livonia; Kazan; Volga Bulgaria; Alexey Adashev; Russian State; Rurikovi-chi; Nikon chronicle; Yuryev; Russian-Livonian relations; paternity; «otchina»; antiquity; «starina»; land; «zemlya».

«Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань;
цари Аравии и Савы принесут дары»

Псалом 71

«И вот, есть последние, которые будут первыми,
и есть первые, которые будут последними»

Лк. 13:30

Введение

28 декабря 1550 г. русский царь Иван IV от-правил к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу своего посла Якова Андреевича Остафьева. В «памяти» посла, помимо прочего, были следующие слова: *Нечто его вспросят о Казани, и Якову говорити: Казань изстари отчина государя нашего... государь наш за ту их вину сам на Казань ходил и Казанскую землю всю пусту учинил. А которые люди заперлися в го-*

роде, и те государю доби́ли челом... а они дани все дают по старине. И государь их челобитье принял... и они ныне дани все дают государю нашему по старине [1, с. 343]¹.

В источниках до 1550 г. ничего не говорится о «дани», которую казанцы платили бы Москве «по старине» [2, р. 83–84]; возможно, поэтому проблема «казанской дани» не вызывала специального интереса исследователей [2, р. 92–104; 3, с. 36]. Во

¹Речь идет о походе русского войска на Казань в 1549–1550 гг.

время русско-ливонских переговоров в Москве 28 апреля – 1 июня 1554 г. дьяк Иван Михайлович Висковатый сказал немцам, что епископ города Дерпта (рус. Юрьев) должен заплатить *дань по старине со всеми старыми задолженностями согласно крестному целованию и праву* [4, с. 25]. «Юрьевская дань» упоминается в русско-ливонских договорах 1474, 1509, 1550 гг. [5, с. 133; 6, с. 381; 7, с. 112–125; 8, с. 406–407], однако на практике она вряд ли когда-либо платилась. Немецкие послы отвечали, что *ни один человек в Ливонии, хотя бы ему было и 200 лет от роду, не знает, что это за дань* [4, с. 26]. В литературе допускается возможность реальности дани до времен Ивана IV; существуют три основные версии происхождения «юрьевской дани»: так называемая медовая дань [9, с. 143–144; 10, с. 86; 11, с. 173–174]², дань «правой веры» в Дерпте [12]³, дань Толовы [13]. Однако полной ясности в этом вопросе достигнуть не удалось. В 1552 г. русские войска взяли Казань, а в 1558 г. – Дерпт.

Таким образом, в московской дипломатической практике начала 1550-х гг. впервые был использован аргумент «дани» как исторического налога. И в случае с Казанским ханством, и в случае

с Ливонией этот аргумент не имел прямых прецедентов в прошлом. Для того чтобы найти его, русскому книжнику следовало проделать немалую интеллектуальную работу, изучив доступный исторический материал, включив соседние государства в сферу патримониального права династии Рюриковичей.

В статье не будут затрагиваться вопросы происхождения «казанской дани» и «юрьевской дани», их реальное историческое содержание. Сюжетное подобие истории о дани в обоих случаях, хронологическая близость их окончательной письменной фиксации (1550–60-е гг.) делают возможным сравнительный анализ двух легенд. Какие источники использовали русские книжники при составлении этих историй? Как обосновывался континуитет между реалиями древнерусского Юрьева и Волжской Булгарии эпохи первых Рюриковичей и времени Ивана Грозного? Взаимосвязаны ли между собой термины «отчина» и «дань»? В результате сравнительного анализа мы попытаемся выяснить, существовала ли генеалогическая связь между легендами о «юрьевской дани» и «казанской дани» в московской книжности середины XVI в.

Источники и авторы двух историй

«Казанская дань» «по старине» впервые упоминается в дипломатическом документе («памяти») 1550 г. В Никоновской летописи сразу за записью 1555 г. следует история 1445 г. об основании «царства Казанского». В ней указывается, что *прежние великие князи русские от Рюрика обладающе и дани емлюще по Волге и до Хвалиньского моря и по Каме* [14, с. 251]. Вероятнее всего, эта запись появилась между 1555 и 1559 гг. [2, р. 94]. Можно говорить, что история о древней «казанской дани» вначале была востребована в дипломатической практике времен Ивана IV и спустя несколько лет, после взятия Казани, включена в исторический нарратив.

«Юрьевская дань» «по старине» упоминается в русско-ливонских договорах с 1474 г. Однако в качестве посольского аргумента русской стороны мы встречаем ее в отчете ливонских представителей о переговорах в Москве 1554 г. [4, с. 25, 26, 31–35, 36–38]⁴. По всей видимости, свидетельства участников этих переговоров (Ивана Михайловича Висковатого и Алексея Федоровича Адашева) и русский вариант новгородско-ливонского и псковско-дерптского договоров [7] легли в основу сюжета Никоновской летописи о немецком посольстве 1554 г. [14, с. 240].

Можно полагать, что история о «казанской дани» и «юрьевской дани» «по старине» некоторое время бытовала в ближнем круге царя Ивана IV. До включения в официальное историописание два сюжета использовались в переговорах с Ливонией, Великим княжеством Литовским и Османской империей [2, р. 80]. Главным источником Никоновской летописи в освещении событий 1550-х гг. признан «Летописец начала царства», решающее влияние на составление которого оказал окольничий Алексей Федорович Адашев [16, с. 29–41; 17, с. 196–197]. Вероятно, именно Адашев является идейным автором сюжета «Летописца...» о собирании русскими князьями дани по Волге и Каме, отразившегося в Никоновской летописи. Поэтому не случайно, что окольничий вместе с дьяком Иваном Михайловичем Висковатым был привлечен к русско-ливонским переговорам 1554 г. Если идея «казанской дани» была успешно предъявлена дипломатам ВКЛ еще в 1550 г., то в 1554 г. ливонцам можно было предложить идею «дани юрьевской». К тому же для последней имелись формальные основания в предыдущих русско-ливонских договорах.

Источники исторических построений Алексея Адашева о дани времен правления первых русских

²Согласно версии «медовой дани» псковичи брали деньги с жителей округа Нейгаузена за пользование медовыми деревьями, находившимися во владениях Пскова.

³Немецко-балтийский историк Карл фон Штерн считал, что истоки «юрьевской дани» – в обязательстве властей Дерпта платить на содержание расположенных там православных церквей.

⁴Вероятнее всего, до начала 1550-х гг. пункт о дани в Ливонии считали пустой формальностью. Замешательство послов по этому поводу во время переговоров 1554 г., отсутствие у них инструкций на этот счет свидетельствуют о том, что в качестве посольского аргумента «юрьевская дань» никогда ранее не предъявлялась. Реакцию послов хорошо передал их современник Ф. Ниенштедт [15, с. 44].

князей следует искать в древнем летописании⁵. Согласимся с мнением украинского исследователя Я. Пеленского, который предположил, что исходным текстом могли послужить сюжеты Повести временных лет с перечислением племен по Оке и Волге, плативших Руси дань ко времени княжения Рюрика [2, р. 94; 19, с. 10, 13].

В ответном письме к послам датского короля Фредерика 5 апреля 1559 г. Алексей Адашев и Иван Висковатый писали, что *шестьсот лет назад великий князь киевский Ярослав Владимирович взял землю ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, а в Риге и в Кольвани церкви русские и дворы поставил, и на всех ливонских людей дань положил* [20, с. 45–46]. Базовым текстом для этой истории был рассказ из Повести временных лет: *(6538) Сем же лете иде Ярослав на чюдъ, и победи я, и постави град Юрьев* [19, с. 65]. Тот факт, что в более поздних летописях к словам *постави град Юрьев* добавлялось в свое

имя [19, с. 480], подтверждает данное наблюдение. В случае с «юрьевской данью» русская сторона во время переговоров 1554 г. ссылалась на русско-ливонский договор 1474 г. [4, с. 31, 36]. При этом не привлекались более ранние соглашения (1509 и 1550 гг.); дипломаты Ивана IV называли цифру в *210 лет неуплаченной дани* [4, с. 31], как бы указывая на некий реальный прецедент. Имея документально зафиксированные исторические основания, авторы истории о «юрьевской дани» тем не менее пытались «удревнить» ее до времен Ярослава Мудрого. Так история становилась убедительной не только юридически, но и исторически.

Значит, можно предполагать, что активное участие в составлении двух историй о дани принимал Алексей Адашев, а исходным текстом для него были сюжеты Повести временных лет, связанные с именами первых русских князей Рюрика и Ярослава Мудрого.

От «чюди» к Дерпту и от болгар к Казани

Ряд сведений о волжских булгарах (болгарах) в Никоновском своде уникален. Как отмечал советский исследователь Б. М. Клосс, «введение известий о походах на волжских болгар вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI века, когда составлялась Никоновская летопись» [17, с. 187]. В начале летописи говорится о том, как легендарный Кий ходил походом на дунайских болгар, *также на волжския и камския болгары ходив и победи* [21, с. 4, 66]. Данная фраза свидетельствует о том, что автор знал о делении болгар на «волжских и камских» и дунайских, мог разбираться в их этническом составе. При этом болгары в Никоновской летописи часто отождествляются с казанскими татарами (*болгары, глаголемыя казанцы; болгары, еже есть в Казань и др.*) [21, с. 58, 210; 22, с. 97–98, 103, 104; 23, с. 12, 20, 24, 71]. Рассмотрим контекст подобных упоминаний.

Под 990 г. в летописи повествуется о миссионерском путешествии Марка Македонянина, посланного князем Владимиром к болгарам-мусульманам. Марк был послан *в болгары, иже есть во агаряны... и бесермены нарицаются, и тотари, и друзии имена их демонския* [21, с. 58].

В 1157 г. князь Андрей Боголюбский *нападоша на безбожния агаряны болгарския, иже глаголют казанския* [21, с. 210]. В приведенных сообщениях названия *агаряны, татары и бесермены* (т. е. мусульмане) являются *демонским именем*, носят исключительно религиозный оттенок. Данный вывод подтвержда-

ется историей мученичества святого Авраамия Болгарского, содержащейся в летописи. Следуя исходному тексту Лаврентьевской летописи [24, с. 313], автор Никоновского свода подчеркивает, что святой Авраамий был *инога языка, не русского, христианин сый*. Не уточняется, к какому народу он принадлежал. Однако убили его *болгары за веру православную*; во время мучений Авраамий проклинал *Бохмита и веру их болгарскую* [22, с. 97–98], т. е. христианство Авраамия противопоставлялось «болгарской вере». Таким образом, в приведенных сюжетах эпитет «болгарский» имеет религиозную коннотацию.

Однако название «болгары» упоминается и в других значениях. В 1232 г. *приидоша татарове, и зимоваше не дошедше великого града болгарского, еже глаголется казанского* [22, с. 103].

В 1236 г. *безбожнии татарове поплениша землю Болгарскую, глаголемую Казанскую* [22, с. 104]. В 1375 г. новгородские ушкуйники *приидоша в болгары, еже есть в Казань*, а в 1382 г. хан Тохтамыш послал своих слуг в *град, нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе* [23, с. 24, 71]. Очевидно, что в данных случаях речь идет о «Болгарской земле» как о политической единице⁶. Из сообщения 1232 г. следует, что составитель летописи отличал болгар от татар. Тем не менее по времени образования «Болгарская земля» предшествует Казани.

Таким образом, в Никоновской летописи намеренно акцентируется как религиозный, так и территориальный, политический континуитет Казанского ханства с землей волжских болгар. В религиозном

⁵Российский исследователь К. Ю. Ерусалимский отметил, что в Русском хронографе 1512 г. есть упоминание о том, что князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо «на татарех дань имал» [3, с. 36–37; 18, с. 388].

⁶Термин «земля» в русских источниках означал самостоятельное политическое образование, сформированное на основе волостей как частей единого Древнерусского государства X – начала XII в. [25, с. 140–141].

смысле казанские татары являются наследниками тех *безбожных агарян*, которых не удалось обратить в христианство святому Владимиру и Марку Македонянину в конце X в. В политическом смысле ключевое значение имела территория, на которой располагалось Казанское ханство. *Князи казанские* – то же, что и *князи болгарские* [23, с. 215], на которых ходили походами Кий и великий князь Владимир. Следовательно, идея покорения Казани в 1550-х гг. могла опираться и на религиозный, и на политический прецеденты из времен правления первых русских великих князей. В религиозном смысле Иван IV завершал дело своих предшественников. В политическом смысле русский царь мог претендовать на территорию Казанского ханства. Московскому книжнику было достаточно обосновать историческое право на владение землей, чтобы потребовать выплаты дани.

Выше указывалось, что в попытках обосновать претензии на Юрьев и «юрьевскую дань» дипломаты Иван Висковатый и Алексей Адашев ссылались на историю основания Юрьева (1030) Ярославом Мудрым, изложенную в Повести временных лет. Однако в ее сюжете речь идет о «чюди», а не о немцах, которые появятся на землях Ливонии не ранее конца XII в. (миссия епископа Мейнарда). Примечательно, что дошедшие до нас русские летописи вообще не упоминают о первых двух десятилетиях немецкой колонизации Ливонии⁷; в истории о походе новгородского князя Мстислава «на чюдь» и обложении ее данью (1212) ничего не сказано о епископе рижском и ордене меченосцев (также претендовавших на земли «чюди» в то время) [26, с. 52]. Данное обстоятельство объясняет, почему в истории «юрьевской дани», которая предлагалась иностранным послам [20, с. 41–52; 27, с. 216] и применялась для «внутреннего пользования» [28, с. 380, 532], нет разрыва между эстонским/русским и немецким периодами истории Юрьева (немцы завоевали его в 1224 г.⁸).

В описании событий, связанных с историей этого города, составитель Никоновской летописи почти без изменений передает текст новгородских и псковских летописей. В 1133 г. новгородский князь Всеволод ходил на «чюдь» и взял Юрьев [21, с. 188], в 1191 г. поход повторил его сын Ярослав [22, с. 120]. С похода 1234 г. и далее Юрьев отождествляется в русском летописании исключительно с *немцами*, *Немецкой землей*, *немецким городом* [22, с. 103–104, 123, 146, 201]. Об этом красноречиво свидетельствует упоминание о событиях 1343–1345 гг. – восстании Юрьевой ночи (эстов против немецких гос-

под) – в статье Новгородской первой летописи младшего извода (1344), где под *юрьевцами*, сражавшимися против восставшей *чюди*, подразумеваются немецкие вассалы дерптского епископа [26, с. 357]. В начальный период Ливонской войны составители Степенной книги добавляют к описанию похода 1133 г., что новгородский князь взял *отеческое достояние* [28, с. 420].

Заметим, что враждебная конфессиональная риторика в отношении немцев в большинстве случаев характерна для русских летописей применительно к событиям уже XV в. (*поганые немцы*) [29, с. 36, 37, 138]. В тексте Степенной книги говорится, что *ливонцы отвернулись от истинного благочестия*, а русские князья до Ивана IV ходили на них походами, дабы *мстить христианскую обиду* [28, с. 380–382, 532]. Как уже подчеркивалось в историографии, Ливонская война была в том числе и *священной войной* русского царя за православие против католиков и лютеран [30, S. 83–86; 31]. Таким образом, в Ливонии, как и в Казани, Иван Васильевич доводил дело предков на ниве «защиты православия» до логического завершения. Однако отметим, что в случае Ливонии религиозный аспект выражен меньше, чем в случае Казанского ханства: в 1558 г. царь начинал войну главным образом из-за дани, а не из-за притеснения православных в Ливонии.

Итак, для русского книжника XVI в. не было столь важно, кто – *чюдь* или *немцы* – населяет город, основанный Ярославом Мудрым. Также неважно было, болгары или татары являются «ответственными» за дань от Казанского ханства: в данном случае в большей степени проявился религиозный аспект (важный, но не столь решающий в вопросе, кому следует владеть «Болгарской землей»). В двух описываемых примерах превалирующий фактор – *земля*, которая некогда принадлежала великим русским князьям и должна принадлежать Ивану IV вне зависимости от того, кто ее населяет и кто во что верит. В Никоновской летописи континуитет *чюдь – немцы и болгары – казанцы* сохраняется благодаря тому, что в первом случае древнейшие летописи ничего не сообщают о немецкой колонизации, во втором составитель отождествляет земли Волжской Булгарии и Казанского ханства. Таким образом, ввиду отсутствия во времена правления первых русских князей исторических перемен, признаваемых русскими книжниками, «казанская дань» и «юрьевская дань» как сами собой разумеющиеся сохраняли актуальность для своего времени. В этом отношении две истории имеют одинаковое смысловое наполнение.

⁷Рига была основана в 1201 г., а первое упоминание ливонских немцев в конфликте новгородцев с немцами в новгородской летописи относится к 1219 г. [26, с. 59].

⁸В Степенной книге есть неопределенные намеки на то, что немцы незаконно владеют землей в Ливонии: *По его же имени (великого князя Ярослава-Георгия. – Ф. П.) и град той именуем есть Юрьев, его же неким похищением немцы обдержаша. <...> ...и тамо бяху епископи православни, иже пришедше из заморья, и вселишася в чюдьци* [28, с. 380, 532]. Не уточняется, когда произошло немецкое «похищение» и когда «православные епископы» (немецкие?) пришли «из заморья».

«Отчина» и «дань»

В 1473 г. великий князь московский Иван III поручил своему послу Никите Васильевичу Беклемишеву просить крымского хана уменьшить количество «подарков» [32, с. 2–3]. Некоторое время спустя, в результате русско-ливонских переговоров 1474 г., в текст договора был включен пункт о «юрьевской дани», которую епископ Дерпта обязывался платить Ивану III «по старине». Представляется, что события начала 1470-х гг. связаны между собой, ведь переговоры с татарами и немцами шли от имени одного и того же человека. Они отражали политическую программу Ивана IV: постепенно перестать платить дань прежним хозяевам Чингизидам и самому занять их место, собирая дань «по старине» с наиболее слабого соседа – епископа Дерптского. Крымского хана не удалось склонить к компромиссу, а ливонцы еще долгое время относились к пункту о дани как к пустой формальности, не встречая противодействия ни Ивана III, ни его сына Василия III.

В начале 1550-х гг. внук Ивана III решил продолжить начатое ранее. В 1554 г., после взятия Казани, царь Иван IV начал упоминаться о дани своего деда [34, с. 84–86], наложенной на Дерпт. В 1550 г. царь впервые «вспомнил» о «казанской дани». В 1522 г. в «памяти» царскому послу Василию Поликарпову

к великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I впервые говорилось, что Казань является «отчиной» Ивана III – отца Василия III [34, с. 617]. В источниках 1530–50-х гг. об этом умалчивается [2, р. 81–82], но в 1550 г. термин «отчина» вновь появится в цитированной выше «памяти» Якова Остафьева. Именно в этом документе слова «отчина» и «дань» применительно к Казанскому ханству впервые употребляются вместе.

Во второй половине XV – первой половине XVI в. Дерпт и Ливония, несмотря на обязательство дани, еще не являются «отчиной» великого князя московского [35]⁹. Риторика «отчины» в отношении Ливонии впервые выказывается во второй половине 1550-х гг.

Таким образом, к Казани сначала был применен термин «отчина», а затем «дань», а к Ливонии – наоборот. На наш взгляд, это объясняется тем, что относительно Казани русские дипломаты не располагали прямыми письменными свидетельствами того, что казанцы обязывались платить дань Москве¹⁰, а для Дерпта таковые имелись. Однако в целом в обоих случаях мы видим одинаковую систему исторической аргументации: в ней «отчина» и «дань» к началу 1550-х гг. взаимно дополняются.

Заключение

В ходе сравнительного исследования мы анализировали событийную и содержательную части истории о «казанской дани» и «юрьевской дани». Основаниями для сравнения послужили сюжетное сходство и хронологическая близость двух легенд. На наш взгляд, с начала 1470-х гг. у книжников из круга великих князей московских начинается идеологическое переосмысление даннических отношений, существовавших в рамках монголо-тюркского политического пространства. *Государя всея Руси* отныне нацелены на то, чтобы стать главными сборщиками дани на исторической территории Рюриковичей.

Свидетельством иного понимания межгосударственных даннических отношений являются события 1473–1474 гг. В 1473 г. Москва пытается перестать платить дань крымскому Чингизиду, а в 1474 г. формально обязывает епископа Дерптского платить «по старине». Основные условия для требования дани выражались в терминах «старина» и «отчина».

Для того чтобы обосновать «отчину» и «старину», творчески перерабатывался имеющийся исторический материал. Первоисточником построений

были короткие упоминания в Повести временных лет о владениях Рюриковичей по Волге и Каме, об основании Юрьева. Акцентировалось, что Казань тождественна «земле Болгар», а немецкий Дерпт и Юрьев эстов и русских – одно и то же. Обе легенды презентовались в рамках Никоновского свода. Есть основания считать, что сюжеты летописи 1550-х гг. редактировались непосредственно царским окружением Алексеем Адашевым. В 1550 г. идея «казанской дани» впервые была использована на дипломатическом уровне, в то время как реальной уплаты «юрьевской дани» потребовали в 1554 г. В обоих случаях важнейшим критерием для обоснования политической зависимости выступала «земля», на которую распространялось патримониальное право Ивана IV вне зависимости от народов, проживавших на ней. Таким образом, ключевыми пунктами в истории с «казанской данью» являются события X в., 1473 г., 1550–1552 гг., а в истории с «юрьевской данью» – XI в., 1474 г. и 1554–1558 гг.

Все вышесказанное позволяет предположить, что историю «юрьевской дани» создавали по образцу истории «казанской дани» книжники во главе

⁹Исследователь М. Ходарковский на примере отношений Москвы со степью хорошо показал, что политические, военные, фискальные границы могли не совпадать [36, р. 363]. На наш взгляд, такое представление может объяснить, почему в глазах Ивана III епископ Дерпта мог быть «данщиком», но епископство Дерптское не являлось «отчиной» великого князя.

¹⁰Если бы они были, московские книжники непременно воспользовались бы ими (как договором 1474 г. во время русско-ливонских переговоров 1554 г. в Москве).

с Алексеем Адашевым, по-особенному интересовавшимся крымскими и татарскими делами и решившим применить «казанский сценарий» для Ливонии. Сделано это было около 1554 г., когда Адашев и Висковатый проводили переговоры с послами Дерпта в Москве. Генеалогическую связь двух легенд подтверждает то, что в начале Ливонской войны окольных и дьяк в дипломатических письмах, упоминая посольство, предъявляли требования о дани из Юрьева сразу же после того, как повзрослевший царь Иван Васильевич разделался со своими «недругами» – ца-

рями казанским и астраханским [20, с. 49]. «Юрьевская дань» «по старине» упоминалась в русско-ливонских договорах времен Ивана III, однако еще не имела того смыслового наполнения, которое отразилось в исторических нарративах 1550–60-х гг.

По своей форме и структуре легенда о «юрьевской дани» представляет собой усовершенствованный вариант истории о «казанской дани». Это шедевр русской исторической мысли эпохи Ивана IV, свидетельствующий о том, как последние стали первыми.

Библиографические ссылки

1. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 2, 1533–1560 гг.* Санкт-Петербург: Типография Ф. Елионского и К°; 1887. 704 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 59).
2. Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and imperial ideology (1438–1560)*. The Hague: Mouton; 1974. 368 p.
3. Ерусалимский КЮ. *История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в.* Москва: Государственный университет «Высшая школа экономики»; 2005. 56 с.
4. Щербачев ЮН. *Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Выпуск 1, 1326–1569 гг.* Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете; 1915. 320 с.
5. Валк СН, редактор. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1949. 407 с.
6. Шаскольский ИП. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. В: Зимин АА, Пашуто ВТ, редакторы. *Международные связи России до XVII в.* Москва: Издательство АН СССР; 1961. с. 376–399.
7. Попов ВЕ, Филюшкин АИ. Русско-ливонские договоры 1554 г. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010; 1(7):109–130.
8. Arbusow L, Herausgeber. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 2. Band 2, 1501–1505*. Riga: J. Deubner; 1905. 760 S.
9. Schiemann T. *Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Band. 2*. Berlin: Grote; 1887. 410 S.
10. Форстен ГВ. *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Том 1*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева и К°; 1893. 717 с.
11. Arbusow L. *Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Riga: Jonk und Poliewsky; 1918. 291 S.
12. Stern C. *Der Vorwand zum grossen Russenkiege 1558*. Riga: E. Bruhns; 1936. 18 S.
13. Юрьенс ИИ. Вопрос о ливонской дани. *Варшавские университетские известия*. 1913;6–9:1–8, 9–16, 17–32, 33–57.
14. Платонов СФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 13*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова; 1904. 302 с.
15. *Monumenta Livoniae antiquae. Band 2*. Riga: E. Frantzen's Buchhandlung; 1839. 532 s.
16. Зимин АА. *И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века*. Тихомиров МН, редактор. Москва: АН СССР; 1958. 498 с.
17. Клосс БМ. *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*. Москва: Наука; 1980. 312 с.
18. Розанова СП, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 22, выпуск 1*. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова; 1911. 580 с.
19. Адрианова-Перетц ВП, редактор. *Повесть временных лет*. Санкт-Петербург: Наука; 1996. 667 с.
20. *Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым*. Санкт-Петербург: Печатня С. П. Яковлева; 1897. 29 с.
21. Бычков АФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 9*. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца; 1862. 283 с.
22. Бычков АФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 10*. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел; 1885. 244 с.
23. Платонов СФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 11*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова; 1897. 256 с.
24. *Полное собрание русских летописей. Том 1, выпуски 1–3*. Ленинград: Издательство АН СССР; 1926–1928. 379 с.
25. Горский АА. *Русь. От славянского расселения до Московского царства*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
26. Насонов АН, редактор. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва: Издательство АН СССР; 1950. 642 с.
27. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 3, 1560–1571*. Санкт-Петербург: Типография А. Л. Катанского и К°; 1892. 937 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 59).
28. Ленхофф ГД, Покровский НН, редакторы. *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Том 1*. Москва: Языки славянской культуры; 2007. 624 с.
29. Насонов АН, редактор. *Псковские летописи. Выпуск 2*. Москва: Издательство АН СССР; 1955. 364 с.
30. Filjuškin AI. *Der Livländische Krieg ist der «Heilige Krieg»: Die europäische und die russische Perspektive*. In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 67–89.

31. Frötschner R. Der livländische Krieg (1558–1582/83) – ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie. In: Brunner H, Herausgeber. *Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht*. Wiesbaden: Reichert; 1999. S. 373–394.

32. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Часть 1, 1474–1505*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и К°; 1884. 633 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 41).

33. Курбский АМ. *История о делах великого князя Московского*. Ерусалимский КЮ, редактор, Алексеев АА, переводчик. Москва: Наука; 2015. 942 с.

34. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Том 35, часть 1. 1487–1533*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и К°; 1882. 870 с.

35. Selart A. Livland – ein russisches Erbland? In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 29–65.

36. Khodarkovsky M. «Third Rome» or a Tributary State? A view of Moscow from the Steppe. In: Kappeler A, editor. *Die Geschichte Russlands im 16 und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag; 2004. p. 363–374.

References

1. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 2, 1533–1560* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Part 2, 1533–1560]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Elionskogo i K°; 1887. 708 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 59). Russian.

2. Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and imperial ideology (1438–1560)*. The Hague: Mouton; 1974. 368 p.

3. Erusalimskij KJu. *Istoriya na posol'skoi sluzhbe: diplomatiya i pamyat' v Rossii XVI v.* [History at diplomatic service: diplomacy and memory in XVI century Russia]. Moscow: State University «Higher School of Economics»; 2005. 56 p. Russian.

4. Shcherbachev YuN. *Kopengagenskie akty, otnosyashchiesya k russkoi istorii. Vypusk 1, 1326–1569 gg.* [The Copenhagen acts, related to the Russian history. Issue 1, 1326–1569]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete; 1915. 320 p. Russian.

5. Valk SN, editor. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of the Great Novgorod and Pskov]. Moscow: Publishing house of the Academy of Science of USSR; 1949. 407 p. Russian.

6. Shaskol'skij IP. The Russian-Livonian negotiations of 1554 and the issue of the Livonian tribute. In: Zimin AA, Pashuto VT, editors. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1961. p. 376–399. Russian.

7. Popov VE, Filjushkin AI. The Russian-Livonian treaties of 1554. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010;1(7): 109–130. Russian.

8. Arbusow L, Herausgeber. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 2. Band 2, 1501–1505*. Riga: J. Deubner; 1905. 760 S.

9. Schiemann T. *Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Band. 2*. Berlin: Grote; 1887. 410 S.

10. Forsten GV. *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648). Tom 1*. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva i K°; 1893. 717 p. Russian.

11. Arbusow L. *Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Riga: Jonk und Poliewsky; 1918. 291 S.

12. Stern C. *Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558*. Riga: E. Bruhns; 1936. 18 S.

13. Jur'ens II. [The issue of the Livonian tribute]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. 1913;6–9:1–8, 9–16, 17–32, 33–57. Russian.

14. Platonov SF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 13* [Complete Russian chronicles. Volume 13]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1904. 302 p. Russian.

15. *Monumenta Livoniae antiquae. Band 2*. Riga: E. Frantzen's Buchhandlung; 1839. 532 s.

16. Zimin AA. *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka* [I. S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of Russian socio-political thought of the mid 16th century]. Moscow: AN SSSR; 1958. 498 p. Russian.

17. Kloss BM. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon chronicle and Russian chronicles of 16th–17th centuries]. Moscow: Nauka; 1980. 312 p. Russian.

18. Rozanova SP, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 22, vypusk 1* [Complete Russian chronicles. Volume 22, issue 1]. Saint Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova; 1911. 580 p. Russian.

19. Adrianova-Peretc VP, editor. *Povest' vremennykh let* [The Primary Chronicle]. Saint Petersburg: Nauka; 1996. 667 p. Russian.

20. *Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva, izvlechennye Yu. N. Shcherbachevym* [Russian acts of Copenhagen State Archive]. Saint Petersburg: Pechatnya S. P. Yakovleva; 1897. 29 p. Russian.

21. Buchkov AF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 9* [Complete Russian chronicles. Volume 9]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Pratsa; 1862. 283 p. Russian.

22. Buchkov AF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 10* [Complete Russian chronicles. Volume 10]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del; 1885. 244 p. Russian.

23. Platonov SF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 11* [Complete Russian chronicles. Volume 11]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1897. 256 p. Russian.

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 1, vypuski 1–3* [Complete Russian chronicles. Volume 1, issues 1–3]. Leningrad: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1926–1928. 379 p. Russian.

25. Gorskiy AA. *Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva*. [Rus. From the Slavonic resettlement to the Kingdom of Moscow]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 368 p. Russian.

26. Nasonov AN, editor. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [The Novgorod Primary chronicle]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1950. Russian.

27. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 3, 1560–1571* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Part 3, 1560–1571]. Saint Petersburg: Tipografiya A. L. Katanskogo i K°; 1892. 937 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 59). Russian.

28. Pokrovskii NN, Lenkhoff GD, editors. *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Tom 1* [The genealogy of Russian Kings according to the oldest extant versions. Volume 1]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2007. 624 p. Russian.

29. Nasonov AN, editor. *Pskovskie letopisi. Vypusk 2* [The Pskov chronicles. Issue 2]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1955. 364 p. Russian.

30. Filjuškin AI. Der Livländische Krieg ist der «Heilige Krieg»: Die europäische und die russische Perspektive. In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 67–89.

31. Frötschner R. Der livländische Krieg (1558–1582/83) – ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie. In: Brunner H, Herausgeber. *Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht*. Wiesbaden: Reichert, 1999. S. 373–394.

32. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogaiskoyu ordami i Turtsiei. Chast' 1, 1474–1505* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Crimea, Nogai Horde and Turkey. Part 1, 1474–1505]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K°; 1884. 633 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 41). Russian.

33. Kurbskij AM. *Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo* [The story about the affairs of the Great Prince of Moscow]. Erusalimskii KYu, editor, Alekseev AA, translator. Moscow: Nauka; 2015. 942 p. Russian.

34. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Tom 35, Chast' 1, 1487–1533* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Volume 35, part 1, 1487–1533]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K°; 1882. 870 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 35). Russian.

35. Selart A. Livland – ein russisches Erbland? In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 29–65.

36. Khodarkovsky M. «Third Rome» or a Tributary State? A view of Moscow from the Steppe. In: Kappeler A, editor. *Die Geschichte Russlands im 16 und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag; 2004. p. 363–374.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2019.
Received by editorial board 08.02.2019.

УДК [94+930.2](47)«1917»

**ВРЕМЯ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ:
ОТОБРАЖЕНИЕ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПИСЬМАХ РОССИЙСКИХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РУМЫНСКОГО ФРОНТА
(ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1917 г.)**

В. В. СОЛОВЬЕВ¹⁾, В. С. ЛАВРЕНКО¹⁾

¹⁾Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара, пр. Гагарина, 72, 49010, г. Днепр, Украина

Статья посвящена исследованию особенностей восприятия фронтовиками политических процессов, проходивших в России в период Февральской революции. Авторы приходят к выводу, что положительное восприятие фронтовиками «новой власти» и проводимых ею политических преобразований быстро сменилось негативным отношением к ней, а политические реформы привели к падению дисциплины и росту антивоенных настроений.

Ключевые слова: письма фронтовиков; отчеты цензоров; военные цензоры; Румынский фронт; Февральская революция; Временное правительство.

**ЧАС НАДЗЕЙ І РАСЧАРАВАННЯЎ:
АДЛЮСТРАВАННЕ НОВАЙ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ
РЭЧАІСНАСЦІ Ў ЛІСТАХ РАСІЙСКИХ ВАЕННАСЛУЖАЧЫХ
З РУМЫНСКАГА ФРОНТУ
(ЛЮТЫ – КРАСАВІК 1917 г.)**

В. В. САЛАЎЁЎ^{1*}, В. С. ЛАЎРЭНКА^{1*}

^{1*}Дняпроўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Алеса Ганчара, пр. Гагарына, 72, 49010, г. Дняпро, Украіна

Даследуюцца асаблівасці ўспрымання франтавікамі палітычных працэсаў, якія адбываліся ў Расіі ў перыяд Лютаўскай рэвалюцыі. Аўтары прыходзяць да высновы, што становіцца ўспрымання франтавікамі «новай улады» і палітычных пераўтварэнняў, якія яна праводзіла, хутка змянілася адмоўным, а палітычныя рэформы прывялі да падзення дысцыпліны і росту антываенных настрояў.

Ключавыя словы: лісты франтавікоў; справаздачы цензараў; Румынскі фронт; Лютаўская рэвалюцыя; Часовы ўрад.

Образец цитирования:

Соловьев ВВ, Лавренко ВС. Время надежд и разочарований: отображение новой общественно-политической действительности в письмах российских военнослужащих с румынского фронта (февраль – апрель 1917 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:83–91.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-83-91>.

For citation:

Solovyov VV, Lavrenko VS. The time of expectations and disappointments: displaying new social and political reality in the letters by Russian soldiers from Romanian front (February – April 1917). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:83–91. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-83-91>.

Авторы:

Виталий Викторович Соловьев – аспирант кафедры всемирной истории, старший лаборант Центра украинско-немецких исторических исследований. Научный руководитель – доктор исторических наук Н. В. Венгер.
Валерия Сергеевна Лавренко – кандидат исторических наук; доцент кафедры всемирной истории.

Authors:

Vitaliy V. Solovyov, postgraduate student at the department of world history and senior laboratory assistant of the Center of Ukrainian-German historical researches.
vitaliislvj@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6130-4492>
Valeriya S. Lavrenko, PhD (history); associate professor at the department of world history.
valerialavrenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8189-1623>

THE TIME OF EXPECTATIONS AND DISAPPOINTMENTS: DISPLAYING NEW SOCIAL AND POLITICAL REALITY IN THE LETTERS BY RUSSIAN SOLDIERS FROM ROMANIAN FRONT (FEBRUARY – APRIL 1917)

V. V. SOLOVYOV^a, V. S. LAVRENKO^a

^aDnipro Oles' Gonchar National University, 72 Haharina Avenue, Dnipro 49010, Ukraine

Corresponding author: V. V. Solovyov (vitalijslvj@gmail.com)

After the USSR collapse, coming out of October Revolution shadow, the problem of the surrounding reality perception by the First World War soldiers attracts an increasing number of researchers, because it allows a deeper understanding of social and political processes' nature, which took place in the Russian Empire. And in this regard, the soldiers' letters are a unique source that allows us synchronizing events at the front with the participants' attitude towards them. The aim of our study was to reveal the peculiarities of front-line soldiers' perception of political processes taking place in Russia during February revolution. The work was carried out from the social history point of view and on the basis of microhistorical approach, which involves the study of particular phenomena occurring in the lives of definite individuals of the past, in order to identify the dominant ideas and trends of the society in general. It allowed us realizing the research goals. The «February Report» analysis distinguishes calm moods in the troops and the authors' of letters confidence in the need to continue the war. There is no doubt that the major culprit for the soldiers' disasters was the main Russian opponent – Germany. As for the soldiers' attitude to the socio-political situation change in the country, it is reflected in the report section – The army's attitude to internal political events. Its materials testify that the main part of soldiers didn't realize events, which took place at that time. However, the sprouts of revolutionary moods have already given their first shoots. The following March 1917 summary presents us a completely different picture, not like the previous month: high spirits, patriotism, belief in own actions rightness, i.e. the revolution, which took place, had a positive effect on the army's mood. One can notice confidence in a quick victory over the enemy in soldiers' letters. At the same time, the number of dramatic changes has being already recorded in the section – «The officer corps' characteristics» and they were caused by political reforms introduced into the military environment by a new government. The April 1917 summary gives us an opportunity to get acquainted with the soldiers' perception of reality surrounding them during a period of some emotional sobering, when initial revolutionary passions were somehow declined. And although there still was a large number of letters testifying the soldiers' conscious awareness of their duty to a motherland, as it could be seen from the Report, the anti-war sentiments were obviously reflected in the military environment. This, in its turn, led to a discipline drop and to an increase of conflicts with the commanders. The authors come to a conclusion that the front-line soldiers' positive perception of the «new authority» and the political transformations, which were carried out by them, were quickly replaced by a negative attitude towards it, and political reforms led to a decline in discipline and to an increase of anti-war attitudes.

Keywords: letters of veterans; Report censors; military censors; Romanian front; February revolution; Provisional Government.

Введение

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие украинской государственности и на историю всего XX в. Вполне естественно, что эта война приковывает внимание не только представителей академической науки, но и политиков, значительной части общественности. После распада СССР анализ особенностей восприятия солдатами Первой мировой войны и окружающей их действительности привлекает все большее количество исследователей, так как позволяет глубже понять сущность общественно-политических процессов, происходивших тогда в Российской империи. В этой связи солдатские письма являются одним из немногих источников, содержащих необходимые для подобного анализа данные. Однако, к сожалению, в украинской исторической науке пока еще не проводились специальные исследования по названной проблеме. В основном работы такого плана представлены трудами российских историков.

Так, Е. Ю. Семенова [1] и В. Л. Агапова [2] рассмотрели влияние писем фронтовиков на мировосприятие горожан, на изменение их отношения к войне, власти и политической ситуации в стране. В то же время Е. С. Сенявской [3] удалось с помощью социологического инструментария по солдатским письмам реконструировать фронтовую повседневность. Это позволяет понять, как фронтовая реальность, совершенно отличная от реальности, представляемой пропагандой, повлияла на мышление солдат, что в конечном счете и способствовало поддержке солдатами революции. Не меньший интерес представляет и статья Э. Е. Абдарашитова [4], в которой автор реконструировал варианты передачи военнопленными скрытой информации в письмах домой. Тем самым исследователь подтвердил, что это эпистолярное наследие имеет весьма содержательный характер и является незаменимым источником при изучении истории военного пле-

на. Наконец, публикация писем штабс-ротмистра Н. А. Томишко, подготовленная Э. М. Сидоровой и И. С. Ратьковским [5], позволяет проследить, как под влиянием событий военного времени меняется человек, его отношение к людям, стране и в целом к самой жизни.

Таким образом, письма фронтовиков – это уникальный источник, позволяющий синхронизировать военные события и реакцию их участников на происходящее. Это дает возможность современному исследователю понять состояние, в котором находились общество и государство в условиях войны, и последствия для них этой войны в ближайшей и долгосрочной перспективах. Однако, несмотря на наличие ряда работ, написанных на основе этих доподлинных материалов, некоторые аспекты тем фронтовых писем все еще остаются нераскрытыми, а именно: восприятие Февральской революции рядовыми участниками Первой мировой войны и их отношение к совершившейся смене общественно-политического устройства страны. Анализ этих аспектов и стал целью нашей работы.

Достижение цели исследования возможно при решении следующих задач: во-первых, в рамках избранного временного диапазона исследования (февраль – апрель 1917 г.) выявить основные периоды, которые отражали бы специфику восприятия военными политическими событиями; во-вторых, определить фактическое отношение к ним фронтовиков; в-третьих, дать оценку морально-психологического состояния армии, возникшего в результате политических трансформаций.

Работа выполнена в русле методологии социальной истории и на основе микроисторического подхода, который предполагает изучение частных явлений из жизни отдельных людей прошлого в целях выявления господствующих в обществе представлений и тенденций. Необходимость последовательного раскрытия свойств, функций и изменений исследуемой реальности в ходе исторического развития обусловила наше обращение к историко-генетическому методу, что позволило приблизиться к реконструкции реальной истории объекта исследования. Дан-

ный метод был применен для анализа политических реформ и других событий, произошедших в российской армии, в том числе на Румынском фронте, и в России в марте – апреле 1917 г. С помощью названного метода было обнаружено, как все случившееся было воспринято фронтовиками.

В работе был использован также сравнительно-исторический метод, который помог выявить этапы в восприятии реальности военными путем сравнения и анализа данных, содержащихся в отчетах военно-цензурного отделения штаба Румынского фронта¹. Для подобных отчетов цензоры просматривали и прочитывали сотни тысяч писем, написанных преимущественно солдатами и младшим командирским составом. Отбирались наиболее характерные факты, иллюстрирующие умонастроение фронтовиков по ряду ключевых пунктов: 1) настроение личного состава; 2) отношение армии к внутривойсковым событиям в стране; 3) характеристика офицерского состава; 4) немецкое засилье; 5) пьянство в армии; 6) вооружение и снаряжение; 7) довольствие, пища и одежда; 8) госпитали². Первоочередное значение для нас имеют два первых пункта, поэтому анализ остальных будет проводиться выборочно и лишь в том случае, если они дополняют материалы указанных пунктов.

Ценность отчетов как источника заключается прежде всего в их максимально возможной объективности, поскольку они предназначались для информирования высшего командования и должны были сообщать ему факты о реальном положении вещей. В силу этого составители не пытались выдать желаемое за действительное. В этом можно убедиться, синхронизируя материалы отчетов и материалы штаба Румынского фронта³.

Нами были изучены отчеты военных цензоров за февраль – апрель 1917 г. Это позволяет, с одной стороны, не выйти за установленные объемы статьи, с другой – достичь поставленной цели. Таким образом, в поле нашего внимания оказались письма фронтовиков, написанные накануне и непосредственно в ходе революции, а также спустя два месяца после ее окончания.

Канун и начало революции

Отчет за февраль 1917 г. в целом фиксирует спокойное настроение в войсках и уверенность авторов писем в необходимости продолжения войны. Для этих писем характерны следующие фразы: «Пока не победим врага, не вернемся домой», «Много испытаний пережили и переживаем, окончательно научимся бить врага, и победим»⁴. Главным винов-

ником тяжелых бедствий для солдат, вне всякого сомнения, являлся основной противник России – Германия: «...А все из-за этого немца супостата. Ну, даст Бог, кровожадного врага немца разобьем в пух и прах»; «Хотя у немца много железа, но все равно не хватит побить всех русских солдат, а наоборот мы его разобьем»; «Сегодня нам читали приказ, что не

¹Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139.

²Там же.

³Там же. Д. 146 ; Д. 163; Оп. 2. Д. 160.

⁴Там же. Д. 139. Л. 1. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей аутентичных текстов писем, в том числе орфографии и пунктуации их авторов. – В. С., В. Л.)

будет мира пока не разобьем врага и не выгоним его из своей земли. Да мы и сами это понимаем, что этого оставлять так нельзя. Мир может быть тогда, когда не одного немца не будет в России, иначе кровь не за что проливать»⁵. Отголосок имперской пропаганды о «немце как главном виновнике всех бед» нашел отражение в разделе отчета (в последующие месяцы исчезнувшего) о немецком засилье. «Немцы могут быть только тогда побеждены, когда будут уничтожены те немцы, которые живут в России», – данный фрагмент как нельзя лучше иллюстрирует солдатское восприятие нового врага – внутреннего, который был предложен фронтовикам официальной пропагандой в 1915 г.⁶ Нашли отображение в солдатских письмах и тяжелые условия пребывания русских войск в Румынии. Как отмечают цензоры, солдаты часто пишут об «этой проклятой Румынии». В то же время, несмотря на в целом спокойное настроение войск и уверенность в необходимости продолжения войны, первые сомнения в ее целях уже появляются в солдатском сознании. Об этом свидетельствует следующая выписка из письма: «Сегодня настроение очень плохое, а главное скучно. Ведь только и видать – небо да горы, а больше нечего, уже три года терпим, ведь это даже страшно подумать, а теперь, что не день проживешь, то все становится все хуже и хуже и чем кончиться, так я и сам отчета дать не могу»⁷.

Мнение солдат об изменении общественно-политической ситуации в стране отразилось в соответствующем разделе отчета – «Отношение армии к внутриполитическим событиям». Как свидетельствуют записи цензоров, основная солдатская масса еще не осознавала происходившее. Однако ростки солдатского недовольства уже дали свои первые всходы. Письма полны гневных тирад в адрес прежнего правительства, «боявшегося беспорядков и вооружавшего полицию пулеметами, а для снижения растущей с каждым днем дороговизны предметов

первой необходимости и надвигающегося голода никаких мер не предпринимавшего»⁸. Переписка с домашними формировала у солдат представление о положении в стране, которое оставляло желать лучшего (нехватка продуктов и топлива, надвигавшийся голод). Письма были полны волнений за родных, оставленных дома: «...на еду денег не жалеи, а бы сыты были...»; «Все, что ты пишешь про цены и голод, это по всюду». Большинство солдат считали, что продовольствия в России много, но торговцы, пользуясь тяжелым положением, спекулируют предметами первой необходимости, продуктами питания и, таким образом, поднимают цены до невиданных размеров («Одно безобразие, купцы доводят людей до голода, а я из-за них в окопах сижу, а они с моих детей шкуру дерут»)⁹. Начавшаяся революция еще не вполне понималась основной массой фронтовиков, а больше, чем внутривойсковые события, их волновало бедственное положение собственных семей в тылу.

Отчет не фиксирует и каких-либо кардинальных перемен в отношениях между офицерами и солдатами. Анализ раздела «Характеристика офицерского состава» свидетельствует в целом о привычных, спокойных контактах между рядовыми и офицерским составом. Во многих письмах присутствуют восторженные отзывы о заботливости командиров, их сердечности и внимательности: «...очередной отпуск у нас по справедливости сам ротный смотрит, чтобы все по честности»; «...наш ротный командир уже зря не полезет туда, где ни чего не сделаешь, начальство ему по телефону прикажет наступать, а он докладывает свое, за такого и мы, конечно, горой стоим»¹⁰. Однако, несмотря на такую радужную картину тесной спайки личного состава, в письмах встречается и другое наблюдение: «У нас недостаток топлива и продуктов, а офицеры только пьют и гуляют с такими барышнями, что стыд берет»¹¹.

Первое влияние революции

Сводка за март 1917 г. представляет нам совершенно другую (по сравнению с февралем) картину: подъем настроения, рост патриотизма, веры в правоту своего дела, т. е. произошедшая революция позитивно сказалась на эмоциях солдат. В письмах видна уверенность в скорой победе над врагом: «Да здравствует новое правительство, остановим теперь врага, я твердо уверен, что он скоро будет разбит»; «О мире ни кто и не думает, все желаем теперь во-

евать до победного конца»¹². Это состояние фронтовиков, наряду с осознанием установления новой власти, отразилось в описании ими чувств, пережитых после получения известия об отречении Николая II: «Сейчас нам не жаль помереть за родину, раньше мы не знали за что страдаем, а теперь стали все равные»; «Сегодня нам официально прочитали манифест, но как-то не верится – это что-то чудовищное и вместе с тем и радостное, везде кричат ура»¹³.

⁵РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.

⁶Там же. Л. 3.

⁷Там же. Л. 4.

⁸Там же. Л. 5.

⁹Там же. Л. 6.

¹⁰Там же. Л. 7.

¹¹Там же.

¹²Там же. Л. 12.

¹³Там же.

О всеобщей эйфории и надежде на новую лучшую жизнь свидетельствуют выдержки из мартовских писем (раздел отчета «Отношение армии к внутриполитическим событиям в стране»). В них, в отличие от февральских, практически нет пессимизма и тревоги за родных. Напротив, несмотря на сохранявшееся тяжелое положение с топливом и продовольствием, фронтовики хвалят новую власть и ожидают быстрого улучшения ситуации. Такими же надеждами пронизаны письма из раздела «Вооружение и снаряды»: «Узнали, что старые министры свергнуты. Теперь недостатка в снарядах не будет. Хотя их и сейчас хватает, но будет еще лучше»¹⁴.

Однако в разделе «Характеристика офицерского состава» уже заметен ряд драматических изменений, вызванных политическими реформами, внедряемыми в армейскую среду новой властью.

Первые солдатские комитеты повсеместно начали возникать уже через несколько дней после обнародования 2 марта 1917 г. знаменитого приказа № 1 Исполкома Петросовета. Попытка Исполкома Петросовета остановить стихийное создание комитетов в российской армии приказами № 2 и 3 не увенчалась успехом. Единственное, чего удалось добиться, так это остановить начавшиеся в рядах частей самочинные выборы офицеров [6, с. 9–10]. Не имея возможности бороться с этим явлением, российское командование решило направить создание комитетов в организованное русло, т. е. попытаться его контролировать.

Приказом Верховного командующего от 30 марта 1917 г. было введено Временное положение об организации чинов действующей армии и флота, которое устанавливало обязательное создание комитетов во всех воинских подразделениях русской армии (от роты до Ставки) и закрепляло за офицерами треть мест в солдатских комитетах всех уровней [6, с. 10]. Временное положение ограничивало сферу деятельности солдатских комитетов решением хозяйственно-бытовых вопросов и культурно-просветительской работы. На деле военные комитеты с самого начала революции активно политизирова-

лись и впоследствии все больше вмешивались в вопросы управления армейской жизнью и внутренней политики. Это создавало почву для конфликтов солдатских комитетов с тем офицерским составом, который негативно воспринял приход новой власти и ее социально-политические преобразования.

Одно из писем содержит описание подобного конфликта: «Поздравляю вас с новым правительством и свободой, и конечно это многим офицерам не нравится, но делать нечего. У нас командир 2-й сотни, повздорив с членом комитета сотни, выхватил шашку и зарубил его. Казаки, названной сотни, зарубили убийцу, обоих их и похоронили на румынском кладбище 19 марта»¹⁵. Часть монархически настроенного офицерства, не разделяя идей новой власти и не имея возможности как-то повлиять на политические события, ударилась в пьянство: «Много офицеров и, в особенности молодых, с горя пьют»¹⁶. Однако, несмотря на отдельные эксцессы, в документах пока еще не зафиксировано значительных противоречий в умонастроении и офицеров, и солдат. Негативные реакции на новые политические реформы оцениваются лишь «как желание отдельных личностей видеть в офицерах приверженцев старого строя, а также неприятие некоторыми офицерами нового порядка»¹⁷.

В целом на основе анализа писем военслужажущих цензоры приходили к выводу, что «большинство солдат отзывается вполне хорошо и с доверием к офицерам, которые несут вместе с ними в первой линии (на передовой. – В. С., В. Л.) все те же лишения»¹⁸. При этом в письмах фронтовиков отмечается начало складывающихся неформальных отношений в офицерско-солдатской среде: «Офицеры у нас ничего. Даже лучше стали относиться после всех этих перемен. Мы с ними как-то ближе стали»¹⁹; «Воскресных занятий в командах (учебная рота при полку. – В. С., В. Л.) нет. Решил заняться с солдатами грамматикой, как сияли их лица...»; «Расскажу еще один случай. Приходит ко мне рядовой и приносит полсотни папирос и говорит: “Мы слышали у вас нету, так извольте”»²⁰.

Становление новой политической действительности

Сводка за апрель 1917 г. предоставляет нам возможность ознакомиться с солдатским восприятием действительности в период некоторого эмоционального отрезвления, когда первоначальный накал революционных страстей спал. Прежде всего цензоры фиксировали, что «наблюдаемое ранее

желание победить врага и со славой вернуться на родину, значительно понизилось»²¹. И, хотя в большинстве писем все еще говорится о «сознательном понимании солдатами долга перед родиной», цензоры отмечают, что антивоенные настроения стали заметно проявляться в армейской среде. Это, в свою

¹⁴РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 13.

¹⁵Там же. Л. 20.

¹⁶Там же. Л. 21.

¹⁷Там же. Л. 24.

¹⁸Там же. Л. 21.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. Л. 22.

²¹Там же. Л. 30.

очередь, вело к падению дисциплины и увеличению количества конфликтов с командным составом, причины которых, по мнению цензоров, заключались в активизации политической жизни, к чему офицерский состав оказался совершенно не готов. Ситуация усугублялась еще и тем, что в апреле, помимо формирования комитетов, военнотружущие оказались вовлечены и в формирование Советов.

Дело в том, что в ходе состоявшегося 29 марта – 3 апреля 1917 г. Всероссийского совещания Советов было решено выработать единые для всей страны нормы и правила, на основе которых осуществлялось бы функционирование Советов и определялся бы круг их полномочий. В числе прочего было решено поделить страну на отдельные районы. Румынский фронт вошел во 2-й Южный район, формирование системы которого должно было быть установлено в ходе созываемого на начало мая 1917 г. съезда депутатов [7, с. 33–34]. От каждого полка (3 тыс. человек) следовало выбрать по 2 делегата. Из частей численностью до 400 человек присылали по одному депутату. Всего от Румынского фронта предполагалось представить до 400 депутатов. Штаб фронта определил соотношение солдат к офицерам как 1 : 4²². Подготовку проведения выборов комитеты взяли на себя. Этот процесс породил череду новых конфликтов, трений и эксцессов между солдатами и офицерами.

Негативное воздействие на политико-моральное состояние войск оказал и разразившейся в апреле 1917 г. политический кризис, связанный с желанием Временного правительства придерживаться прежних внешнеполитических договоренностей со странами Антанты (в том числе и о разделе вражеских территорий после окончания войны) [8, с. 109]. Петросовет осудил подобные планы Временного правительства, но сам Совет выступал за продолжение войны, объясняя свою позицию тем, что лишь победа в войне является гарантией мира.

Зная о растущих антивоенных настроениях в российском обществе, Петросовет решил использовать ноту главы МИДа П. И. Милюкова «...о выполнении Россией союзных обязательств» как повод для укрепления своих позиций во властной пирамиде [9, с. 169]. По столице прокатилась волна митингов с требованием немедленного заключения мира. Ситуация грозила перерасти в новую революцию. Однако Петросовету и Временному правительству все же удалось прийти к соглашению. Компромиссом стало формирование нового правительства, в состав которого были включены пять членов социалистических партий. Однако выдвинутый в ходе этой политической борьбы лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» имел далеко идущие послед-

ствия, выходящее за рамки внутривнутриполитического конфликта.

На примере апрельского кризиса материалы военной цензуры позволяют проследить влияние общественно-политических процессов на армейскую среду и определить реальное отношение солдат к происходящему. «Объявление правительством лозунга “без аннексий и контрибуций” войсками были поняты своеобразно, – отмечали военные цензоры – Они (солдаты. – В. С., В. Л.) решили, что война должна быть только оборонительной и никакие наступления не должны вестись»²³. Чем обобщалась такая позиция военнотружущих, видно из следующей цитаты: «В ночь со 2 на 3 апреля солдаты по приказанию ротного командира должны были идти на ночные занятия по преодолению проволочных заграждений. Они отказались, мотивируя это тем, что наступать они не станут, а значить и обучение им не нужно... Когда ротный, требуя выполнить приказ стал угрожать им оружием, они убили его»²⁴.

Материалы, исходящие в те же дни из штаба Румынского фронта, позволяют нам еще четче уяснить восприятие событий и их интерпретацию рядовым составом армии. Во 2-й стрелковой дивизии на середину апреля были намечены земляные работы для подготовки к наступлению. Однако роты 6-го и 7-го стрелковых полков отказались работать, мотивируя это объявленным Временным правительством решением «вести исключительно оборонительную войну». Более того, солдаты 7-го стрелкового полка заявили, что «обороняться они будут до последней капли крови, а наступать не будут»²⁵. Это решение было принято после того, как члены комитета полка обследовали место предстоящих работ и пришли к выводу, что они предназначались для наступления.

Другой формой выражения антивоенных настроений в это время стал отказ частей, находящихся на отдыхе, сменять передовые части. Примером может служить решение комитета 3-й Кавказской дивизии отказаться сменить 3-ю стрелковую дивизию на передовой позиции. Для мирного решения ситуации командование было вынуждено созвать общее собрание всех комитетов корпуса. В ходе долгих переговоров нашли компромиссное решение: 3-ю Кавказскую дивизию сменить 1-й стрелковой дивизией, представители которой заявляли, что солдаты дивизии готовы произвести смену. Однако после соответствующего распоряжения штаба корпуса приказ выполнили лишь 5-я и 6-я роты 2-го стрелкового полка. Остальные части дивизии отказались выполнять приказ. Рапорт командира 1-й стрелковой дивизии содержит краткое изложение основных причин отказа: 1) в ротах мало людей; 2) позиция 3-й стрелковой

²²РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 163. Л. 10–11.

²³Там же. 33.

²⁴Там же. Л. 34.

²⁵Там же. Л. 35.

дивизии плохо подготовлена; 3) становиться в окопы по очереди должны были полки, которые в то время находились глубоко в тылу; 4) солдатам непонятна перетасовка дивизий²⁶. На примере данного происшествия прекрасно видно, что, во-первых, мнение комитетов не всегда совпадало с точкой зрения тех, кого они представляли; во-вторых, в это время настроения солдатских масс были весьма переменчивы; в-третьих, стремление фронтовиков к справедливости вылилось в конечном итоге в открытый протест против «несправедливой войны». Выдержки из писем служат отражением этих настроений: «Делов мало. Занимаемся только до часу дня, а там кто куда, и все так надоело, скорее бы избавиться от всего этого. Может скоро будет мир»²⁷.

Хотя случаи неподчинения приказам в апреле еще не носили массового характера, общий упадок настроения солдатской массы был налицо. Командование и ряд комитетов предлагали бороться с антивоенными выступлениями и падением дисциплины путем агитационно-просветительской работы. В частности, руководство 40-го армейского корпуса просило прислать в свое распоряжение «опытных лекторов из состава Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов с тем, чтобы они провели беседу и убедили солдат продолжать войну, и продолжать ее в активном духе»²⁸. Насколько это было малоэффективно, ясно по следующей выдержке из солдатского письма: «Вчера были на митинге. Говорили “Война до победного конца”, а солдаты шушукались: “Зачем нам воевать, земли не прибавлять, а оставшийся народ с голодудохнет, если продолжиться война...” Шушуканье нашло себе благодарную почву, а речи так и остались умными, красивыми, одиночками»²⁹. Несмотря на сложившуюся ситуацию, цензоры Румынского фронта все же полагали, что «соответствующая разъяснительная работа принесет свои плоды и люди поймут, что закрепление свободы возможно только после победы над Германией»³⁰.

Часть офицерства оценивала перспективы поднятия морального духа революционной армии более пессимистично. «Россия должна знать, что все заявления, исходящие от частей войск в газетах и трактующиеся как их горячее и непреклонное желание выполнить свой долг до конца, исходят лишь от небольшого количества сознательных солдат», – говорилось в резолюции собрания офицеров 1-го Сибирского полка. «В начале это оставалось незамеченным, многие верили, а многие просто жела-

ли верить, но время показало, что у большинства чувство долга и совести либо отсутствует напрочь, либо спит и они не желают его будить»³¹. То, что такая оценка настроений более соответствовала истине, станет очевидно уже в следующем месяце, когда по российским армиям Восточного фронта прокатится волна вооруженных бунтов.

Наконец, хотелось бы остановиться на изменившемся по прошествии двух месяцев после начала революции отношении фронтовиков к новой власти. Отчет фиксирует значительное разочарование фронтовиков во Временном правительстве, взявшем, по их мнению, курс не на скорейшее прекращение войны, а на «ее продолжение под непонятными простым солдатам лозунгами»³². Как свидетельствуют приведенные выдержки из писем, правительство в это время не было объектом ненависти – его лишь остро критиковали. Главным же виновником всех бед, по мнению солдат, все еще оставалась династия Романовых, ответственная, как они считали, за развязывание мировой бойни.

Что же касается отношения фронтовиков к Петросовету как другой части властной структуры, то и его деятельность не получила их полной поддержки и одобрения. Признавая необходимость контроля последнего над Временным правительством, военнотружущие были недовольны тем, что Совет фактически брал на себя государственные функции, хотя, по сути, «не являлся представителем всего русского народа, а лишь кучки рабочих и солдат Петербургского гарнизона»³³. Такая оценка во многом объяснялась тем, что Петросовет того периода уделял много внимания рабочему вопросу, желая приобрести политический капитал и упрочить свое положение среди пролетарской массы. С этой целью на заседаниях обсуждались вопросы введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы в связи с дальнейшим ростом инфляции. Когда известия об этом достигли фронта, солдаты восприняли такую заботу о рабочих как чрезмерную. Один из фронтовиков с нескрываемым негодованием писал: «Как это рабочие в такой час будут работать по 8 часов, когда мы на фронте работаем круглые сутки»³⁴.

Проанализировав появившиеся в армейской среде тенденции (антивоенные настроения, упадок дисциплины, рост недоверия к власти), цензоры приходили к выводу, что солдатские массы воевать не хотят, а «желание скорого конца войны является убеждением большинства»³⁵.

²⁶РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 48.

²⁷Там же. Д. 139. Л. 38.

²⁸Там же. Д. 146. Л. 39.

²⁹Там же. Д. 139. Л. 37.

³⁰Там же. Л. 38.

³¹Там же. Д. 160. Л. 52.

³²Там же. Д. 139. Л. 39.

³³Там же. Л. 40.

³⁴Там же. Л. 41.

³⁵Там же. Л. 43.

Выводы

1. В результате проведенного исследования выделены следующие периоды, характеризующие особенности восприятия военными Румынского фронта актуальных политических процессов: а) февраль 1917 г., когда политические события в стране и последующая революция еще не осознавались солдатской массой; б) март 1917 г. – этап позитивного восприятия произошедших общественно-политических изменений; в) апрель 1917 г.: наблюдалось определенное эмоциональное затухание, когда политические изменения перестали восприниматься только в положительном ключе, а политические процессы начали поддаваться критическому осмыслению.

2. Отношение военнослужащих Румынского фронта к политическим событиям менялось в зависимости от ожидаемых ими результатов работы новой власти и от степени вовлеченности их самих в животрепещущие политические процессы. В феврале 1917 г. отстраненность солдат от политической жизни в силу их слабой информированности о сути происходящего стала причиной по большей части пассивного отношения фронтовиков к действи-

тельности. Вовлечение военнослужащих в марте в политическую жизнь страны, ожидание быстрых благоприятных преобразований во внешней и внутренней политике государства вылились в поддержку фронтовиками Временного правительства и проводимых им реформ. Однако уже в апреле отсутствие положительных изменений как во внешней политике, так и во внутренней ситуации послужило причиной разочарования фронтовиков в новой власти, что, в свою очередь, привело к конфликтам с ее представителями и военным командованием.

3. Положительное влияние Февральской революции в течение первого месяца после ее начала на общее состояние армии имело краткосрочный характер и было обусловлено революционной эйфорией, ожиданием военнослужащими быстрых положительных результатов во внутренней и внешней политике государства. Уже в апреле 1917 г. активная политизация армейской жизни, наряду с разочарованием армейских масс в результатах действий новой власти, стала причиной снижения уровня морально-психологического состояния армии и роста антивоенных настроений.

Библиографические ссылки

1. Семенова ЕЮ. Влияние рассказов и писем фронтовиков на мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны. *Вестник Военного университета*. 2010;1:103–108.
2. Агапов ВЛ. Солдатские письма с фронта мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. *Россия и АТР*. 2015;4:169–181.
3. Сенявская ЕС. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности. *Историческая психология и социология истории*. 2014;1:192–218.
4. Абдрашитов ЭЕ. Письма военнопленных первой мировой войны как канал передачи информации. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012;3:29–35.
5. Сидорова ЭМ, Ратковский ИС. Военные письма 1914–1915 гг. штабс-ротмистра Н. А. Томишко. *Новейшая история России*. 2015;2:209–231.
6. Базанов СН. *Великая война: как погибала русская армия*. Москва: Вече; 2014. 384 с.
7. Дыков ИГ. Румчезд и борьба за установление Советской власти на Румынском фронте. *Исторические записки*. 1956;57:3–34.
8. Федоров МВ. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» о выходе России из империалистической войны в марте – апреле 1917 года. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. 2013;14:103–115.
9. Смирнова АА. Петроградский Совет и проблема вхождения социалистов во Временное правительство в апреле – мае 1917 г. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2011;2:162–174.

References

1. Semenova EY. The front-line soldiers' stories and letters influence on Volga region urban population ideology during World War I. *Vestnik Voyennogo universiteta*. 2010;1:103–108. Russian.
2. Agapov VL. Soldiers' letters from the war front in the Far Eastern newspapers of 1914–1915. *Rossiya i ATR*. 2015;4:169–181. Russian.
3. Senyavskaya YS. The First World War trench life: essay on the frontline everyday life. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2014;1:192–218. Russian.
4. Abdrashitov EY. Letters of the First World War prisoners as the channel of information transfer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2012;3:29–35. Russian.
5. Sidorova EM, Rat'kovskiy IS. The staff captain N. Tomishko military letters of 1914–1915. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015;2:209–231. Russian.

6. Bazanov SN. *Velikaya voyna: kak pogibala russkaya armiya* [The Great War: how the Russian army perished]. Moscow: Veche; 2014. 384 p. Russian.

7. Dykov IG. Central Executive Committee of the Romanian Front, Black sea fleet and Odessa Soviets and the struggle for the Soviet power on the Romanian front establishment. *Istoricheskiye zapiski*. 1956;57:3–34. Russian.

8. Fyodorov MV. «News of Petrograd Council of Workers and Soldiers' Deputies» about Russia's exit from the imperialist war in March – April 1917. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;14:103–115. Russian.

9. Smirnova AA. The Petrograd Soviet and the problem of socialists entering Provisional Government in April – May 1917. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2011;2:162–174. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 29.01.2019.
Received by editorial board 29.01.2019.*

УДК 380(44)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В 1980–90-е гг.: МЕЖДУ ОБНОВЛЕНИЕМ И ВЕРНОСТЬЮ ТРАДИЦИИ

Е. Г. КОЛБ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Необходимость реформирования идеологии Французской социалистической партии (ФСП) была обусловлена политическими трудностями, вызванными противоречием между прагматичной политикой социалистических правительств, выстроенной с учетом реалий французского общества, и партийной идеологией, базировавшейся на традиционных принципах французского социализма. В 1980-е гг. доктрина ФСП сдвинулась в сторону социал-демократизма, что было официально закреплено на съезде 1991 г. Одновременно программные установки и предвыборные обещания партии стали более умеренными и реалистичными. Тем не менее ФСП отказалась от глубокого пересмотра главных принципов партийной доктрины, а после 1993 г. начала более отчетливо демонстрировать приверженность традиционным идеалам, продолжая воздерживаться от радикальных предложений в социально-экономической сфере. Отказ от глубокого реформирования партийной доктрины был вызван тем, что изменение идейной идентичности ФСП не поддерживалось большинством членов партии, а также угрожало ослаблением позиций в левом электорате и потерей союзников в левом лагере.

Ключевые слова: Франция; Французская социалистическая партия; идеология; доктрина; обновление; левый лагерь.

РЭФАРМАВАННЕ ІДЭАЛОГІІ ФРАНЦУЗСКАЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ ў 1980–90-я гг.: ПАМІЖ АБНАЎЛЕННЕМ І ВЕРНАСЦЮ ТРАДЫЦЫІ

Я. Г. КОЛБ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Неабходнасць рэфармавання ідэалогіі Французскай сацыялістычнай партыі (ФСП) была абумоўлена палітычнымі цяжкасцямі, выкліканымі супярэчнасцю паміж прагматычнай палітыкай сацыялістычных урадаў, якая будавалася з улікам рэалій французскага грамадства, і партыйнай ідэалогіяй, якая грунтавалася на традыцыйных прынцыпах французскага сацыялізму. У 1980-я гг. дактрына ФСП змясцілася ў сацыял-дэмакратычным напрамку, што было афіцыйна замацавана на з'ездзе 1991 г. Адначасова праграмныя ўстаноўкі і перадвыбарныя абяцанні партыі сталі больш памяркоўнымі і рэалістычнымі. Тым не менш ФСП адмовілася ад глыбокага перагляду галоўных прынцыпаў партыйнай дактрыны, а пасля 1993 г. пачала больш выразна дэманстраваць адданасць традыцыйным ідэалам, працягваючы ўстрымлівацца ад радыкальных прапаноў у сацыяльна-эканамічнай сферы. Адмова ад глыбокага рэфармавання партыйнай дактрыны была абумоўлена тым, што змена ідэйнай тоеснасці ФСП не падтрымлівалася большасцю членаў партыі, а таксама пагражала аслабленнем пазіцый у левым электарате і стратай саюзнікаў у левым лагеры.

Ключавыя словы: Францыя; Французская сацыялістычная партыя; ідэалогія; дактрына; абнаўленне; левы лагерь.

Образец цитирования:

Колб Е. Г. Реформирование идеологии Французской социалистической партии в 1980–90-е гг.: между обновлением и верностью традиции. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:92–100. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-92-100>.

For citation:

Kolb EG. Reforming the ideology of the French Socialist Party in 1980–90s: between embracing innovation and loyalty to tradition. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:92–100. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-92-100>.

Автор:

Евгений Георгиевич Колб – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Eugene G. Kolb, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history. eg.kolb.64@gmail.com

REFORMING THE IDEOLOGY OF THE FRENCH SOCIALIST PARTY IN 1980–90s: BETWEEN EMBRACING INNOVATION AND LOYALTY TO TRADITION

E. G. KOLB^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The need to reform the ideology of the French Socialist Party (FSP) was due to the political difficulties of the party, caused by the contradiction between the pragmatic policy of socialist governments, which recognized the changes of French society, and the party's ideology rooted in the traditional principles of French socialism. In the 1980s FSP doctrine shifted toward social democracy, which was formalized at its 1991 congress, and the program and election promises of the FSP became more moderate and realistic. Nevertheless, the FSP refused to fundamentally revise the main principles of party doctrine, and after 1993 began proclaiming its fealty to traditional ideals, while continuing to refrain from radical proposals in the socio-economic sphere. Rejection of a genuine reform of party doctrine was due to the fact that a change in the ideological identity of the FSP was not supported by the majority of party members, and could also threaten to weaken the position of the FSP among the left electorate and risk the loss of allies in the left camp.

Keywords: France; French Socialist Party; ideology; doctrine; update; left wing camp.

Введение

После победы на президентских и парламентских выборах 1981 г. Французская социалистическая партия (ФСП) достаточно успешно адаптировалась к новой для нее роли правительственной партии и стала одной из двух главных политических сил Франции. Но добиться устойчивого политического преобладания в стране ФСП не сумела. Всякий раз после прихода к власти социалисты оказывались в оппозиции уже на следующих парламентских выборах, даже когда проводимая ими политика была вполне успешной. Одной из главных причин сложившейся ситуации является специфичность обновления партийной идеологии.

В 1980-е гг. ФСП начала адаптацию своей идеологии к новым условиям деятельности партии. Но к середине 1990-х гг. этот процесс был остановлен, несмотря на то что партийная доктрина не претерпела кардинальных изменений. В результате при нахождении у власти ФСП сталкивалась с кризисами идентичности, порожденными расхождением между идеалами и политикой партии, и терпела неудачи на выборах.

Казалось бы, электоральные поражения конца XX – начала XXI в. должны были подтолкнуть социалистов к более глубокому обновлению идеологии. Но, как ни парадоксально, в ходе обновленческих кампаний, которые с 1993 г. разворачивались в партии после провалов на выборах, ФСП более отчетливо демонстрировала приверженность традиционным идеалам, хотя и воздерживалась от выдвижения явно утопических обещаний. Это позволяло социалистам сохранять сильные позиции в левом электорате, но вместе с тем приводило к новым кризисам идентичности с негативными электоральными последствиями. Самой яркой иллюстрацией противоречивости такой стратегии стало катастрофическое

поражение ФСП на общенациональных выборах 2017 г. после триумфальных успехов социалистов на выборах 2010–2012 гг.

Таким образом, имеет смысл рассмотреть работу ФСП над обновлением идеологии, сфокусировав внимание на выяснении причин отказа от реформирования доктрины.

Идеологическая работа ФСП ранее уже рассматривалась автором настоящей статьи, но лишь применительно к периоду 1990-х гг. [1]. В российской историографии данный аспект деятельности партии не получил исчерпывающего освещения. Подвижки в идеологии ФСП в 1980-е гг. наиболее полно проанализированы в работах И. М. Бунина [2; 3]. Но в них основное внимание уделено изменению воззрений главных течений ФСП, а не обновлению партийной идеологии в целом. Идеологическое позиционирование ФСП в 1990-е гг. освещено в статье А. А. Преображенской [4]. Однако в этой работе не рассматриваются эволюция взглядов ФСП на проблему идейной идентичности и изменения в партийной идеологии, произошедшие в это время. Во французской научной литературе идеологическая работа ФСП в 1980–90-е гг. наиболее детально изучена в исследованиях А. Бергунью и Ж. Грюнбера, особенно в их совместной монографии по истории ФСП [5]. В то же время указанные в ней причины отказа ФСП от подлинного обновления доктрины нуждаются в уточнении и дополнении.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфики работы ФСП над обновлением идеологии после превращения в правительственную партию. Свои задачи автор видит в том, чтобы выяснить сущность перемен в партийной идеологии, определить степень ее обновления, раскрыть действие факторов, повлиявших на идеологическую

работу ФСП, и установить причины отказа партии от глубокого пересмотра ее доктрины.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1981–2002 гг. Именно в это время произошли наиболее крупные изменения в идеологии партии и выявились главные противоречия процесса идейного обновления ФСП. При написании ста-

тьи применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы, которые, по мнению автора, лучше всего позволяют выполнить поставленные задачи. Главными источниками, использованными в процессе исследования, являются программные документы ФСП и материалы французской периодической печати.

Основная часть

С момента своего создания в 1971 г. ФСП демонстрировала верность идейным традициям французского социалистического движения. Она подчеркивала свое революционное призвание и отвергала всякое отождествление с реформизмом и социал-демократизмом. В основу партийной идеологии была положена установка на замену капитализма социалистическим обществом посредством проведения «волюнтаристской» политики, предполагавшей коренное переустройство капиталистической системы путем глубоких реформ. Такое идеологическое позиционирование сохранялось неизменным вплоть до победных для ФСП общенациональных выборов 1981 г.

Очень скоро после прихода к власти партия столкнулась с необходимостью внесения изменений в идеологию. Одной из причин этого стал совершенный в 1982–1983 гг. поворот в экономической политике правительства социалистов, которое от левого дирижизма перешло к использованию неоллиберальных методов [2, с. 83–99]. Содержание нового курса напрямую противоречило установке на создание новой экономической модели, составлявшей костяк проекта ФСП по трансформации французского общества, и фактически означало переход социалистов от ликвидации капиталистической системы к ее модернизации. Поворот в политике правительства, осуществленный президентом Ф. Миттераном без обсуждения в партии, был воспринят значительной частью наемных работников как отход социалистов от идеалов левого лагеря и обернулся для ФСП подлинным кризисом идентичности. При этом в силу особенностей устройства Пятой республики партия не имела возможности повлиять на политику исполнительной власти, не вступая в открытое противостояние с президентом и правительством. В сложившихся условиях ФСП была поставлена перед необходимостью адаптации своей идеологии к изменившейся политике правительства.

Вторым фактором, диктовавшим обновление идеологии ФСП, стали изменения во французском обществе. С одной стороны, это были перемены в экономике, социальной структуре, условиях жизни различных категорий наемных работников, вызванные начавшимся в 1970-е гг. вступлением французского общества в постиндустриальную фазу

развития [6, с. 39–64, 187–209]. С другой стороны, в 1980-е гг. произошел «поворот вправо» в общественном сознании страны. Он выразился в сокращении числа сторонников радикального преобразования общества, снижении привлекательности левых ценностей и традиционных левых методов решения проблем, распространении идей экономического либерализма, усилении ксенофобии и социокультурного традиционализма [7, с. 106–132].

До середины 1980-х гг. в ФСП не поднимался вопрос об изменении доктрины и основное внимание сосредоточилось на объяснении намерений партии в свете изменившейся политики правительства. В итоговой резолюции съезда 1983 г. ФСП использовала выдвинутое правительством понятие вынужденной «паузы» в реформаторской деятельности социалистов и заверяла французов, что проведение преобразований продолжится после преодоления кризиса в экономике¹.

Поражение ФСП на выборах в Европарламент в 1984 г., отбросившее партию в электоральном плане к уровню 1973 г., показало, что для преодоления кризиса идентичности темы «паузы» недостаточно. Внутри партийных течений развернулась работа над переосмыслением взглядов на сущность социализма, задачи партии и методы их достижения. Наибольшую активность в этом направлении проявили М. Рокар и Л. Фабиус. Выдвижение Ф. Миттераном в 1984 г. понятия «общества смешанной экономики» на смену установке на «разрыв с капитализмом» активизировало эту деятельность, легитимировав возможность изменения партийной идеологии. Благоприятные условия для перемен в идеологии создало «поправление» взглядов активистов ФСП, проявившееся в уменьшении числа сторонников радикальных преобразований в духе «разрыва с капитализмом» и распространении более умеренных взглядов на политику левых сил [2, с. 102–103].

В резолюции, представленной М. Рокаром к съезду 1985 г., констатировался кризис идентичности ФСП и выдвигался призыв к пересмотру партийной доктрины с учетом реалий общества и проводимой социалистами политики². Это предложение не было поддержано съездом, получив только 28,5 % голосов делегатов. Тем не менее процесс изменения

¹Pour réussir le changement. Motion nationale d'orientation // Le Poing et la Rose. 1985. № 115. P. 9.

²Convaincre. Motions nationales d'orientation // Le Poing et la Rose. 1985. № 113. P. 20–27.

партийной идеологии начался именно на этом съезде, который наблюдатели по горячим следам сравнили со съездом Социал-демократической партии Германии 1959 г. в Бад-Годесберге. И, хотя такая оценка являлась известным преувеличением, она была вполне объяснима, поскольку обозначившийся на съезде поворот идеологии ФСП в сторону социал-демократизма выглядел революционным для французского социализма.

Одним из проявлений такого поворота стало признание социального компромисса, чуждого «волонтаристской» традиции французского социалистического движения, в качестве метода проведения общественных преобразований. В итоговой резолюции съезда партия, отметив важность взаимовыгодного компромисса между профсоюзами и владельцами предприятий, высказалась за то, чтобы такой способ разрешения конфликтов получил широкое распространение в обществе³. В резолюции съезда 1987 г. ФСП пошла еще дальше. Она назвала компромисс составной частью социального прогресса и обязалась «стимулировать эволюцию социальных отношений в направлении заключения соглашений» (здесь и далее перевод наш. – Е. К.)⁴.

Вторым проявлением социал-демократизации идеологии ФСП было изменение понимания сущности социальной трансформации. В резолюции съезда 1987 г. содержалась очень близкая к классическому социал-демократизму трактовка движения к социализму: «Социалистическое движение является скорее движением к социализму, сложением реформ и трансформаций социальных отношений, изменением отношений между людьми, чем поиском конца истории. Нашей задачей является продолжение этого социалистического движения, постепенного рождения новых равновесий в многосоставном обществе, организация новых отношений между индивидом и государством, между индивидуальными свободами и коллективными институтами, между частной инициативой и государственным вмешательством»⁵.

С середины 1980-х гг. отчетливо проявился переход ФСП от «культуры оппозиции», свойственной партии с 1971 г., к «культуре управления», принципы которой противоречили традиционной идейно-политической идентичности партии. Из партийного дискурса исчезла радикальная риторика в духе классово-борьбы и «разрыва с капитализмом», в нем появились ранее не свойственные социалистам технократические ценности (конкурентоспособность, предприятие, рентабельность, прибыль и др.). В предвыборных программах партия не выдвигала широкомасштабных социально-экономи-

ческих предложений, реализация которых была чревата созданием препятствий для экономического роста и модернизации экономики. Так, в предложениях ФСП к президентским выборам 1988 г. отсутствовали планы экономических реформ, а для борьбы с бедностью и социальным неравенством предлагались всего две не отличавшиеся радикализмом новые меры – создание минимального социального дохода и введение кредита для молодежи на прохождение профессионального обучения⁶.

Но в 1980-е гг. перемены в идеологии ФСП не сопровождались изменениями в официальной доктрине партии. В программных документах 1985–1988 гг. использовались гибкие формулировки, сочетавшие как традиционные, так и новые подходы. Так, ФСП продолжала называть себя партией социальной трансформации, хотя уже и не выступала за «разрыв с капитализмом». Социалисты не стремились к ликвидации рыночной экономики, но выступали против неolibеральной экономической системы. Своей целью они называли создание модели смешанной экономики, в которой государство будет определять приоритеты экономического развития и устанавливать рамки для рыночных механизмов. Признав ведущую роль предприятий в обеспечении роста и модернизации экономики, ФСП подчеркивала важность государственного сектора в экономической жизни страны и не исключала возможность новых национализаций, но лишь точечных и продиктованных конкретной необходимостью. Партия декларировала приверженность идеям социальной справедливости, но главными инструментами борьбы с неравенством и увеличением доходов трудящихся называла не распределительные меры, а ускорение экономического роста за счет модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности, а также развитие образования и профессиональной подготовки.

Одной из причин отказа руководства ФСП от реформирования партийной доктрины стала позиция Ф. Миттерана, который, формально выйдя из партии после избрания президентом, оставался лидером социалистов. Он хотел избежать переосмысления идейного наследия ФСП и считал концепцию «общества смешанной экономики» вполне удобной для того, чтобы партия могла варьировать позиции в зависимости от колебаний внутренней конъюнктуры [5, p. 376].

Благоприятная для ФСП политическая конъюнктура 1980-х гг. также не создавала стимулов для обновления партийной доктрины. В борьбе за голоса левого электората социалисты могли не опасаться конкуренции со стороны компартии, которая

³Rassembleur autour du Parti socialiste pour réussir la nouvelle étape. Motion nationale d'orientation // Le Poing et la Rose. 1985. № 115. P. 10.

⁴Rassembleur pour gagner. Motion nationale d'orientation // Le Poing et la Rose. 1987. № 118. P. 10.

⁵Ibid. P. 9–10.

⁶Parti socialiste. Propositions pour la France // Suppl. à PS Info. 1988. № 351 du 31 jan. P. 31–61.

переживала глубокий идейно-политический кризис. После 1981 г. большинство сторонников левых сил связывали надежды на изменения в обществе и своем положении именно с ФСП, как имеющей больше шансов на приход к власти. Политика «либеральной революции во французских цветах», осуществляемая в 1986–1987 гг. правыми силами, встревожила французов, увидевших в ней угрозу их социальным завоеваниям. На этом фоне проводимая социалистами с 1983 г. политика стала восприниматься как реалистичный курс, осуществляемый с меньшими социальными издержками. Выстроенный ФСП имидж ответственной партии, а также поворот главных партий правого лагеря к социокультурному традиционализму содействовали усилению поддержки ФСП в центристском электорате.

Благодаря всем этим факторам ФСП в 1980-е гг. стала главной партией Франции. Она превосходила все остальные партии страны по числу избирателей, набирая на выборах более 30 % голосов, и была безоговорочным лидером левого лагеря, получая электоральную поддержку более 70 % сторонников левых сил. ФСП успешно боролась за власть с правыми силами. Поражение социалистов на парламентских выборах 1986 г. отнюдь не стало разгромным, как можно было ожидать в связи с резким падением популярности ФСП в 1983–1984 гг., уже в 1988 г. социалисты после победы на президентских и парламентских выборах вернули себе всю полноту высшей государственной власти.

Но вскоре после успеха 1988 г. партия столкнулась с необходимостью продолжить работу над обновлением идеологии. Практика показала, что проведенных изменений в идеологии оказалось недостаточно для предотвращения роста недовольства трудящихся политикой правительства М. Рокара (1988–1991), которая по содержанию являлась продолжением взятого в 1983 г. социально-экономического курса. В 1988–1990 гг. наблюдалось снижение уровня поддержки этой политики с 56 до 36 % среди рабочих и с 65 до 41 % среди служащих, ожидавших от социалистов более масштабных действий в интересах наемных работников⁷. Кроме того, более половины французов не видели различий между политикой социалистов и правых сил⁸. Помимо этих признаков нового кризиса идентичности, еще одним стимулом к изменению идеологии ФСП стало крушение «реального социализма» в Европе. Оно серьезно дискредитировало идею радикальной трансформации капиталистического общества, а также стало весьма солидным оправданием идей и практики социал-демократов.

В 1990 г. руководство партии создало комиссию по разработке новой программы ФСП. Эта программа после обсуждения членами партии была принята на съезде 1991 г. в Арше. В ней был официально зафиксирован поворот партийной доктрины в сторону социал-демократизма. ФСП отступила от взгляда на социализм как на определенный тип экономической системы и на его строительство как на четко очерченную программу действий. Теперь движение к социализму рассматривалось как «метод», т. е. как внедрение в жизнь общества присущих социализму ценностей. Такими ценностями ФСП назвала уважение жизни, свободу, справедливость, толерантность, солидарность, ответственность, равенство, «которое не является эгалитаризмом»⁹. Партия признала, что «социальная трансформация не может достигаться только при помощи законов и декретов», назвала реформу средством реализации целей социалистов и объявила социальный компромисс «предпочтительным методом политического и социального регулирования»¹⁰.

В то же время ФСП не перешла полностью на социал-демократические позиции, сохранив в своей новой программе связь с главными доктринальными принципами французского социализма. Она продолжала рассматривать себя как партию социальной трансформации, но при этом ее отношение к капиталистической системе не было ясно определено. В первоначальном варианте программы предполагалось заменить установку на «разрыв с капитализмом» формулой «исторический компромисс с капитализмом», но в конечном итоге была принята расплывчатая по смыслу установка на «критическое отношение к капитализму» [8, р. 106]. Социалисты остались сторонниками государства-регулятора, проведя разграничение между рынком как «необходимым элементом развития экономики» и рынком как «принципом, на котором основывается концепция общества»¹¹. Признав, что «попытки заменить его [рынок] административными методами потерпели неудачу», и заявив, что «для социалистов ликвидация рыночных механизмов никоим образом не стоит в повестке дня», ФСП считала, что «некоторые области должны быть изъяты из рыночной сферы, а ряд других не может быть свободен от установления правил государственной властью»¹². К числу последних были отнесены: социальное и трудовое право, система социальной защиты, борьба с неравенством, фундаментальные научные исследования, слияние компаний, защита окружающей среды и контроль над природными ресурсами¹³.

⁷Le Monde. 1990. 10–11 juill. P. 6.

⁸SOFRES. L'Etat de l'opinion 1990 / présenté par O. Duhamel, J. Jaffré. Paris : Seuil, 1990. P. 20.

⁹Un nouvel horizon. Projet socialiste pour la France. Paris : Gallimard, 1992. P. 150.

¹⁰Ibid. P. 107, 132, 134.

¹¹Ibid. P. 147.

¹²Ibid. P. 147–148.

Исходя из такого подхода, ФСП высказалась за создание «смешанной экономики, стимулирующей отношения между частными и государственными предприятиями»¹⁴, и под этим углом выстроила свои предложения в социально-экономической сфере.

В целом программа 1991 г. стала шагом на пути к идеологическому обновлению французского социализма, закрепив изменения во взглядах ФСП на цели и методы деятельности партии. Но при этом так и не было проведено подлинное обновление партийной доктрины, которая по-прежнему базировалась на традиционных принципах французского социалистического движения. Более того, программа 1991 г. не являлась новаторским социальным проектом с четкими ориентирами деятельности партии. В этой связи политолог Ю. Портелли очень точно заметил, что «съезд 1991 г. позволил скорее расщелкаться с прошлым, чем определить проект для будущего» [9, р. 91].

Программа ФСП к парламентским выборам 1993 г. явно была попыткой исправить этот недостаток. Главными целями партии были названы «общество свободы, ответственности, справедливости и солидарности, забота об обеспечении равенства шансов между всеми, толерантности, светскости, отвержение расизма, ксенофобии и сексизма, уважение плюрализма, гарантия прозрачности власти и решений, отказ измерять любой успех лишь деньгами, определение строгих пределов рыночных законов теми областями, где они не создают опасности»¹⁵. Отдельный раздел был отведен изложению методов деятельности партии: ФСП обещала «реформировать, слушая граждан, привлекая их на всех уровнях к принятию решений»¹⁶. Программа содержала не только предложения на ближайшую легислатуру, но и план долгосрочных реформ.

Однако намерения ФСП были сформулированы в самом общем виде, конкретных обещаний было очень мало [1, с. 49–51]. В результате партия не сумела предотвратить новый кризис идентичности и потерпела тяжелое поражение, получив лишь 54 депутатских мандата против 212 на неудачных для ФСП выборах 1986 г.

Резкий подъем обновленческих настроений в партии после поражения, а также приход к руководству ФСП в апреле 1993 г. М. Рокара создали потенциально благоприятные возможности для дальнейшего обновления ее идеологии. Но в ходе проведенного весной – летом того же года общепартийного со-

вещания по обновлению ФСП не было выдвинуто новаторских предложений по идеологическому позиционированию партии. На состоявшемся в октябре 1993 г. съезде в Бурже, названном руководством учредительным съездом обновленной ФСП, в идеологическом плане партия не вышла за рамки, установленные на съезде в Арше. В резолюции руководства, поддержанной 82 % делегатов, отмечалось, что социалисты «порвали с догмой коллективизации предприятий», но они «знают, что игра одних лишь рыночных сил ведет к деградации общества», и поэтому являются «сторонниками смешанной экономики, т. е. экономики, ограниченной вмешательством государственной власти и переговорами социальных партнеров»¹⁷.

Отсутствие подвижек в деле идеологического обновления объяснялось тем, что идея пересмотра доктрины не стала преобладающей в партии. В июне 1993 г. 52 % членов ФСП назвали причиной недавней неудачи неспособность партии обновить ее ценности, тогда как 42 % связали поражение социалистов с отходом от традиционных идеалов¹⁸. И даже в руководящем большинстве ФСП часть политиков во главе с А. Эмманюэлли не поддерживала стремление главы партии выстроить новое понимание сущности политики социалистов. В таких условиях возможности М. Рокара провести обновление партийной идеологии оказались весьма ограниченными.

После неудачного выступления социалистов на выборах в Европарламент 1994 г. главой партии стал А. Эмманюэлли. Он был приверженцем поворота партийной идеологии в сторону традиционных подходов, считая причиной электоральных неудач ФСП утрату партией «сущности ее наследия»¹⁹. Этот замысел нашел отражение в резолюции руководства, принятой на съезде в ноябре 1994 г. 92 % голосов делегатов. В ней содержалась резкая критика «неокапитализма», воплощением которого назывался «экономический либерализм», и перед партией ставилась задача выполнить «долг оппозиции» и «долг радикальной критики»²⁰. В резолюции более четко, чем ранее, формулировались намерения стимулировать экономический рост путем повышения доходов трудящихся, усилить государственное регулирование экономики и социальных отношений, активизировать распределительную политику. Также в ней содержались соответствующие конкретные предложения.

Но этот «поворот влево» не означал полный возврат на прежние позиции. В резолюции отмечалось,

¹³Un nouvel horizon. Projet socialiste pour la France. Paris : Gallimard, 1992. P. 148–149.

¹⁴Ibid. P. 247.

¹⁵Stratégie et programme // Vendredi. 1992. № 145. P. 11.

¹⁶Ibid. P. 12.

¹⁷Réfonder // Vendredi. 1993. № 196. P. 9.

¹⁸Le Nouvel Observateur. 1993. № 1475. P. 33.

¹⁹Le Monde. 1994. 29 juill. P. 7.

²⁰Etre socialiste // Vendredi. 1994. № 238. P. 5–8.

что радикальная критика системы неокapитализма «не предполагает ее полного и глобального отвержения», а «стремление к социальной трансформации не означает, что мы будем обязаны... создать альтернативную систему под ключ»²¹. Альтернативой неокapитализму называлось «общество смешанной экономики, социальной демократии, устойчивого развития», и ставилась задача разработать его проект²². Метод социального компромисса хотя и упоминался значительно реже, чем ранее, но не исключался как таковой.

Тот факт, что партийные съезды с интервалом в год приняли более чем 80 % голосов две различающиеся по тональности резолюции, свидетельствовал о замешательстве партии по вопросу об идеологическом позиционировании. Сложившуюся ситуацию А. Бергунью оценил как кризис внутренней идентичности ФСП, являвшийся одним из компонентов политического кризиса, переживаемого партией в 1993–1994 гг. [10, p. 103].

Преодоление этого кризиса было связано с действиями Л. Жоспена, который после неожиданно достойного выступления в 1995 г. на президентских выборах был избран в октябре того же года главой ФСП. Одним из направлений развернутой им работы по переустройству ФСП стала подготовка социального проекта, столь необходимого партии для укрепления позиций в стране. В 1996 г. ФСП провела три программные конференции, в ходе которых сформулировала предложения, касающиеся европейского строительства, реформирования политической жизни, развития социальной демократии, социально-экономической политики. Эти предложения подавались через противопоставление ценностей социалистов либеральной политике и ценностям правых сил. В то же время Л. Жоспен старался, чтобы идеология не занимала слишком большого места в разрабатываемом проекте, и следил за тем, чтобы выдвигаемые предложения соответствовали его представлениям о политике социалистов. В результате программные документы 1996 г. базировались на методологическом подходе, успешно апробированном Л. Жоспеном на президентских выборах.

В основе этого подхода, определенного Л. Жоспеном как «левый реализм», лежала установка на проведение «волюнтаристской» политики, которая была бы левой по сущности, но при этом не содержала утопических обещаний и не привела к ухудшению состояния экономики. «Левый реализм» не вносил новаций в партийную доктрину и своим акцентом на «волюнтаристской» политике закрепил поворот к традиционным подходам, проявившийся

на съезде 1994 г. Французские исследователи А. Бергунью и Ж. Грюнбер расценили выбор в пользу «левого реализма» как завершение десятилетнего периода попыток социалистов приспособить свои ценности к новым реалиям. Они отмечали, что ФСП, признав механизмы рыночной экономики, отвергла модель рыночного общества и, напротив, усилила противопоставление неолиберализма и политического волюнтаризма, стремясь утвердить в общественном мнении первенство политической воли над диктатом экономических законов [5, p. 456–457].

Тем не менее более отчетливая демонстрация левой идентичности позволила социалистам укрепить позиции среди рабочих и служащих, а также содействовала созданию под эгидой ФСП коалиции левых партий, которая в 1997 г. победила на досрочных парламентских выборах.

Несмотря на этот успех, социалисты осознавали необходимость продолжения работы над корректировкой идеологии. В резолюции съезда 1997 г. отмечалось, что французский социализм должен «модернизировать свою мысль, чтобы адаптироваться к вызовам, с которыми сталкивается мир»²³. На теоретических конференциях 1998–2000 гг. партия скорректировала ряд представлений прошлых лет. Так, ФСП допустила возможность приватизации государственных предприятий, не связанных с обслуживанием общенациональных интересов²⁴. Также социалисты признали, что семья играет важную роль в социализации молодежи, тогда как ранее связывали решение этой задачи с системой образования²⁵.

В то же время ФСП отказалась изменять главные принципы партийной доктрины, несмотря на то что политика правительства Л. Жоспена (1997–2002) пришла в противоречие с проектом партии, создав потенциальную угрозу нового кризиса идентичности. Более того, в Социалистическом интернационале ФСП решительно выступила против новаторской концепции «третьего пути» британских лейбористов, расценив ее как социал-либеральную, ведущую к отказу от левой идентичности и переходу на центристские позиции. В полемике с лейбористами ФСП высказывалась за активную роль государства в жизни общества, регулирование рыночных отношений, проведение политики перераспределения доходов, сохранение общественных служб в руках государства [4, с. 47–48]. Наиболее емким выражением взгляда ФСП на задачи социалистического движения в современную эпоху стала выдвинутая Л. Жоспеном летом 1998 г. формула: «да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу»²⁶.

²¹Etre socialiste // Vendredi. 1994. № 238. P. 8.

²²Ibid.

²³Réussir ensemble // Vendredi. 1997. № 42. P. 31.

²⁴Le Monde. 1998. 21 nov. P. 6.

²⁵Ibid. 7–8 juin. P. 8.

²⁶Ibid. 4 août. P. 5.

При подготовке к съезду 2000 г. группа политиков во главе с Ж.-М. Бокелем выдвинула резолюцию, в которой высказалась за обновление доктрины в духе концепции «третьего пути»²⁷. Но эта резолюция не получила заметной поддержки в партийных рядах и даже не была вынесена на рассмотрение делегатов съезда. Руководящая группировка, не говоря уже о левом крыле, не стремилась к изменению идейной идентичности ФСП. В резолюции руководства отмечалась необходимость разработки социального проекта ФСП, но решение этой задачи планировалось провести на основе принципа «левого реализма». «Мы должны внести в него [проект] долю воли, без которой нет продвижения по пути реформ, и долю реализма, без которого нет устойчивого прогресса»²⁸.

Отказ социалистов от обновления партийной доктрины стал результатом ряда причин. Прежде всего против изменения идеологической идентичности ФСП выступало подавляющее большинство членов партии. Так, в 1998 г. 93 % активистов считали, что ФСП должна сохранять верность своим принципам, даже если это грозит ей потерей избирателей [11, p. 117].

Второй причиной являлись опасения, что отступление ФСП от левой идентичности приведет к снижению поддержки партии в левом электорате и потере союзников, в которых социалисты сильнее, чем в 1980-е гг., нуждались для победы на парламентских выборах. В августе 1998 г. Ф. Олланд, возглавивший партию после ухода Л. Жоспена на пост премьер-министра, заявил, что ФСП «должна оставаться полностью левой партией», поскольку если бы она «захотела занять центр и уйти с левого фланга, то подверглась бы риску быть наказанной в электоральном отношении»²⁹.

Заключение

Таким образом, в 1980-е гг. ФСП начала реформирование своей идеологии, стремясь адаптировать ее к происходившим в обществе переменам и к прагматичной политике, проводимой социалистами во время пребывания у власти. Партия отказалась от выдвижения радикальных предложений в духе «разрыва с капитализмом», перешла к более умеренному дискурсу и более взвешенным взглядам на содержание политики левых сил, а в доктринальном плане сдвинулась в направлении социал-демократизма. Принятие в 1991 г. новой программы, закрепившей эти изменения, было лишь шагом на пути к подлинному идеологическому обновлению партии, поскольку доктрина ФСП не претерпела существенных изменений. Но под влиянием неудач на выборах 1993–1994 гг. в партии возобладало стремление вос-

Наконец, вплоть до общенациональных выборов 2002 г. не наблюдалось явных признаков кризиса идентичности, с которыми партия сталкивалась во время предыдущих пребываний у власти. На протяжении легислатуры кабинета Л. Жоспена деятельность ФСП позитивно оценивало более 50 % опрошенных, причем за три с половиной года пребывания у власти рейтинг партии снизился только на 5 % против падения на 33 % за аналогичный период после выборов 1981 г. и на 22 % после выборов 1988 г.³⁰ ФСП по уровню популярности опережала коалицию голлистов и правоцентристов, а Л. Жоспен имел очень близкий с лидером правого лагеря Ж. Шираком рейтинг. В этих условиях победа левых сил казалась практически предрешенной.

Но провал Л. Жоспена на президентских выборах предопределил поражение ФСП на парламентских выборах, поскольку французы предпочли обеспечить переизбранному президенту Ж. Шираку парламентское большинство для выполнения его предвыборной программы. И хотя ФСП показала более высокий результат, чем предсказывали эксперты, это было слабым утешением для партии, имевшей все основания рассматривать итоги выборов 2002 г. как упущенную победу.

После поражения в ФСП началась очередная обновленческая кампания, в ходе которой отмечалась необходимость реформирования идеологии партии. Но высказанные предложения не предполагали изменения партийной доктрины. Главная борьба развернулась между сторонниками более решительного поворота партийной идеологии к традиционным установкам и приверженцами следования курсом «левого реализма». Тем самым идеологический поиск ФСП окончательно повернул в другое русло.

становить политические позиции за счет поворота к более традиционным дискурсу и программным установкам. В результате ФСП так и не провела глубокого обновления доктрины и сохранила идейную идентичность, исторически свойственную французскому социалистическому движению.

Кардинальное реформирование партийной доктрины несло в себе высокую вероятность утраты прежней идеологической идентичности партии. Против этого выступало подавляющее большинство членов ФСП, а также «народные» категории, сохранявшие традиционные представления о левых партиях. В этих условиях глубокое реформирование доктрины грозило обернуться для ФСП расколом партийных рядов, а также сокращением электората и потерей политических союзников в левом лагере.

²⁷ 15 chantiers pour une nouvelle étape // Suppl. au Vendredi. 2000. № 158. Cahier 1. P. 59–65.

²⁸ Ensemble réussir aujourd'hui pour convaincre demain // Suppl. au Vendredi. 2000. № 161. P. 8.

²⁹ Le Monde. 1998. 4 aout. P. 5.

³⁰ Ibid. 2000. 25 nov. P. 1.

Библиографические ссылки

1. Колб ЕГ. *Политика французских правительств и политическая борьба во Франции в 1988–2002 гг.* Минск: БГУ; 2011. 263 с.
2. Бунин ИМ. *Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы.* Москва: Наука; 1989. 216 с.
3. Бунин ИМ. Партия активистов или партия нотаблей? (К итогам X съезда французских социалистов). *Рабочий класс и современный мир.* 1990;4:96–101.
4. Преображенская АА. Французская социалистическая партия и европейская социал-демократия. *Мировая экономика и международные отношения.* 2000;6:47–52.
5. Bergounioux A, Grunberg G. *L'ambition et le remords. Les socialistes français et le pouvoir (1905–2005).* Paris: Fayard; 2005. 610 p.
6. Дилигенский ГГ, Кузнецов ВИ, редакторы. *Франция.* Москва: Мысль; 1982. 431 с.
7. Айвазова СГ, Бунин ИМ, Великовский СИ, Дилигенский ГГ, Коржева ЭМ, Лейбович ОЛ и др. *Франция глазами французских социологов.* Фомина ВК, Эфиров СА, редакторы. Москва: Наука; 1990. 280 с.
8. Grunberg G. Le parti d'Épinay: d'une rupture fantasmée à une réforme mal assumée. *Histoire@Politique.* 2011;13:99–111.
9. Portelli H. Le Parti socialiste: une position dominante. In: Bréchon P, éditeur. *Les partis politiques français.* Paris: La Documentation française; 2001. p. 85–103.
10. Bergounioux A. Socialisme français et social-démocratie européenne. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 2000;65: 97–108. DOI: 10.2307/3770764.
11. Subileau F, Ysmal C, Rey H. Les Adhérents socialistes en 1998. *Cahiers du CEVIPOF.* 1999;23:1–125.

References

1. Kolb EG. *Politika frantsuzskikh pravitel'stv i politicheskaya bor'ba vo Frantsii v 1988–2002 gg.* [The politics of the French governments and the political struggle in France in 1988–2002]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 263 p. Russian.
2. Bunin IM. *Sotsialisty i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba vo Frantsii v 80-e gody* [Socialists and the social and political struggle in France in the 80s]. Moscow: Nauka; 1989. 216 p. Russian.
3. Bunin IM. [Party of Activists or a Party of Notables? (To the results of the X Congress of the French Socialists)]. *Rabochii klass i sovremennyi mir.* 1990;4:96–101. Russian.
4. Preobrazhenskaja AA. [French Socialist Party and European Social Democracy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2000;6:47–52. Russian.
5. Bergounioux A, Grunberg G. *L'ambition et le remords. Les socialistes français et le pouvoir (1905–2005).* Paris: Fayard; 2005. 610 p.
6. Diligenskij GG, Kuznecov VI, editors. *Frantsiya* [France]. Moscow: Mysl'; 1982. 431 p. Russian.
7. Ajvazova SG, Bunin IM, Velikovskii SI, Diligenskii GG, Korzheva JeM, Leibovich OL, et al. *Frantsiya glazami frantsuzskikh sotsiologov* [France through the eyes of French social scientists]. Moscow: Nauka; 1990. 280 p. Russian.
8. Grunberg G. Le parti d'Épinay: d'une rupture fantasmée à une réforme mal assumée. *Histoire@Politique.* 2011;13:99–111.
9. Portelli H. Le Parti socialiste: une position dominante. In: Bréchon P, éditeur. *Les partis politiques français.* Paris: La Documentation française; 2001. p. 85–103.
10. Bergounioux A. Socialisme français et social-démocratie européenne. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 2000;65: 97–108. DOI: 10.2307/3770764.
11. Subileau F, Ysmal C, Rey H. Les Adhérents socialistes en 1998. *Cahiers du CEVIPOF.* 1999;23:1–125.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2019.
Received by editorial board 21.03.2019.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 93+94(470+571)«1861/1914»

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861–1914): ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. БРУХАНЧИК¹⁾

¹⁾ОАО «Промагролизинг», пр. Победителей, 51, корп. 2, 220035, г. Минск, Беларусь

Целью статьи является изучение основных методологических подходов к исследованию кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. в дореволюционной, советской и современной историографии путем определения главных принципов и характерных особенностей исследований по данной тематике в различные историографические периоды, установления наиболее ярких представителей и самых популярных проблемных вопросов русской историографии, выявления ключевых методов исследования на разных этапах. Актуальность статьи обусловлена освещением различных точек зрения на проблемы развития кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в., касающиеся финансирования крупных инфраструктурных проектов, проведения модернизации, использования новых финансовых инструментов для увеличения государственных доходов, а также стабилизации неблагоприятных макроэкономических проблем в историческом контексте. Эта информация может быть полезна для решения современных стратегических задач государства и рационального использования финансовых ресурсов. Новизна исследования заключается в том, что для изучения историографии кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. впервые была применена институционально-эволюционная теория. Определены основные черты историографии дореволюционной (эмпиризм, отражение идеологии своей социальной группы, плюрализм мнений, глубокая эрудиция авторов), советской (проведение исследований в рамках формационного подхода и официально утвержденных методологических принципов, критика и репрессии в отношении инакомыслящих) и современной (отказ от формационного подхода, применение информационных технологий и экономических методов исследования, изучение объекта в контексте новых направлений).

Образец цитирования:

Бруханчик ЕА. Русская историография кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914): подходы к изучению, методология и методика исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:101–109.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-101-109>.

For citation:

Brukhanchik EA. The Russian historiography of the credit and financial system of the Russian Empire (1861–1914): approaches to the study, methodology and research methodology. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:101–109. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-101-109>.

Автор:

Екатерина Анатольевна Бруханчик – кандидат исторических наук; главный специалист юридического управления.

Author:

Ekaterina A. Brukhanchik, PhD (history); chief specialist at the legal department.
e.a.bruhanchik@tut.by

Освещены методы исследования (общенаучные, исторические, экономические), характерные для различных периодов русской историографии, наиболее популярные проблемы и направления изучения кредитно-финансовой системы (гендерная история, биографика, история повседневности и др.). Показан плюрализм мнений дореволюционных исследователей, отражены результаты применения советскими историками формационного подхода, выразившиеся в жесткой критике предшественников и одностороннем освещении событий, а также рассмотрено использование современными учеными различных методов исследования, разработка ими новых направлений.

Ключевые слова: кредитно-финансовая система; Российская империя; вторая половина XIX – начало XX в.; русская историография; институционально-эволюционная теория.

РУСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ КРЭДЫТНА-ФІНАНСАВАЙ СІСТЭМЫ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (1861–1914): ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ, МЕТАДАЛОГІЯ І МЕТОДЫКА ДАСЛЕДАВАННЯ

К. А. БРУХАНЧЫК^{1*}

^{1*} ААТ «Прамагралізінг», пр. Пераможцаў, 51, корп. 2, 220035, г. Мінск, Беларусь

Мэтай артыкула з’яўляецца вывучэнне асноўных метадалагічных падыходаў да даследавання крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. у дарэвалюцыйнай, савецкай і сучаснай гістарыяграфіі шляхам вызначэння галоўных прынцыпаў і характэрных асаблівасцей даследаванняў па дадзенай тэматыцы ў розных гістарыяграфічных перыядах, устанаўлення найбольш яркіх прадстаўнікоў і самых папулярных праблемных пытанняў рускай гістарыяграфіі, выяўлення ключавых метадаў даследавання на розных этапах. Актуальнасць артыкула абумоўлена асвятленнем розных пунктаў гледжання на праблемы развіцця крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст., якія датычацца фінансавання буйных інфраструктурных праектаў, правядзення мадэрнізацыі, выкарыстання новых фінансавых інструментаў для павелічэння дзяржаўных даходаў, а таксама стабілізацыі неспрыяльных макраэканамічных праблем у гістарычным кантэксце. Гэта інфармацыя можа быць карыснай для вырашэння сучасных стратэгічных задач дзяржавы і рацыянальнага выкарыстання фінансавых рэсурсаў. Навізна даследавання заключаецца ў тым, што для вывучэння гістарыяграфіі крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. упершыню была выкарыстана інстытуцыйна-эвалюцыйная тэорыя. Вызначаны асноўныя рысы гістарыяграфіі дарэвалюцыйнай (эмпірызм, адлюстраванне ідэалогіі сваёй сацыяльнай групы, плюралізм меркаванняў, глыбокая эрудыцыя аўтараў), савецкай (правядзенне даследаванняў на аснове фармацыйнага падыходу і афіцыйна зацверджаных метадалагічных прынцыпаў, крытыка і рэпрэсіі ў дачыненні да іншадумцаў) і сучаснай (адмова ад фармацыйнага падыходу, прымяненне інфармацыйных тэхналогій і эканамічных метадаў даследавання, вывучэнне аб’екта ў кантэксце новых кірункаў). Разгледжаны метады даследавання (агульнанавуковыя, гістарычныя, эканамічныя), характэрныя для розных перыядаў рускай гістарыяграфіі, адзначаны найбольш папулярныя праблемы і напрамкі вывучэння крэдытна-фінансавай сістэмы (гендарная гісторыя, біяграфіка, гісторыя штодзённасці і інш.). Паказаны плюралізм меркаванняў дарэвалюцыйных даследчыкаў, адлюстраваны вынікі прымянення савецкімі гісторыкамі фармацыйнага падыходу, якія выявіліся ў жорсткай крытыцы папярэднікаў і аднабаковым асвятленні падзей, а таксама разгледжана выкарыстанне сучаснымі вучонымі розных метадаў даследавання, распрацоўка імі новых напрамкаў.

Ключавыя словы: крэдытна-фінансавая сістэма; Расійская імперыя; другая палова XIX – пачатак XX ст.; руская гістарыяграфія; інстытуцыйна-эвалюцыйная тэорыя.

THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE CREDIT AND FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE (1861–1914): APPROACHES TO THE STUDY, METHODOLOGY AND RESEARCH METHODOLOGY

E. A. BRUKHANCHIK^a

^aOJSC «Promagroleasing», 51 Pieramožcaŭ Avenue, 2 building, Minsk 220035, Belarus

The article is devoted to the Russian historiography of the credit and financial system of the Russian Empire of the second half of the 19th – beginning of the 20th century. Its purpose is to study the main methodological approaches to research of the credit and financial system of the Russian Empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th century in pre-revolutionary, Soviet and modern historiography by identifying the main approaches and characteristic features of research on

this topic in different historiographic periods, identifying the most prominent representatives and the most popular problematic issues of Russian historiography, identifying key research methods at different stages. The relevance of the article is determined by the coverage of different points of view on the problems of the development of the credit and financial system of the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries, concerning the financing of large infrastructure projects, modernization, the use of new financial instruments to increase government revenues, stabilize adverse macro-economic problems context. This information can be used to solve modern strategic tasks of the state and rational use of financial resources. The novelty of the research is determined by the fact that to study the historiography of the credit and financial system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries was first applied to institutional evolutionary theory. The publication identifies the main features of pre-revolutionary historiography (empiricism, a reflection of the ideology of its social group, pluralism of opinions, deep erudition of the authors), Soviet (conducting research in the framework of the formation approach, officially approved methodological principles, criticism and repression of dissidents), modern (rejection of the formation approach, the use of information technologies, the use of economic research methods, the study of the object in the context of new directions). The author covers research methods (general scientific, historical, economic), characteristic for different periods of Russian historiography, the most popular problems, and areas of study of the credit and financial system (gender history, biography, everyday history, etc.). The article shows the pluralism of opinions of pre-revolutionary researchers, the results of the application of the formation approach by Soviet researchers, expressed in the harsh criticism of predecessors, one-sided coverage of events, the use of various research methods by modern researchers, and the development of new directions.

Keywords: credit and financial system; the Russian Empire; the second half of the 19th – beginning of the 20th century; Russian historiography; institutional and evolutionary theory.

Вопрос создания эффективной финансовой системы государства был и остается актуальным, поскольку позволяет качественно реализовывать стратегические задачи и рационально использовать имеющиеся для этого ресурсы. Современные проблемы экономического развития государств тесно перекликаются с теми задачами, которые приходилось решать правительству Российской империи во второй половине XIX в.: привлечение новых денежных ресурсов для финансирования крупных инфраструктурных проектов и проведения модернизации, санации и оздоровления предприятий, использование новых финансовых инструментов для увеличения государственных доходов, стабилизация неблагоприятных макроэкономических проблем (высокая инфляция, ежегодные выплаты по кредитам и др.).

В связи с этим исследование деятельности кредитно-финансовой системы дореволюционной России является актуальным. Более того, освещение ряда проблемных вопросов, поднятых русской дореволюционной и советской историографией, позволяет не только познакомиться с широким спектром точек зрения на одну и ту же проблему, но и узнать результаты применения тех или иных подходов в прошлом, а следовательно, более взвешенно подходить к решению финансовых проблем государства в будущем. Одновременно с этим издания авторов дореволюционного периода знакомят со значительным количеством финансовых механизмов, которые не в полной мере применялись в советском государстве.

Целью данного исследования является определение методологических подходов к изучению кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. в дореволюционной, советской и современной историографии.

Объектом исследования выступает русская историография кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Предметом исследования – методологические подходы к изучению кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. в дореволюционной, советской и современной историографии.

Задачами исследования являются:

- установление особенностей дореволюционной, советской и современной историографии кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в.;
- определение ключевых методов исследования русской историографии кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. на разных этапах;
- выявление наиболее ярких представителей и самых популярных проблемных вопросов русской историографии кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Методологической основой изучения указанной проблемы выбрана институционально-эволюционная теория. Эта теория базируется на анализе влияния различных институтов (правила поведения, законы, виды отношений и др.) на развитие общества. Именно они могут быть как катализатором, так и помехой развития, создания условий для эффективной работы и увеличения получаемой прибыли [1]. Несмотря на то что основателями институционально-эволюционной теории являются экономисты, в последнее время она все чаще применяется историками для исследования событий как политического, так и социально-экономического характера [2].

Изучение отдельных аспектов кредитно-финансовой системы Российской империи началось во второй половине XIX в. и за более чем 150-летний период претерпело ряд значительных изменений в методологических подходах и оценках. При этом в современной экономической теории дореволюционных и советских исследователей российской кредитно-финансовой системы второй половины XIX – начала XX в. иногда рассматривают как предвестников институциональной теории.

Это можно объяснить тем, что в своих работах они в рамках существовавших тогда методологических подходов и теорий изучали фактически институциональные компоненты: систему национального кредита и меры по поддержанию стабильности национальной платежной системы [3].

Институциональная теория позволяет понять, как в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. происходили социально-экономические преобразования. Согласно ей в стране существовали так называемые институциональные ограничители (абсолютная монархия, крепостное право, община и т. д.), которые мешали развитию государства. Отмена крепостного права – главного институционального ограничителя – значительно пошатнула позиции остальных. При этом аграрная реформа и последующие преобразования проводились дворянами, которые в большинстве своем не были заинтересованы в перестройке существующего порядка на капиталистических началах. Это нашло отражение в особенностях кредитно-финансовой системы, которая была представлена подконтрольными государству банками, направляла средства на поддержание курса российского рубля, строительство железных дорог влиятельными банкирами и концессионерами, освоение месторождений полезных ископаемых и учреждение фабрик и заводов крупными промышленниками. По остаточному принципу финансировалась система среднего и мелкого сельскохозяйственного и промышленного кредита, развитие городской инфраструктуры, потребительское кредитование.

Противостояние этим институциональным ограничителям особенно ярко отражено в дореволюционной историографии.

Представители официальной государственной концепции развития страны составляли *«правительственное» направление* (А. Н. Гурьев, В. П. Безобразов, И. И. Кауфман) [4, с. 232]. Они стремились сохранить существующие традиции, старались избегать любых преобразований в кредитно-финансовой системе страны, критиковали опыт экономических реформ западных государств. В своих работах сторонники «правительственного» направления отмечали нехватку инвестиций для развития промышленного производства и расширения сети железных дорог, а также слабое распространение кредитных учреждений в российской деревне, подчиненность

ряда банков западноевропейским государствам. Они считали, что государственные кредитные учреждения обязаны удовлетворять государственные потребности. При подготовке проекта реформирования Государственного банка Российской империи (далее – Государственный банк) А. Н. Гурьев и И. И. Кауфман полагали, что он должен остаться под руководством и контролем Совета государственных кредитных установлений [5], что позволит избежать многочисленных злоупотреблений [5; 6].

Во второй половине XIX в. оформилось и получило популярность *народничество* (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. Ф. Даниельсон). Несмотря на существование различных ответвлений (почвенники, либеральные и революционные народники), общими для всех были защита отечественных экономических приоритетов, критика резких изменений современного общественного строя, формирование общинно-кооперативного пути развития страны без капитализма (общинно-кооперативного «социализма»), автаркическое развитие финансово-кредитного хозяйства России, обобществление финансово-кредитной системы [4, с. 224–230].

Среди народников особого внимания заслуживает С. Ф. Шарапов, который выступал за независимость от Министерства финансов как государственного, так и ипотечных банков, считал необходимым направлять больше средств на развитие мелкого кредита (особенно в сельской местности), предлагал превратить сберегательные кассы в местные сельские банки с широким кругом операций (в том числе и ссудных), приходские кассы, надзор за которыми должны осуществлять выборные населением представители земства, прихода, а также чиновники Государственного банка [7, с. 11, 25, 27, 28]. С. Ф. Шарапов жестко критиковал финансовую систему государства и считал, что России дорого обходится крепкий рубль, который ставит страну в зависимое положение от западных государств [7, с. 21, 25].

Особняком от вышеперечисленных направлений стоит *киевская школа экономистов* (Д. И. Пихно, А. Д. Билимович, А. Я. Антонович, И. В. Вернадский, Н. М. Цытович, Е. Е. Слуцкий, В. В. Новожилов и др.). Ее представители были сторонниками рыночных отношений, в том числе и в сельском хозяйстве, поддерживали умеренный протекционизм, выступали за развитие конкурентных отношений и ликвидацию феодальных пережитков в аграрной сфере [3, с. 4].

Основателем киевской школы считают министра финансов (1881–1887), председателя Комитета министров (1887–1895) Н. Х. Бунге, который входил в состав комиссии, разработавшей принципы выкупной операции при проведении крестьянской реформы 1861 г., а также различных комиссий по преобразованию кредитных учреждений и устройству земских банков [3, с. 189–190]. Н. Х. Бунге возглавлял Киевскую контору Государственного банка,

которая считалась третьей по величине и значению, инициировал основание обществ взаимного кредита, частных кредитных учреждений в Киеве.

Он выступал за широкое отчуждение в частные руки государственных имуществ (неосвоенных земель, лесов, фабрик, заводов, горных промыслов), за развитие частного кредита и переход от концессионной системы акционерного учредительства к явочной, что позволило бы преодолеть бюрократические препоны в создании акционерных обществ и банков. Н. Х. Бунге возлагал надежды на основанный в 1882 г. Крестьянский поземельный банк, полагая, что он будет способствовать насаждению частного землевладения в стране, считал неправильным оказание финансовой помощи дворянам за счет других сословий [3, с. 194, 202].

А. Д. Билимович поддерживал развитие частной инициативы и собственности в экономике, но при этом обращал внимание на отрицательные стороны этого явления: рост социального неравенства в обществе, усиление конкуренции и т. д. Отвергая систему активного вмешательства государства в экономику, он считал возможным выбрать «третий путь», при котором рыночные отношения будут корректироваться государством в случае необходимости [8, с. 45].

Прогрессивные для своего времени взгляды представителей киевской школы позволяют ряду современных ученых отнести их к основоположникам неoinституционализма [3, с. 120, 121, 123]. В отличие от институционалистов, неoinституционалисты уделяют внимание правам собственности, трансакционным издержкам (возникают при заключении договоров и соглашениях) и контрактным отношениям.

Наряду с киевской школой экономистов большое внимание развитию кредита уделяла **историческая школа**. «Историки» не идеализировали сложившийся экономический уклад, а рассматривали его как отражение определенного периода исторического развития страны. Яркий представитель этой школы С. Ю. Витте отстаивал идею активного участия государства в экономике в целях улучшения положения представителей отдельной нации [9]. И. И. Янжул выступал за проведение государственных реформ, направленных на снижение социальных противоречий в обществе путем разработки фабричного законодательства, развития профсоюзного движения, создания системы социального страхования, формирования различных видов кооперации [10].

Дореволюционные работы, посвященные развитию кредита, многочисленны и разноплановы, для них характерно эмпирическое изложение событий. Так как не все издания досоветского периода введены в научный оборот и широко известны, а некоторые написаны разными стилями и контрастно отличаются друг от друга по тематике и способам

изложения, определить единые методологические подходы их авторов довольно сложно. Этот период историографии характеризуется плюрализмом взглядов, обилием проблем для исследования, существованием нескольких школ. Несмотря на это, дореволюционные работы часто свободны от идеологического налета, присущего трудам советских историков, их содержание отражает субъективную позицию автора – представителя определенного социального класса или профессии. При этом они ярко демонстрируют институциональные подходы к оценке и описанию событий.

На стыке дореволюционной и советской историографии стоит **марксизм**. Его основы были заложены во второй половине XIX – начале XX в., однако широкую популярность и доминирование в качестве основополагающей концепции исторического развития он получил уже в советский период.

Марксисты отмечали высокую степень концентрации российской промышленности, быстрый переход российской экономики к государственно-монополистическому капитализму, трестовской и синдикатской формам управления промышленным производством и производственным распределением [4, с. 232]. При этом далеко не все авторы-марксисты, в том числе и К. Маркс, упоминают в своих работах о банковских учреждениях. Лишь В. И. Ленин в исследовании «Империализм, как высшая стадия капитализма» доказал, что банки контролировали многие сферы общества [11]. Ряд ученых считают, что именно это исследование восполнило пробел, существующий в работах К. Маркса: В. И. Ленин определил роль и место банков в финансовой системе России.

Он пояснил, как банки из посредников в платежах через личные унии с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли постепенно превращаются в основных собственников не только самих предприятий, но и всех имеющих в их распоряжении ресурсов [11, с. 152, 184].

Работа В. И. Ленина заложила основы формирования **формационного подхода** к оценке роли банков в советской историографии. Вплоть до конца 1980-х гг. подавляющее большинство исследователей будут придерживаться сформулированной В. И. Лениным трактовки, подкрепляя ее архивными материалами. Формирование подхода завершилось к 1950-м гг. До этого времени шло становление новых методологических принципов в советской историографии, велась активная полемика по различным вопросам, в том числе по отдельным направлениям исследования кредитно-финансовой системы Российской империи пореформенного периода.

Наиболее яркими представителями формационного подхода являются В. А. Вдовин, В. С. Дякин, А. П. Погребинский [12–14].

С одной стороны, этот подход давал возможность на основе четко определенных методологией критериев пояснить отрицательную роль финансирования банками правительственных мероприятий и крупных промышленных предприятий, а также негативные стороны процесса закабаления страны иностранными капиталистами, а с другой – носил односторонний характер и не позволял проанализировать деятельность банков в комплексе. При этом игнорировались реальные достижения банков по разрушению крестьянской общины и увеличению количества рентабельных помещичьих и крестьянских хозяйств, созданию новых сфер промышленности и модернизации уже существующих, развитию железнодорожного строительства и торговли, сферы услуг, благотворительности и культуры, повышению благосостояния населения. Приверженцы формационного подхода доказывали, что банки, действовавшие совместно с правительством, вели страну к кризису и смене общественно-экономической формации, так как пренебрегали существовавшими институциональными ограничителями. В связи с этим кредитно-финансовая система Российской империи рассматривалась через призму исторического конфликта, вылившегося в ряд революционных потрясений и войн начала XX в.

В советской историографии существовало табу на изучение дореволюционных кредитных кооперативов и учреждений мелкого кредита. Необходимо было показать, что кооперативы всех форм являются изобретением советской власти. Подобный подход привел к длительному историографическому умалчиванию истории русских кооперативов, эмиграции ряда идеологов кооперативного движения – А. Н. Анцыферова, А. М. Беркенгейма, В. Н. Зельгейма, В. Ф. Тотомианца и С. С. Маслова, принудительной высылке С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, В. А. Кильческого и М. Д. Шишкина, репрессиям по отношению к оставшимся в СССР А. В. Чаянову, А. Н. Минину, А. А. Рыбникову, Н. П. Макарову, Л. М. Хинчуку.

Одновременно с этим произошло обеднение тематики исследований: если авторы дореволюционного периода уделяли внимание самым разнообразным проблемам деятельности кредитно-финансовой системы, то советские историки ограничились лишь несколькими основными – оценка работы Государственного банка и ипотечных земельных банков, влияние иностранных капиталов на экономику Российской империи, взаимосвязь банков и промышленных предприятий, исследование процесса генезиса российского империализма.

При этом далеко не все советские ученые проводили исследования на основе формационного подхода, некоторые из них (В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин) применяли принципы объективности и историзма [15; 16]. Это проявилось в изучении деятельности

капиталистической кредитно-финансовой системы с момента создания первых банков до начала в 1914 г. Первой мировой войны. Банковская система исследовалась в конкретно-исторической обусловленности, во взаимодействии с другими процессами. Например, банковская система и правительственная политика, банковская система и экономическое развитие, банковская система и строительство железных дорог, банковская система и социальная трансформация общества.

Несмотря на ряд негативных явлений, характерных для советской историографии, ее заслугой можно считать введение в научный оборот большого количества архивных и иных неопубликованных источников, обогащение значительным статистическим материалом. Именно в советский период стала расширяться география исследования кредитных учреждений: появились работы, посвященные деятельности банков в белорусских губерниях (В. В. Тимошенко), на Северном Кавказе (Л. Н. Колосов), в Закавказье (Н. Л. Наниташвили), в Сибири и на Урале (Ю. П. Колмаков) [17–20].

Современные исследователи, изучающие различные аспекты кредитно-финансовой системы Российской империи пореформенного периода, придерживаются самых разных принципов и подходов. Большинство применяют как традиционные общенаучные методы (синтез, анализ, индукция, дедукция, переход от конкретного к абстрактному и др.), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный).

Одновременно с общенаучными и историческими методами ряд историков (С. А. Саломатина, О. И. Френкель) используют в исследованиях современные информационные технологии (как правило, при обработке статистических данных), строят экономические модели, проводят регрессионный анализ полученной информации, применяют методы электронного картографирования [21; 22].

В 2000-е годы среди ученых (Я. А. Васильев, Е. А. Ганжов, А. А. Ишкинина, В. В. Морозан) стала популярной тема деятельности кредитных учреждений в российской провинции [23–26]. Исследователи провинциальных кредитных учреждений отмечают их огромную роль в развитии местного хозяйства: торговли, аграрного сектора, промышленности. Они показывают участие банков в финансировании образования и культуры, организации благотворительных акций, а также отмечают важное значение мелких и средних кредитных образований в поддержке населения.

Изменились и подходы к оценке деятельности Государственного банка. В работе А. В. Бугрова «Государственный банк: 1860–1917» показана роль ведущего банка страны в проведении реформирования, представлены данные о его активных и пассивных

операциях, отмечен высокий уровень образования и подготовки его служащих. Работа написана на основе институциональной теории [27].

В последнее время история кредитно-финансовой системы и ее отдельных аспектов изучается в контексте новых направлений. Например, в структуре истории повседневности (публикации Е. А. Бруханчик (Е. А. Дроздовой)). Исследуется сфера частной жизни, особенности питания, развлечений, условия проживания, дружеские связи и круг общения служащих кредитных учреждений [28–32].

Набирает популярность и такое направление исторических исследований, как биографика, что проявилось в издании сохранившихся рукописей автобиографий и воспоминаний известных деятелей финансового мира, банкиров и их родственников, российских чиновников: супруги одного из руководителей Минского коммерческого банка Полины Венгеровой, члена совета Крестьянского поземельного банка Ф. Ф. Воропонова, министра финансов Российской империи В. Н. Коковцова, управляющего конторы Государственного банка в Нижнем Новгороде Н. П. Полянского [33–36]. Как правило, в предисловии к издаваемым мемуарам содержится короткое пояснение и критический анализ представленной автобиографии.

История кредитно-финансовой системы рассматривается также в контексте гендерной истории, которая исследует положение мужчин и женщин-служащих, работающих в кредитных учреждениях, их образовательный уровень, вероисповедание,

правовую защищенность и уровень оплаты труда [28–31].

Историография истории кредитно-финансовой системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. претерпела большие изменения. Исследователи дореволюционного периода, работы которых демонстрировали принадлежность автора к определенному классу и эмпирическое изложение событий, уступили место жестким и крайне идеологизированным советским историкам, отмечавшим достижения предшественников, которые благодаря кредитно-финансовой системе провели модернизацию аграрной страны, создали новые отрасли промышленности, построили железные дороги, стабилизировали денежное обращение. Одностороннее освещение событий, критика работ ряда дореволюционных авторов, репрессии и принудительная высылка из страны инакомыслящих привели к обеднению тематики исследований и оказали негативное влияние на анализ достижений кредитно-финансовой системы пореформенного периода. Современная историография сумела наверстать упущенное, способствовала развитию истории региональных кредитных учреждений указанного периода, стала применять информационные технологии при исследованиях, а также использовать экономические методы при анализе деятельности кредитных учреждений, рассматривать объект исследования в контексте новых направлений (гендерная история, биографика, история повседневности и др.).

Библиографические ссылки

1. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Нестеренко АН, переводчик. Москва: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
2. Миронов БН. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. Зимарин ОА, редактор. Москва: Весь мир; 2012. 848 с.
3. Корелин АП, Боханов АН, Гросул ВЯ, Сахаров АН, Степанов ВЛ, Федоров ВА и др. *Российские реформаторы, XIX – начало XX в.* Москва: Международные отношения; 1995. 318 с.
4. Благих ИА, Дубянский АН. *История экономических учений*. Москва: Юрайт; 2014. 611 с.
5. Гурьев АН. *К реформе Государственного банка*. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина; 1893. 159 с.
6. Кауфман ИИ. Реформа кредитной денежной системы. *Вестник Европы*. 1875;2(3):365–399.
7. Шарапов СФ. *Финансовое возрождение России*. Москва: Товарищество типо-литографии И. М. Машистова; 1908. 55 с.
8. Билимович АД. *Труды*. Санкт-Петербург: Росток; 2007. 494 с.
9. Витте СЮ. *Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894)* [Интернет]. 1911 [процитировано 24 ноября 2018 г.] Доступно по: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml.
10. Янжул ИИ. *Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг.* Москва: ГПИБ России; 2006. 458 с.
11. Ленин ВИ. *Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк)*. Москва: Книга; 1986. 502 с.
12. Вдовин ВА. *Крестьянский поземельный банк (1883–1895 гг.)*. Москва: Госфиниздат; 1959. 106 с.
13. Дякин ВС. *Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт)*. Ленинград: Наука; 1971. 288 с.
14. Погребинский АП. *Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1959. 266 с.
15. Бовыкин ВИ. *Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. – 1908 г.* Москва: Наука; 1984. 285 с.
16. Гиндин ИФ. *Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России*. Москва: Госфиниздат; 1948. 454 с.
17. Тимошенко ВВ. Кредитная система Белоруссии в начале XX в. В: *Исторические записки. Том 78*. Москва: Наука; 1965. с. 63–84.
18. Колосов ЛН. *Монополии и иностранный капитал в нефтяной промышленности Грозненского района (1890 – февраль 1917 гг.)* [автореферат диссертации]. Ленинград: Институт истории АН СССР; 1975. 45 с.

19. Наниташвили НЛ. *Германский капитал в Закавказье: деятельность фирмы «Сименс и Гальске», 1860–1917*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета; 1982. 376 с.
20. Колмаков ЮП. *Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898 – март 1917)* [автореферат диссертации]. Иркутск: Иркутский государственный университет имени А. А. Жданова; 1971. 25 с.
21. Саломатина СА, Френкель ОИ. Интеграционные процессы в банковской системе Российской империи в конце XIX в.: статистический анализ. *История* [Интернет]. 2015 [процитировано 4 ноября 2018 г.];6(8–41):1–19. Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840001233-5-1>.
22. Саломатина СА, Френкель ОИ. Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии. *История* [Интернет]. 2016 [процитировано 4 ноября 2018 г.];7(7–51):1–27. Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840001650-4-1>.
23. Васильев ЯА. *Банки Новгородской губернии и их деятельность. 1860–1914 гг.* [автореферат диссертации]. Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; 1998. 15 с.
24. Ганжов ЕА. *Провинциальные кредитно-финансовые учреждения России и их вклад в развитие народного хозяйства в период с 1861 по 1917 гг. (на материалах Курской губернии)* [автореферат диссертации]. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет; 2013. 25 с.
25. Ишкинина АА. *Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (1865–1917 гг.)* [автореферат диссертации]. Уфа: Башкирский государственный университет; 2010. 28 с.
26. Морозан ВВ. *Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2014. 616 с.
27. Бугров АВ. *Государственный банк: 1860–1917*. Москва: ИнтерКрим-пресс; 2012. 264 с.
28. Бруханчик ЕА. Социально-экономическое положение банковских служащих в Беларуси на рубеже XIX–XX вв. *Банкаўскі веснік*. 2013;19:66–71.
29. Бруханчик ЕА. Социально-экономическое положение женщин-служащих в Минском отделении Госбанка на рубеже XIX–XX вв. В: Груша АІ, укладальнік. *Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць (да 945-годдзя Мінска)*. Мінск: Беларуская навука; 2012. с. 322–325.
30. Бруханчик ЕА. Положение банковских служащих в белорусских губерниях Российской империи в начале XX в. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2011;3:75–77.
31. Драздова КА. Упраўляючыя Мінскага аддзялення Дзяржаўнага банка Расійскай імперыі (1881–1917 гг.). У: Жытко АП, рэдактар. *Беларусь у эпоху рэвалюцыйных узрушэнняў: да 100-годдзя выхаду ў свет газеты «Наша ніва». Матэрыялы рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі; 10 лістапада 2006 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДПУ; 2006. с. 71–75.
32. Дроздова ЕА. Уровень образования банковских служащих в Беларуси (начало XX в.). В: Бушик ВВ, редактор. *Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI в. Материалы научно-практической конференции молодых ученых БГПУ; 30 мая 2008 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГПУ; 2009. с. 110–112.
33. Венгерова П. *Воспоминания: мир еврейской женщины в России XIX века*. Высоцкий Л, Нахмансон И, переводчики. Санкт-Петербург: Академический проект; 2005. 271 с.
34. Воропонов ФФ. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний. *Вестник Европы*. 1905;6(12):507–559.
35. Коковцов ВН. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Том 1*. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия»; 1933. 506 с.
36. Полянский НП. *Воспоминания банкира*. Полянский НВ, составитель. Москва: Известия; 2007. 208 с.

References

1. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Nesterenko AN, translator. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala»; 1997. 180 p. Russian.
2. Mironov BN. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia: 18th – early 20th century]. Zimarin OA, editor. Moscow: Ves' mir; 2012. 848 p. Russian.
3. Korelin AP, Bokhanov AN, Grosul VYa, Sakharov AN, Stepanov VL, Fedorov VA, et al. *Rossiiskie reformatory, XIX – nachalo XX v.* [Russian reformers, 19th – early 20th century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1995. 318 p. Russian.
4. Blagih IA, Dubjanskij AN. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [The history of economic thought]. Moscow: Yurait; 2014. 611 p. Russian.
5. Gur'ev AN. *K reforme Gosudarstvennogo banka* [To the reform of the State Bank]. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina; 1893. 159 p. Russian.
6. Kaufman II. [Reform of the credit monetary system]. *Vestnik Evropy*. 1875;2(3):365–399. Russian.
7. Sharapov SF. *Finansovoe vrozhdzenie Rossii* [The financial revival of Russia]. Moscow: Tovarishchestvo tipo-litografii I. M. Mashistova; 1908. 55 p. Russian.
8. Bilimovich AD. *Trudy* [Studies]. Saint Petersburg: Rostok; 2007. 494 p. Russian.
9. Vitte Sju. *Vospominaniya. Detstvo. Tsarstvovaniya Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894)* [Memories. Childhood. The reign of Alexander II and Alexander III (1849–1894)] [Internet]. 1911 [cited 2018 November 24]. Available from: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0040.shtml. Russian.
10. Yanzhul II. *Vospominaniya I. I. Yanzhula o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg.* [Memories I. I. Yanzhula about the experience and what he saw in 1864–1909]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii; 2006. 458 p. Russian.
11. Lenin VI. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma. (Populyarnyi ocherk)* [Imperialism as the highest stage of capitalism. (Popular essay)]. Moscow: Kniga; 1986. 502 p. Russian.

12. Vdovin VA. *Krest'yanskii pozemel'nyi bank (1883–1895 gg.)* [The Peasant Land Bank (1883–1895)]. Moscow: Gosfinizdat; 1959. 106 p. Russian.
13. Djakin VS. *Germanskii kapitaly v Rossii (elektroindustriya i elektricheskii transport)* [German capital in Russia (electric industry and electric transport)]. Leningrad: Nauka; 1971. 288 p. Russian.
14. Pogrebinskij AP. *Gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm v Rossii. Ocherk istorii* [State-monopoly capitalism in Russia. Essay history]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoi literatury; 1959. 266 p. Russian.
15. Bovykin VI. *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii: konets XIX v. – 1908 g.* [The formation of financial capital in Russia: the end of the 19th century – 1908]. Moscow: Nauka; 1984. 285 p. Russian.
16. Gindin IF. *Russkie kommercheskie banki. Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii* [Russian commercial banks. From the history of financial capital in Russia]. Moscow: Gosfinizdat; 1948. 454 p. Russian.
17. Timoshenko VV. [The credit system of Belarus at the beginning of the 20th century]. In: *Istoricheskie zapiski. Tom 78* [Historical notes. Volume 78]. Moscow: Nauka; 1965. p. 63–84. Russian.
18. Kolosov LN. *Monopolii i inostrannyi kapital v nefyanoi promyshlennosti Groznenskogo raiona (1890 – fevral' 1917 gg.)* [Monopolies and foreign capital in the industry of the Grozny district (1890 – February 1917)] [dissertation abstract]. Leningrad: Institute of History Academy of Science of USSR; 1975. 45 p. Russian.
19. Nanitashvili NL. *Germanskii kapital v Zakavkaz'e: deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske», 1860–1917* [German capital in the Transcaucasus: Siemens and Galske activities, 1860–1917]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta; 1982. 376 p. Russian.
20. Kolmakov JuP. *Krupnaya torgovo-promyshlennaya burzhuaziya Vostochnoi Sibiri v period monopolisticheskogo kapitalizma (1898 – mart 1917)* [The big commercial and industrial bourgeoisie of Eastern Siberia in the period of monopoly capitalism (1898 – March 1917)] [dissertation abstract]. Irkutsk: A. A. Zhdanov Irkutsk State University; 1971. Russian.
21. Salomatina SA, Frenkel' OI [Banking Market Integration in the Russian Empire in the late 19th century: a statistical analysis]. *Istoriya* [Internet]. 2015 [cited 2018 November 4];6(8–41):1–19. Available from: <https://history.jes.su/s207987840001233-5-1>. Russian.
22. Salomatina SA, Frenkel' OI. [Regional development of the Russian joint-stock commercial banks in the second half of the XIX century: statistics and GIS-technologies]. *Istoriya* [Internet]. 2016 [cited 2018 November 4];7(7–51):1–27. Available from: <https://history.jes.su/s207987840001650-4-1>. Russian.
23. Vasil'ev JaA. *Banki Novgorodskoi gubernii i ikh deyatel'nost'. 1860–1914 gg.* [Banks of Novgorod province and their activities. 1860–1914] [dissertation abstract]. Novgorod: Yaroslav Mudryi Novgorod State University; 1998. 15 p. Russian.
24. Ganzhov EA. *Provintsial'nye kreditno-finansovye uchrezhdeniya Rossii i ikh vklad v razvitie narodnogo khozyaistva v period s 1861 po 1917 gg. (na materialakh Kurskoi gubernii)* [Provincial credit and financial institutions of Russia and their contribution to the development of the national economy in the period from 1861 to 1917] [dissertation abstract]. Belgorod: Belgorod State National Research University; 2013. 25 p. Russian.
25. Ishkinina AA. *Deyatel'nost' Ufimskogo otdeleniya Gosudarstvennogo banka Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (1865–1917 gg.)* [The activities of the Ufa Branch of the State Bank of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century. (1865–1917)] [dissertation abstract]. Ufa: Bashkir State University; 2010. 28 p. Russian.
26. Morozan VV. *Delovaya zhizn' na yuge Rossii v XIX – nachale XX veka* [Business life in the south of Russia in the 19th – early 20th century]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing house; 2014. 616 p. Russian.
27. Bugrov AV. *Gosudarstvennyi bank: 1860–1917* [The State Bank: 1860–1917]. Moscow: InterKrim-press; 2012. 264 p. Russian.
28. Bruhanchik EA. Social and economic status of bank employees in Belarus at the turn of the 19th–20th centuries. *Bankavski vesnik*. 2013;19:66–71. Russian.
29. Bruhanchik EA. [Social and economic situation of female employees in the Minsk branch of the State Bank at the turn of the 19th – 20th centuries]. In: Grusha AI, compiler. *Minsk i minchane: dzesjac' stagoddzjav gistoryi. Krynicy pa gistoryi gorada. Sacyjal'nyja struktury i pawsjadzjonnasc' (da 945-goddzja Minska)* [Minsk and Minsk residents: Ten Century history. Sources on the history of the city. Social structures and everyday life (to 945th anniversary of Minsk)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. p. 322–325. Russian.
30. Bruhanchik EA. [Position of Bank employees in the Belarusian provinces of the Russian Empire in the early 20th century]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2011;3:75–77. Russian.
31. Drazdova KA. [The Heads of the Minsk branch of the State Bank of the Russian Empire (1881–1917)]. In: Zhytko AP, editor. *Belarus' u jepohu rjevaljucyjnyh uzrushjennjav: da 100-goddzja vyhadu w svet gazety «Nasha niva». Matjeryjaly rjespublikanskaj navukova-tjearjetychnaj kanferjencyi; 10 listapada 2006 g.; Minsk, Belarus'* [Belarus in the era of revolutionary upheaval: the 100th anniversary of the publication of the newspaper «Nasha niva». Proceedings of the republican scientific and theoretical conference; 2006 November 10; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarussian State Pedagogical University; 2006. p. 71–75. Belarusian.
32. Drozdova EA. [The level of education of Bank employees in Belarus (beginning of 20th century)]. In: Bushhik VV, editor. *Obrazovanie i nauka v Belarusi: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya v XXI v. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh BGPU; 30 maja 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Education and science in Belarus: current problems and prospects of development in the 21st century. Proceedings of the scientific and practical conference of young scientists of Belarusian State Pedagogical University; 2008 May 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarussian State Pedagogical University; 2009. p. 110–112. Russian.
33. Vengerova P. *Vospominaniya: mir evreiskoi zhenshchiny v Rossii XIX veka* [Memories: world of Jewish women in Russia of the 19th century]. Vysockij L, Nahmanson I, translators. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2005. 271 p. Russian.
34. Voroponov FF. [The Peasant Bank and its beginning. From personal memories]. *Vestnik Evropy*. 1905;6(12):507–559. Russian.
35. Kokovcov VN. *Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 gg. Tom 1* [From my past. Memories of 1903–1919. Volume 1]. Paris: Izdanie zhurnala «Illyustrirovannaya Rossiya»; 1933. 506 p. Russian.
36. Poljanskij NP. *Vospominaniya bankira* [Memoirs of a Banker]. Poljanskij NV, compiler. Moscow: Izvestiya; 2007. 208 p. Russian.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903'13(476.11-13)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕЛИЩЕ ЯСКОВИЧИ-1 В 2018 г.: К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ «ПРЕДПРАЖСКОГО» ГОРИЗОНТА НА БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕСЬЕ

В. Г. БЕЛЕВЕЦ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты изучения селища у д. Ясковичи Солигорского района Минской области, расположенном на северной окраине Припятского Полесья. Оно было открыто в 2017 г. сотрудницей Института истории Национальной академии наук Беларуси А. Н. Белицкой. В 2018 г. раскопки на памятнике продолжила экспедиция исторического факультета Белорусского государственного университета, изучена площадь 364 м². В 2017–2018 гг. на селище исследованы две жилые постройки срубной и столбовой конструкции, а также одна хозяйственная постройка и ряд других объектов. Рассматривается основной массив материалов, относящийся к римскому времени. Этот горизонт использования памятника можно синхронизировать с фазами В₂/С₁–С_{1a} – С₂–С₃ римского периода центральноевропейской относительной хронологии (приблизительно со второй половины II или рубежа II–III по начало или середину IV в.). Анализ керамического материала, наиболее распространенных орудий труда – глиняных пряслиц, а также украшений и деталей костюма стили «варварских» выемчатых эмалей позволяет отнести памятник к киевскому культурному кругу. Находки из жилищ и открытые вокруг них материалы свидетельствуют о том, что жители селища специализировались в обработке цветных металлов, а также, вероятно, в производстве железа. Среди металлических изделий и эпизодически керамического комплекса отмечаются импорты из вельбарской культуры – свидетельства непосредственных контактов общины, использовавшей селище в Ясковичах, с инокультурным и иноэтничным населением – историческими *готами*, которые с конца II в. проникают на земли в среднем течении Припяти. Селище Ясковичи-1, которое активно использовалось лишь в позднеримское время (III – середина IV в.), в перспективе может стать эталонным для центрального

Образец цитирования:

Белявец В. Г. Даследаванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вывучэння помнікаў «перадпражскага» гарызонту на Беларускам Полессі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;3:110–145. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-110-145>.

For citation:

Beliavets VG. Research in the Jaskavičy-1 settlement in 2018: to the study of the monuments of the «pre-Prague culture» horizon in Belarusian Polesia. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:110–145. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-110-145>.

Автор:

Вадим Георгиевич Белевец – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:

Vadim G. Beliavets, PhD (history); associate professor at the department of archeology and special historical disciplines, faculty of history. wadim.bielawiec@gmail.com

Полесья памятником киевского культурного круга. Даже предварительные результаты его изучения позволяют говорить о заполнении хронологической лакуны между полесскими памятниками постзарубинецкого периода (середина I – II в.) и наиболее ранними, фазы «0», памятниками пражской культуры, носители которой отождествляются с историческими *славянами* эпохи Великого переселения народов. На селище Ясковичи-1 получен новый аргумент в пользу теории об истоках культуры раннеисторических *славян* на землях Припятского Полесья.

Ключевые слова: римский период; киевская культура; Припятское Полесье; формирование пражской культуры; этногенез славян.

ДАСЛЕДАВАННІ НА СЕЛІШЧЫ ЯСКАВІЧЫ-1 У 2018 Г.: ДА ВЫВУЧЭННЯ ПМНІКАЎ «ПЕРАДПРАЖСКАГА» ГАРЫЗОНТУ НА БЕЛАРУСКІМ ПАЛЕССІ

В. Г. БЕЛЯВЕЦ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены вынікі вывучэння селішча каля в. Яскавічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці, якое месціцца на паўночным ускраіку Прыпяцкага Палесся. Яно было адкрыта ў 2017 г. супрацоўніцай Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Г. М. Бяліцкай. У 2018 г. раскопкі на помніку былі працягнуты экспедыцыйнай гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, вывучана плошча 364 м². У 2017–2018 гг. на селішчы даследаваны дзве жыллыя пабудовы зрубнай і слупавой канструкцыі, адна гаспадарчая пабудова і шэраг іншых аб'ектаў. Разглядаецца асноўны масіў атрыманых матэрыялаў, які належыць да рымскага перыяду. Папярэдне гэты гарызонт выкарыстання помніка можна сінхранізаваць з фазамі B₂/C₁–C_{1a} – C₂–C₃ цэнтральнаеўрапейскай адноснай храналогіі (прыкладна з другой паловы II або рубяжа II–III па пачатак або сярэдзіну IV ст.). Аналіз керамічнага матэрыялу, найбольш распаўсюджаных прылад працы – гліняных праслака, а таксама ўпрыгожанняў і дэталей касцюма стылю «варварскіх» выемчатых эмалей дазваляе аднесці помнік да кіеўскага культурнага кола. Знаходкі з жылля і адкрытыя вакол яго матэрыялы сведчаць пра тое, што жыхары селішча спецыялізаваліся ў апрацоўцы каляровых металаў, а таксама, верагодна, у вытворчасці жалеза. Сярод металічных вырабаў і эпизадычна фрагментаў посуду адзначаюцца імпарты з вельбарскай культуры. Яны сведчаць пра сувязі абшчыны, якая выкарыстоўвала селішча ў Яскавічах, з іншакультурным і іншаэтнічным насельніцтвам – гістарычнымі *готамі*, якія з канца II ст. пранікаюць на землі ў сярэднім цячэнні Прыпяці. Селішча Яскавічы-1, якое актыўна выкарыстоўвалася толькі ў познярымскі час (III – сярэдзіна IV ст.), у перспектыве можа стаць эталонным для цэнтральнага Палесся помнікам кіеўскага культурнага кола. Нават папярэднія вынікі яго вывучэння дазваляюць казаць пра запаўненне храналагічнай лакуны паміж палескімі помнікамі постзарубінецкага перыяду (сярэдзіна I – II ст.) і найбольш раннімі, фазы «0», помнікамі пражскай культуры, носбіты якой атаясамліваюцца са *славянамі* (лат. *Scloveni, Sclavi, Sclavini*) эпохі Вялікага перасялення народаў. На селішчы Яскавічы-1 атрыманы новы аргумент на карысць тэорыі аб вытоках культуры раннегістарычных *славян* на землях Прыпяцкага Палесся.

Ключавыя словы: рымскі перыяд; кіеўская культура; Прыпяцкае Палессе; фарміраванне пражскай культуры; этнагенез славян.

RESEARCH IN THE JASKAVIČY-1 SETTLEMENT IN 2018: TO THE STUDY OF THE MONUMENTS OF THE «PRE-PRAGUE CULTURE» HORIZON IN BELARUSIAN POLESIA

V. G. BELIAVETS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Unfortified settlement near the Jaskavičy village, Salihorsk District, Minsk Region is located on the northern margin of Pripjat Polesia. The settlement was discovered in 2017 by H. M. Byalickaya, researcher from the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. In 2018, archaeological investigation of the settlement was continued by an expedition of Belarusian State University and an area of 364 m² was excavated there. Two dwelling structures (a log hut and a hut with post walls) and household structure, and several other features were excavated during field seasons of 2017 and 2018. This article deals with the major part of obtained materials that belong to the Roman period. Preliminary, this horizon on the settlement can be synchronized with phases B₂/C₁–C_{1a} – C₂–C₃ according to the Central European relative chronology and roughly can be dated to the period from the second part of the 2nd century or the boundary of the 2nd and 3rd centuries till

the beginning or the middle of 4th century AD. Analysis of pottery, most prevalent tools – clay spindle whorls as well as adornments and pieces of clothing allows to attribute the settlement to the Kyiv cultural circle. Based on the finds from the dwelling structures and their surroundings, it can be assumed that the residents of the settlement were specialized in working with non-ferrous metals and, probably, in iron production. Imports from the Wielbark culture are registered among metal items and, occasionally, fragments of pottery. These imports are the evidences of contacts between community of Jaskavičy-1 settlement and foreign population – *the Goths* who had started to penetrate territories in the middle flow of the Pripjat river from the end of the 2nd century AD. The Jaskavičy-1 settlement, most actively occupied in the Late Roman period (3rd – middle 4th century AD), can become the reference site of the Kyiv cultural circle for the territory of the Central Polesia. Even preliminary results of archaeological investigations there allow to state that the chronological lacuna between Polesian settlements of post-Zarubintsy period (middle 1st–2nd century AD) and the earliest (of phase «0») settlements of the Prague culture form the Migration Period (which is associated with *Slavs* people) is being filled. Hence, at the Jaskavičy-1 settlement we have got a new argument supporting the theory about the beginning of formation of culture of the early *Slavs* in the territory of Pripjat Polesia.

Keywords: Roman period; Kyiv culture; Pripjat Polesia; Prague culture formation; ethnogenesis of the Slavs.

Уводзіны

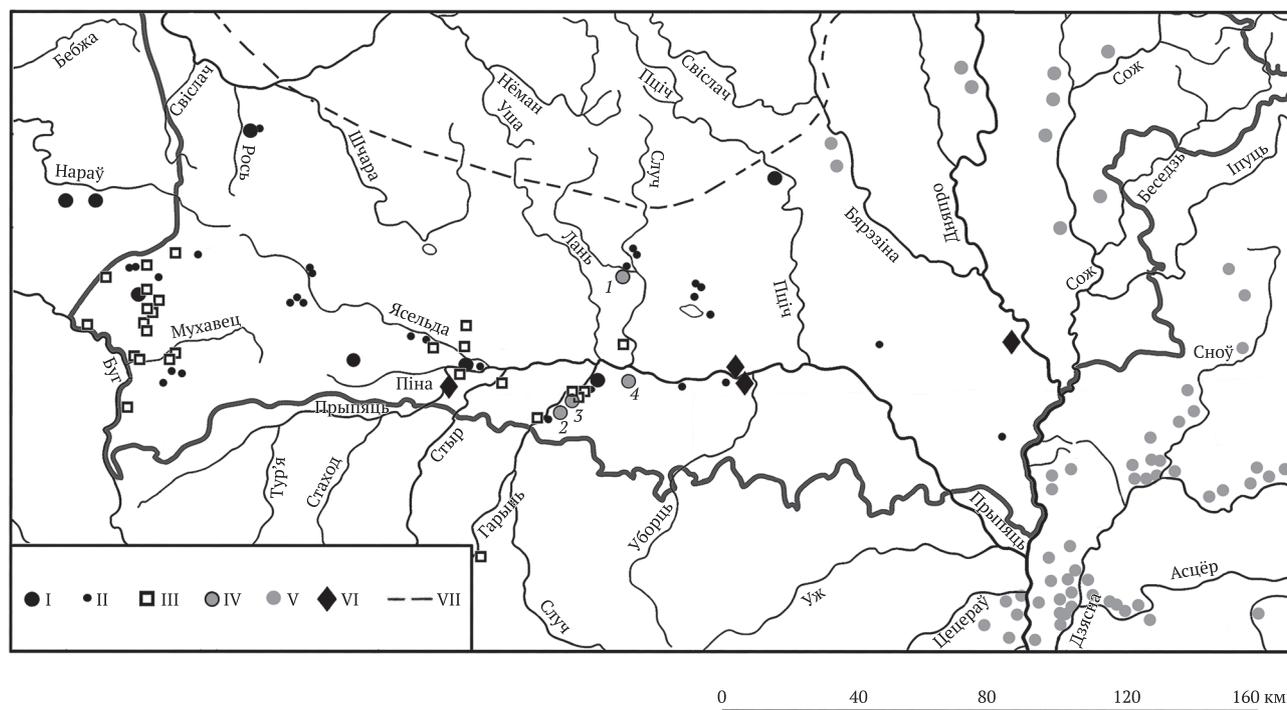
Носьбіты пражскай культуры атаясамліваюцца ў сучаснай археалогіі з ядром народа, які з першай паловы VI ст. стаў вядомы пад назвай *славяне* (лат. *Sclaveni, Sclavi, Sclavini*) (гл. [1]). У канцы IV – V ст. *славяне* разам з роднаснымі ім народамі – *антамі* і, магчыма, *венедамі* – яшчэ ўтваралі агульны этнакультурны масіў. Аднак унутры гэтага свету, які з сучаснай перспектывы ўспрымаецца як раннеславянскі, уласна *славяне* яшчэ не сталі вядучай сілай: не былі найбольш шматлікім народам і не дамінавалі ў ваенна-палітычнай сферы. Вынікі вывучэння археалагічных помнікаў, якія суадносяцца з раннеславянскай супольнасцю эпохі Вялікага перасялення народаў і належаць у першую чаргу да пянькоўскай, калочынскай і пражскай культур, сведчаць пра тое, што носьбіты апошняй не вылучаліся ў гэтай супольнасці і больш высокім узроўнем эканамічнага і культурнага развіцця. Але ў эпоху Вялікага перасялення народаў і пачатку Ранняга сярэднявечча, з канца IV па VIII ст., славяне не толькі здолелі захаваць сваю тоеснасць, але і перамаглі ў канкурэнтнай барацьбе ўнутры раннеславянскага свету роднасных ім *антаў* ды іншых, невядомых нам па назвах народы Усходняй Еўропы. Нашчадкі пераважна насельніцтва пражскай культуры (у гісторыка-культурным, але далёка не заўсёды ў біялагічным плане) да X ст. засялілі разлеглыя прасторы Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, даўшы пачатак большасці сучасных славянскіх этнасаў.

Між тым пытанне пра крыніцы і шлях фарміравання пражскай археалагічнай культуры застаецца адкрытым. Гістарыяграфія праблемы надзвычай абшырная, і яе разгляд значна перавышае магчымасці і задачы гэтага артыкула. Істотна, што адной з найбольш перспектыўных сёння прызнаецца гіпотэза аб фарміраванні пражскіх старажытнасцей у працэсе, блізім у асноўных рысах да шляху ўзнікнення культур раннеславянскага кола, найперш пянькоўскай і калочынскай. У Сярэднім Падняпроўі і Дняпроўскім левабярэжжы ён бярэ пачатак у сярэдзіне I ст. – эпосе фарміравання помнікаў позне-

зарубінецкага тыпу – і завяршаецца з крышталізацыяй кіеўскай гісторыка-культурнай супольнасці III–IV стст. [2–8].

Яшчэ ў сярэдзіне 1970-х гг. ленінградскімі даследчыкамі М. Б. Шчукіным і Д. А. Мачынскім на падставе аналізу пісьмовых крыніц і культурнай мадэлі, якую адлюстроўваюць пражскія помнікі, была сфармулявана гіпотэза «палескай белай плямы». Згодна з адным з яе палажэнняў, заключныя фазы этнагенезу раннегістарычных славян адбываліся ў рымскі перыяд і на пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў (з сярэдзіны I да мяжы IV–V стст.) на слаба вывучанай прасторы паміж верхнім цячэннем Нёмана і Сярэднім Падняпроўем, а яго эпіцэнтрам былі землі Прыпяцкага Палесся [9–14]. На працягу апошніх дзесяцігоддзяў гэты тэзіс паступова набывае пацвярджэнні і ўсё больш шырокае прызнанне. Пачынаючы з 1980-х гг., дзякуючы раскопкам А. А. Егарэйчанкі на селішчы Востраў і дзесяцігоддзям руплівых даследаванняў В. С. Вяргей, у Прыпяцкім Палессі былі адкрыты і вывучаны шэраг найбольш ранніх з вядомых на сёння селішчаў пражскай культуры (мал. 1, VI) [15; 16, с. 333–334; 17; 18; 19, с. 494–499; 20; 21, с. 49–55]. Працы даследчыкаў атрымалі развіццё ў аналізе матэрыялаў помнікаў пражскай культуры, які быў прадстаўлены І. А. Гаўрытухіным у публікацыях 1990–2000-х гг. Аб'яднаўшы шэраг помнікаў Беларускага Палесся і тэрыторыі паўночнай Кіеўшчыны, Жытоміршчыны, вярхоўяў Паўднёвага Буга і Днястра, ён вылучыў старажытнасці пачатковай, так званай фазы «0», пражскай культуры, датаваныя другой паловай IV – пачаткам V ст., не выключаючы і больш ранняга часу [22–26].

Адкрыццё на Прыпяцкім Палессі найбольш ранніх помнікаў пражскай культуры паставіла перад беларускімі даследчыкамі новую задачу: неабходна высветліць, ці з'яўлялася гэта насельніцтва аўтахтонным, гэта значыць, ці магла культура раннегістарычных славян VI ст. сфарміравацца ў парэччы Прыпяці і сумежных рэгіёнах.

Мал. 1. Гісторыка-культурная сітуацыя на Беларускай Палесі ў рымскі перыяд і на пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў: I – помнікі постзарубінецкага гарызонту (сярэдня I – рубэж II–III стст.), якія вывучаліся шляхам раскопак; II – помнікі, вядомыя па выніках разведак і выпадковых адкрыццяў; III – помнікі вельбарскай культуры (канец II – пачатак V ст.); IV – помнікі кіеўскага культурнага кола (III–IV стст.) на тэрыторыі цэнтральнага Палесся; V – помнікі кіеўскай культуры ў суседніх рэгіёнах; VI – селішчы фазы «0» пражскай культуры (другая палова IV – V ст.); VII – паўднёвая мяжа гарадзішчаў культуры позняй штрыхаванай керамікі; нумарамі абазначаны селішчы: 1 – Яскавічы-1; 2 – Струга-1; 3 – Хотамель-2; 4 – Бярэжцы-4

Fig. 1. Historical and cultural situation in the Belarusian Polesia in the Roman period and in the beginning of the Migration Period: I – monuments of the postzarubinty horizon (the middle of 1st – turn of the 2nd–3rd centuries) studied by the excavations; II – monuments known as a result of exploring and accidental discoveries; III – Wielbark Culture monuments (the late 2nd – early 5th century); IV – the monuments of the Kyiv cultural circle (3rd–4th centuries) in the Central Polesia; V – Kyiv cultural monuments in the neighboring regions; VI – settlement phase 0 Prague culture (second half 4th – 5th century); VII – the southern boundary settlements Late Hatched Pottery Culture; settlement designated by numbers: 1 – Jaskavičy-1; 2 – Struha-1; 3 – Chotameľ-2; 4 – Biarežcy-4

З пачатку 2000-х гг. практычна на ўсім поўдні Беларусі – ад Заходняга Буга па Дняпро – былі адкрыты помнікі сярэдзіны I – мяжы II–III стст., роднасныя добра вядомым у Сярэднім Падняпроўі і Дняпроўскім левабярэжжы помнікам познезарубінецкага тыпу (гл. мал. 1, I, II). Яны ўсё яшчэ нешматлікія і патрабуюць далейшага пошуку і вывучэння, але сама наяўнасць гэтага гісторыка-культурнага гарызонту сёння павінна ўспрымацца як навуковы факт (гл. [27–29]). У храналагічнай (яшчэ не культурнай) секвенцыі гісторыка-культурнага развіцця насельніцтва паўднёвай Беларусі ў «перадпражскі» перыяд застаецца малавывучаная лакуна паміж палескімі постзарубінецкімі і найбольш раннімі пражскімі старажытнасцямі – познярымскі час (каля 200–220 – 360–375 гг.). Дзякуючы даследаванням В. С. Вяргей і Г. М. Бяліцкай помнікі з матэрыяламі гэтага перыяду, супастаўляльнымі са старажытнасцямі кіеўскага культурнага кола, былі адкрыты на шэрагу помнікаў Прыпяцкага Палесся [20, с. 243–244; 29; 30] (гл. мал. 1, 2–4). Адна з істотных праб-

лем палявых даследаванняў па гэтай тэме заключаецца ў тым, што землі на поўдні Беларускага Палесся моцна забягненыя і часта нават невялікія ўзвышшы выкарыстоўваліся тут з каменнага веку да сучаснасці. Таму цэнтральнапалескія помнікі, якія ўтрымліваюць у тым ліку матэрыялы першай паловы 1-га тыс. н. э., пераважна шматслойныя, са складанай стратыграфіяй, а іх культурны пласт у большай альбо меншай ступені парушаны пазнейшымі напластаваннямі. Вылучыць на іх матэрыялы вузкага храналагічнага адрэзка (а ў выпадку «перадпражскага» гарызонту гэта ўсяго 150–200 гадоў) тэхнічна складана. Значна аблегчыць працэс можа пошук і даследаванне максімальна «чыстых» помнікаў познярымскага часу (III – сярэдзіны IV ст.).

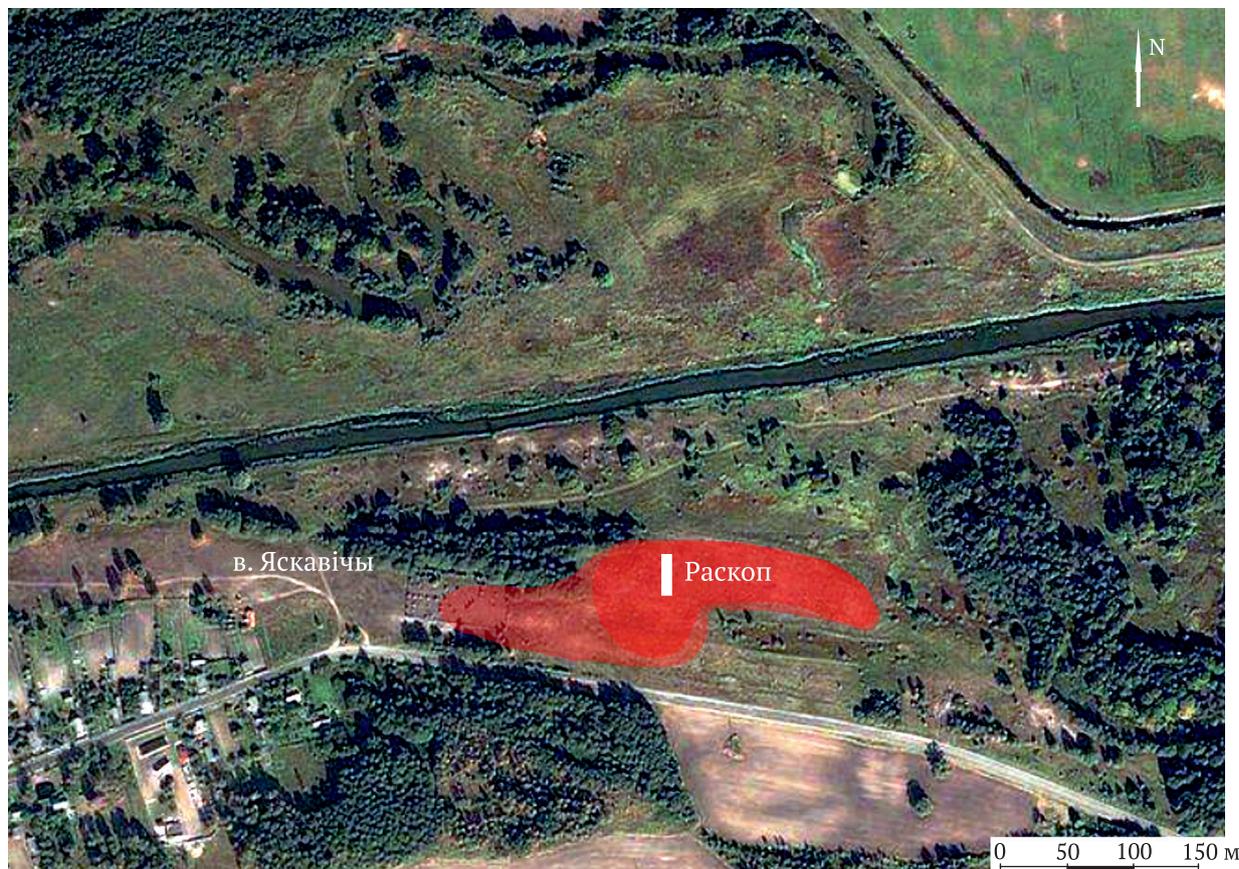
У гэтым артыкуле прадстаўлены вынікі даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1, размешчаным на паўночным ускраіку Цэнтральнага Палесся (мал. 1, 1), якое ў перспектыве можа стаць адным з такіх эталонных помнікаў «перадпражскага» часу.

Вывучэнне культурнага пласта

Гісторыя даследаванняў. Селішча каля в. Яскавічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці было адкрыта Г. М. Бяліцкай летам 2017 г. дзякуючы ініцыятыве членаў Салігорска-случкага аддзялення Беларускага добраахвотнага таварыства па ахове помнікаў гісторыі і культуры Ю. А. Кітуна і В. Г. Іванова. У чэрвені 2017 г. яны паведамілі супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі пра рэчы III ст., знойдзеныя тут скарбашукальнікамі. Неўзабаве знаходкі перадалі Г. М. Бяліцкай. У 2017 г. даследчыцай пры падтрымцы валанцёраў на гэтым помніку былі праведзены зборы, пошук з дапамогай металадэтэктара і шурфоўка на плошчы 20 м². Шурфам, разбітым на месцы выяўлення лунніцы з эмалямі, было адкрыта і амаль цалкам вывучана жылло, якое Г. М. Бяліцкая датавала канцом II – III ст. Даследчыца адзначыла блізкасць форм посуду, знойдзенага на помніку, да зарубінецкага, так званага позняга этапу зарубінецкай культуры і ранняга гарызонту пражскай культуры [31, с. 572].

Летам 2018 г. даследаванні на помніку былі працягнуты экспедыцыяй гістарычнага факультэта БДУ. Раскопкі вяліся ў рамках летняй археалагічнай практыкі студэнтаў першага курса з удзелам магістрантаў і валанцёраў – пераважна выпускнікоў нашага факультэта¹. У працы экспедыцыі ў 2018 г. прыняла ўдзел адкрывальніца помніка Г. М. Бяліцкая².

Лакалізацыя помніка. Селішча знаходзіцца на адлегласці каля 150–250 м на ўсход ад в. Яскавічы, на правым беразе р. Морачы – прытоку р. Случы – ва ўрочышчы Хутар Дзядкоў. Помнік месціцца на выгіне тэрасы, якая тут выразна паніжаецца – з 3–4 м да 1–1,5 м над поплавом. Поле, на якім размешчаны помнік, не разворваецца, яго паверхня задзернаваная, таму вызначыць памеры селішча складана. Папярэдне можна меркаваць, што плошча помніка складае каля 2,5 га. Сляды культурнага пласта адзначаюцца на ўсходзе на схіле тэрасы і палосай 80–100 м у шырыню цягнуцца ўздоўж ракі прыкладна на 250 м – да ўсходняга канца яе выгіну (мал. 2).

Мал. 2. Сітуацыйны план размяшчэння селішча каля в. Яскавічы
Fig. 2. Situational plan of the settlement near the Jaskavičy village

¹Кіраўніцтва практыкай ажыццяўлялі В. М. Сідаровіч, У. В. Грыб і В. Г. Беявец. Выказваю шчырую падзяку калегам за ўдзел у палявых даследаваннях, камеральнай апрацоўцы, а таксама вызначэнні матэрыялаў.

²Шчыра дзякую Г. М. Бяліцкай за перадачу правоў на вывучэнне гэтага помніка і той уклад, які яна ўнесла ў яго даследаванні ў 2018 г.

Вынікі металаразведкі. Помнік ужо дастаткова доўга рабуецца скарбашукальнікамі, таму перад пачаткам і на працягу даследаванняў 2018 г. на ім вяліся пошукавыя працы з дапамогай металадэтэктара³. У склад калекцыі быў уключаны 41 выраб. Гэтыя рэчы належаць да розных гарызонтаў помніка і прадстаўлены ў няроўных прапорцыях. Асноўную масу ўтвараюць знаходкі рымскага перыяду, Новага і Найноўшага часу – эпох, калі плошча помніка выкарыстоўвалася найбольш інтэнсіўна. Толькі асобнымі рэчамі прадстаўлены гарызонт Вялікага перасялення народаў і пачатку Ранняга сярэднявечча, якія пакуль не знаходзяць выразнага адлюстравання ў масавым матэрыяле. Ніжэй прадстаўлена толькі тая частка знаходак, якая мае непасрэднае дачыненне да тэмы артыкула, – знаходкі рымскага часу. Рэчы іншых эпох пакінуты для пазнейшага асобнага разгляду.

Папярэдне да гарызонту рымскага перыяду можна далучаць як мінімум 14 знаходак, адкрытых на помніку:

1) дынарыі срэбны Рымскай імперыі (мал. 3, а: 1), адбіты пры праўленні імператара Комада ў 183–184 гг. н. э.⁴;

2) фібула падковападобная са сплаву медзі ў двух фрагментах, літая, аздобленая эмалевымі ўстаўкамі (мал. 3, а: 2). Абломкі часткова дэфармаваныя, магчыма, абпаленыя, іголка страчана. Дыяметр корпуса складаў каля 6,5 см, таўшчыня – 0,85 мм. Зверху ў яго цэнтры знаходзіцца гняздо выцягнутага трапецападобнай формы з малымі пляската-акруглымі выступамі на вуглах. У гняздзе захаваліся сляды эмалі белага колеру. На дне гнязда – нізкі літы s-падобна выгнуты выступ, які мог служыць для ўзмацнення эмалевага поля або, магчыма, дазваляў запаўняць гняздо шклом двух колераў. На канцах корпуса круглыя гнёзды з чырвонай эмаллю. Абводкі ўсіх трох гнёздаў аздоблены неглыбокімі насечкамі;

3) лунніца са сплаву медзі, літая, з эмалевымі ўстаўкамі (мал. 3, а: 3). Шырыня – 4,5 см, вышыня – 2,6 см. Цела дугападобнае, з вялікім гняздом, якое паўтарае яго форму і запоўнена белаю эмаллю. На канцах – акруглыя гнёзды з эмаллю чырвонага колеру. Ад кожнага з іх адыходзяць тры маленькія акруглыя выступы. На плечыках зверху – па адным акруглым выступе з адтулінамі. Унізе ад краёў цела па дыяганалі адыходзяць дзве планкі, пры злучэнні якіх знаходзіцца трохвугольны выступ;

4) фрагмент літай лунніцы са сплаву медзі з эмалямі (мал. 3, а: 4). Уяўляе сабой абломак правага плечыка, верагодна, аналагічнай апісанай вышэй лунніцы. Захаваныя шырыня – 1,6 см, вышыня – 2,0 см. Цела дугападобна выгнутае, вузкае, з вялікім гняздом, якое паўтарае яго форму і было запоўнена белаю (?) эмаллю, якая амаль цалкам выкрышылася.

На канцы – акруглыя гнёзды з чырвонай эмаллю і трыма маленькімі акруглымі выступамі;

5) лунніца са сплаву медзі, літая, з эмалевымі ўстаўкамі (мал. 3, а: 5). Вушка абламана каля асновы. Шырыня – 4,9 см, захаваная вышыня – 1,6 см. Цела падтрохвугольнай формы, слаба выгнутае, з проразамі на плечыках і акруглымі гнёздамі з белаю эмаллю на канцах. Ад кожнага з гнёздаў адыходзяць па тры выступы трапецападобнай формы;

6) фрагментаваная літая лунніца са сплаву медзі, упрыгожаная эмалевымі ўстаўкамі (мал. 3, а: 6). Тулава высокае падтрохвугольнае, выгнутае дугой, на плечыках – гнёзды з эмаллю чырвонага колеру. Вушка абламана, гнёзды на канцах страчаны. Захаваная вышыня – 2,1 см, шырыня – 3,1 см;

7) сякерападобная падвеска са сплаву медзі (мал. 3, а: 7), высокая, з вузкім закругленым лязом. Вушка адламана. Захаваная вышыня – 2 см;

8) наканечнік рэменя са сплаву медзі (мал. 3, а: 8), пласцінкавы, падоўжана-прамавугольнай формы, слаба завужаны пасярэдзіне, з проразам у верхняй частцы, дзе раменьчык мацаваўся з дапамогай, верагодна, дзвюх далікатных заклёпак, адна з якіх страчана. Ніжні канец арнаментаваны дзвюма тонкімі гравіраванымі лініямі, размешчанымі пад вуглом. Ніжні і верхні краі часткова вышчарбіліся. Захаваная даўжыня – 5,1 см, максімальная шырыня – 0,9 см, таўшчыня – 0,25 см;

9) пярсцёнак, скручаны з фрагмента бранзалета, са сплаву медзі (мал. 3, а: 9). Зроблены з шырокай (10 мм) трохвугольнай у сячэнні стужкі, мае патоўшчаную прамавугольную пляцоўку на канцы. Арнаментаваны ўздоўж па грэбені парнымі наколамі;

10) фрагмент бранзалета (мал. 3, а: 10). Зроблены з трохвугольнай у сячэнні стужкі, арнаментаваны ўздоўж па грэбені парнымі наколамі. Шырыня – 0,8 см, захаваная даўжыня – 2,7 см;

11) фрагмент паясной абоймы са сплаву медзі, верагодна, вонкавая палова (мал. 3, а: 11). Шчыток мае трапецападобную форму з заклёпкай па цэнтры. Максімальная шырыня – 1,5 см, захаваная даўжыня – 2,8 см;

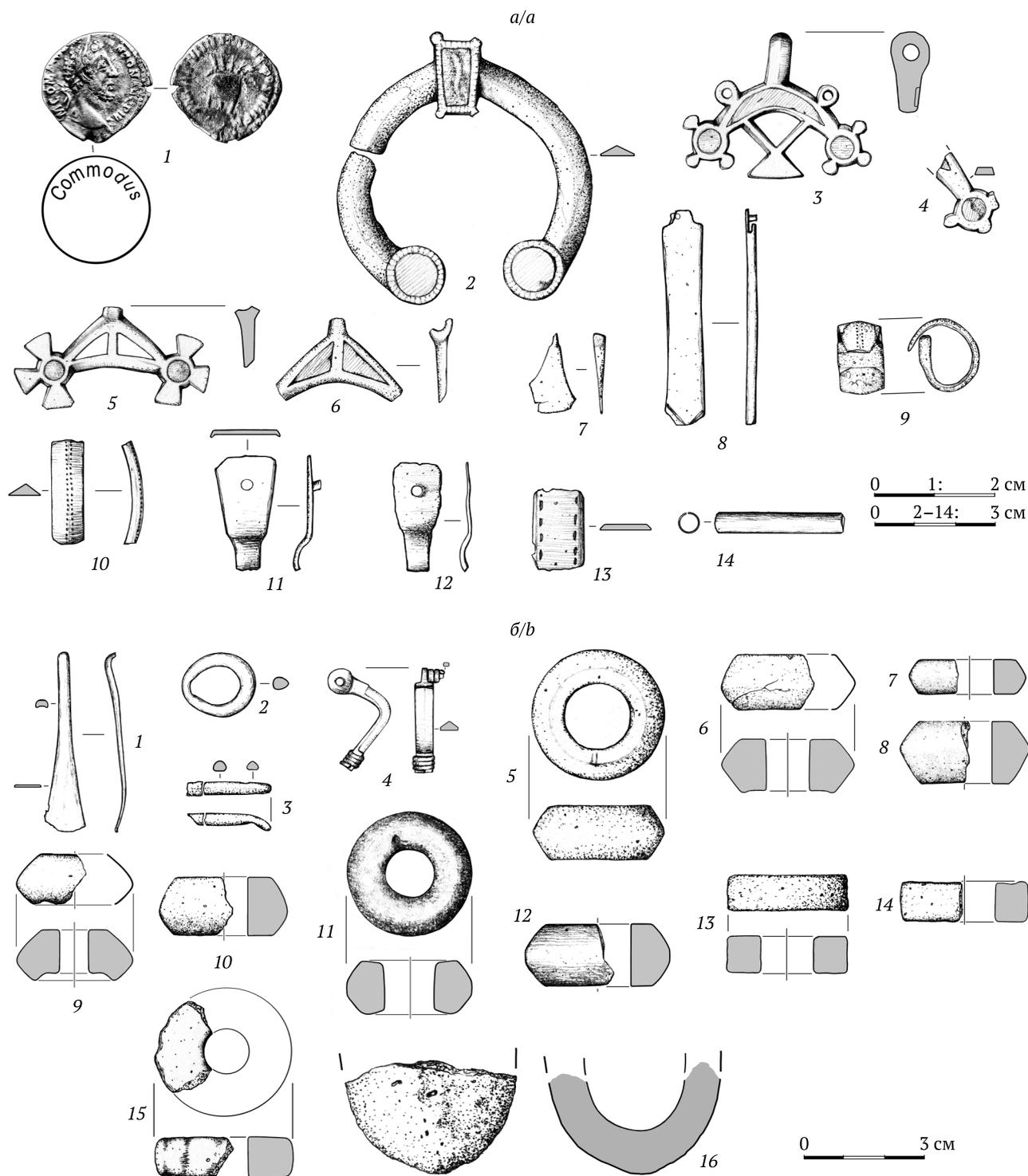
12) фрагмент паясной абоймы са сплаву медзі (мал. 3, а: 12), палова, верагодна, унутраны бок. Шчыток мае падпрамавугольную форму з адтулінай пад заклёпку ў цэнтры. Максімальная шырыня – 1,2 см, захаваная даўжыня – 2,6 см;

13) фрагмент бранзалета (?) са сплаву медзі (мал. 3, а: 13): арнаментаваная пласціна з шырокай пласціны трапецападобнай у сячэнні формы, упрыгожаная па краях ланцужкамі месяцападобных адбіткаў. Шырыня – 1,3 см, захаваная даўжыня – 1,9 см;

14) пранізка цыліндрычная, скручаная з бляхі са сплаву медзі (мал. 3, а: 14). Даўжыня – 3,1 см, дыяметр – 0,5 см.

³Неацэнную дапамогу ў гэтых працах аказалі члены Салігорска-случкага аддзялення Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, якім выказваю шчырую падзяку.

⁴Дзякую за вызначэнне манеты В. М. Сідаровічу.

Мал. 3. Знаходкі з даследаванняў на селішчы Яскавічы-1 2018 г.: выяўленыя падчас разведкі (а):
 1 – дынарыі Рымскай імперыі; 2 – фібула з эмалевымі ўстаўкамі; 3–6 – лунніцы і фрагменты лунніц з эмалевымі ўстаўкамі; 7 – сякерападобная падвеска; 8 – заканчэнне рэменя; 9 – пярсцёнак, скручаны з абломка бранзалета; 10 – фрагмент бранзалета; 11, 12 – фрагменты паясных накладак; 13 – фрагмент бранзалета; 14 – пранізка, адкрытыя ў раскопе (б): 1 – фрагментаваны пінцэт; 2, 3 – дэталі спражкі;
 4 – фрагментаваная фібула; 5–15 – праселкі і іх абломкі; 16 – фрагмент тыгля;
 (а: 1, б: 4 – срэбра; а: 2–6 – сплаў медзі і шкло; а: 7–14, б: 1–3 – сплавы медзі; б: 5–16 – гліна)

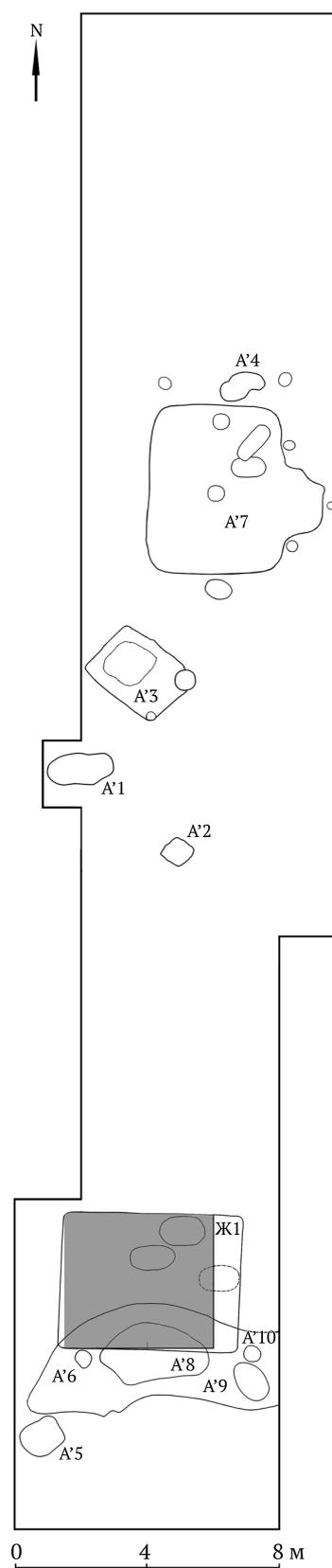
Fig. 3. Findings from researches on Jaskavičy settlement in 2018: found during the investigation (a):
 1 – denarius of the Roman Empire; 2 – fibula with enamel inserts; 3–6 – crescent and fragments crescent inserts with enamel;
 7 – ax-like pendant; 8 – the end of the belt; 9 – ring stranded of the fragments of the bracelet; 10 – fragment of bracelet;
 11, 12 – fragments belt pads; 13 – fragment of bracelet; 14 – bronze plate bead;
 found during excavation (b): 1 – fragmented tweezers; 2, 3 – buckle detail; 4 – fragmented fibula;
 5–15 – spindlewhorls and their fragments; 16 – a fragment of a crucible;
 (a: 1, b: 4 – silver; a: 2–6 – an alloy of copper and glass; a: 7–14, b: 1–3 – copper alloys; b: 5–16 – clay)

Для проверки контексту одной из наиболее интересных находок – падковападобной фибулы с эмалью – в месте ее обнаружения, на восточном краю селища, заложены шурфы памерам 2×2 м. На месте шурфовки под дзівраном знаходзіўся ворны слой таўшчынёй да 0,27–0,30 м. На большай плошчы культурны пласт цягнуўся да глыбіні 0,45–0,50 м. Гэта быў гумусаваны пясок светла-карычневага колеру з попельна-вугальнымі ўключэннямі. На глыбіні 0,50 м залягаў аднародны светла-жоўты мацерыковы пясок. У шурфе знойдзены вялікі кавалак жужалю, 3 фрагменты сценак познеганчаннага шэрага посуду і 29 абломкаў сценак гладкасценных ляпных гаршкоў. Па характарыстыках фрагменты ляпнага посуду аналагічныя посуду жалезнага веку, адкрытаму ў раскопе.

Задачы і методыка раскопак. Даследаванні 2018 г. павінны былі вырашыць дзве асноўныя задачы: ацаніць захаванасць культурнага пласта і археалагічных аб'ектаў на розных участках помніка і вызначыць на рэпрэзентатыўным участку яго стратыграфію. У сувязі з гэтым працы вяліся вузкім раскопам (6–8 м у шырыню), размешчаным упоперак тэрасы, па лініі поўнач – поўдзень: ад паўночнага краю і далей у глыб тэрасы (гл. мал. 2, мал. 4). Паколькі Г. М. Бяліцкая не закончыла даследаванне жылля 1, раскоп быў разбіты такім чынам, каб завяршыць гэтыя працы: шурф 2017 г. быў цалкам уключаны ў аб'ём раскопу. У далейшым апошні паступова пашыраўся, і яго канчатковая плошча склала 360 м².

На розных участках раскопу стратыграфія помніка дастаткова істотна адрознівалася. Па ўсёй плошчы пад дзівраном залягаў ворны слой магутнасцю 0,25–0,30 м. У цэнтральнай і паўночнай частках раскопу культурны пласт быў практычна цалкам разараны, і жоўты мацерыковы дробназярністы пясок месцамі праступаў непасрэдна пад воркай. На поўдні, вакол шурфа 2017 г., стратыграфія была больш складанай. Тут пласт аднароднага шэрага пяску, верагодна сфарміраваны як эолавымі працэсамі, так і воркай, дасягаў 0,40 м. Ніжэй, да глыбіні 0,75 м, залягаў незакрануты культурны пласт – цёмна-шэры, з бурым адценнем пясок, насычаны арганікай і вугольчыкамі. На ўзроўні 0,50–0,60 м ад паверхні ў ім назіраліся характэрныя рудаватыя плямы абпаленага пяску, фрагменты перапаленай драўніны і галля. Культурны пласт падцілала праслойка светла-жоўтага дробназярністага пяску таўшчынёй 5–8 см. Вакол жылля 1 мацерыковы грунт уяўляў сабой чырванаваты суглінак з дамешкамі балотнай руды. Пад паўднёвай сценай і на поўдзень ад жылля 1 пад культурным пластам залягаў слой чыстага рачнога пяску і асадкавай стужкавай гліны светла-шэрага колеру.

Характарыстыка знаходак са слоя селища. У культурным пласце помніка выяўлены больш за 60 індывідуальных знаходак: вырабаў з металаў, шкла, гліны, каменю. Абсалютная большасць з іх, каля 50 адзінак, адпавядаюць прадстаўленым вышэй

Мал. 4. План раскопу з аб'ектамі, вывучанымі на селішчы Яскавічы-1:
А' – аб'ект, Ж – жылло

Fig. 4. Plan of the excavation with objects studied at Jaskavičy-1 settlement:
A' – object, Ж – house

матэрыялам, атрыманым падчас металаразведкі, і павінна звязвацца з рымскім часам.

У раскопе былі знойдзены 14 металічных рэчаў, іх фрагментаў і адходаў металургічнай вытворчасці. Сярод іх 4 дакладна могуць звязвацца з гарызонтам рымскага перыяду:

1) фрагмент (каля паловы) пінцэта са сплаву медзі (мал. 3, б: 1): з вузкага сегментападобнага ў сячэнні прутка, які плаўна пашыраецца ўніз, заканчваючыся пляскатай лапаткай. Захаваная даўжыня – 4,1 см, максімальная шырыня – 1,1 см;

2) рамка ад бронзавай спражкі (мал. 3, б: 2). Знойдзена ў паўднёвай частцы раскопу ў другім пласце, каля 0,26–0,29 м ад паверхні. Рамка літая, кроплепадобнай формы, акруглая ў папярочным сячэнні. Нязначна патоўшчана ў пярэдняй, шырокай, частцы, мае выразныя сляды зношанасці ў месцы мацавання язычка;

3) язычок ад спражкі з бронзавага дроту (мал. 3, б: 3): падтрохвугольны ў сячэнні, загнуты на адным канцы і раскляпаны на другім. Сцёрты ў месцы, дзе прылягаў да рамкі. Адпавядае памерам апісанай вышэй рамкі, знойдзены на адлегласці каля 25 см ад яе на тым жа стратыграфічным узроўні і, верагодна, паходзіць ад яе;

4) фрагмент срэбнай падвязной арбалетападобнай фібулы (мал. 3, б: 4). Адкрыты ў паўднёвай частцы раскопу на глыбіні 0,38–0,40 м ад паверхні. Фрагмент мае каленчата выгнутую спінку з абламаным плечыкам спружыны (3 віткі) ад арбалетападобнай фібулы, блізкай да 162-га тыпу паводле класіфікацыі О. Альмгрэна. Спінка трохвугольная ў сячэнні, з пляцоўкамі ў аснове і на канцы. Спружына і падвязка ножкі з далікатнага прамавугольнага ў сячэнні дроту.

Вырабы з жалеза нешматлікія: 5 адзінак знойдзены бліжэй да паўночнага краю раскопу. Усе яны фрагментаваныя, толькі адзін выраб паддаецца вызначэнню – невялікі абломак нажа. У паўночнай частцы раскопу ў культурным пласце знойдзены 5 маленькіх кропель сплаву медзі.

Керамічныя вырабы. Найбольш шматлікую групу сярод індывідуальных знаходак утвараюць праселкі і абломкі другасна абпаленых мініяцюрных пасудзін, якія папярэдне могуць быць інтэрпрэтаваны як фрагменты металургічных тыгляў і льячак.

У раскопе знойдзены два цэлыя праселкі і 18 іх фрагментаў. Агульнай рысай гэтых знаходак з’яўляецца малая вышыня і шырокая адтуліна. Дыяметр цэлых экзэмпляраў і абломкаў, памеры якіх магчыма ўзнавіць, вагаецца паміж 2,8–3,3 см, іх вышыня складае ад 0,9 да 1,6 см, дыяметр адтулін – 1,5–1,7 см. Вылучаюцца тры асноўныя формы: біканічныя праселкі – 9 экзэмпляраў (мал. 3, б: 5–10), бачонкападобныя – 3 (мал. 3, б: 11, 12), нізкай падцыліндрычнай формы – 8 (мал. 3, б: 13–15). Сярод

праселак кожнага з тыпаў ёсць экзэмпляры, адна ці абедзве плоскасці якіх больш або менш выразна ўвагнуты ўнутр або нахілены да адтуліны (мал. 3, б: 6, 9, 11, 14). Большасць вызначаецца стараннай лепкай, паверхні выраўненыя, а ў некаторых – падлошчаныя. Маюць розныя адценні пясочнага, светлакарычневага і светла-шэрага колеру. Сустрадаюцца асобныя чарналошчаныя фрагменты (мал. 3, б: 11, 12). У абсалютнай масе знаходкі неарнаментаваныя. Адзіным выключэннем з’яўляецца абломак нізкага праселка цыліндрычнай формы, знешняму абводу якога папярочнымі ўцісканнямі нададзена лёгкая хвалістасць (мал. 3, б: 15).

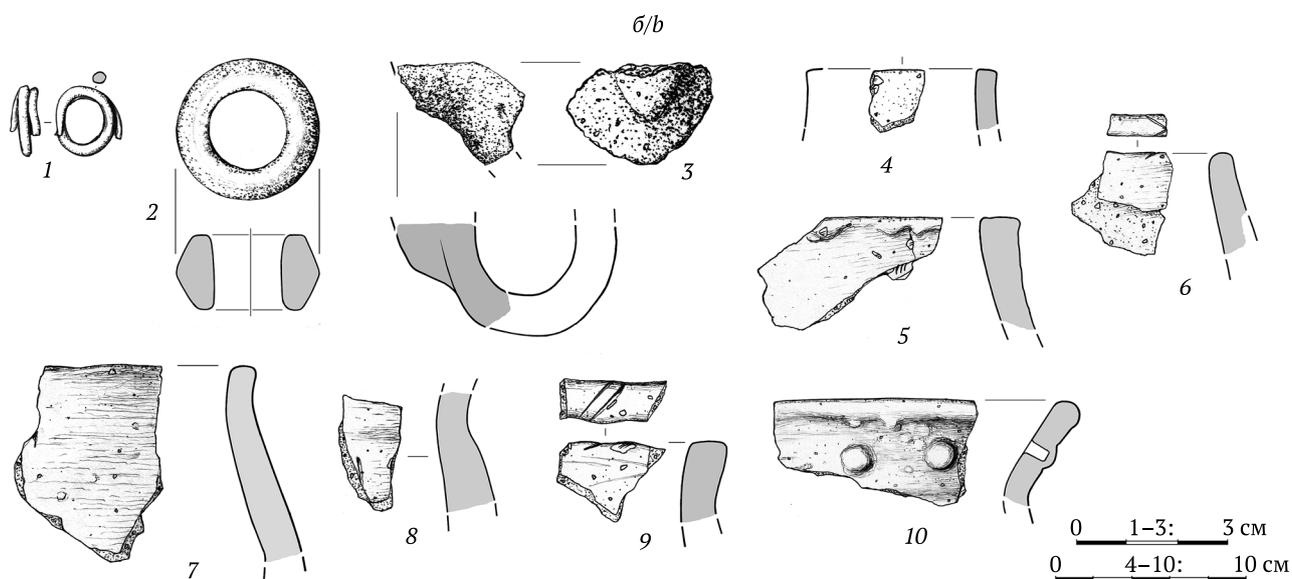
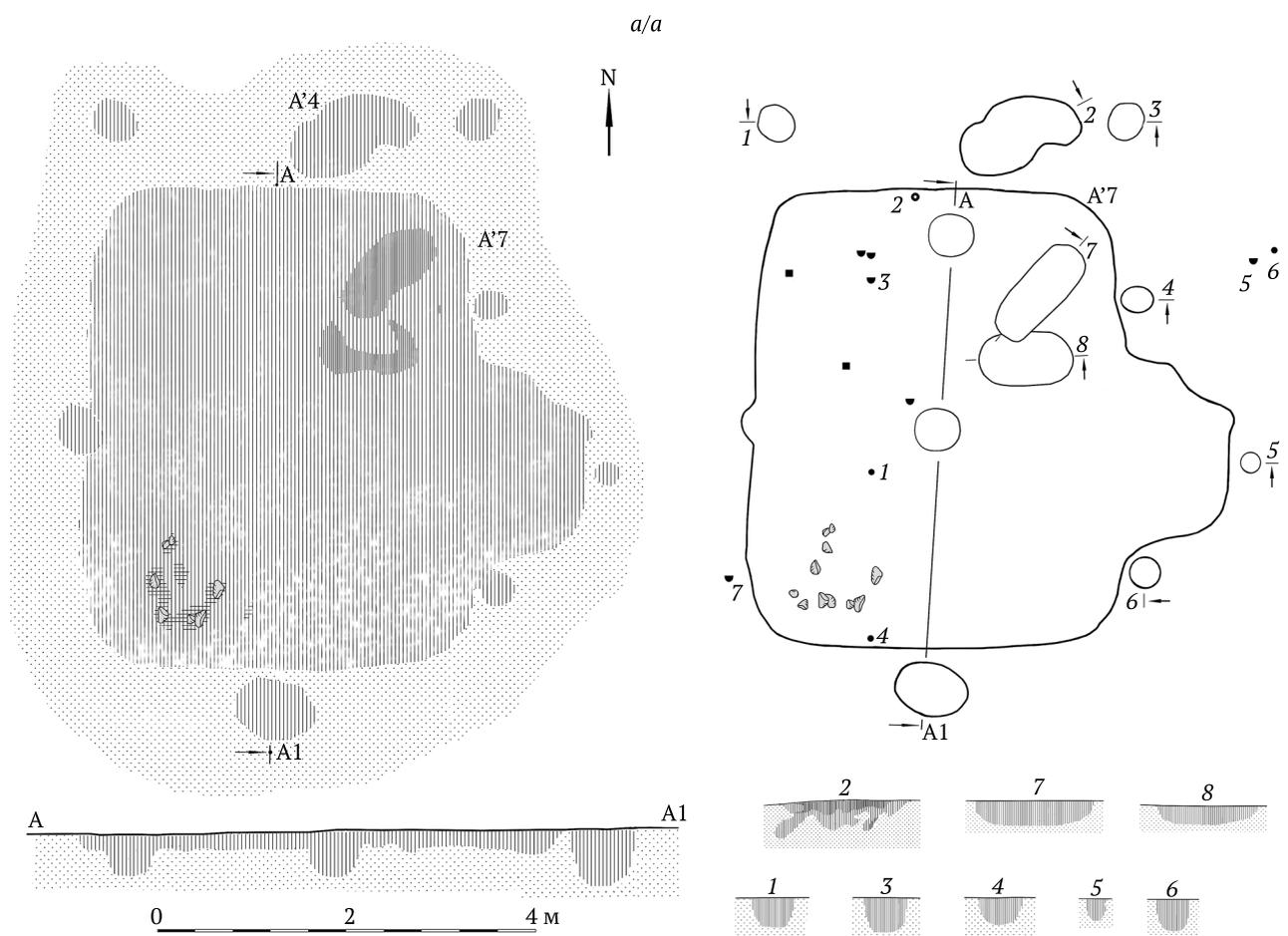
Знойдзены 19 фрагментаў тыгляў – абломкаў керамічных пасудзін, якія характарызуюцца выразнымі слядамі высокатэмпературнага абпалу вонкавай паверхні, на якой утварылася бугрыстая шклістая корка. Унутры яны абпалены значна слабей. Найбольш выразныя фрагменты дазваляюць меркаваць, што гэта былі мініяцюрныя пасудзіны, у тым ліку з закругленым дном, дыяметр якіх па венцы не перавышаў 7–8 см (мал. 3, б: 16). У планіграфіі абломкі тыгляў выразна канцэнтруюцца ўнутры і вакол пабудовы: жытла 1, большая частка якога была даследавана ў 2017 г., і жытла 2, вывучанага ў 2018 г.

У культурным пласце селішча ў 2018 г. таксама знойдзены два каменныя лашчылы, два абломкі шліфавальных плітак або адной пліты і фрагмент глінянага грузіка, верагодна, ад рыбацкай сеткі. Паколькі для іх не можа быць вызначана дакладнае датаванне, у гэтым артыкуле яны пакінуты па-за разглядам.

Характарыстыка керамічнага комплексу. З наяўных матэрыялаў не рэканструявана ніводная поўная форма. Тым не менш з улікам прафіліроўкі, спосабу апрацоўкі паверхні і арнаментцыі найбольш характэрных абломкаў сярод іх можна вылучыць групы посуду, якія адлюстроўваюць існаванне на помніку некалькіх гісторыка-культурных гарызонтаў.

Посуд эпохі неаліту – бронзы прадстаўлены пяццю-шасцю фрагментамі сценак. Папярэдне гэты гарызонт на падставе асобных характэрных крамянёвых вырабаў можа быць суаднесены пераважна з насельніцтвам тшцінецкай культуры⁵. Асобнымі абломкамі прадстаўлены і посуд ранняга жалезнага веку – мілаградскай культуры. Знойдзены два выразныя фрагменты гаршкоў гэтай культуры з прамымі, адагнутымі вонкі шыйкамі. Адзін з іх пакрыты звонку неглыбокай шчыльнай штрыхоўкай, гладкі з унутранага боку, упрыгожаны пад венцам трыма прадаўленымі знутры «пярлінамі». Другі гаршчок знойдзены ў запаўненні жытла 2 (аб’ект 7): ён старанна выраўнены і загладжаны з абодвух бакоў, таксама мае «пярліны» пад краем венца (мал. 5, б: 10). Магчыма, з фіналам мілаградскага гарызонту звязаны абломак лошчанай пасудзіны цёмна-шэрага колеру, верагодна міскі, з патоўшчаным

⁵Дзякую У. В. Грыбу за вызначэнне вырабаў і адходаў крамянёвай вытворчасці, а таксама за кансультацыі па фрагментах посуду неаліту і бронзавага веку.

Умоўныя абазначэнні

Ворны пласт –
цёмна-шэры пясок	Жоўты мацерыковы пясок	Фрагменты жалезных
вырабаў	Глінянае праселка
Шэра-буры пясок,
насычаны арганікай	Пясок, насычаны
попелам і вугаллем	Камяні	Фрагменты тыгляў
			Іншыя знаходкі

Мал. 5. План, профіль жылга 2 (а); знаходкі з жылга 2 (б):

1 – колца са сплаву медзі; 2 – глінянае праселка; 3 – абломак глінянага тыгля; 4–9 – фрагменты ляпнога глінянага посуду

Fig. 5. Plan, profile of the house 2 (a); finds from the house 2 (b):

1 – ring of copper alloy; 2 – clay spindlewhorl; 3 – fragment of clay crucible; 4–9 – fragments of hand-made clay pottery

і падгранёным (?) венцам (мал. 6: 6). Апошняя рыса характэрная для кола латэнізаваных культур Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і ў кантэксце помніка можа суадносіцца са з'яўленнем у цэнтральным Палессі на рубяжы III–II стст. да н. э. насельніцтва зарубінецкай культуры.

Посуд рымскага перыяду. Асноўную масу фрагментаў ляпнога посуду трэба аднесці да рымскага часу. Да магчымасцей больш дакладнага вызначэння храналогіі гэтага гарызонту вернемся ніжэй на падставе аналізу металічных вырабаў.

У першасным падзеле ў матэрыялах селішча Яскавічы-1 вылучаюцца дзве асноўныя катэгорыі по-

суду: кухонны і сталовы. У матэрыялах 2018 г. не адзначаны абломкі тарных пасудзін – вялікіх ёмістасцей кшталту карчаг, якія выкарыстоўваліся пераважна для захоўвання сыпучых і вадкіх рэчываў.

З ліку каля 3100 абломкаў ляпнога посуду, знойдзеных у культурным пласце, характар апрацоўкі паверхні вызначаецца для 1985 адзінак. Яны падзяляюцца на 5 груп: гладкасценны (не апрацаваны дадаткова), лошчаны, храпаваты, а таксама пакрыты штрыхоўкай і расчэсамі посуд. Размеркаванне фрагментаў ляпнога посуду з рознай апрацоўкай паверхні па пластах прадстаўлена ў выглядзе табліцы.

Размеркаванне ляпнога посуду з рознымі спосабамі апрацоўкі паверхні па пластах

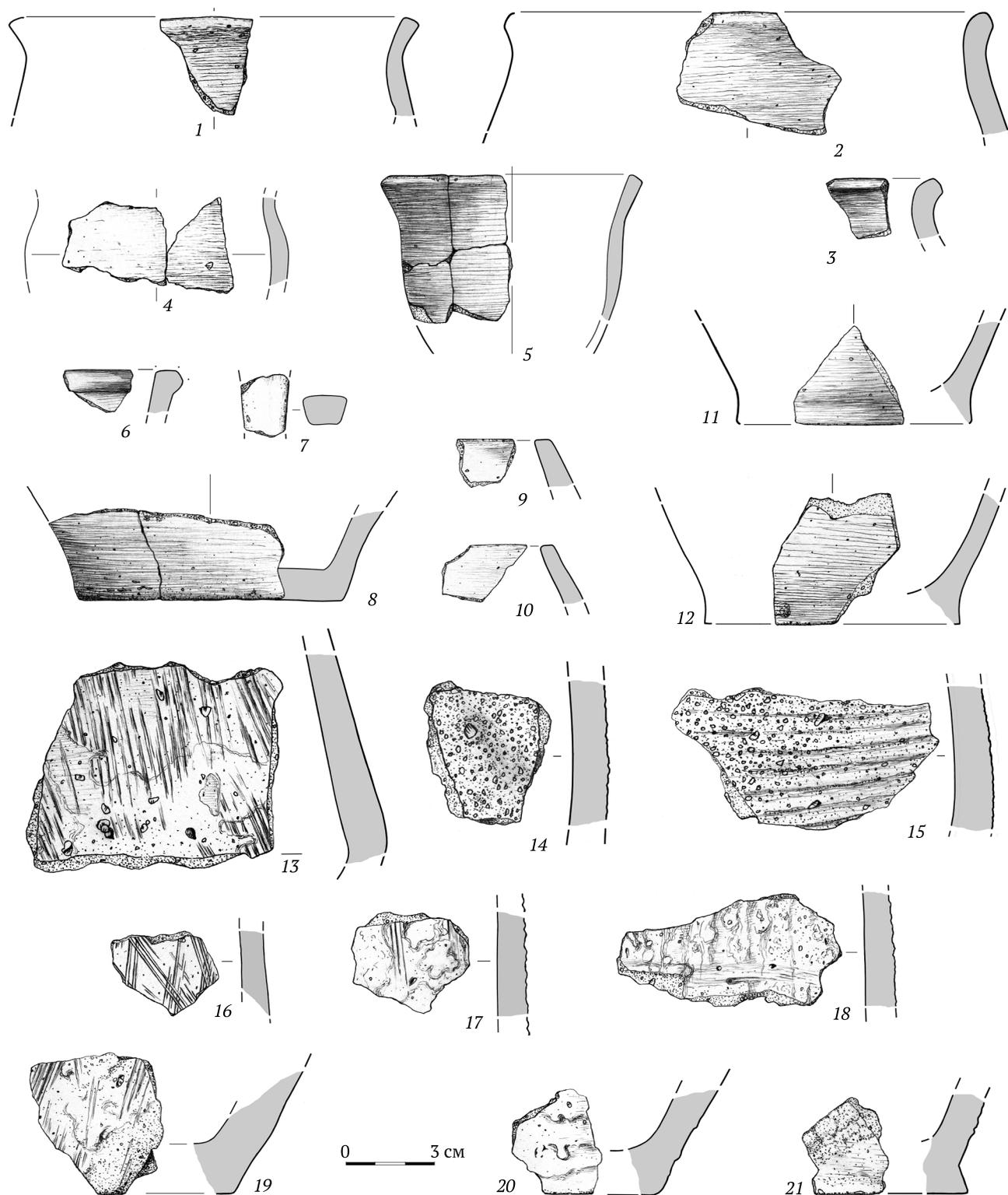
Distribution molded tableware with various surface treatment of the layers

Пласт	Тып посуду										Усяго посуду ў пласце	
	Гладкасценны		Штрыхаваны		Пакрыты расчэсамі		Лошчаны		Храпаваты			
	Колькасць	Доля, %	Колькасць	Доля, %	Колькасць	Доля, %	Колькасць	Доля, %	Колькасць	Доля, %	Колькасць	Доля, %
1-ы	783	90,2	54	6,2	2	0,2	29 (10 чорных)	3,3	–	–	868	100
2-гі	392	84,8	32	7,0	3	0,6	32 (22 чорныя)	7,0	3	0,6	462	100
3-ці	375	89,3	27	6,5	1	0,2	15 (усе чорныя)	3,5	2	0,5	420	100
4-ы	203	86,4	14	6,0	–	–	16 (6 чорных)	6,8	2	0,8	235	100
Усяго/Доля ў агульнай колькасці	1753	88,5	127	6,4	6	0,3	92 (53 чорныя)	4,6	7	0,2	1985	100

З прыведзеных даных вынікае, што асноўную масу посуду рымскага перыяду ўтвараюць абломкі гладкасценных пасудзін з неапрацаванай дадаткова паверхняй. Другую, значна меншую па колькасці групу складаюць фрагменты посуду са штрыхоўкай на вонкавым баку або на абодвух баках. Паверхня 92 абломкаў была больш або менш старанна залошчаная. Найменшую па колькасці групу складаюць фрагменты з расчэсамі. Абломкі посуду з розным характарам апрацоўкі паверхні размяркоўваюцца па пластах прыкладна ў аднолькавых прапарцыях. Доля гладкасценнага посуду складае 85–90 %, штрыхаванага – 6–7, лошчанага – 3–7 %. Удзельная вага абломкаў храпаватага і пакрытага расчэсамі посуду знаходзяцца ў межах статыстычнай памылкі, а фрагменты з расчэсамі не сустракаюцца ў 4-м, перадамацерыковым пласце, які выступаў толькі вакол жытла 1.

Абсалютная маса атрыманых фрагментаў паходзяць ад кухоннага посуду – гаршкоў сярэдніх памераў з розным спосабам апрацоўкі паверхні. У гэтай групе выразна пераважае гладкасценны посуд – адзінкі з больш або менш старанна вы-

раўненай, не апрацаванай дадаткова паверхняй. На падставе назіранняў можна вызначыць, што ў якасці асноўнага дамешку выкарыстоўвалася жарства – гранітная крошка белага і чырвонага, радзей шэрага колеру. Магчыма, у гліняную масу таксама ўводзіліся тоўчаная жалезная руда і пясок. Доля дамешкаў вельмі значная – даходзіць да 25 % аб'ёму цеста. Памер зярнят жарствы вагаецца ад 2–3 да 10–13 мм у папярочніку. Таўшчыня сценак у сярэднім складае 7–9 мм, максімальная – 20–23 мм. На большасці донцаў знізу бачныя сляды пясчанай падсыпкі. Яны характарызуюцца выразна абазначаным пераходам да сценак (мал. 7: 6, мал. 8: 12, 16, 19, 20). Шэраг донцаў таксама маюць выступы на вонкавы бок, так званыя пяткі (мал. 8: 13, 14, 17, 18), што ўказвае на выкарыстанне доннага і донна-ёмістага начынаў. Калі меркаваць па зломах сценак, пераважна выкарыстоўвалася лепка глінянымі валькамі ці стужкамі. Кераміка мае розны колер: ад жаўтаватага, пясочнага, крэмавага і рудаватага да розных адценняў карычневага. Радзей, як правіла знутры, колер посуду вагаецца ад цёмна-шэрага да чорнага. Часцей за ўсё кераміка мае якасны і роўны

Мал. 6. Фрагменты лянпага глінянага посуду з даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1: глянцаванага (1–12), храпаватага (14, 18, 20, 21), са штрыхоўкай і храпаватасцю (15, 17), расчэсамі (13, 16, 19)

Fig. 6. Fragments of the hand-made pottery from the research on Jaskavičy-1 settlement, 2018: polished (1–12), engobe (14, 18, 20, 21), with hatching and engobe (15, 17), scratching (13, 16, 19)

абпал, але адзначаюцца таксама плямістыя абломкі з рэзкім перападам афарбоўкі. Такім чынам, абпал адбываўся, верагодна, як у акісляльным, так і ва ўзнаўляльным газавым асяроддзі.

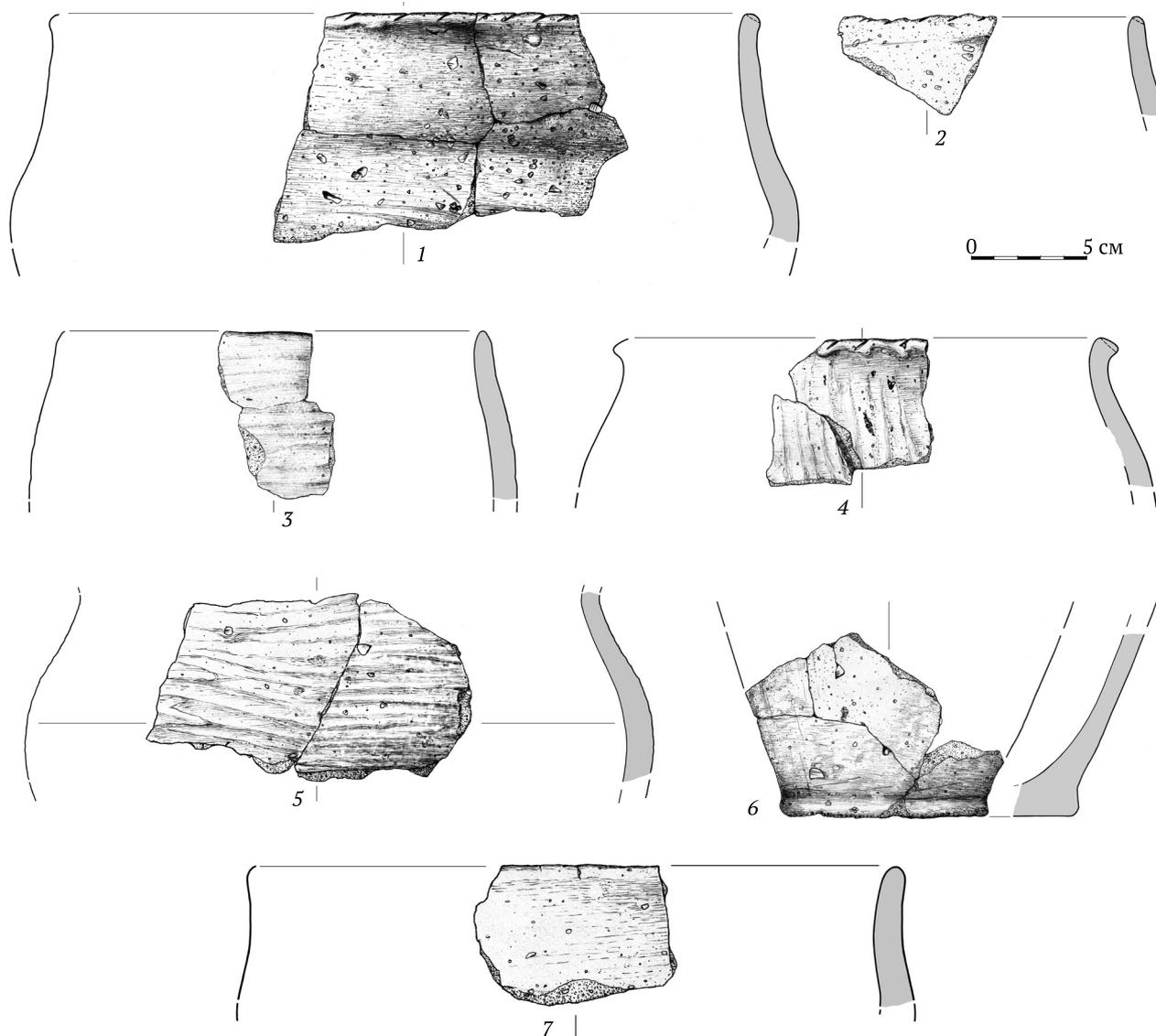
У абсалютнай большасці абломкаў гладкасценнага посуду паверхня больш роўная звонку, а ўнутраны бок апрацоўваўся менш якасна: часта ён бугрысты ці шурпаты, паколькі на ім выступае жарства.

Зараўноўванне паверхні адбывалася пераважна пасля вылепкі пасудзін. Радзей вонкавая паверхня разраўноўвалася ў працэсе лепкі, яшчэ будучы пластычнай, і на ёй з'яўляліся глыбокія, выразныя сляды загладжвання. Гэта сляды працы спецыяльным інструментам кшталту лапаткі (мал. 9: 4, 7) ці баразэнкі ад вертыкальных пацягненняў пальцамі (мал. 8: 8, 12). На шэрагу фрагментаў бачныя сляды змочвання, а часам – ангабіравання вадкай глінай, пасля якога на паверхні заставаліся характэрныя хвалістыя рагі (мал. 6: 20). Ангоб таксама выраўноўваўся пацягваннямі пальцаў у пэўным кірунку: гарызантальна (мал. 7: 5), вертыкальна (мал. 7: 4) або ў розных напрамках, напрыклад гарызантальнымі пацягваннямі па максімальным пашырэнні тулава і вертыкальна па астатняй паверхні (мал. 8: 1), чым таксама дасягаўся пэўны эстэтычны эфект. Без спецыяльных даследаванняў цяжка ацаніць, наколькі распаўсюджана было ангабіраванне пры фі-

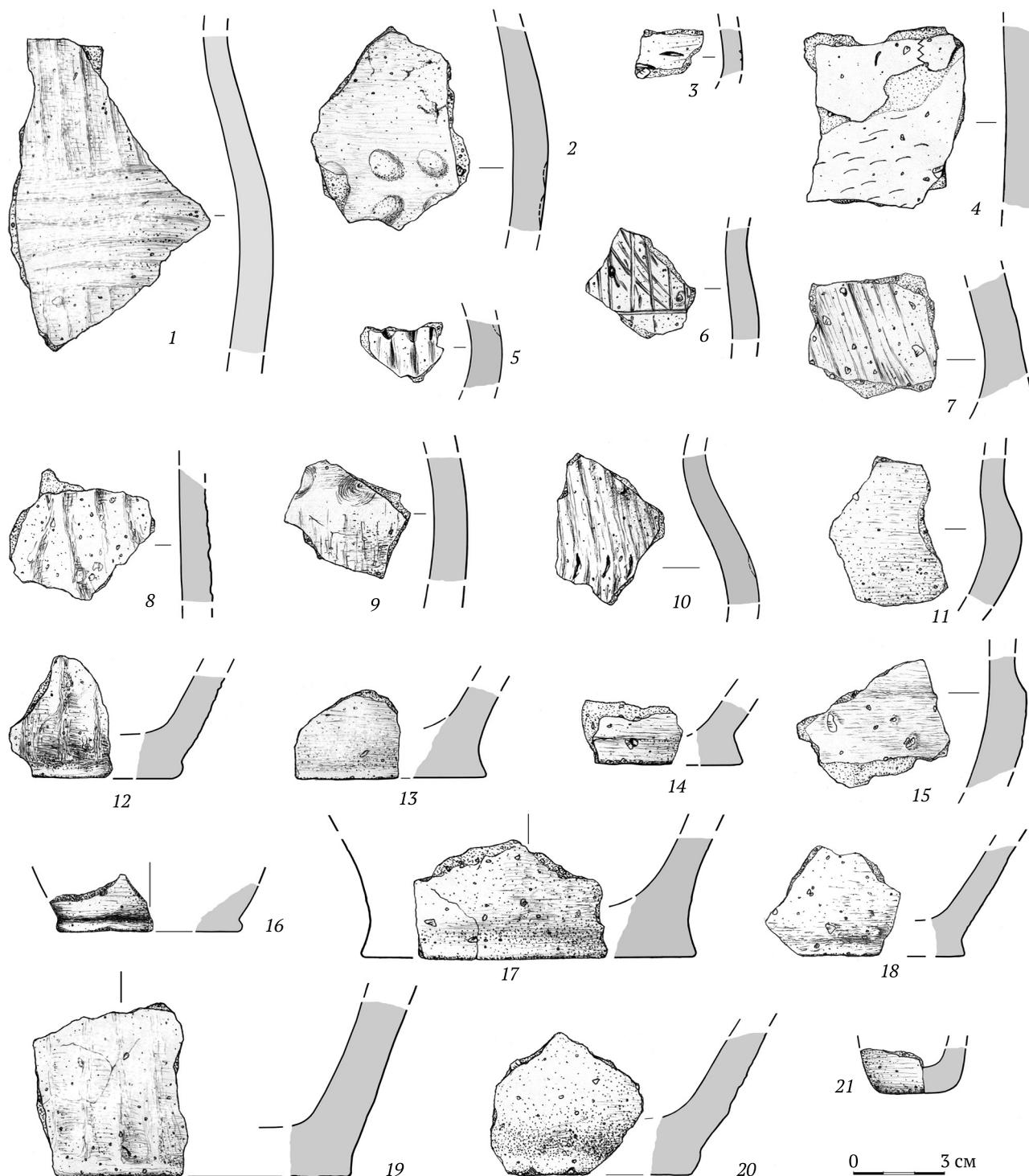
нальнай даводцы паверхні. Характэрныя трэшчынкі і сколы, якія назіраюцца на шэрагу абломкаў (мал. 8: 2, мал. 9: 18), сведчаць пра тое, што ангоб выкарыстоўваўся шырэй, чым можна меркаваць толькі на падставе слядоў яго разгладжвання.

Другім паводле распаўсюджанасці спосабам даводкі паверхні кухоннага посуду з'яўляецца штрыхаванне – апрацоўка з дапамогай пучкоў раслінных валокнаў. Як сведчыць адзін з апісаных вышэй абломкаў мілаградскага гаршка, частка посуду са штрыхоўкай можа належаць да ранняга жалезнага веку. Але знаходкі, якія можна ўпэўнена аднесці да гэтай эпохі, адзінкавыя, таму доля штрыхаванага посуду ў гарызонце рымскага часу не павінна істотна скараціцца – яна складае каля 6–7 %.

Штрыхоўка наносілася пераважна на вонкавую, радзей на ўнутраную паверхню гаршкоў (5 абломкаў) (мал. 9: 30). Адзначаюцца таксама чатыры выпадкі штрыхавання з абодвух бакоў. Калі такім чы-

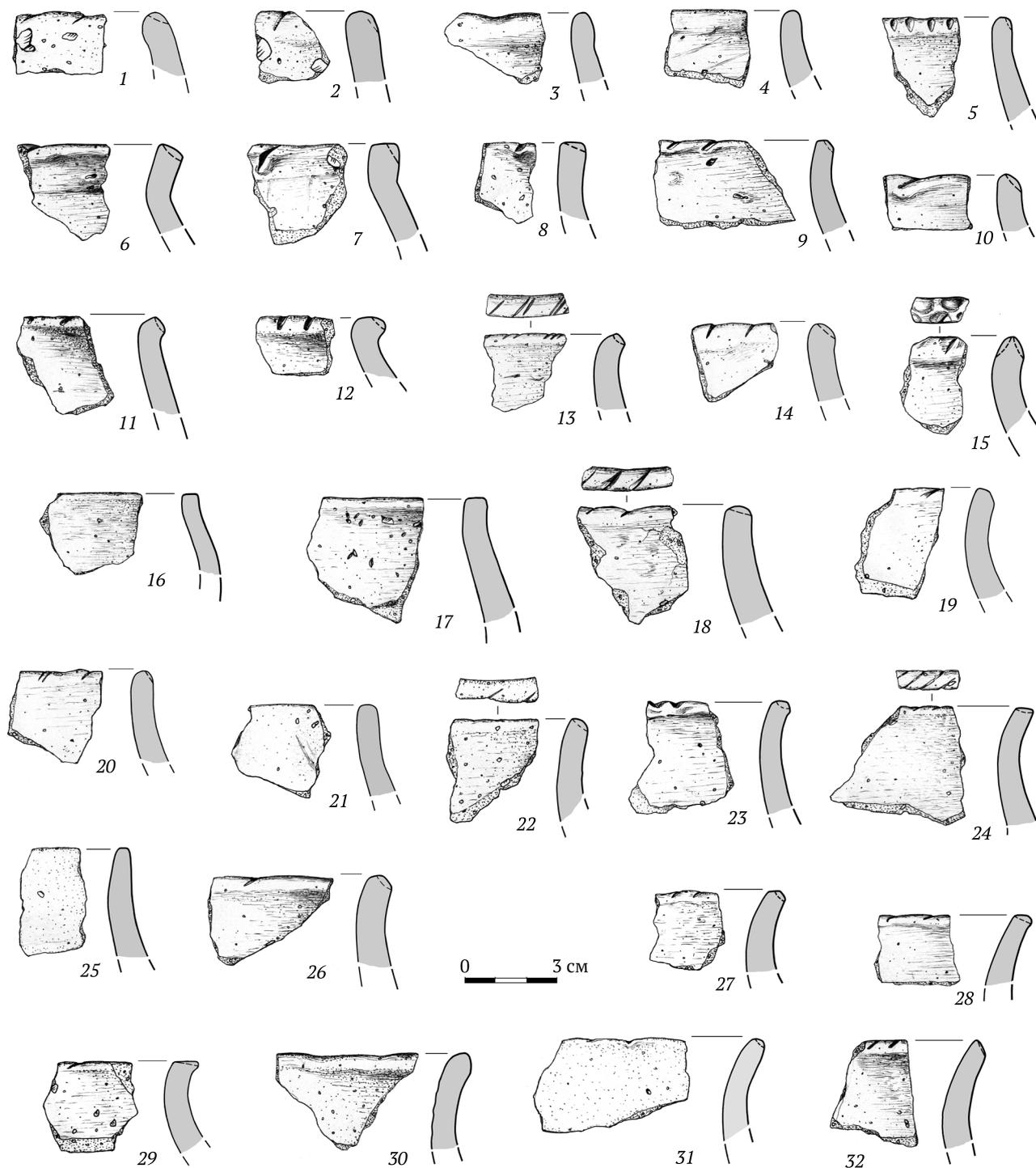
Мал. 7. Фрагменты ляпнога глінянага посуду з даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 (1–7)
Fig. 7. Fragments of the hand-made clay pottery from the research on Jaskavičy-1 settlement, 2018 (1–7)

Мал. 8. Фрагменты сценак і донцаў ляпнога глінянага посуду з даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 (1–21)
Fig. 8. Fragments of the wall and bottom of hand-made pottery from the research on Jaskavičy-1 settlement, 2018 (1–21)

нам апрацоўваўся ўнутраны бок, штрыхі, як правіла, наносіліся гарызантальна. Спосабы штрыхавання разнастайныя. Пераважае шырокая рэгулярная, вертыкальная або слаба нахіленая штрыхоўка, якая шчыльна пакрывае паверхню (мал. 8: 5, 10, мал. 10: 1, 6, 11, 16), і штрыхаванне з вузкімі барознамі (мал. 10: 17). Радзей сустракаецца гарызантальная штрыхоўка (мал. 10: 3, 7, 9, 14). Напрамак штрыхоў

можа быць адметным на розных частках адной пасудзіны, напрыклад, гарызантальныя штрыхі па максімальным пашырэнні тулава і вертыкальныя вышэй (мал. 10: 12). На шэрагу фрагментаў штрыхі пакрываюць толькі тулава, а шыйка гладкая (мал. 7: 1, мал. 10: 10, 15). Выразную групу ўтвараюць і фрагменты, на якіх штрыхаванне выступае ў рэдукаванай форме (у выглядзе рэдкіх шырокіх і глыбокіх

Мал. 9. Шыйкі гладкасценных ляпных пасудзін з даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 (1–32)

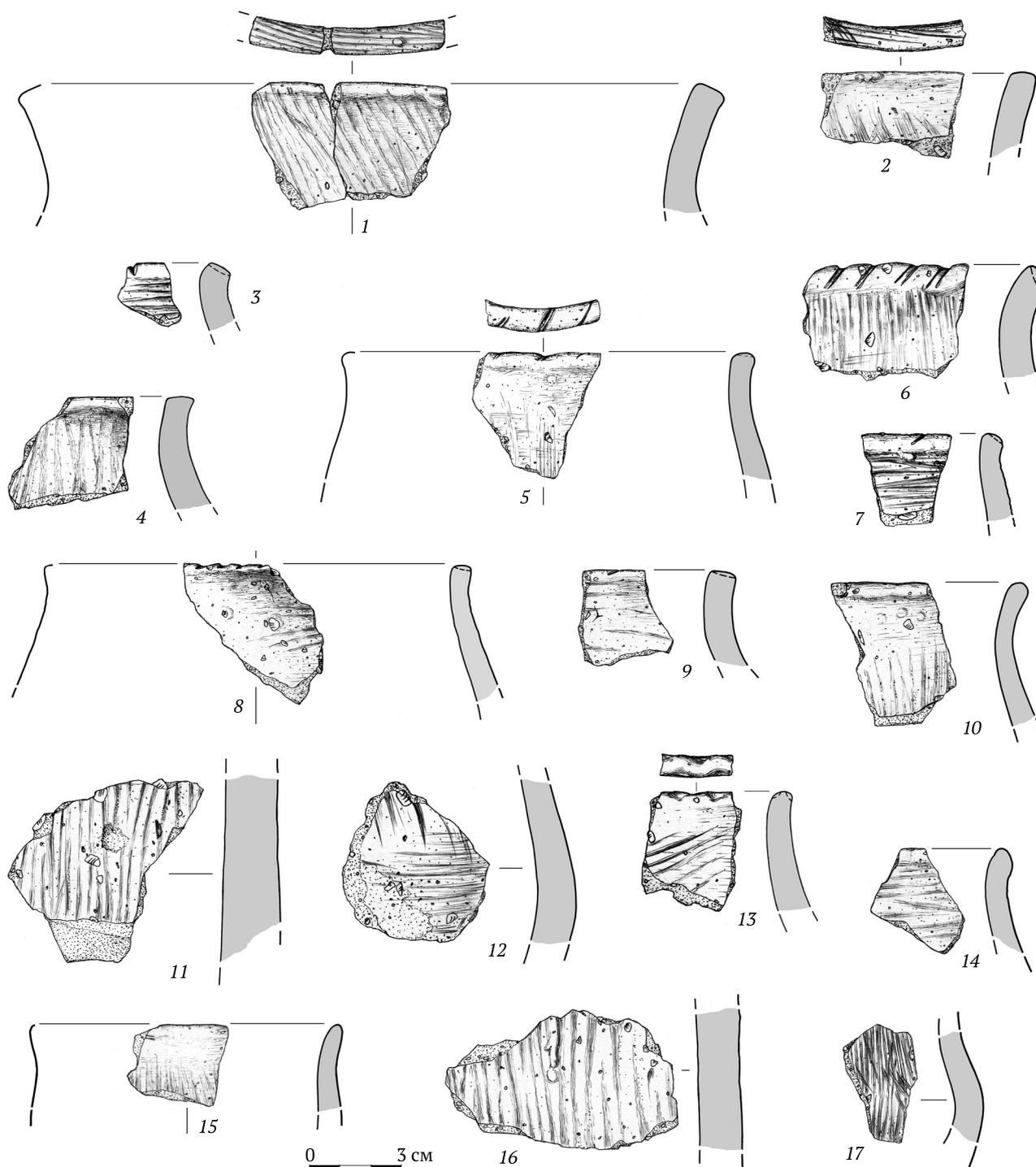
Fig. 9. Necks of hand-made vessels with smooth wall from the studies at Jaskavičy-1 settlement, 2018 (1–32)

барознаў (мал. 10: 8), неглыбокіх, шчыльна размешчаных штрыхоў (мал. 8: 9, мал. 10: 2, 15)), а таксама фрагменты, на якіх штрыхоўка была пазней загладжана (мал. 7: 3, мал. 10: 4) ці схавана пад слоём храпаватасці (мал. 6: 17, 18).

Знойдзена ўсяго 7–8 фрагментаў храпаватага посуду – адно донца і сценкі, прычым пры іх вырабе выкарыстаны вельмі розныя тэхнікі храпавачэння. У двух выпадках у яшчэ пластычную паверхню пасудзін была ўцёрта вялікая колькасць дробнай жар-

ствы і пяску, у выніку чаго яна набыла шурпатасць (мал. 6: 14, 15). Адзін абломак пакрыты пластычным ангобам паверх неглыбокай рэгулярнай вертыкальнай штрыхоўкі (мал. 6: 17), а другі – храпаваты звонку, але з унутранага боку пакрыты штрыхоўкай. Астатнія маюць «класічнае» ў цэнтральнаеўрапейскім разуменні гэтай тэхнікі храпавачэнне: пластычным ангобам па гладкай паверхні (мал. 6: 18, 21).

Апошнім, найменш распаўсюджаным прыёмам апрацоўкі паверхні грубаляпнага посуду з’яўляюцца

Мал. 10. Фрагменты лепного глиняного посуду са штрыхоўкай з даследаванняў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 (1–17)

Fig. 10. Fragments of the hand-made pottery with hatching from the research on Jaskavičy-1 settlement, 2018 (1–17)

расчэсы (гл. табліцу). Наносіліся яны толькі звонку. Гэты спосаб баразнаватага загладжвання выкананы адмысловым штампам або фрагментамі грабеньчыкаў з рога ці дрэва. Вузкія рэгулярныя паралельныя барозны шчыльна пакрываюць паверхню (мал. 6: 13, 19) або крыжуюцца пад вуглом, утвараючы ўзор накшталт косай сеткі (мал. 6: 16).

Стандартным прыёмам арнаментцыі гаршкоў з’яўляюцца косыя адзінарныя, часам двойныя ці рознанакіраваныя насечкі і ўцісканне па зрэзе і вонка-

вым краі венцаў. Такім чынам упрыгожвалася каля дзвюх трэціх пасудзін. Зрэдку адзначаюцца іншыя спосабы арнаментцыі: двойнымі «шахматнымі» зашчыпамі (мал. 9: 15), ўцісканнямі паабпал венца, якія надаюць яму хвалістую форму (мал. 10: 13), або штрыхоўкай па зрэзе венца (мал. 10: 1, 2). Тулавы кухонных гаршкоў, як правіла, не ўпрыгожваліся. У адзінкавых выпадках арнамент адзначаецца на тулавах гладкасценнага посуду: гэта пальцавыя парныя (мал. 8: 2) і пазногцевыя ўцісканні (мал. 8: 3)

або пракрэсленыя баразёнкі, якія ўтвараюць косую сетку на шыйцы (мал. 8: 6). Адзначаецца пэўная тэндэнцыя: арнамент часцей выступае на штрыхаваным посудзе ў выглядзе гарызантальных ланцужкоў з насечак і палцавых уцісканняў па плечыку (мал. 8: 5, 9, 10).

На падставе аналізу выразных фрагментаў керамікі можна меркаваць, што найбольш пашыранай формай кухоннага посуду былі гаршкі сярэдніх памераў з дыяметрам па венцы каля 15–25 см і максімальным пашырэннем тулава прыблізна на дзве трэція вышыні пасудзіны (мал. 7: 1, 3–5; мал. 10: 5, 8). Радзей адзначаецца больш высокае размяшчэнне плечыка – каля трох чацвёртых ці вышэй (мал. 7: 7, мал. 9: 24). Абсалютна пераважаюць фрагменты акруглабокiх гаршкоў (мал. 7: 1, 3–5, мал. 8: 1, 3, 5, 9, 10, мал. 10: 5). Абломкі з акцэнтаваным плечыкам або тыя, якія можна вызначыць як рабрыстыя, адзінкавыя (мал. 7: 7, мал. 8: 7, 11, 15).

Прафіліроўка верхніх частак дэманструе найперш нехарактэрнасць так званых раскрытых форм: дыяметр па венцы гаршкоў роўны максімальнаму пашырэнню тулава ці меншы за яго.

Самую нешматлікую групу ўтвараюць абломкі спікападобных гаршкоў без вылучанай шыйкі (мал. 7: 2, мал. 9: 1, 2). Аднолькава рэдка сустракаюцца фрагменты з выразна абазначанай, акцэнтаванай верхняй часткай (з прамой канічнай (мал. 7: 1), кароткай прамой адагнутай вонкі шыйкай (мал. 9: 6, 7)) і з акцэнтаваным праз выразнае патаўшчэнне ці адмысловае прафіляванне венцам (мал. 9: 11–13). Часцей адзначаецца вельмі выразны, але плаўны выгін шыек (мал. 9: 15, 19, 24, 29). Пераважае плаўнае афармленне верхніх частак гаршкоў. Іх шыйкі могуць істотна адрознівацца паводле нахілу. Найменш распаўсюджаны нахілены ўнутр шыйкі з ледзь абазначаным венцам (мал. 9: 3–5, 18).

Шырэй прадстаўлены абломкі гаршкоў з вертыкальнымі кароткімі шыйкамі (мал. 9: 16, 17, 20,

21, 25). Абсалютная ж маса мае больш або менш выразны выгін (мал. 7: 4, 5, мал. 9: 22–24, 26–28, 30–32, мал. 10: 4–10). Частка венцаў афармлялася зрэзамі, як правіла, звонку (мал. 9: 9, 26, 27).

Сталовы посуд прадстаўлены фрагментамі мініяцюрных пасудзін, місак і (або) гаршчочкаў. Ён адрозніваецца спосабамі апрацоўкі паверхні: сустракаецца як грубаляпны, так і лошчаны. Да гладкасценнага сталовага посуду можна аднесці абломкі дзвюх пасудзін, верагодна місак, з выразна абазначаным рабром (мал. 8: 11, 15), донца мініяцюрнай пасудзіны, верагодна кубачка (мал. 8: 21), а таксама фрагмент верхняй часткі гаршчочка або кубка з неглыбокай шчыльнай штрыхоўкай ніжэй адхіленай вонкі шыйкі (мал. 10: 15).

Да сталовага посуду таксама трэба аднесці абломкі лошчаных вырабаў, якія займаюць да 5 % у агульнай колькасці. Іх цеста вызначаецца дамешкамі меншага памеру. Па колеры і, адпаведна, спосабе абпалу лошчаны посуд падзяляецца на дзве прыкладна роўныя разнавіднасці: вырабы розных адценняў карычневага колеру і цёмна-шэрыя або чарналошчаныя. Сярод найбольш выразных абломкаў сталовага посуду серыя прадстаўлены фрагменты чарналошчаных пасудзін сярэдніх памераў з нахіленымі ўнутр шыйкамі – місак і (або) невялікіх гаршкоў (мал. 6: 1–3) – і абломкі мініяцюрнага гаршка (мал. 6: 4). Рэканструюецца таксама большая частка чорнаглянцаванага кубачка з разгорнутай прамой шыйкай (мал. 6: 5), блізкага па форме да згаданага вышэй штрыхаванага кубка (мал. 10: 15). Адзін з фрагментаў сценкі лошчанай пасудзіны з'яўляецца прыкладам арнаментальнай кампазіцыі з вертыкальнай зігзападобнай лініі і месяцападобных адбіткаў пазногця (мал. 8: 4). Выраб шэрага колеру, яго ўнутраная паверхня выраўнена пацягваннямі пальцаў, а знешняя пакрыта ангобам і падлошчана. Ангоб з часам часткова адпаў і раскрышыўся, знішчыўшы арнамент.

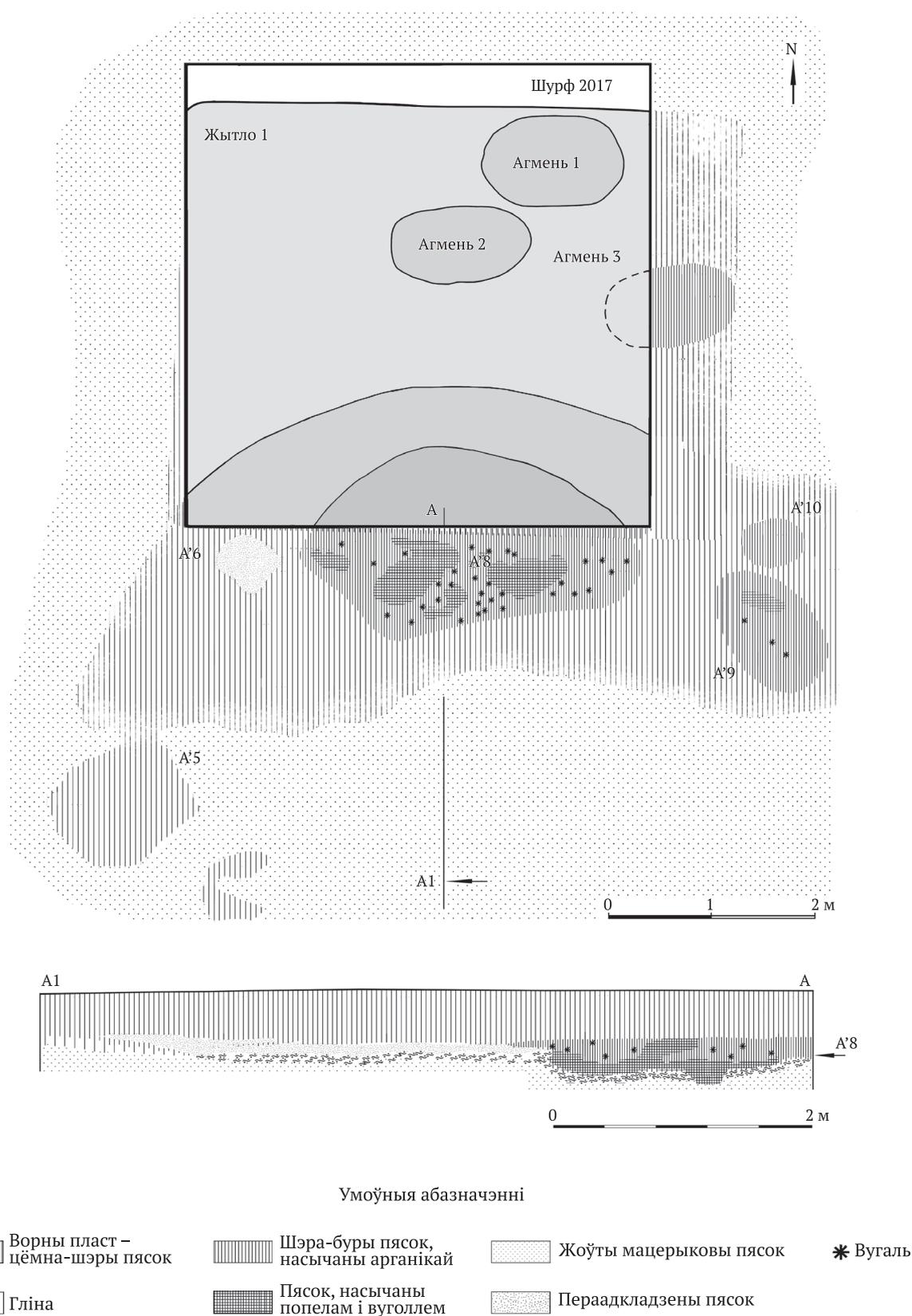
Вынікі даследавання аб'ектаў

Пасля зняцця культурнага слоя на ўзроўні 2-га пласта на поўначы і сярэдняй часткі раскопу ды 4-га пласта на поўдні на фоне светла-жоўтага мацерыковага пяску праявіліся контуры аб'ектаў. Нумарацыя ім надавалася па меры адкрыцця, але разгледзім іх зыходзячы з лакалізацыі ў межах раскопу, пачынаючы з поўдня (гл. мал. 4).

У паўднёвай частцы раскопу аб'екты групаваліся вакол пабудовы, большая частка якой была вывучана ў 2017 г., – вакол жытла 1 (гл. мал. 4, А'5, А'6, А'8–А'10). У 2018 г. даследаванне гэтага аб'екта было завершана.

Жытло 1. Вакол шурфа Г. М. Бяліцкай у 2017 г. былі расчышчаны заходні, паўднёвы і ўсходні ўскрайкі жытла (мал. 11). У даследаванай у 2018 г. частцы яно было нязначна заглыблена ў мацерык – на 3–5 см. Запаўненне жытла практычна не вылуча-

лася ў культурным пласце. Яго контуры праявіліся толькі ў прыдоннай партыі цяжнейшым колерам і канцэнтрацыяй знаходак. Падсумоўваючы вынікі прац 2017–2018 гг. (гл. [31]), можна вызначыць, што жытло мела прамавугольную форму, яго памер складае прыблізна 4,7 × 4,0 м. Яно было арыентавана доўгімі бакамі па лініі захад – усход з нязначным, у 3–4°, адхіленнем да паўночнага ўсходу. Паколькі па перыметры пабудовы і ў яе аб'ёме не выяўлена ям, якія маглі б утвараць сістэму апорных слупоў, жытло павінна было мець зрубную канструкцыю. Яго максімальная глыбіня складала каля 0,45–0,55 м ад сучаснай паверхні. Жытло перакрыла вялікую яму авальнай формы, якая залягала пад яго паўднёвай сценкай (гл. ніжэй апісанне аб'екта 8), і выразна чыталася з глыбіні 0,55–0,60 м ад сучаснай паверхні.

Мал. 11. Аб'екты ў паўднёвай частцы раскопу на ўзроўні зачысткі мацерыка.
Селішча Яскавічы-1, 2018 г. (А' – аб'ект)

Fig. 11. Objects in the southern part of the excavation at the level of the base stripping.
Jaskavičy-1 settlement, 2018 (A' – object)

У 2018 г. у межах пабудовы знойдзена адна дробная закатаная кальцыніраваная костка і 31 абломак ляпнога глінянага посуду: 2 шыйкі, 3 донцы, 26 сценак (усе яны паходзяць ад гаршкоў). З іх 22 фрагменты гладкасценныя. Нестандартнай дэталлю вылучаецца адзін з абломкаў верхняй часткі гаршка са слаба выгнутай, амаль вертыкальнай шыйкай з насечкамі па краі: яе аснова падкрэслена гарызантальнай баразёнкай (мал. 12, а: 1). Яшчэ 9 абломкаў звонку пакрыты штрыхоўкай рознага характару: ад шырокай неглыбокай (мал. 12, а: 2) або адмыслова зацёртай штрыхоўкі да глыбокіх барознаў, якія шчыльна пакрываюць паверхню (мал. 12, а: 3). Марфалагічна найбольш выразным з'яўляецца абломак шыйкі штрыхаванага гаршка з кароткім вертыкальным венцам, упрыгожаным насечкамі (мал. 12, а: 2).

Агмень 3 з жытла 1 (мал. 12, б). У 2018 г. каля ўсходняй сценкі жытла была расчышчана частка аб'екта, вывучэнне якога распачала Г. М. Бяліцкая, інтэрпрэтаваўшы яго як выбрукоўку [31, с. 568]. Ён быў размешчаны ў культурным пласце прыдоннай часткі жытла, пасярэдзіне яго ўсходняй сценкі. У раскопе 2018 г. яго план быў расчышчаны на глыбіні каля 0,40–0,43 м ад паверхні. На фоне культурнага пласта аб'ект вызначаўся наяўнасцю палявых камянеў да 15 см у папярочніку, абломкаў глінянай абмазкі і канцэнтрацыяй фрагментаў посуду. Ён меў памеры прыкладна 0,58–0,60×0,50–0,53 м, быў выцягнуты па лініі захад – усход. Такім чынам, з улікам даследаванай у 2017 г. часткі аб'ект меў авальную форму памерамі каля 1,2×0,5 м. Унутры і вакол яго грунт быў перамешаны з попелам і вуголлем, камяні і абмазка абпаленыя. Па наяўнасці попельна-вугальных уключэнняў у культурным пласце можна меркаваць, што яго глыбіня не перавышала 10 см ад узроўню зачысткі. Нягледзячы на адсутнасць выразных канструктыўных дэталеў, гэты аб'ект можа інтэрпрэтавацца як сляды агменя, які, магчыма, быў разабраны гаспадарамі яшчэ ў час выкарыстання пабудовы.

У аб'екце знойдзены 34 фрагменты ляпнога глінянага посуду. Паводле спосабу апрацоўкі паверхні яны падзяляюцца ў прапорцыях, тыповых для культурнага слоя: адзін чарналошчаны (сценка), два штрыхаваныя (у тым ліку фрагмент шыйкі); рэшта паходзіць ад гладкасценных кухонных гаршкоў. Сярод марфалагічна найбольш выразных можна адзначыць верхнія часткі гаршкоў з плаўным s-падобным выгінам шыек (мал. 12, б: 1). Адзін з іх паходзіць ад гаршка, вонкавая паверхня якога па тулаве і нізе шыйкі пакрыта шчыльнай неглыбокай штрыхоўкай (мал. 12, б: 2).

Вакол жытла знойдзены канкрэцыі дзярновай жалезнай руды. Яны канцэнтраваліся ў межах своеасаблівага геалагічнага аб'екта: прапластка моцна гумусіраванага бурага грунту, перамяшанага з ліманітам. Прапластак выклінаваўся з усходняй сценкі і цягнуўся праз увесь раскоп, не даходзячы

40–50 см да яго заходняй сценкі. Пасярэдзіне, у месцы максімальнага расшырэння, яго шырыня складала каля 2 м, а паўночная частка ўваходзіла пад паўднёвую сценку жытла 1. Сячэнне гэтага прапластка атрымана ў броўцы, пакінутай па цэнтры раскопу (гл. мал. 11, А–А1). Прапластак пачынаўся непасрэдна пад ворным культурным слоём каля ўсходняй сценкі раскопу і плаўна паніжаўся да яго цэнтры, дзе яго таўшчыня дасягала 0,35–0,38 м. Яго падсілаў пласт светла-шэрай стужкавай гліны. Верагодней за ўсё, утварыўся гэты прапластак у старажытным натуральным паніжэнні рэльефу, дзе ва ўмовах павышанай вільготнасці адбывалася фарміраванне ліманіту. У яго былі ўкапаны чатыры аб'екты – № 6, 8–10 (гл. мал. 11, А'6, А'8–А'10).

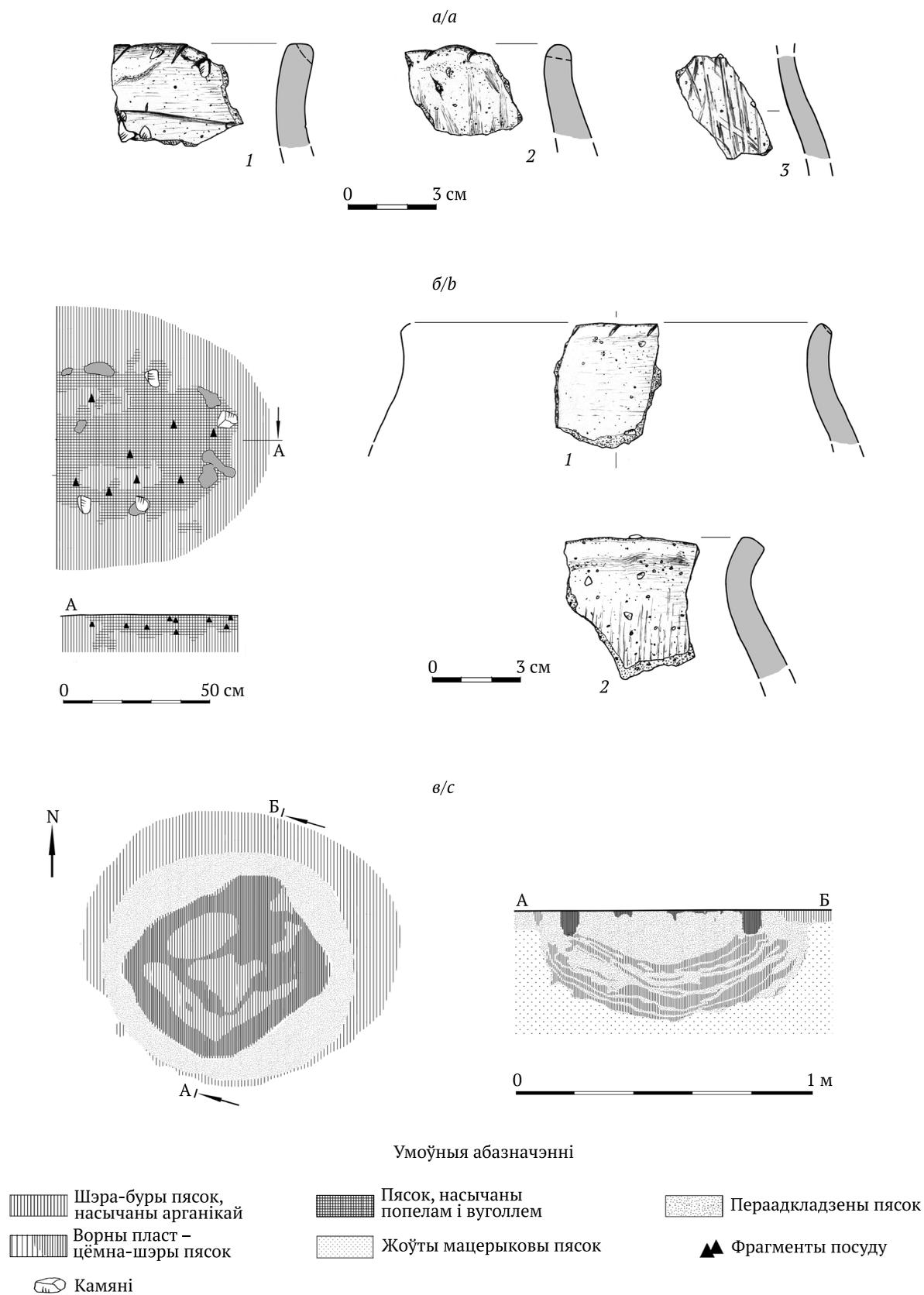
Аб'ект 8. У цэнтры прапластка знаходзіўся аб'ект 8 (мал. 11, А'8, А–А1). Ён быў расчышчаны на глыбіні каля 0,65 м і цягнуўся ўніз да 1,07–1,10 м ад паверхні помніка. У плане меў правільную выцягнутую форму, якая ў цэлым паўтарала форму насычанага рудой прапластка, але вылучаўся больш цёмным запаўненнем з вугольчыкамі і значнымі попельна-вугальнымі дамешкамі ў прыдоннай частцы, дзе вугаль залягаў уперамешку са збітай масай ліманіту. З улікам часткі, даследаванай у 2017 г., яго памеры складалі прыкладна 3,35 × 1,9 м. У заходняй частцы аб'екта 8 знойдзены фрагменты сківіцы буйной рагатай жывёлы або каня.

Аб'ект 9 (мал. 11, А'9). Гэты аб'ект меў падобны, як у аб'екта 8, характар: гэта яма авальнай у плане формы памерам 1,65 × 0,85 м. Яна прасочана з глыбіні 0,80 м ад паверхні. Глыбіня аб'екта 9 ад узроўню зачысткі склала каля 0,30 м. Яма мела закругленыя да дна сценкі, была запоўнена моцна гумусіраваным грунтам з попельна-вугальнымі дамешкамі. Суцэльны попельна-вугальны слой цягнуўся па дне ямы, дзе рэшткі вогнішча былі перамешаны з ліманітам.

Аб'екты 6 і 10 (гл. мал. 11, А'6, А'10) прасочаны ў 3-м і 4-м пластах адпаведна. Мяркуючы па акруглай форме, памерах і сячэнні, яны ўяўляюць сабой ямы ад масіўных слупоў.

Аб'ект 6. Контур ямы праявіўся на поўдзень ад паўднёва-заходняга кута жытла 1, прыкладна на 0,60 м ніжэй сучаснай паверхні. Яма вылучалася на фоне цёмнага культурнага пласта светлым запаўненнем. Мела авальную ў плане форму, памер – 0,50 × 0,58 м. Была запоўнена светла-шэрым пяском, святлейшым да краёў, мела вертыкальныя сценкі і шырокае лінзападобнае пашырэнне ў прыдоннай частцы, якое ўзнікла, верагодна, у выніку размывання грунтавымі водамі. Максімальная глыбіня складае каля 1,05 м ад сучаснай паверхні. У запаўненні знойдзены 16 дробных расслоеных абломкаў сценак грубалапных гліняных пасудзін з не апрацаванай дадаткова паверхняй.

Аб'ект 10. Контур прасочаны на ўзроўні зачысткі мацерыка, каля 0,85 м ад сучаснай паверхні, каля

Мал. 12. Фрагменты ляпнога глінянага посуду з жытла 1 (а); план, профіль і фрагменты ляпнога посуду з агменя 3 у жытле 1 (б); план і профіль аб'екта 5 (калодзеж) (в)

Fig. 12. Fragments of the hand-made pottery from the house 1 (a); plan, profile and fragments of the hand-made pottery from the fireplace 3 in the house 1 (b); plan, profile of the object 5 (a well) (c)

паўднёва-ўсходняга кута жытла 1. Яма мела авальную ў плане форму, памер – прыкладна $0,40 \times 0,58$ м. Яна была запоўнена аднародным цёмна-шэрым пяском. Мела слаба закругленыя ўніз сценкі і пляскае дно. Максімальная глыбіня – каля 1,10 м ад паверхні.

Аб’ект 5 (мал. 12, б). Контур аб’екта праявіліся ў 4-м пласце на фоне больш цёмнага культурнага слоя. Ніжэй, на глыбіні каля 0,85 м, ён быў выразна бачны ў слоі асадкавай гліны і пяску. На гэтым узроўні яма мела акруглую форму, каля 0,85–0,90 м у дыяметры. Ніжэй на 7–8 см па яе цэнтры прасочаны контур спаракхелай канструкцыі з драўніны: квадратнай, з бакамі даўжынёй 0,50–0,58 м. З гэтага ўзроўню аб’ект даследаваўся сячэннем па дыяганалі драўлянай канструкцыі. У сячэнні яе рэшткі – вертыкальныя сценкі – былі прасочаны толькі на 8–10 см. Ніжэй у профілі аб’ект меў сегментападобную форму. Ён быў запоўнены светла-жоўтым пяском, які бліжэй да дна чаргаваўся з прапласткамі суглінку з дамешкамі буйназярністага пяску. На дне знойдзены малы зацёрты абломкі сценкі ляпной глінянай пасудзіны.

Верагодна, аб’ект уяўляе сабой рэшткі калодзежа круглай формы дыяметрам каля 0,90 м, у цэнтры якога быў усталяваны драўляны кораб. Зафіксаваны ў профілі яго ўчастак з’яўляецца ніжняй часткай калодзежа, на ўзроўні грунтавых вод, дзе пячаная сценкі размываліся.

Аб’ект 1. Знаходзіўся ў сярэдняй частцы раскопу (мал. 4, А’1, мал. 13, а). План расчышчаны на глыбіні каля 0,45 м. Яма авальнай формы, $2,05 \times 1,05$ м, арыентавана па лініі поўнач – поўдзень з адхіленнем каля 5° да ўсходу. Мела сегментападобнае сячэнне і няроўнае дно. Максімальная глыбіня складала да 0,75 м ад сучаснай паверхні. Запаўненне ўтвараў пясок карычневага колеру з украленнямі вуголля, больш светлы па краях і ў прыдоннай частцы. У заходняй частцы знойдзены два палявыя камяні каля 10 см у папярочніку, вакол якіх канцэнтраваліся вугалькі і пяць дробных абломкаў кальцыніраваных костак.

У верхняй частцы ямы, бліжэй да цэнтра, знойдзены тры абломкі верхняй часткі гаршка з плаўна выгнутай, нахіленай унутр шыйкай, упрыгожанай па знешнім краі венца насечкамі (мал. 13, а: 1). Фрагменты пясочна-светла-карычневага колеру са светла-шэрымі плямамі. У цесце ёсць дамешкі чырвонай і белай жарствы да 7 мм у папярочніку. На ўнутранай паверхні – глыбокія гарызантальныя зацёрты барозны. Шыйка звонку гладкая, а ў ніжняй частцы ў вільготную паверхню ўцёрты дробная жарства і пясок, магчыма разроўненыя вехцем з раслінных валокнаў.

Аб’ект 2 (мал. 4, А’2; мал. 13, б). Месціўся ў сярэдняй частцы раскопу, на паўднёвы ўсход ад аб’екта 1. Контур прасочаны з глыбіні каля 0,47–0,50 м ад паверхні. У плане яма мела блізкую да квадрат-

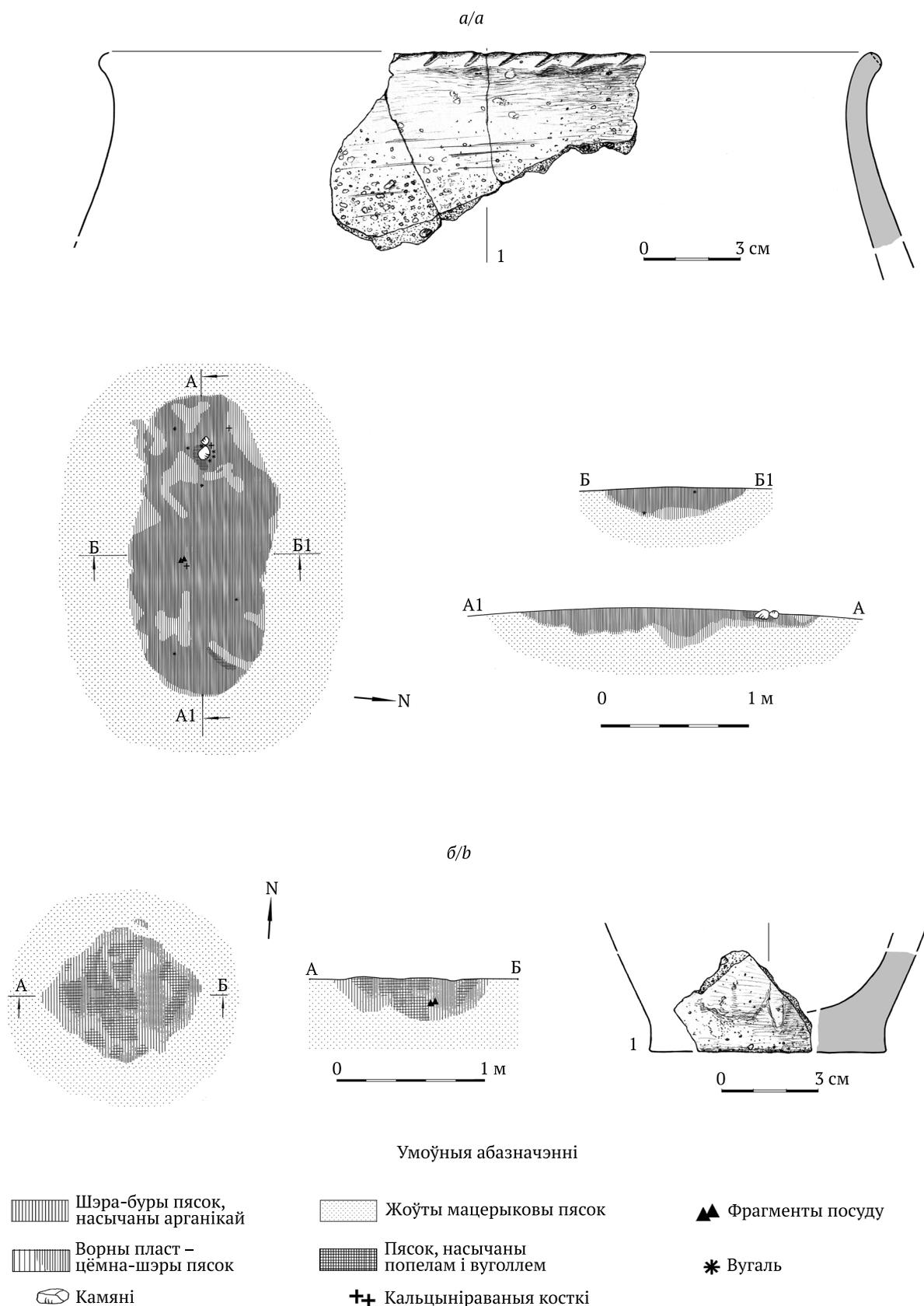
най форму, была арыентавана вугламі амаль дакладна па баках свету. Памеры на ўзроўні зачысткі складалі прыкладна $0,75 \times 0,75$ м. Яма мела сегментападобнае сячэнне з закругленым няроўным дном. Максімальная глыбіня – каля 1,15 м ад паверхні. Была запоўнена карычневым пяском, перамешаным з попелам і вуголлем.

Пераважна ў прыдоннай частцы, бліжэй да цэнтра, знойдзены 14 абломкаў як мінімум ад дзвюх пасудзін: 3 сценкі, магчыма ад адной лошчанай пасудзіны светла-карычневага колеру, і 11 фрагментаў адной ці некалькіх гладкасценных пасудзін – 9 сценак і 2 донцы. На вонкавай паверхні аднаго з іх бачныя сляды ангабіравання са слядамі вертыкальнага загладжвання (мал. 13, б: 1). Фрагменты пясочна-крэмавага колеру, з дамешкамі жарствы да 3 мм у папярочніку.

Аб’ект 3 (пабудова 1) (мал. 4, А’3; мал. 14). Верхняя партыя запаўнення аб’екта знішчаны воркай. На ўзроўні мацерыка мае форму, блізкую да прамавугольнай, памеры – каля $2,95 \times 3,05 \times 11,95 \times 2,05$ м. Аб’ект быў арыентаваны па лініі паўночны захад – паўднёвы ўсход з адхіленнем каля 5° да захаду. Даследаваны дыяганальным сячэннем. Запаўненне ўтвараў аднародны пясок светла-карычневага колеру. Дно пляскае, вельмі нязначна – на 5–8 см – заглыбленае ў мацерыковы пясок. Глыбіня асноўнай часткі складала каля 0,55–0,58 м ад паверхні. У паўднёвым куце пабудовы прасочана круглая слупавая яма дыяметрам каля 0,20 м, заглыбленая ў мацерыковы пясок да 15 см. У заходняй частцы, па цэнтральнай восі аб’екта, знаходзілася квадратная яма памерам прыблізна $1,3 \times 1,4$ м, глыбінёй каля 0,55 м ад падлогі. Мела нахіленыя сценкі і няроўнае дно. Знаходкі ў яе запаўненні адсутнічалі.

Ва ўсходнім куце пабудовы знаходзілася яма круглай формы дыяметрам каля 0,60 м, якая прасочвалася з ворнага слоя і была заглыблена да 0,25–0,28 м ніжэй яе дна. Характар запаўнення і дакладнасць, з якой быў зроблены гэты ўкоп, указвае на тое, што ён, верагодней за ўсё, з’яўляецца нядаўняй скарба-шукальніцкай ямай, выкапанай для здабыцця нейкага дастаткова масіўнага металічнага вырабу.

У пабудове знойдзены 25 фрагментаў ляпнога глінянага посуду, якія паходзяць як мінімум ад 4 гаршкоў: 4 шыйкі і 20 сценак. Адзін з абломкаў сценак пакрыты звонку шырокай рэгулярнай штрыхоўкай (мал. 14: 5), рэшта – ад гладкасценнага посуду. Усе фрагменты пясочнага і светла-карычневага, бэжавага або рудавага колеру, у цесце – дамешкі жарствы да 5–6 мм у папярочніку. Абломкі шыек паходзяць ад гаршкоў закрытых форм са слаба вылучанымі вертыкальнымі шыйкамі (мал. 14: 1–4). Венца аднаго з іх упрыгожана далікатнымі парнымі ямкамі (мал. 14: 3). Знешняя паверхня другога фрагмента выраўнена прыладай з няроўным працоўным краем, якая пакінула характэрныя глыбокія гарызантальныя баразенкі (мал. 14: 1).

Мал. 13. План, профіль аб'екта 1 і шыйка ляпнога глінянага гаршка з яго запаўнення (а);
план, профіль аб'екта 2 і донца ляпнога глінянага гаршка з яго запаўнення (б)

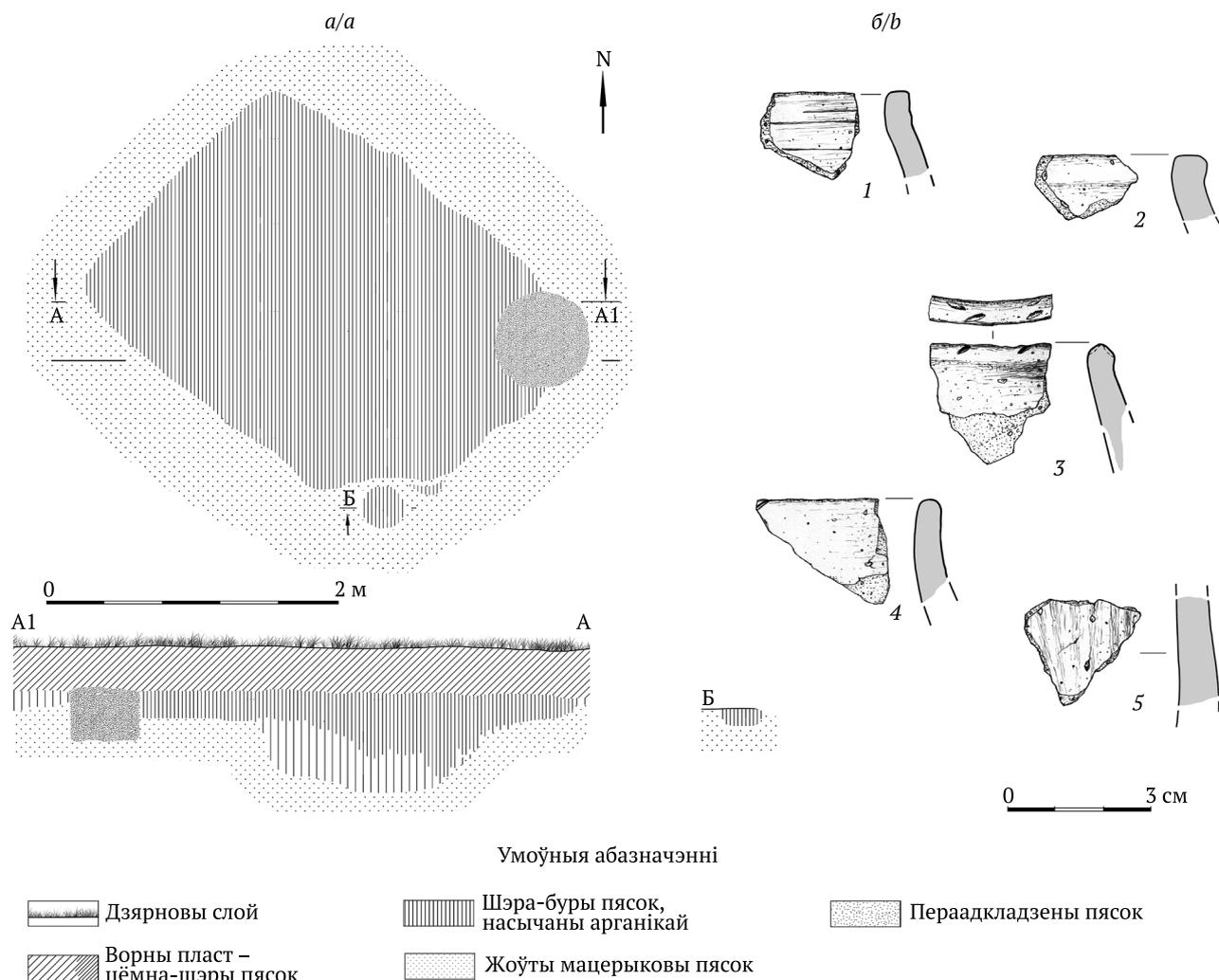
Fig. 13. Plan, profile of the object 1 and a neck of a hand-made clay pot from his filling (a);
plan, profile of the object 2 and a bottom of a hand-made clay pot from his filling (b)

Адносна невялікія памеры – каля 6 м^2 – і адсутнасць слядоў ацяпляльнага прыстасавання сведчаць пра тое, што гэта была гаспадарчая пабудова, верагодна, зрубнай канструкцыі. Слупавую яму ў паўднёвым куце трэба трактаваць як сляды рамонту або элемент інтэр’ера пабудовы.

Аб’ект 7 (жытло 2) (мал. 4, А’7, мал. 5). Аб’ект уяўляе сабой жытло са слупавой канструкцыяй сцен. Верхняя частка аб’екта знішчана воркай. Яго контуры праявіліся толькі ў доннай партыі на ўзроўні мацерыковага пяску: больш выразныя яны ў паўночнай частцы і амаль не прасочваліся на поўдні. Запаўненне ўтвараў светла-карычневы пясок. Паглыбленая ў мацярык частка мела падпрамавугольную форму, памеры – $4,2 \times 5,3 \text{ м}$, сценамі арыентавана па баках свету з адхіленнем $3\text{--}4^\circ$ па лініі паўночнага ўсходу – паўднёвага захаду. Профіль атрыманы ў прадоўжным сячэнні па восі поўнач – поўдзень (мал. 5, а, А–А1). Запаўненне захавалася да $0,17\text{--}0,20 \text{ м}$ ад мацерыка, вельмі невыразна чыталася ўнізе. Верагодна, заглыбленая частка жытла

ўяўляла сабой не катлаван, а, хутчэй, паўстала ў выніку затаптваання яго падлогі. Ад цэнтра ўсходняй сценкі, са змяшчэннем да поўдня, прыкладна на $1,5 \text{ м}$ адыходзіў выступ шырынёй да $2,2 \text{ м}$, – верагодна, утаптаны грунт на месцы ўваходу ў жытло. Па перыметры паглыбленай часткі расчышчаны сем слупавых ям ад $0,25\text{--}0,28$ да $0,40 \text{ м}$ у папярочніку глыбінёй $0,20\text{--}0,45 \text{ м}$ ад мацерыковага ўзроўню. Па прадоўжнай восі пабудовы знаходзіліся тры масіўныя слупы, на якія абапіраўся двухсхільны дах (мал. 14, а, А–А1). Тры больш тонкія слупавыя ямы, адкрытыя ўздоўж усходняй сценкі, указваюць на тое, што пабудова мела шулавую канструкцыю сцен. Слупавая яма зафіксавана і ў паўночна-заходнім куце пабудовы. З поўдня ўдалося прасачыць толькі адну, вялікую, яму па цэнтры і ніводнай – з заходняга боку, дзе яны, верагодна, былі цалкам знішчаны.

У паўднёва-заходнім куце расчышчаны рэшткі агменя: выяўлены 11 палявых камянёў да 20 см у папярочніку, размешчаных па дузе з разрывам у бок цэнтра пабудовы. Сярод іх выступаў попел

Мал. 14. План, профіль аб’екта 3 (гаспадарчай пабудовы) (а); фрагменты ляпнога глінянага посуду з яго запаўнення (б) (1–5)

Fig. 14. Plan, profile of the object 3 (outbuilding) (a); fragments of the hand-made clay pottery from his filling (b) (1–5)

і вугольчыкі, а мацерыковы грунт пад імі нёс характэрныя рудаватыя сляды абпалу. У супрацьлеглым паўночна-ўсходнім куце знаходзіліся дзве авальныя ямы памерамі 1,10×60 і 1,30×0,45 м. Яны часткова перакрывалі адна адну і, верагодна, мелі гаспадарчае прызначэнне (мал. 5, а: 7, 8). Знаходкі ў ямах адсутнічалі. Яшчэ адна яма, абазначаная як аб'ект 4, знаходзілася па цэнтры паўночнай сценкі. Яна вызначалася больш цёмным запаўненнем. Няроўныя контур і дно могуць указваць на парушэнне карэннем або натуральнае паходжанне гэтага аб'екта (мал. 5, а: 2).

У межах пабудовы, аконтуранай слупавымі ямамі (як у культурным пласце, вышэй прасочанай заглыбленай часткі, так і непасрэдна ў ёй) сабраны 9 індывідуальных знаходак. Яны выступалі на абмежаванай прасторы, толькі ў паўночна-заходняй частцы пабудовы – насупраць агменя і верагоднага ўваходу ў жытло:

1) колца са сплаву медзі (мал. 5, б: 1 і а: 1), скручанае з круглага ў сячэнні дроту ў паўтара абароту, дыяметрам 1,4 см. На паверхні заўважаюцца выразныя сляды валачэння. Канцы абламаны неахайна, з завусеніцамі. Верагодна, колца было фрагментам больш доўгай аплеткі і магло з'яўляцца паўфабрыкатам ці сыравінай для іншых вырабаў;

2) глінянае праселка (мал. 5, б: 2 і а: 2) крэмава-светла-шэрага колеру біканічнай формы з шырокай адтулінай, падлошчанае. Дыяметр праселка – 2,8 см, адтуліны – 1,4 см;

3) чатыры фрагменты металургічных тыгляў ці льячак – абломкі мініяцюрных гліняных пасудзін з характэрнай шклістай коркай звонку і менш выразнымі слядамі абпалу з унутранага боку. Найбольш выразны з іх дазваляе рэканструяваць тыгель у форме маленькай, дыяметрам каля 5,5–6 см, пасудзінкі з акруглым донцам і кароткай, трохвугольнай у сячэнні ручкай, якая адыходзіць ад яго венца (мал. 5, б: 3 і а: 3);

4) кропля расплаўленага сплаву медзі (мал. 5, а: 4);

5) два невызначальныя дробныя абломкі плацінавак жалезных вырабаў.

Вакол пабудовы былі знойдзены рэчы, якія таксама могуць быць звязаны з яе выкарыстаннем: аплаўлены фрагмент сценкі тыгля каля паўднёва-заходняга кута (мал. 5, а: 7), скол з ашлакаванай вонкавай паверхні тыгля (мал. 5, а: 5) і фрагмент апісанага вышэй пінцэта са сплаву медзі, знойдзены каля ўваходу ў жытло (мал. 5, а: 6, мал. 3, б: 1).

У межах пабудовы знойдзены 68 фрагментаў ляпнога глінянага посуду: 7 шыек, 1 донца, 60 сценак. Абсалютная большасць з іх (63 адзінкі) паходзяць ад гладкасценнага посуду; тры сценкі лошчаныя (у тым ліку дзве чарналошчаныя), дзве штрыхаваныя. Сярод іх – згаданы вышэй фрагмент шыйкі мілаградскага гаршка з «пярлінамі» пад краем венца (мал. 5, б: 10). Аднак рэшта абломкаў належаць да рымскага часу. Яны паходзяць ад невялікіх

гаршкоў закрытых форм характэрнай для помніка плаўнай прафіліроўкі. Венчыкі двух з іх упрыгожаны насечкамі і парнымі ямкамі па зрэзе (мал. 5, б: 6, 9). Адзін з абломкаў паходзіць ад мініяцюрнай пасудзіны (мал. 5, б: 4). У аб'екце таксама знойдзены дзве маленькія кальцыніраваныя косткі і кавалак гліны з утопленым у яе жужалем.

Вынікі агляду аб'ектаў, адкрытых на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г. У паўднёвай частцы раскопу завершана вывучэнне жытла 1, большая частка якога была даследавана Г. М. Бяліцкай у 2017 г. Па выніках прац двух сезонаў яно рэканструюецца як наземная пабудова зрубнай канструкцыі плошчай каля 19 м². У жытле адкрыты сляды трох агменяў. Яны маглі не толькі мець функцыю ацяпляльных прыстасаванняў, але і выкарыстоўвацца ў вытворчых працэсах. Характар знаходак (у першую чаргу гэта фрагменты металургічных тыгляў ці льячак, знойдзеныя як у запаўненні жытла (гл. [31, мал. 6: 2]), так і вакол яго ў раскопе 2018 г. (гл. мал. 3, б: 16), сведчаць аб спецыялізацыі гаспадара ў апрацоўцы каляровых металаў.

Вакол жытла 1 даследаваны аб'екты 6, 8–10, размешчаныя ў межах прапластка насычанага ліманітам суглінку. Верагодна, яны звязаны са здабычай і першаснай апрацоўкай жалезнай руды. Аб'екты 8 і 10 (ямы) маглі з'явіцца на месцы здабычы ліманіту. Пасля першаснай ачысткі і прасушкі руда перамяшчалася з вугалем. Утвораная такім чынам металургічная шыхта складзіравалася на месцы здабычы – у ямах і вакол іх. Сюды таксама магла зносіцца здабытая недалёка руда. Верагодна, для захавання шыхты сухой быў зроблены адмысловы навес, слядамі якога з'яўляюцца дзве слупавыя ямы (аб'екты 6, 10). Пасля заканчэння выкарыстання гэтага вытворчага аб'екта было збудавана жытло, паўднёвая частка якога перакрыла аб'ект 8. Магчыма, з забеспячэннем тэхналагічных працэсаў плаўкі жалеза або апрацоўкі каляровых металаў звязаны даследаваны непадалёк невялікі, неглыбокі калодзеж (аб'ект 5).

У паўночнай частцы раскопу вывучана жытло 2 (аб'ект 7, 2018) слупавой канструкцыі плошчай каля 25 м². Як і жытло 1, яно характарызуецца слядамі апрацоўкі каляровых металаў: як у самой пабудове, так і ў непасрэднай яе блізкасці знойдзены абломкі тыгляў ці льячак, кроплі расплаўленага металу, а таксама пінцэт, які можа інтэрпрэтавацца як інструмент ювеліра.

Магчыма, да гэтага двара належалі два аб'екты, размешчаныя на поўдзень ад жытла 2. Адзін з іх, аб'ект 3, рэканструюецца як невялікая, плошчай каля 6 м², пабудова зрубнай канструкцыі з вялікай ямай унутры, верагодна, пограбам. Ямай гаспадарчага прызначэння, напэўна, з'яўляецца аб'ект 2. Пытанне інтэрпрэтацыі аб'екта 1, у якім разам з абломкамі посуду былі знойдзены пяць дробных кальцыніраваных костак, павінна застацца адкрытым да правядзення іх спецыяльнага аналізу.

Аналіз матэрыялаў

Для таго каб вызначыцца з гісторыка-культурных кантэкстам матэрыялаў, атрыманых на селішчы Яскавічы-1 у 2018г., спынімся падрабязней на магчымасцях датавання, а таксама іх параўнальным аналізе на фоне сінхронных, культурна роднасных помнікаў.

Датаванне і культурны кантэкст індывідуальных знаходак. Усе рэчы, якія нясуць інфармацыю адносна храналогіі і даюць падставы для вызначэння гісторыка-культурнага кантэксту селішча Яскавічы-1, былі адкрыты ў 2018 г. па-за аб'ектамі – у культурным пласце – як падчас раскопак, так і ў выніку разведкі з металадэтэктарам, таму варта разглядаць іх у комплексе. Пры першасным падзеле – паводле крыніцы паходжання – яны распадаюцца на тры групы: 1) рэчы, несумненна, мясцовага паходжання (кола культур усходнееўрапейскай лясной зоны); 2) знаходкі, якія павінны ўспрымацца як імпорт альбо запазычаныя з культур цэнтральнаеўрапейскага Барбарыкума; 3) рымскі імпорт (адна знаходка).

Адзіны знойдзены на помніку ў 2018 г. імпорт з Рымскай імперыі – срэбны дынарыі імператара Камода (мал. 3, а: 1) – не дае падстаў для абсалютнага датавання. Манета была адбіта ў 183–184 гг., аднак перыяд хаджэння срэбных рымскіх дынарыяў на тэрыторыі еўрапейскага Барбарыкума быў вельмі працяглы. Манетна-рэчавыя скарбы, адкрытыя на тэрыторыі Беларусі, сведчаць пра тое, што вырабленыя з якаснага срэбра манеты пачатку імперскага перыяду маглі заставацца тут у выкарыстанні да першай паловы – сярэдзіны V ст. [32].

Асноўны блок металічных рэчаў, атрыманых на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г., утвараюць вырабы мясцовага паходжання – гарызонту ўсходнееўрапейскіх выемчатых эмалей. Пад гэтым паняццем аб'ядноўваецца комплекс упрыгожанняў і дэталей касцюма (фібулы, падвескі, грыўны, ланцугі, галаўныя венчыкі, пярсцёнкі, шпількі і інш.) і рэчаў элітарнай, у тым ліку ваярскай, культуры (шпоры, рытоны, бізуны), якія ўпрыгожваліся ўстаўкамі са шкла рознага колеру. Верагодна, тэхналогія іх вырабу была запазычана ў правінцыйна-рымскіх рамеснікаў [33]. У сярэдзіне – другой палове II ст. яна імкліва распаўсюджвалася, і на землях Прыбалтыкі ды ў глыбіні ўсходнееўрапейскай лясной зоны з'явіўся шэраг лакальных цэнтраў вытворчасці рэчаў у стылі «варварскіх» эмалей, найбуйнейшыя з якіх лакалізаваліся ў Сярэднім Падняпроўі і левабярэжжы Дняпра – у арэале кіеўскай культуры (гл. спіс літаратуры ў [34–37]). У познярымскі час, з канца II – пачатку III ст., іх вырабы распаўсюджваюцца на агромністай прасторы: ад польскіх Мазур і Прыбалтыкі на захадзе да Паволжа на ўсходзе і ад Паўднёвай Скандынавіі

на поўначы да Паўночнага Прычарнамор'я на поўдні. У гэтым арэале касцюм рознакультурнага насельніцтва, аб'яднаны прысутнасцю рэчаў з выемчатымі эмалямі, дапаўняўся лакальнымі вырабамі згодна з традыцыямі кожнай з гісторыка-культурных супольнасцей. Датаванне гэтых рэчаў з'яўляецца дастаткова складанай задачай, паколькі іх абсалютная маса знойдзена па-за комплексамі (найчасцей выпадкова або ў культурным пласце селішчаў ці ў скарбах). Таму высновы пра іх датаванне робяцца на падставе пошуку прататыпаў, канструктыўных і стылістычных аналогій з іншымі вырабамі, а таксама назіранняў за эвалюцыяй форм і спосабаў арнаментальнай рэчаў кола «варварскіх» выемчатых эмалей.

Як адзначалася вышэй, селішча Яскавічы-1 стала вядомае дзякуючы аматарскім знаходкам менавіта такіх рэчаў: у 2017 г. скарбашукальнікі выявілі тут дзве лунніцы з эмалямі [31, мал. 7: 3, 4]. Падчас даследаванняў Г. М. Бяліцкай у межах жылля 1 была адкрыта яшчэ адна лунніца, а на плошчы помніка – фрагменты дзвюх трохвугольных фібул [31, с. 270–272, мал. 6: 1, мал. 7: 1, 2]. У 2018 г. у выніку разведкі з выкарыстаннем металадэтэктара ў Яскавічах знойдзены яшчэ 5 цэлых і фрагментаваных вырабаў з эмалевымі ўстаўкамі: падковападобная фібула (мал. 3, а: 2), чатыры лунніцы і іх фрагменты (мал. 3, а: 3–6). Атрыманая на яскавіцкім селішчы 10 вырабаў з эмалямі дазваляюць параўноўваць яго па колькасці знаходак рэчаў з эмалевымі ўстаўкамі з такімі буйнымі і добра вывучанымі помнікамі верхнедняпроўскага варыянта кіеўскай культуры, як селішчы ў Абідні і Тайманава (гл. [38, с. 214–217, рис. 16: 1–5, 11; 39, рис. 5: 6, 7, рис. 8: 3]).

Тыпалагічна найбольш ранняя рэччу кола «варварскіх» эмалей у яскавіцкай калекцыі трэба лічыць падковападобную фібулу (мал. 3, а: 2). Яна належыць да тыпу 1В VI балтыйска-днепра-окскай серыі паводле класіфікацыі Я. Г. Гарахоўскага або да тыпу II згодна з тыпалогіяй А. Яблоньскай, гэтыя тыпы датуюцца III ст. [40, с. 31; 41, с. 125–128; 36, с. 118, 120–123]. У апошнія гады назіраецца тэндэнцыя да састарэння іх датавання. На прыкладзе пахаванняў багачэўскай культуры, адкрытых на тэрыторыі Літвы, Г. Бітнер-Урублеўская прадэманстравала, што падобныя фібулы пачалі выкарыстоўвацца з фінальнага адрэзка фазы В₂ і на фазе В₂/С₁–С_{1а} (у межах сярэдзіны II – пачатку III ст.) і маглі заставацца ў выкарыстанні на фазе С_{1в}–С₂ (да сярэдзіны ці другой паловы III ст. уключна) [42, с. 172–173, 179–180, рис. 1, 4]. На Беларускай Палесі вядомая яшчэ адна (выпадковая) знаходка фібулы тыпу VI.1 паводле класіфікацыі Я. Г. Гарахоўскага, выяўленая каля в. Сігневічы, што на Ясельдзе [28, мал. 8: 8]⁶.

⁶Сярод найбольш блізкіх аналогій да яскавіцкай падковападобнай фібулы можна згадаць зашпільку з Бакшай, што ў Літве, якая, як і яскавіцкая, мае характэрныя круглыя выступы на вуглах верхняга гнязда, але вызначаецца большымі памерамі і масіўнасцю (гл. [34, рис. 28: 6]).

Фрагмент лунніцы з проразямі на плечыках і трохвугольнымі лопасцямі па перыметры гнёздаў (мал. 3, а: 5) належыць да тыпу IIIГ1 паводле класіфікацыі І. К. Фралова [43]. Ад тыпалагічна блізкай лунніцы паходзіць таксама абломак з трохвугольнымі эмалевымі палямі на плечыках (мал. 3, а: 6). Стылістычна больш позняй з'яўляецца цэлая лунніца з выступамі на целе (мал. 3, а: 3) тыпу IVA3 паводле класіфікацыі І. К. Фралова. Блізкай да апошняй мусіла быць лунніца, ад якой захавалася абломак плечыка (мал. 3, а: 4). Усе гэтыя падвескі-лунніцы могуць быць аднесены да сярэдняга этапу развіцця вырабаў кола выемчатых эмалей, храналагічныя рамкі якога вызначаюцца А. М. Абломскім і Р. У. Цярпілоўскім як канец II – сярэдзіна – другая палова III ст. [36, с. 119–121].

Касцюм жыхароў яскавіцкага селішча дапаўняўся элементамі без эмалевых уставак, стыль выканання якіх адпавядаў агульнай эстэтыцы гэтага культурнага асяроддзя.

Сярод такіх рэчаў трэба ў першую чаргу адзначыць пранізку цыліндрычнай формы, скручаную з тонкай бронзавай бляхі (мал. 3, а: 14). Такія пранізі шырока прадстаўлены ў старажытнасцях гарызонту выемчатых эмалей, найперш познезарубінецкіх груп і кіеўскай культуры, у тым ліку на помніках з Беларусі [44, с. 28, рис. 18: 3, 4, рис. 20: 6–8, рис. 22: 9, рис. 24: 1, 2, рис. 26: 7; 38, с. 217–219, рис. 18: 5, 7, 8]. Яны з'яўляліся пераважна элементам караляў, у складзе якіх дапаўняліся пацеркамі, драцяннімі спіральнымі пранізкамі і аздобленымі эмалямі падвескамі-лунніцамі (гл. [45]).

Да рэчаў без эмалевых уставак належыць і пярсцёнак, скручаны з фрагмента бранзалета (мал. 3, а: 9). Дакладныя аналогіі такіх бранзалетаў мне невядомыя. Характэрнай дэталлю з'яўляецца патоўшчаная пляцоўка на канцы. Яна дазваляе меркаваць, што яго аддаленымі прататыпамі маглі з'яўляцца так званыя змяінагаловыя бранзалеты, тыповыя для старажытнасцей паўднёвага ўзбярэжжа Балтыйскага мора, перш за ўсё вельбарскай культуры, дзе розныя іх варыянты прадстаўлены на працягу раннярымскага і пачатку познярымскага перыяду – да фаз C_{1b}–C₂ уключна [46]. Змяінагаловыя бранзалеты інспіравалі з'яўленне блізкіх форм у насельніцтва шэрагу суседніх культур. Найбольш яркімі прыкладамі могуць служыць іх самбійскія дэрываты [47, гус. 10; 48, Taf. 22, Taf. 97: 5–7; 49] або бранзалеты тыпу *Каменьчык*, характэрныя для помнікаў усходняга варыянта пшэворскай культуры [47, с. 320–321, гус. 5, гус. 6: а, б]. У аздабленні як ранніх варыянтаў змяінагаловых бранзалетаў, так і вытворных ад іх форм выкарыстоўваліся ланцужкі наколаў уздоўж па прадольнай восі, якія мы таксама назіраем на фрагменце бранзалета з селішча Яскавічы-1. Аналігічным чынам упрыгожаны фрагмент бранзалета з трохвугольнага ў сячэнні брусочка (мал. 3, а: 10). Пярсцёнак, скручаны

з абломка падобнага бранзалета, вядомы па даследаваннях Г. М. Бяліцкай на селішчы Давыд-Гарадок, што ў нізоўях Гарыні [29, мал. 19: 1].

Форма і характар арнаментальнага фрагмента вырабу з шырокай стужкі (мал. 3, а: 13) таксама дазваляе разглядаць яго як абломак бранзалета. На тэрыторыі Беларусі можна адзначыць абломак з падобным арнаментам, знойдзены на селішчы постзарубінецкага гарызонту ў Курадаве [50, с. 100, мал. 3: 14]. Фрагмент бранзалета з шырокай стужкі, упрыгожаны складанай гравіраванай кампазіцыяй, вядомы на селішчы верхнедняпроўскага варыянта кіеўскай культуры Тайманава [39, рис. 4: 11].

Касцюм жыхароў селішча Яскавічы-1 дапаўнялі рэчы, ідэя якіх была запазычана ў насельніцтва цэнтральнаеўрапейскага Барбарыкума, або безумоўныя імпарты з гэтага культурнага кола. Іх аналіз дазваляе ўдакладніць датаванне для гарызонту рымскага перыяду, а таксама выказаць некаторыя назіранні адносна сувязей, у якія былі ўключаны жыхары яскавіцкага селішча.

Тыпалагічна найбольш ранняя рэччу, якая павінна разглядацца ў гэтым кантэксце, з'яўляецца пласцінкавы наканечнік рэменя (мал. 3, а: 8). Ён належыць да тыпу 9.1 групы IV паводле класіфікацыі Р. Мадыды-Легутка. Жалезныя наканечнікі тыпу ML-9.1 з'яўляюцца ў старажытнасцях пшэворскай культуры яшчэ ў фазе A₂ позняга перадрымскага часу (каля 150–70 гг. да н. э.), але вырабленыя са сплаваў медзі наканечнікі датуюцца ў Цэнтральнай Еўропе ў межах фаз B₁–C_{1a} рымскага часу (каля 10–40 – 220 гг.) [51, с. 71–72, 75–76]. Звузіць гэта датаванне дазваляюць назіранні за іх распаўсюджаннем: бронзавыя наканечнікі ML-9.1 былі пашыраны ў Палаб'і, на тэрыторыі Карпацкай катлавіны, паўднёва-заходняга ўзбярэжжа Балтыкі і Паўночнай Польшчы [51, с. 71–72, 75–76]. Іх знаходкі невядомыя мне ў старажытнасцях усходнееўрапейскай лясной зоны. Найбольш верагодным падаецца, што да жыхароў селішча Яскавічы-1 гэта дэталля пояса трапіла ў выніку непасрэдных кантактаў з насельніцтвам вельбарскай культуры, якое з'яўляецца ў Прыпяцкім Палессі ў фазе B₂/C₁–C_{1a} (каля 160–180 – 200–220 гг.) [52, с. 394, табл. 1]. З улікам гісторыка-культурнай сітуацыі ў даследуемым рэгіёне датаванне наканечніка рэменя з селішча Яскавічы-1 можна абмежаваць апошнімі дзесяцігоддзямі II – пачаткам III ст.

Да больш позняга часу трэба аднесці сякерападобную падвеску тыпу III паводле класіфікацыі А. Какоўскага (мал. 3, а: 7). Такія падвескі з'яўляюцца ў Цэнтральнай Еўропе не раней чым у фазу C₂ познярымскага часу (каля 260–300 гг.) [53, с. 101–102]. Ва ўсходнееўрапейскай лясной зоне знаходкі сякерападобных падвесак павінны разглядацца як імпорт з культур гоцкага кола – вельбарскай і чарняхоўскай. У гэтым кантэксце яны адзначаны таксама на землях Беларусі, у тым ліку каля в. Івань

Слущага раёна – прыкладна за 40 км на поўнач ад селішча Яскавічы-1 [54, с. 64–66, рис. 1: 4, 5].

У цэлым фрагмент срэбнай арбалетападобнай фібулы тыпу А.162 паводле тыпалогіі О. Альмгрэна [55] сінхронны сякерападобнай падвесцы (мал. 3, б: 4). Найбольш блізкія аналогіі па форме і сячэнні спінкі можна адзначыць сярод зашпілек варыянтаў ZM-71 і ZG-79 паводле класіфікацыі А. Какоўскага, якія датуюцца ў старажытнасцях масламенцкай групы і вельбарскай культуры пераважна фазай C₂ познярымскага перыяду (каля 260–300 г.), але маглі заставацца ў выкарыстанні ў першай палове IV ст. [56, s. 39, tab. II: 1, 2; 57, s. 14, 43, рус. 2: j, k; 58, S. 62, Abb. 34; 59, p. 40–41, 99–100, 131–133, pl. XXXIII/Gr. 75: 1, pl. CLXVII/Gr. 379: 1, 2] (гл. таксама [60, S. 465–470]).

Як адзначалася вышэй, на падставе ўмоў залягання і супадзення памераў можна меркаваць, што рамка і язычок (мал. 3, б: 2, 3) паходзяць ад адной спражкі. У цэнтральнаеўрапейскім Барбарыкуме аналогіі можна адзначыць сярод спражак тыпаў Н.11, 16, 17 або мініяцюрных форм Н.25, 26 паводле класіфікацыі Р. Мадыды-Легутка. Спражкі гэтага кола з’яўляюцца ў фазе C₂ і выкарыстоўваюцца да ранніх этапаў эпохі Вялікага перасялення народаў уключна – прыкладна з 260 па 450–460 г. [61, s. 63–66]. У чарняхоўскай культуры тыпалагічна блізкія спражкі тыпу Д паводле класіфікацыі Я. Л. Гарахоўскага характарызуюць развіцця і познія яе фазы – пераважна IV ст. [62, с. 45, таб. 1, 62, 72, 73].

На селішчы Яскавічы-1 знойдзены таксама два фрагменты, магчыма, ад адной паясной абоймы, датаванне якой не можа быць вызначана межамі больш вузкімі, чым рымскі час (мал. 3, б: 11, 12).

Нарэшце, у кантэксце сувязей і перайманняў з кола культур цэнтральнаеўрапейскага Барбарыкума можа разглядацца абломак пінцэта (мал. 3, б: 1). Пінцэты, як катэгорыя туалетных, медыцынскіх і ювелірных прылад, пакуль не дачакаліся комплекснага аналізу. Аднак экзэмпляр з селішча Яскавічы-1 па форме, памерах, прапорцыях і матэрыяле знаходзіць аналогіі, найперш сярод пінцэтаў рымскага часу, якія прадстаўлены ў тым ліку на помніках вельбарскай культуры [63; 64, s. 20–21]. У дачыненні да яскавіцкай знаходкі немагчыма вызначыць, з’яўляецца яна імпартам ці мясцовым вырабам, ідэя якога была запазычана, верагодней за ўсё, у насельніцтва Цэнтральнай Еўропы. На тэрыторыі Беларусі ў культурна блізкім кантэксце знаходка пінцэта вядомая на селішчы Тайманова ў Верхнім Падняпроўі [39, рис. 4: 12].

Такім чынам, на падставе датавання прадстаўленых знаходак рымскі гарызонт селішча Яскавічы-1 папярэдне можна вызначыць межамі, якія адпавядаюць фазам B₂/C₁–C_{1a} – C₂/C₃ адноснай храналогіі культур Цэнтральнай Еўропы: прыкладна з другой паловы або канца II па пачатак альбо сярэдзіну IV ст. Пры гэтым большасць знаходак датуюцца III ст.

Пласцінкавы наканечнік пояса ўказвае на тое, што ў рымскі час яскавіцкае селішча пачало выкарыстоўвацца не пазней чым на рубяжы II–III стст., што ў цэлым супадае з датаваннем разгледжанай вышэй падковападобнай фібулы кола эмалей. Знаходка сякерападобнай падвескі з відавочнасцю дэманструе, што жыхары селішча працягвалі кантактаваць з насельніцтвам вельбарскай культуры як мінімум да канца III ст. На прыкладзе шэрагу рэчаў (арбалетападобная фібула, дэталі пояса) можна адзначыць больш познія імпарты і перайманні элементаў касцюма з варварскага свету Цэнтральнай Еўропы.

Нягледзячы на тое што сярод разгледжаных элементаў касцюма вызначаюцца даволі шматлікія імпарты і перайманні ад насельніцтва цэнтральнаеўрапейскага кола, вельбарскай і чарняхоўскай культуры, гэтыя ўплывы толькі эпизадычна адзначаюцца ў штодзённай побытавай культуры жыхароў селішча Яскавічы-1. У яе аснове, безумоўна, ляжала мясцовыя традыцыя кола культур усходнеўрапейскай лясной зоны. Так, непасрэдня аналогіі ў апошняй знаходзяць найбольш масава распаўсюджаныя прылады працы – гліняныя праселкі. Нізкія, біканічнай або бачонкападобнай формы праселкі з шырокімі адтулінамі тыповыя для старажытнасцей познезарубінецкага тыпу і кіеўскай культуры (сярэдзіна I – IV ст.) з тэрыторыі Сярэдняга Падняпроўя і Дняпроўскага левабярэжжа і адпавядаюць тыпам 3, 5–8 у класіфікацыі А. М. Абломскага [3, с. 55–57, рис. 16]. Яны прадстаўлены на помніках постзарубінецкага і «перадпражскага» гарызонту Прыпяцкага Палесся [27, с. 355, мал. 5, Б: 16 і В: 8–12, мал. 9, А: 10; 29, мал. 9: 1, мал. 19: 7–10] і масава выступаюць у матэрыялах верхнедняпроўскага варыянта кіеўскай культуры [65; 38, с. 208–210, рис. 11].

Вырашальнае значэнне для вызначэння культурнага кола, да якога належалі жыхары яскавіцкага селішча, мае аналіз найбольш масавага элемента матэрыяльнай культуры – глінянага посуду.

Да характарыстыкі керамічнага комплексу. Сезон 2018 г. стаў толькі другім у вывучэнні селішча Яскавічы-1. Пакуль можна скласці толькі папярэдняе ўяўленне аб посудзе рымскага гарызонту гэтага помніка. Тым не менш сцісла спынімся на коле аналогій, якія магчыма вызначыць ужо сёння.

На падставе акрэсленага вышэй датавання і назіранняў за прафіліроўкай найбольш характэрных абломкаў і спосабамі апрацоўкі паверхні, познярымскі гарызонт селішча павінен суадносіцца з кіеўскім культурным колам (гл. [4, таб. 9, с. 35–42; 5, рис. 8, с. 44–47; 7, с. 19–20, рис. 1]). У апошнім найбольш блізкія аналогіі да керамічнага комплексу з Яскавічаў можна адзначыць у матэрыялах селішча Абідня – аднаго з эталонных помнікаў яе верхнедняпроўскага варыянта, якое існавала ў канцы II – пачатку IV ст. [38, с. 242], гэта значыць у час, сін-

хронны асноўнай частцы матэрыялаў, адкрытых на селішчы Яскавічы-1.

Як адзначалася вышэй, керамічны комплекс яскавіцкага селішча характарызуюць найперш гаршкі закрытых форм з плаўным *s*-падобным выгінам шыек і акруглымі плечыкамі, размешчанымі вышэй сярэдзіны вышыні пасудзін (мал. 7: 3, 4, мал. 9: 9–32, мал. 8: 1, 10, мал. 10: 4–6, 8, 10, мал. 12, б: 1, 2, мал. 13, а: 1, мал. 5, б: 7). Гэтыя формы суадносяцца з гаршкамі тыпаў I1A і I3A паводле тыпалогіі А. М. Абломскага і Р. У. Цярпілоўскага (гл. [4, табл. 9]). У схемах, распрацаваных для фрагментаванага керамічнага матэрыялу, найбольш блізкія адпаведнікі адзначаюцца сярод форм тыпу SC1, вылучанага А. У. Ільюцік для селішча Абідня, якія ўключаны М. В. Лапаціным і А. Г. Фурасьевым пераважна ў тыпы 1, 7, 8, што характарызуюць набор абідненскай традыцыі і генетычна з ёй звязаны посуд помнікаў Верхняга Падняпроўя і Падзвіння [66, рис. 9; 38, с. 203, рис. 7: 6–21; 67, с. 33, 36, рис. 11, 18, 19]. Для селішча Яскавічы-1 нехарактэрныя рабрыстыя формы. У матэрыялах з раскопак 2018 г. гэта адзінкавыя абломкі місападобных пасудзін і гаршкоў (мал. 8: 7, 11, 15). Рабрыстыя гаршкі значна шырэй прадстаўлены на помніках кіеўскай культуры Сярэдняга Падняпроўя, Падзясення і Дняпроўскага левабярэжжа, асабліва на сярэднім і познім этапах іх развіцця [7, с. 40; 68, с. 40–44]. На эталонным селішчы верхнедняпроўскага варыянта кіеўскай культуры Абідня іх доля не перавышае 10 % [38, с. 203]. У Верхнім Падняпроўі тэндэнцыя да больш вострага прафілявання посуду нарастае з рубяжа III–IV стст., калі тут адбываецца змена культурнай традыцыі: з Падзясення сюды перасяляюцца групы роднаснага кіеўскага насельніцтва, якое ў гэты час саступала свае землі носьбітам чарняхоўскай культуры; у беларускім Падняпроўі мясцовае насельніцтва абідненскай традыцыі выцясяецца і мігруе на поўнач уверх па Дняпры (гл. [69; 67; 70]).

Агульнае падабенства керамічнага комплексу селішчаў у Яскавічах і Абідні падкрэсліваецца таксама характарам апрацоўкі паверхні посуду. Так, у кіеўскай культуры Сярэдняга Падняпроўя і Дняпроўскага левабярэжжа традыцыя пакрыцця паверхні гаршкоў штрыхоўкай і расчэсамі адзначаецца не на ўсіх помніках і звязваецца з пранікненнямі груп насельніцтва з тэрыторыі паўднёва-ўсходняй Беларусі, пераважна ў постзарубінецкі перыяд (у I–II стст.). Тут яна не атрымала распаўсюджання і практычна цалкам знікла на сярэднім і познім этапах развіцця кіеўскай культуры [7, с. 41, 47; 68, с. 41–42, 46]. У Верхнім Падняпроўі на эталонным селішчы Абідня доля абломкаў посуду з расчэсамі складае 11,5 %, са штрыхоўкай – каля 5 %, лошчаных і падлошчаных – 2,7 % [66, с. 17; 38, с. 203]. Разам з тым пры параўнанні калекцыі 2018 г., сабранай у Яскавічах, з керамічным комплексам верхнедняпроўскага варыянта кіеўскай культуры можна такса-

ма адзначыць некаторыя адрозненні. У параўнанні з посудам Абідні керамічны набор яскавіцкага селішча характарызуе супастаўляльны ўдзел абломкаў штрыхаванага (каля 6 %) і лошчанага (каля 4 %) посуду пры значна радзейшым выкарыстанні ў апрацоўцы паверхні расчэсаў (толькі 6 адзінак).

Выразныя аналогіі з наборам посуду з Яскавічаў трэба адзначыць таксама ў матэрыялах цэнтральнага Палесся больш ранняга – постзарубінецкага – гарызонту (каля 10–40 – 200–220 гг.). Керамічны комплекс найбольш рэпрэзентатыўных помнікаў, якія вывучаліся ў парэччы Прыпяці – селішча Курадава і Давыд-Гарадок – вылучаецца перавагай гаршкоў закрытых форм з выгнутымі шыйкамі [50, мал. 4: 2–4, мал. 6: 1; 71, мал. 7: 4, 8, 10, 13, мал. 8: 1, 3, 4, 19, 20, 26, мал. 9: 2, 3, 4; 27, рис. 2: 1, 2, 4–9, рис. 4: 1–13; 28, мал. 6: 2, 4–9, мал. 7: 1–12, 14, 15]. Пры гэтым посуд з селішча Курадава, якое пачынае выкарыстоўвацца з першай паловы I ст., вызначае тэндэнцыя да больш вострага прафілявання [50, мал. 4: 2–4, мал. 6: 1; 71, мал. 7: 4, 8, 10, 13, мал. 8: 1, 3, 4, 19, 20, 26, мал. 9: 2–4]. Больш плаўная прафіліроўка форм характарызуе керамічны комплекс Давыд-Гарадка, выкарыстанне якога засведчана з другой паловы II – рубяжа II–III стст. Доля абломкаў з расчэсамі складае да 4 % у Курадаве, і, таксама як у Яскавічах, яны прадстаўлены ў Давыд-Гарадку [50, с. 95; 71, с. 116]. Посуд постзарубінецкага гарызонту з падобнымі характарыстыкамі вядомыя і на поўначы цэнтральнага Палесся – у тым жа рэгіёне, у якім месціцца селішча Яскавічы-1. Найбольш ярка такія матэрыялы прадстаўлены па селішчах Старыя Юрковічы і Любань (Любанскі раён) [72, с. 127–128, мал. 6–8; 27, с. 290–291, рис. 6, А, рис. 8; 28, с. 365–367, мал. 10, Б].

Сувязь яскавіцкіх матэрыялаў з мясцовымі старажытнасцямі постзарубінецкага гарызонту можна праілюстраваць на прыкладзе некаторых спецыфічных прыёмаў апрацоўкі паверхні і прафіліроўкі асобных форм. Так, у матэрыялах селішча Давыд-Гарадок знаходзіць аналогію тэхніка выраўноўвання паверхні з дапамогай трэскі ці ганчарнага нажа (мал. 9: 4, 7) [71, с. 116]. Прыём падкрэслівання асновы шыякі гарызантальнай баразёнкай (мал. 12, а: 1) адзначаецца ў матэрыялах селішчаў Давыд-Гарадок і Старыя Юрковічы [71, мал. 12: 10; 28, мал. 7: 18, мал. 11: 10]. Аднак гэтыя элементы характэрныя перш за ўсё для ганчарнай традыцыі постзарубінецкіх помнікаў беларускага Пабужжа, дзе яны прадстаўлены значна шырэй, чым на Палессі, і лепш за ўсё могуць быць праілюстраваны матэрыяламі грунтавога могільніка каля в. Радасць (Камянецкі раён) [73, с. 244–253, мал. 12/22: 2, 3, мал. 12/23: 2]. На апошнім можна заўважыць таксама спецыфічны прыём храпавачэння, які адзначаюць таксама ў Яскавічах: уціранне ў вільготную сценку пасудзіны дробнай жарствы і пяску (мал. 6, 14) [73, мал. 11: 1]. Гэты вельмі спецыфічны спосаб храпавачэння характарызуе таксама помнікі культу-

ры позняй штрыхаванай керамікі, прычым адзначаецца ён толькі на Панямонні. А. М. Мядзведзеў прыводзіць звесткі аб тым, што доля такога «ашурпачанага» посуду на гарадзішчах Панямоння можа дасягаць 17 %; тут адзначаюцца і выпадкі «гібрыднага ашурпачвання», калі слой такой храпаватасці наносіўся на ўнутраны бок, а знешні быў пакрыты штрыхоўкай [74, с. 37–38]. У Яскавічах на асобных абломках слой храпаватасці быў нанесены паверх штрыхоўкі і расчэсаў (мал. 6: 15, 17). Сувязямі з насельніцтвам культуры позняй штрыхаванай керамікі можна патлумачыць наяўнасць на яскавіцкім селішчы фрагментаў штрыхаванага посуду, аздобленых па плечыку пальцавымі зашчыпамі і ямкавымі ўцісканнямі (мал. 8: 5, 10), ці абломка гладкасценнага гаршка з гарызантальным ланцужком неглыбокіх парных пальцавых уцісканняў (мал. 8: 2) [74, с. 43, рис. 82; 75, с. 76–77, табл. 43, 44].

У кантэксце сувязей з насельніцтвам культуры штрыхаванай керамікі можа разглядацца таксама традыцыя штрыхавання паверхні. Апісаныя вышэй спосабы нанясення штрыхоўкі, як і выпадкі яе пазнейшага загладжвання, вядомыя ў культуры позняй штрыхаванай керамікі [75, с. 76]. Аднак гэты рыс керамічнага комплексу яскавіцкага селішча павінна ўспрымацца як ужо ўкаранёная, адаптаваная ў мясцовых традыцыях, якая бярэ пачатак як мінімум з постзарубінецкага часу: у матэрыялах паўночнапалескіх помнікаў гэтага кола доля абломкаў штрыхаванай керамікі можа дасягаць паловы [28, с. 367].

Такім чынам, ёсць падставы меркаваць, што матэрыялы, прадстаўленыя ў гарызонце познярымскага часу селішча Яскавічы-1, генетычна звязаны з мясцовым насельніцтвам Беларускага Палесся больш ранняга, постзарубінецкага гарызонту. Гэту генетычную пераемнасць можна таксама праілюстраваць іншымі элементамі матэрыяльнай культуры: шырокім распаўсюджаннем тут у I–II стст. праселак з шырокімі адтулінамі характэрнай нізкай

біканічнай, цыліндрычнай або бачонкападобнай формы, а таксама адзначанымі вышэй аналогіямі ва ўпрыгожваннях і дэталях касцюма, у тым ліку гарызонту выемчатых эмалей (гл. [27; 28]).

У заключэнне аналізу матэрыялаў, атрыманых на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г. варта падкрэсліць яшчэ адзін элемент керамічнага комплексу, які знаходзіць адпаведнік у рэчавых знаходках. У ім вылучаюцца асобныя фрагменты посуду, якія, відавочна, належаць да іншай культурнай традыцыі. Найбольш выразна яны прадстаўлены двума малымі фрагментамі падлошчаных гаршкоў вельбарскай культуры тыпу IA паводле класіфікацыі Р. Валангевіча (мал. 6: 9, 10) (гл. [76]). Магчыма, да гэтай культуры таксама належыць адзіны знойдзены ў Яскавічах фрагмент ручкі, верагодна, ад збанка (мал. 6: 7). Посуд мае крэмава-светла-карычневы колер, кераміка мяккая на дотык, у цэсце прысутнічаюць дамешкі шамоту. Гэтыя абломкі гаршкоў адпавядаюць форме і вытворчай тэхналогіі вельбарскай культуры і павінны ўспрымацца як імпорт. Яшчэ выразней гэты вектар сувязей праяўляецца ў рэчавых знаходках з металаў: як імпарты з культур гоцкага кола (вельбарскай і чарняхоўскай) павінен трактавацца наканечнік рэменя і сякерападобная падвеска (мал. 3, б: 7, 8), напэўна, праз пасрэдніцтва паўднёвых суседзяў да жыхароў яскавіцкага селішча трапіў і рымскі срэбны дынарыў (мал. 3, б: 1). З гэтым жа кірункам сувязей павінна суадносіцца распаўсюджанне ў строі жыхароў яскавіцкага селішча элементаў касцюма насельніцтва цэнтральнаеўрапейскага Барбарыкума, такіх як арбалетападобная фібула і дэталі пояса (мал. 3, б: 2–4 і а: 11, 12) (гл. [77; 78, с. 419–437]). Прычым трэба казаць пра беспасрэднае кантактаванне ў паўночным Палессі насельніцтва кіеўскага культурнага кола з носьбітамі вельбарскай культуры: бліжэйшыя помнікі апошняй сёння вядомыя прыкладна за 30–40 км на поўдзень і паўднёвы захад ад Яскавічаў (мал. 1, III).

Заклучэнне

У 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 вывучаны ўчастак плошчай 364 м², на якім адкрыты рэшткі дзвюх сядзіб. Даследавання на помніку жылыя пабудовы (жытло 1 і жытло 2) вызначаюцца слядамі апрацоўкі каляровых металаў, на што ўказваюць абломкі тыгляў для плаўкі, кроплі расплаўленага металу і, магчыма, ювелірны пінцэт. З выплаўкай жалеза могуць звязвацца адкрытыя ў паўднёвай частцы раскопу аб'екты, часткова перакрытыя жытлом 1, – верагодна, гэта было месца здабычы і падрыхтоўкі да плаўкі шыхты. Такім чынам, Яскавічы-1 можна ахарактарызаваць як селішча з выразным рамесным кампанентам, жыхары якога спецыялізаваліся на металаапрацоўцы. Папярэдне час выкарыстання

помніка ў рымскі перыяд можна вызначыць межамі, якія адпавядаюць фазам B₂/C₁–C_{1a} – C₂/C₃ у адноснай храналогіі культур Цэнтральнай Еўропы: прыкладна з другой паловы – канца II па пачатак альбо сярэдзіну IV ст. Пры гэтым датаванне, вызначанае для большасці знаходак, прыпадае на III ст. Паводле асноўных характарыстык матэрыяльнай культуры, селішча Яскавічы-1 павінна звязвацца з кіеўскім культурным колам. Вынікі параўнання асноўных элементаў матэрыяльнай культуры – формы, тэхналогіі вырабу і характару апрацоўкі посуду, прылад працы, упрыгожанняў і элементаў касцюма – папярэдне дазваляюць разглядаць яе як працяг эвалюцыі мясцовых, цэнтральнапалескіх

старажытнасцей постзарубінецкага гарызонту (сярэдня І – рубж ІІ–ІІІ стст.).

Пасля фармуліроўкі М. Б. Шчукіным і Д. А. Мачынскім у 1970–90-х гг. гіпотэзы «палескай белай плямы» расійскімі даследчыкамі прагназавалася адкрыццё на Палессі помнікаў познярымскага часу кола кіеўскай культуры, блізкіх да помнікаў тыпу селішча Абіднія, якія павінны былі скласці аснову мясцовага фарміравання найбольш ранніх старажытнасцей пражскай культуры [25, с. 135–136; 26, с. 439; 1, с. 20; 79, с. 44–45; 69, с. 151] (гл. таксама [70, с. 33–37]). Гэтыя погляды падзяляюць і айчынныя археолагі, якія спецыялізуюцца ў вывучэнні рымскага часу на поўдні Беларусі [17, с. 158; 19, с. 499; 21, с. 53–55; 29, с. 498]. На працягу апошніх гадоў існаванне ў цэнтральным цячэнні Прыпяці помнікаў з гарызонтам познярымскага часу ўжо неаднаразова адзначалася ў беларускай археалогіі. Да адкрыцця селішча Яскавічы-1 такія матэрыялы былі атрыманы падчас раскопак помнікаў пражскай і зарубінецкай культур, якія ажыццяўляла В. С. Вяргей і працягвае сёння Г. М. Бяліцкая, у селішчах Струга-1, Снядзін, Хатомель-2, Бярэжцы (гл. мал. 1: 2–4). На падставе аналізу посуду і асобных індывідуальных знаходак у іх вылучаецца як постзарубінецкі, так і больш позні гарызонт, які суадносіўся як па храналогіі, так і па форме і арнаментацыі посуду з керамічным наборам кіеўскай культуры [80, с. 139, мал. 5; 20; 72; 30]. Але ў парэчы Прыпяці такія матэрыялы былі атрыманы на шматслойных паселішчах, часта са складанай стратыграфіяй, у якіх з дакладнасцю вылучыць вузкі храналагічны гарызонт складана. Селішча ж Яскавічы-1 – практычна аднаслойны помнік, які не ўтрым-

лівае істотных дамешкаў іншых эпох і культур і актыўна выкарыстоўваўся толькі ў познярымскі – «перадпражскі» час. Такім чынам, яскавіцкае селішча можа стаць эталонным помнікам, які ў перспектыве дазволіць вылучаць аналагічныя старажытнасці ў цэнтральным Палессі, у тым ліку ў парэчы Прыпяці.

Раскопкі ў Яскавічах толькі распачынаюцца. Адкрыццё і пачатак вывучэння гэтага помніка – важны крок, паколькі ўжо сёння гэта дазваляе запоўніць «перадпражскую» храналагічную лакуну ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларускага Палесся. У перспектыве такія даследаванні змогуць прапанаваць нам новы эталонны помнік – інструмент, які дазволіць на якасна новым узроўні падысці да вывучэння старажытнасцей рымскага перыяду і пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў у басейне Прыпяці. Яшчэ належыць высветліць, ці існуе культурная пераемнасць паміж адкрытымі тут старажытнасцямі І–V стст.: помнікамі постзарубінецкага гарызонту, кола кіеўскай культуры і найбольш раннімі помнікамі, фазы «0», пражскай культуры. Тым не менш вынікі даследаванняў, якія вяліся беларускімі археолагамі на працягу апошніх трох дзесяцігоддзяў, ужо сёння дазваляюць перавесці гіпотэзу аб фарміраванні народа *славян*, вядомага па пісьмовых крыніцах VI–VII стст., на землях Палесся ў разрад тэорыі, якая знаходзіць усё больш важкія пацверджанні. Якім бы ні быў канчатковы вынік даследаванняў па праблеме «перадпражскага» гарызонту Беларускага Палесся, несумненна, што яны ўнясуць істотны ўклад у вывучэнне праблемы этнагенезу і найбольш ранніх старонак гісторыі славянскіх народаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гавритухин ИО. Понятие пражской культуры. В: Короткевич БС, Мачинский ДА, Сениченкова ТБ, редакторы. *Труды Государственного Эрмитажа. Том 49. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа; 2009. с. 7–25.
2. Терпиловский РВ. *Ранние славяне Подесенья III–V вв.* Киев: Наукова думка; 1984. 121 с.
3. Обломский АМ. *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э.* Москва: Археологическое агентство; 1991. 287 с.
4. Обломский АМ, Терпиловский РВ. *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э.* Москва: Институт археологии Академии наук СССР; 1991. 175 с.
5. Терпиловский РВ, Абашина НС. *Памятники киевской культуры*. Киев: Наукова думка; 1992. 222 с.
6. Обломский АМ. Позднезарубинецкие памятники. В: Рыбаков БА, редактор. *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э.* Москва: Наука; 1993. с. 40–52.
7. Терпиловский РВ. *Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.* Коковски А, редактор. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2004. 232 s. (Monumenta Studia Gothica; 3).
8. Арион ОВ, Башкатов ЮВ, Обломский АМ, Терпиловский РВ. У истоков славянства. В: Обломский АМ, редактор. *Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2010. с. 93–110. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 12).
9. Щукин МБ. Археологические данные о славянах II–IV вв. Перспективы ретроспективного метода. В: *Археологический сборник. Выпуск 17. Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы*. Ленинград: Аврора; 1976. с. 67–81.
10. Мачинский ДА. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках. В: *Археологический сборник. Выпуск 17. Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы*. Ленинград: Аврора; 1976. с. 82–100.
11. Щукин МБ. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования. В: Матвеева ГИ, редактор. *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет; 1986. с. 26–38.

12. Шукин МБ. О трех путях археологического поиска ранних славян. Перспективы третьего пути. В: *Археологический сборник. Выпуск 28. Материалы и исследования по археологии СССР*. Ленинград: Искусство; 1987. с. 103–118.
13. Мачинский ДА. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции). В: Герд АС, Лебедев ГС, редакторы. *Славяне: этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1989. с. 76–105.
14. Шукин МБ. Рождение славян. В: Ткачук МЕ, Манзура ИВ, Мосионжик ЛА, редакторы. *Stratum: структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор; 1997. с. 110–147.
15. Егорейченко АА. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области. *Archaeoslavica*. 1991;1:61–82.
16. Вяргей ВС. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лука-Райкавецкай культуры. У: Егарэйчанка АА, Шадыра ВІ, Вяргей ВС, Гурын МФ, Лашанкоў МІ, Макушнікаў АА і інш. *Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і Ранняя сярэднявечча*. Шадыра ВІ, Вяргей ВС, рэдактары. Мінск: Беларуская навука; 1999. с. 317–337.
17. Вяргей ВС, Трымер В. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2003;18:151–187.
18. Вяргей ВС. Археалогія ранніх славян на тэрыторыі Беларусі. У: Koško A, Kalečyc A, redaktorzy. *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 278–304.
19. Вяргей ВС. Пражская культура в Беларуси. В: Kaczanowski P, Parczewski M, redaktorzy. *Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji; 19–21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2005. s. 487–502.
20. Вяргей ВС. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов. В: Воронцов АМ, Гавритухин ИО, редакторы. *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Выпуск 1*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле»; 2008. с. 238–256.
21. Вяргей ВС. Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі. У: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Книга 2*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 14–61.
22. Gavrituchin IO. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland). *Archaeoslavica*. 1991;1:95–103.
23. Гавритухин ИО. Хронология пражской культуры. В: Седов ВВ, редактор. *Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян; 26–31 августа 1996 г.; Новгород, Россия*. Москва: Фонд археологии; 1997. с. 39–52.
24. Гавритухин ИО. Начало великого славянского расселения на юг и запад. В: Толочко ПП, редактор. *Археологічні студії*. Київ: Прут; 2000. с. 72–90.
25. Гавритухин ИО. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2003; 18:123–138.
26. Гавритухин ИО. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. В: Kaczanowski P, Parczewski M, redaktorzy. *Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji; 19–21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2005. s. 403–461.
27. Белевец ВГ. Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в Припятском Полесье. В: Воронцов АМ, Гавритухин ИО, редакторы. *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Выпуск 3*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле»; 2012. с. 281–305.
28. Белявец ВГ. Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі. У: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 334–383.
29. Бяліцкая ГМ. Праблемы вылучэння позназарубінецкіх комплексаў ў Прыпяцкім Палессі. У: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 451–503.
30. Бяліцкая ГМ, Байкоўская АА, Харытановіч ВМ. Паселішча каля в. Бярэжцы Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці. У: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. Книга 1*. 2-е издание. Минск: Беларуская навука; 2019. с. 514–555.
31. Бяліцкая ГМ. Адкрыццё паселішча каля в. Яскавічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці. Даследаванні 2017 г. У: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. Книга 1*. 2-е издание. Минск: Беларуская навука; 2019. с. 561–573.
32. Белявец ВГ, Сідаровіч ВМ. Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў. *Банкаўскі веснік*. 2018;2:3–16.
33. Румянцева ОС. Обстоятельства возникновения, проблемы производства и возможные причины упадка стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. В: Обломский АМ, редактор. *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2018. с. 221–226. Совместное издание с «Древности Севера». (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 18).
34. Корзухина ГФ. *Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение; 1978. 124 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; выпуск Е1-43).
35. Гороховский ЕЛ. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. В: Телегин ДЯ, редактор. *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка; 1982. с. 125–140.
36. Обломский АМ, Терпиловский РВ. Предметы убора с выемчатой эмалью на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского). В: Обломский АМ, редактор. *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2007. с. 113–141. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 10).
37. Харитонович ЗА. Находки изделий с выемчатыми эмальями на территории Беларуси. В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 175–197.

38. Ильютик АВ. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника. В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на території Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 198–246.
39. Дубицкая НН. Памятники культуры Абидни. В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на території Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 284–333.
40. Гороховський ЕЛ. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виємчатою емаллю. *Археологія*. 1982;38:16–35.
41. Jabłońska A. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-Wschodniej w okresie wpływów rzymskich. *Acta Baltico-Slavica*. 1992;21:115–165.
42. Битнер-Врублевска А. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур. *Краткие сообщения Института Археологии*. 2019;254:171–190. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190.
43. Фролов ИК. Лунницы с выемчатой эмалью. В: Мугуревич ЭС, редактор. *Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии)*. Рига: Зинатне; 1980. с. 111–124.
44. Обломский АМ. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга. В: Обломский АМ, редактор. *Позднерубицецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2010. с. 16–35. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 12).
45. Белевец ВГ, Возняк М. Погребение из Лайск: к вопросу о связях населения пшеворской культуры и восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны. *Краткие сообщения Института Археологии*. 2019;254:153–170. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170.
46. Wójcik T. Pomorskie formy bransolet węzowatych z okresu rzymskiego. *Materiały Zachodniopomorskie*. 1978;24:35–109.
47. Andrzejowski J. Powiązanie kultur przeworskiej i wielbarskiej w świetle znalezisk bransolet. *Lubelskie materiały archeologiczne*. 1994;8(1):317–342.
48. Nowakowski W. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg: Druk; 1996. 328 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10).
49. Хомякова ОА. Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры. В: Король Г, редактор. *Germania – Sarmatia. Выпуск 2*. Курск: Калининградский областной историко-художественный музей; 2012. с. 277–291. Совместное издание с Курским государственным областным музеем археологии.
50. Белявец В, Вяргей В. Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-І каля Пінска. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2005;20:87–106.
51. Madyda-Legutko R. *Studia nad zróżnicowaniem metalowych czejsi pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica»; 2011. 312 s.
52. Белявец ВГ. Населенцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжа II–III – пачатку V ст. н. э. В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на території Беларусі в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 384–450.
53. Kokowski A. Metalowe węsiorki w krztałcie topora na terenie Barbaricum na północ i północny wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów. W: J. Ilkjaer, A. Kokowski, redaktorzy. *20 lat archeologii w Masłomęczu. Tom 1*. Lublin: Maria Curie Skłodowska University; 1982. s. 99–116.
54. Белевец ВГ. О находках топовидных подвесок позднеримского времени на территории Беларусі. В: Петраускас ОВ, Гопкало ОВ, Горбаненко СА, редакторы. *Черняхівська культура: до 85-річчя від дня народження І. С. Винокура*. Київ: Інститут археології НАН України; 2016. с. 59–67. (ОІУМ; № 5).
55. Almgren O. *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrußsischen Formen*. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch; 1923. 254 S. (Mannus-Bibliothek; № 32).
56. Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce Północno-Wschodniej. *Rocznik Białostocki*. 1974;12:9–109.
57. Kokowski A. *Grupa masłomęcka: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: Wydawnictwo UMCS; 1995. 334 s.
58. Ciesliński A. *Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; 2010. 322 S. Co-published by the Preußischer Kulturbesitz. (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; Band 17).
59. Natuniewicz-Sekuła M, Okulicz-Kazaryn J. *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavation 1984–2005)*. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; 2011. 431 s. Co-published by the Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. (Monumenta Archaeologica Barbarica; tomus XVII).
60. Szymański P. Grób 1 z Nowej Boćwinki. Kilka uwag i dygresji na temat niektórych cech późnorzymskich zapinek bałtyjskich. W: Bitner-Wróblewski A, Iwanowska G, redaktorzy. *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne; 2009. s. 463–478. (Seminarium Bałtyjskie; tom 2).
61. Madyda-Legutko R. *Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford: BAR; 1986. 233 S. (British Archaeological Reports. International Series; 360).
62. Гороховський ЕЛ. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Рыбаков БА, редактор. *Труды V Международного конгресса археологов-славистов; 18–25 сентября 1985 г.; Киев, УССР. Том 4*. Киев: Наукова думка; 1988. с. 34–46.
63. Steuer H. Pinzette. In: Beck H, Herausgeber. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 23*. Berlin: Walter der Gruyter; 2003. S. 178–182.
64. Nadolska-Horbacz K. O przyborach toaletowych w okresie rzymskim na Pomorzu. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica*. 1983;3:3–53.
65. Ильютик АВ, Поболь ЛД. Пряслица второй четверти I тыс. н. э. с селища Абидня. В: Ляўко ВМ, рэдактар. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 9*. Мінск: Беларуская навука; 2005. с. 106–111.
66. Ильютик АВ, Поболь ЛД. Керамика Абидни. В: Ляўко ВМ, рэдактар. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 14*. Мінск: Беларуская навука; 2007. с. 18–36.
67. Лопатин НВ, Фурасев АГ. *Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э.* Москва: Институт археологии РАН; 2007. 252 с. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 8).

68. Обломский АМ. Периодизация и хронология. В: Обломский АМ, редактор. *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2007. с. 40–44. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 10).
69. Обломский АМ. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья. В: Kaczanowski P, Parczewski M, редакторы. *Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji; 19-21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2005. s. 137–156.
70. Фурасев АГ. О роли миграций в этногенезе ранних славян. В: Короткевич БС, Мачинский ДА, Сениченкова ТБ, редакторы. *Труды Государственного Эрмитажа. Том 49. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа; 2009. с. 26–38.
71. Бяліцкая ГМ. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2007; 21:107–123.
72. Бяліцкая ГМ. Аб зарубінецкім кампаненце ў левабярэжжы Прыпяці. У: Мядзведзеў АМ, укладальнік. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 20*. Мінск: Беларуская навука; 2011. с. 126–142.
73. Беявец В. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў. У: Koško A, Kalečus A, редакторы. *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 227–265.
74. Медведев АМ. *Беларуское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.)*. Минск: Институт истории НАН Беларуси; 1996. 200 с.
75. Егорейченко АА. *Культуры штрихованной керамики*. Минск: Белорусский государственный университет; 2006. 207 с.
76. Woągiewicz R. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: Muzeum Narodowe; 1993. 202 s.
77. Белевец ВГ. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций лесной зоны в Беларуси: постановка проблемы. В: Воронцов АМ, Гавритухин ИО, редакторы. *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Выпуск 1*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле»; 2008. с. 209–237.
78. Гавритухин ИО, Лопатин НВ, Обломский АМ. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза). В: Макушников ОА, редактор. *Славянский мир Полесья в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции; 19–20 октября 2004 г.; Гомель, Беларусь*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2004. с. 39–50.
79. Беявец ВГ. Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вивучэння. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2007;22:124–143.

References

1. Gavrituhin IO. The concept of Prague culture. In: Korotkevich BS, Machinskii DA, Senichenkova TB, editors. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Tom 49. Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta* [Proceedings of the State Hermitage. Volume 49. The addition of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World]. Saint Petersburg: Publishing House of the State Hermitage; 2009. p. 7–25. Russian.
2. Terpilovskij RV. *Rannie slavyane Podesen'ya III–V vv.* [Early Slavs of Desna region 3rd–5th centuries]. Kyiv: Naukova dumka; 1984. 121 p. Russian.
3. Oblomskiy AM. *Etnicheskie protsessy na vodorazdele Dnepra i Dona v I–V vv. n. e.* [Ethnic processes on the watershed of Dnepr and Don in 1st–5th centuries AD]. Moscow: Arheologicheskoe agentstvo; 1991. 287 p. Russian.
4. Oblomskiy AM, Terpilovskij RV. *Srednee Podneprove i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka n. e.* [Middle Dnieper and Dnepr Left-bankness in the first centuries AD]. Moscow: Institute of Archeology, National Academy of Science; 1991. 175 p. Russian.
5. Terpilovskij RV, Abashina NS. *Pamyatniki kievskoi kul'tury* [The sites of the Kyiv culture]. Kyiv: Naukova dumka; 1992. 222 p. Russian.
6. Oblomskiy AM. [Late-Zarubintsy sites]. In: Rybakov BA, editor. *Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n. e. – pervoi polovine I tysyacheletiya n. e.* [Slavs and their neighbours at the end of the 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD]. Moscow: Nauka; 1993. p. 40–52. Russian.
7. Terpilovskij RV. *Slavs in the Dnieper Region*. Kokowski A, editor. Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2004. 232 s. (Monumenta Studia Gothica; 3). English, Russian.
8. Arion OV, Bashkatov UV, Oblomskiy AM, Terpilovskiy RV. [At the Slavs origin]. In: Oblomskiy AM, editor. *Pozdnezarubintske pamiatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I–II v. n. e.)* [Late-Zarubintsy sites in the territory of Ukraine (second half 1st – 2nd century)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Science; 2010. p. 93–110. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors; issue 12). Russian.
9. Shchukin MB. [Archaeological data on Slavs 2nd–4th centuries. Perspectives of the retrospective method]. *Arheologicheskii sbornik. Vypusk 17. Issledovaniya po arkheologii i drevnei istorii Vostochnoi Evropy* [Archaeological collection. Issue 17. Research on archeology and ancient history of Eastern Europe]. Leningrad: Avrora; 1976. p. 67–81. Russian.
10. Machinskii DA. [On the problem of the habitat of the Slavs in the 1st–4th centuries]. In: *Arheologicheskii sbornik. Vypusk 17. Issledovaniya po arkheologii i drevnei istorii Vostochnoi Evropy* [Archaeological collection. Issue 17. Research on archeology and ancient history of Eastern Europe]. Leningrad: Avrora; 1976. p. 82–100. Russian.
11. Shchukin MB. [Horizon of Rakhny-Pochep: causes and conditions of education]. In: Matveeva GI, editor. *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysyacheletiya* [Cultures of Eastern Europe 1st millennium]. Kuybyshev: Kuybyshev State University; 1986. p. 6–38. Russian.
12. Shchukin MB. [On the three ways of the archaeological search of the early Slavs. Perspectives of the third way]. In: *Arheologicheskii sbornik. Vypusk 28. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Archaeological collection. Issue 28. Materials and research on archeology of the USSR]. Leningrad: Iskusstvo; 1987. p. 103–118. Russian.

13. Machinskii DA. [The territory of the «Slavic ancestral homeland» in the system of geographical, historical and cultural division of Eurasia in the 8th century BC – 11th century AD (contours of the concept)]. In: Gerd AS, Lebedev GS, editors. *Slavyane: etnogenez i etnicheskaya istoriya. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Slavs: ethnogenesis and ethnic history. Interdisciplinary research]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad State University; 1989. p. 76–105. Russian.
14. Shchukin MB. The birth of the Slavs. In: Tkachuk ME, Manzura IV, Mosionzhik LA, editors. *Stratum: struktury i katastrofy* [Stratum: structures and catastrophes]. Saint Petersburg: Nestor; 1997. p. 110–147. Russian.
15. Egorejchenko AA. [The settlement is near the village Ostrov of the Pinsk district of the Brest region]. *Archaeoslavica*. 1991;1:61–82. Russian.
16. Vyargej VS. [Sites type of Prague-Korczak and Luka Raykavetskaja culture]. In: Egorejchenko AA, Shadyra VI, Vyargej VS, Guryin MF, Lashankow MI, Makushnikaw AA. *Arheologija Belarusi. Tom 2. Zhalezny vek i Rannjaj sjarjednavechcha* [Archeology of Belarus. Volume 2. Iron Age and the Early Middle Ages]. Shadyra VI, Vjarhej VS, editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 317–337. Belarusian.
17. Vyargej VS, Trymer V. [Early Slavic settlement Petrikov-2 on the river Pripyat]. *Gistarychna-arhealogichny zbornik*. 2003;18:151–187. Belarusian.
18. Vyargej VS. [The archeology of early Slavs in the territory of Belarus]. In: Koško A, Kalečyc A, redaktorzy. *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 278–304. Belarusian.
19. Vergej VS. The Prague culture in Belarus. In: Kaczanowski P, Parczewski M, redaktorzy. *Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji; 19–21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2005. s. 487–502. Russian.
20. Vergej VS. Belarus Polesye during the Roman period and at the beginning of the Great Migration. In: Vorontsov AM, Gavritukhin IO, editors. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoj Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Vypusk 1* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration. Issue 1]. Tula: State Museum-Reserve «Kulikovo Field»; 2008. p. 238–256. Russian.
21. Vergej VS. Modern position and problems of study of the Prague culture in Belarus. In: Levko ON, Believets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 14–61. Belarusian.
22. Gavrituchin IO. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland). *Archaeoslavica*. 1991;1:95–103.
23. Gavrituhin IO. [Chronology of Prague culture]. In: Sedov VV, editor. *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arkheologii. Tom 3. Etnogenez i etnokul'turnye kontakty slavyan; 26–31 avgusta 1996 g.; Novgorod, Rossiya* [Proceedings of the 6th International Congress of Slavic Archeology. Volume 3. Ethnogenesis and ethnocultural contacts of the Slavs; 26–31 August 1996; Novgorod, Russia]. Moscow: Archeology Fund; 1997. p. 39–52. Russian.
24. Gavrituhin IO. [Beginning of the great Slavic resettlement to the south and west]. In: Tolochko PP, editor. *Arheologichni studii* [Archeological studios]. Kyiv: Prut; 2000. p. 72–90. Russian.
25. Gavrituhin IO. [Chronology of Prague culture of Belarusian Polesie]. *Gistarychna-arhealogichny zbornik*. 2003;18:123–138.
26. Gavrituhin IO. Die Fundkomplexe der Prager Kultur mit Sicher datirenden Fundstücken. In: Kaczanowski P, Parczewski M, redaktorzy. *Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji; 19–21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2005. s. 403–461. Russian.
27. Belevets VG. [Problem of selection of sites Late Zarubintsy circle in the Pripyat Polesie]. In: Vorontsov AM, Gavritukhin IO, editors. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoj Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Vypusk 3* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration. Issue 3]. Tula: State Museum-Reserve «Kulikovo Field»; 2012. p. 281–305. Russian.
28. Belevets V. Condition and actual problems of studying of the sites post-Zarubintsy horizon in Belarusian Polesie. In: Levko ON, Believets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 334–383. Belarusian.
29. Belitskaya A. Problem of attribution of the Late Zarubintsy sites in the Pripyat Polesie region. In: Levko ON, Believets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 451–503. Belarusian.
30. Belitskaya A, Baikovskaya E, Kharitonovich O. The settlement near the village Berezhitsy of Zhitkovichi district of Gomel region. In: Levko ON, Believets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovycha Pobolya. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 95th anniversary of Leonid Davydovycha Pabol. Volume 1]. 2nd edition. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 514–555. Belarusian.
31. Belitskaya A. Discovering of the settlement near the village of Yaskovychy of Soligorsk district of Minsk region. Research in 2017. In: Levko ON, Believets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovycha Pobolya. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 95th anniversary of Leonid Davydovycha Pabol. Volume 1]. 2nd edition. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 561–573. Belarusian.
32. Belyavets VG, Sidarovich VM. Coin and Clothing Treasure of Alekshitsy of the Era of the Great Migration of Peoples. *Bank Bulletin Magazine*. 2018;2:3–16. Belarusian.
33. Rummyantseva OS. Possible origin, organization of produ and potential causes of decline of the Eastern European champlevé enameling style (upon the results of technological analysis). In: Oblomskiy AM, editor. *Bryanskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'yu vostochnoevropskogo stilya (III v. n. e.)* [Treasure of jewels with notched enamel of Eastern European style (3rd century AD) from Bryansk]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Science; 2018. p. 221–226. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors; issue 18). Russian.
34. Korzhuhina GF. *Predmety ubora s vyemchatymi emal'yami V – pervoi poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e* [Items of decoration with notched enamels of the 5th – first half of the 6th century AD in the Middle Dnieper]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie; 1978. 124 p. (Archeology of the USSR. Arch of archaeological sources; issue E1-43:1–124). Russian.
35. Gorohovskij EL. [Chronology of jewelry with champlevoy enamel on Middle Dnieper]. In: Telegin DYa, editor. *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy* [Materials on the chronology of archaeological sites of Ukraine]. Kyiv: Naukova dumka; 1982. p. 125–140. Russian.

36. Oblomskiy AM, Terpilovskij RV. [Craft items with notched enamel on the territory of the forest-steppe zone of Eastern Europe (addition of vaults of G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. In: Oblomskiy AM, editor. *Pamyatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.)* [Sites of Kyiv culture in the forest-steppe zone of Russia (3rd – the beginning of the 5th century AD)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian State University; 2007. p. 113–141. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors; issue 10). Russian.
37. Kharitonovich ZA. Findings of emarginated enamel items from the territory of Belarus. In: Levko ON, Beliavets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 175–197. Russian.
38. Ilyutik AV. Collektion items of the open-settlement of Abidnya. In: Levko ON, Beliavets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 198–246. Russian.
39. Dubitskaya NN. Sites the Abidnya culture. In: Levko ON, Beliavets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 284–333. Russian.
40. Gorohovskij EL. [Horsetail fibulae from the Middle Dniepr river region with woven enamel]. *Arheologiya*. 1982;38:16–35. Ukrainian.
41. Jabłońska A. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-Wschodniej w okresie wpływów rzymskich. *Acta Bal-tico-Slavica*. 1992;21:115–165.
42. Bitner-Wróblewska A. The chronology of East European enameled artifacts from the Balt Lands and from the Przeworsk and Wielbark cultures. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2019;254:171–190. Russian. DOI: 10.25681/IAR-AS.0130-2620.254.171-190.
43. Frolow IK. Die mit Grubenschmelz verzierten halbmondförmigen Anhengsel. In: Mugurevich ES, editor. *Iz drevneishei istorii baltskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii)* [From the ancient history of the Baltic peoples (according to archeology and anthropology)]. Riga: Zinatne; 1980. p. 111–124. Russian.
44. Oblomskiy AM. The sites of Marianovka type of the Southern Bug basin. In: Oblomskiy AM, editor. *Pozdnezarubinskie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I – II v. n. e.)* [Late Zarubins sites in Ukraine. Early Slavic world (second half of the 1st – 2nd century AD)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Science; 2010. p. 16–35. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors; issue 12). Russian.
45. Beljavec VG, Woźniak M. The site from Łajski: revisiting the issue of links between the Przeworsk culture population and the Eastern European Baltic Forestry Zone. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2019;254:153–170. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170.
46. Wójcik T. Pomorskie formy bransolet węzowatych z okresu rzymskiego. *Materiały Zachodniopomorskie*. 1978;24:35–109.
47. Andrzejowski J. Powiązanie kultur przeworskiej i wielbarskiej w świetle znalezisk bransolet. *Lubelskie materiały archeologiczne*. 1994;8(1):317–342.
48. Nowakowski W. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg: Druk; 1996. 328 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; sonderband 10).
49. Homiakova OA. Eine der Kategorien der samländisch-schen Bandarmringe. In: Korol G, editor. *Germania – Sarmatia. Issue 2*. Kursk: Kaliningrad Regional Museum of History and Art; 2012. p. 277–291. Co-published by the Kursk State Regional Museum of Archeology. Russian.
50. Belyavets V, Vyargye V. [The horizon of the period of Roman influences of Kuradava-1 settlement near Pinsk]. *Gis-tarychna-arhealagichny zbornik*. 2005;20:87–106. Belarusian.
51. Madyda-Legutko R. Studia nad zróżnicowaniem metalowych czejsi pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica»; 2011. 312 s.
52. Belyavets VG. The population of the Velbar culture in historical and cultural development of the territory of Belarus since the break of the 2nd–3rd – centuries to the 5th century AD. In: Levko ON, Beliavets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 384–450. Russian.
53. Kokowski A. Metalowe węsiorki w krztałcie topora na terenie Barbaricum na północ i północny wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów. W: J. Ilkjaer, A. Kokowski, redaktorzy. *20 lat archeologii w Masłomęczu. Tom 1*. Lublin: Maria Curie Skłodowska University; 1982. s. 99–116.
54. Beliavets VG. Finds of the late Roman period axe-shaped pendants from the territory of Belarus. In: Petrauskas OV, Gopkalo OV, Gorbanenko SA, editors. *Chernjakhiv'ska kul'tura: do 85-richhja vid dnja narodzhennja I. S. Vynokura* [Chernyakhiv culture: to the 85th anniversary of I. S. Vinokur]. Kyiv: Institute of the Archeology, National Academy of Science of Ukraine; 2016. p. 59–67. (OIUM; No. 5). Russian.
55. Almgren O. *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch; 1923. 254 S. (Mannus-Bibliothek; No. 32).
56. Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce Północno-Wschodniej. *Rocznik Białostocki*. 1974;12:9–109.
57. Kokowski A. *Grupa masłomęcka: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: Wydawnictwo UMCS; 1995. 334 s.
58. Cieśliński A. *Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; 2010. 322 S. Co-published by the Preußischer Kulturbesitz. (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; band 17).
59. Natuniewicz-Sekuła M, Okulicz-Kazaryn J. *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavation 1984–2005)*. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; 2011. 431 s. Co-published by the Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. (Monumenta Archaeologica Barbarica; tomus XVII).
60. Szymański P. Grób 1 z Nowej Boćwinki. Kilka uwag i dygresji na temat niektórych cech późnorzymskich zapinek bałtyjskich. W: Bitner-Wróblewska A, Iwanowska G, redaktorzy. *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne; 2009. s. 463–478 (Seminarium Bałtyjskie; tom 2).

61. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: BAR; 1986. 233 S. (British Archaeological Reports. International Series; 360).
62. Gorohovskiy EL. [Chronology of Chernyakhov cemeteries of the Forest-Steppe Ukraine]. In: Rybakov BA, editor. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov; 18–25 sentyabrya 1985 g.; Kiev, USSR. Tom 4* [Proceedings of the V International Congress of Slavic Archaeologists; 18–25 September 1985; Kyiv, USSR. Volume 4]. Kyiv: Naukova dumka; 1988. p. 34–46. Russian.
63. Steuer H. Pinzette. In: Beck H, Herausgeber. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 23*. Berlin: Walter der Gruyter; 2003. S. 178–182.
64. Nadolska-Horbacz K. O przyborach toaletowych w okresie rzymskim na Pomorzu. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Arhaeologica*. 1983;3:3–53.
65. Ilyutik AV, Pobol LD. [The spindle of the second quarter of 1st millennium AD from the village of Abydnyia]. In: Lyauko VM, editor. *Matjeryjaly pa arheologii Belarusi. Vypusk 9* [Materials on the Archeology of Belarus. Issue 9]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2005. p. 106–111. Russian.
66. Ilyutik AV, Pobol LD. [Abidnia pottery]. In: Lyauko VM, editor. *Matjeryjaly pa arheologii Belarusi. Vypusk 14* [Materials on the Archeology of Belarus. Issue 14]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. p. 18–36. Russian.
67. Lopatin NV, Furasyev AG. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vekakh n. e. [The northern frontiers of the early Slavic world in the 3rd–5th centuries AD]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Science; 2007. 252 p. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors, issue 8). Russian.
68. Oblomskiy AM. [Periodization and chronology]. In: Oblomskii AM, editor. *Pamyatniki kievskei kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.)* [Sites of Kiev culture in the forest-steppe zone of Russia (3rd – the beginning of the 5th century AD)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Science; 2007. p. 40–44. (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbors; issue 10). Russian.
69. Oblomskiy AM. New concept of Kyiv culture of the Upper Dnieper – Eine neue Betrachtung der Problematik der Kiever Kultur in oberen Dneprgebiet. In: Kaczanowski P, Parczewski M, redaktorzy. *Archeologia o poczatkach Słowian. Materiały z konferencji; 19–21 listopada 2001; Kraków, Polska*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2005. s. 137–156.
70. Furasev AG. [On the role of migration in the ethnogenesis of the early Slavs]. In: Korotkevich BS, Machinskii DA, Senichenkova TB, editors. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Tom 49. Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta* [Proceedings of the State Hermitage. Volume 49. The addition of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World]. Saint Petersburg: Publishing House of the State Hermitage; 2009. p. 26–38. Russian.
71. Byalitskaya GM. [Monument period of Roman influences in the lower reaches of the river Gorin]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2007;21:107–123. Belarusian.
72. Byalitskaya GM. [About Zarubinty component on the left bank of Pripyat]. In: Myadzvedzeu AM, comiler. *Matjeryjaly pa arheologii Belarusi. Vypusk 20* [Materials on the archeology of Belarus. Issue 20]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. p. 126–142. Belarusian.
73. Belyavets V. [Belarusian Western Polesie during provincial roman influences – the state and prospects of researches]. In: Koško A, Kalečyc A, redaktorzy. *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 227–265. Belarusian.
74. Medvedev AM. *Belaruskoe Poneman'e v rannem zheleznom veke (I tysyacheletie do n. e. – 5 v. n. e.)* [Neman Belarusian lands in the early hour the Iron Age (1st millennium BC – 5th century AD)]. Minsk: Institute of History, National Academy of Science of Belarus; 1996. 200 p. Russian.
75. Egoreychenko AA. *Kul'tury shtrikhovannoi keramiki* [The Hatched Pottery Culture]. Minsk: Belarusian State University; 2006. 207 p. Russian.
76. Wołągiewicz R. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: Muzeum Narodowe; 1993. 202 s.
77. Belevets VG. Contacts between Wielbark culture population and bearers of the east european forest zone in Belarus: problem defetin. In: Vorontsov AM, Gavritukhin IO, editors. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoj Evropy v epokhi rimskikh vliyanii i Velikogo pereseleniya narodov. Vypusk 1* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration. Issue 1]. Tula: State Museum-Reserve «Kulikovo Field»; 2008. p. 209–237. Russian.
78. Gavritukhin IO, Lopatin NV, Oblomskiy AM. [New results of the study of early Slavic antiquities of the forest of Dnieper region and Upper Dvina (abstracts of the concept of Slavic ethnogenesis)]. In: Makushnikov OA, editor. *Slavyanskii mir Poles'ya v drevnosti i Srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 19–20 oktyabrya 2004 g.; Gomel', Belarus'* [Slavic world of Polesie in antiquity and the Middle Ages. Materials of the International scientific conference; 19–20 October 2004; Homel, Belarus]. Homel: Francisk Skorina Gomel State University; 2004. p. 39–50. Russian.
79. Belyavets VG. [Sites of the Wielbark culture in Turov-Pinsk region: problems of study]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2007;22:124–143. Belarusian.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Příběhy Exilu. Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu = Stories of Exile. The destinies of exiles from the territory of the former Russian empire in interwar Czechoslovakia = История изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / J. Hauser, V. Velemanová (eds.). Praha : Památník národního písemnictví, 2018. 335 s.

Гісторыя XX ст. была багатай на падзеі. Чалавецтва перажыло дзве сусветныя вайны, шматлікія палітычныя катаклізмы, што непазбежна выклікала ўсё новыя хвалі міграцыі. Ва Усходняй Еўропе адной з прычын, што падштурхнула людзей да пошуку прытулку ў новым месцы, стала Кастрычніцкая рэвалюцыя і наступныя змены, якія адбыліся на землях былой Расійскай імперыі. Адной з краін, якая стала «новым домам» для былых грамадзян Расіі, была Чэхаславацкая Рэспубліка. Урад гэтай дзяржавы распрацаваў спецыяльную праграму для падтрымкі бежанцаў, якая называлася «Руская акцыя дапамогі». Шэраг аспектаў з жыцця і дзейнасці эмігрантаў з былой Расійскай імперыі прадстаўлены ў разглядаемым выданні.

Калектыўная манаграфія «Гісторыя выгнання. Лёсы эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі ў міжваеннай Чэхаславакіі» з’яўляецца часткай даследчыцкага праекта «Вопыт выгнання», які рэалізуецца пры падтрымцы Міністэрства культуры Чэшскай Рэспублікі. Як адзначаецца ў прадмове, арганізаваная летам 2017 г. у Празе выстава «Вопыт выгнання. Лёсы эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі» стала «добрым трамплінам для пераходу да наступнай фазы апрацоўкі матэрыялу»¹ (с. 9). Яго вынікам і з’яўляецца калектыўная манаграфія. Яе рэдактары – Я. Хаўзэр і В. Велеманова – адзначаюць унікальнасць «сыходу з былой царскай

Расіі», якая праяўляецца ў тым, што, з аднаго боку, эміграцыя дала магчымасць «захаваць пераемнасць развіцця рускай, украінскай, беларускай, грузінскай і іншых нацыянальных культур пасля ўзнікнення Савецкага Саюза», а з другога – аказала значны ўплыў на асяроддзе і грамадства ў краінах знаходжання (с. 9).

Кніга складаецца з трох тэматычных раздзелаў: «Руская, украінская і беларуская эміграцыя ў Чэхаславакіі», «Навуковыя ўстановы і тэхнічныя спецыяльнасці», «Фарміраванне калекцый, мастацкая і літаратурная дзейнасць эміграцыі», матэрыялы якіх друкуюцца на чэшскай мове і ў перакладзе на англійскую і рускую мовы. Другім станоўчым бокам манаграфіі з’яўляецца вялікая колькасць фотаздымкаў, якія адлюстроўваюць разнастайныя падзеі ў жыцці эмігрантаў.

У першым раздзеле разглядаецца актыўнасць палітычнай эліты Расійскай імперыі ў Чэхаславакіі ў 1919–1945 гг. (С. Гаген), дзейнасць эмігрантаў з Расіі на тэрыторыі міжваеннай Славакіі (Л. Гарбулава), жыццё і грамадская актыўнасць беларусаў (Д. Каленоўска), арганізацыя выхавання і адукацыі рускай эміграцыі (А. Копршывава), аналізуецца дзейнасць украінскіх вучэбных устаноў у міжваеннай Чэхаславакіі (М. Томек).

На тое, што сярод рускай эміграцыі захавалася іерархічнасць, на верхняй прыступцы якой знаходзілася палітычная эліта – дэпутаты Устаноўчага сходу і члены Часовага ўрада – звяртае ўвагу С. Гаген. Даследчык прадпрымае спробу паказаць розніцу ў палітычных поглядах гэтых людзей, робіць акцэнт на біяграфіі «бабулі рускай рэвалюцыі» К. Брэшка-Брашкоўскай. Ён з прыкрасцю заўважае, што становішча расійскай палітычнай эліты ў Чэхаславацкай Рэспубліцы практычна не даследавана.

У сваю чаргу Л. Гарбулава звяртае ўвагу на тое, што архіўныя дакументы фіксуюць прысутнасць

¹ Тут і далей пераклад наш. – Л. К.

эмігрантаў у Славакіі ўжо ў 1921 г. Сярод тых, хто прыехаў у гэтую частку Чэхаславакіі, былі рускія, украінцы, беларусы, грузіны, армяне. Аўтар зазначае, што па прычыне частых міграцый дакладную лічбу эмігрантаў назваць складана, а таму на падставе ўскосных даных мяркуе, што іх было каля 2–2,5 тыс. чалавек.

Для беларускага чытача найбольшую цікавасць прадстаўляе артыкул чэшскай даследчыцы Д. Коленаўскай «Беларусы на перыферыі міжваеннай эміграцыі ў Чэхаславакіі». Яе артыкул пачынаецца сцвярджэннем, што вельмі цяжка вызначыць сярод эмігрантаў з былой Расійскай імперыі людзей з беларускай ідэнтычнасцю. У якасці прыкладу яна згадвае такога дзеяча, як Я. Ляцкі, які ў розныя часы і ў розных колах быў вядомы як Яўген Ляцкі, Евгений Ляцкий і Evžen Ljaský. Ён лічыў сябе грамадзянінам расійскай дзяржавы, аднак заклікаў да ўзаемнага прызнання рускімі «нацыянальных памкненняў іншых народаў» (с. 76). На думку аўтара, чэхаславацкіх беларусаў, якія ўсведамлялі сваю нацыянальную прыналежнасць, было няшмат – каля 300 чалавек. У пераважнай большасці гэта былі тыя, хто меў дачыненне да з’яўлення Беларускай Народнай Рэспублікі і яе ўладных структур. Пры гэтым Д. Коленаўска адзначае, што для беларусаў (у адрозненне ад іншых народаў) канфесійны фактар не стаў падмуркам для самаарганізацыі і арганізацыйнай дзейнасці.

Задаецца аўтар і пытаннем, чаму чэхаславацкія ўлады не аказвалі падтрымку Радзе БНР. Адказ яна бачыць у імкненні не правакаваць польскія ўлады беларускім палітычным пытаннем, бо пасля канфлікту за Цешынскую Сілезію чэхаславацка-польскія адносіны заставаліся напружанымі.

Сярод беларускіх дзеячаў у артыкуле згадваюцца І. Дварчанін, Т. Грыб, І. Ермачэнка. Неаднаразова Д. Коленаўска падкрэслівае, што беларусы па-рознаму бачылі асноўныя напрамкі сваёй дзейнасці, якая была падпарадкавана адной мэце – існаванню незалежнай Беларусі.

Артыкул Д. Коленаўскай (як і іншыя публікацыі) багата ілюстраваны. У выданні прадстаўлены архіўныя фотааздымкі з розных мерапрыемстваў і ўстаноў, выданняў, карта гістарычных тэрыторый, на якія прэтэндавала Рада БНР, і інш. Нават простае параўнанне з аналагічнымі матэрыяламі пра рускую ці ўкраінскую эміграцыю паказвае, у якіх няпростых умовах працавалі і жылі беларусы ў Чэхаславакіі.

У наступных двух артыкулах першага раздзела апісваецца дзейнасць дашкольных, сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, якія былі створаны рускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Аўтары зазначаюць цяжасці і дасягненні ў іх працы, ацэньваюць унёсак у развіццё міжваеннай Чэхаславакіі.

У другім тэматычным блоку – «Навуковыя ўстановы і тэхнічныя спецыяльнасці» – прадстаўлены

два артыкулы: Л. Бабкі «Пражская Славянская бібліятэка і тэма рускай, украінскай і беларускай эміграцыі» і Д. Хашкавай «Тэхнічная інтэлігенцыя Расійскай імперыі ў эміграцыі ў Чэхаславакіі». Л. Бабка адзначае, што сучасная Славянская бібліятэка як аддзел Нацыянальнай бібліятэкі Чэшскай Рэспублікі ўзнікла з ініцыятывы рускага эмігранта – гісторыка літаратуры, эканаміста, бібліяграфа і журналіста – У. М. Тукалеўскага. У 1919 г. ён з сям’ёй прыехаў у Прагу, куды прывёз сваю бібліятэку. Пасля доўгіх перамоў з чэхаславацкімі ўладамі яна стала асновай спачатку Рускай бібліятэкі Міністэрства замежных спраў, а пазней – Славянскай бібліятэкі ў Празе. У гады Другой сусветнай вайны гэта ўстанова страціла сваю «незалежнасць», аднавіць якую змагла толькі ў 1948 г. У пасляваенны час калекцыю бібліятэкі папоўніла частка збораў рускага замежнага гістарычнага архіва, якая ўяўляла сабой збор кніг і перыядычных выданняў рускай, украінскай і беларускай эміграцыі ў Чэхаславакіі. Аднак большасць дакументаў архіва трапіла ў СССР і сёння захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі. Адзначаючы каштоўнасць калекцыі Славянскай бібліятэкі для вывучэння гісторыі эміграцыі, Л. Бабка прыводзіць звесткі і пра яе супрацоўнікаў – выхадцаў з тэрыторыі Расійскай імперыі.

Жыццё тэхнічнай інтэлігенцыі Расійскай імперыі ў эміграцыі ў Чэхаславакіі аналізуе Д. Хашкава. Яна апісвае працу аб’яднанняў эмігрантаў тэхнічных спецыяльнасцей, іх дзейнасць па распаўсюджванні прафесійных ведаў, працу на прамысловых прадпрыемствах (напрыклад, «Шкода» ў Пльзні), дасягненні ў развіцці металургічнай і хімічнай прамысловасці, матэматыкі і электратэхнікі. Аўтар зазначае, што шэраг навуковых і вытворчых адкрыццяў рускіх эмігрантаў атрымалі міжнароднае прызнанне. Яшчэ адна тэма, якую закранае Д. Хашкава, звязана з унёскам рускіх архітэктараў і будаўнікоў у развіццё чэхаславацкай культуры ў міжваенны перыяд.

Трэці раздзел разглядаемага выдання прысвечаны пытанню фарміравання калекцый, мастацкай і літаратурнай дзейнасці эміграцыі. Так, А. Пеленска апісвае гісторыю паўстання і асноўныя напрамкі дзейнасці Музея вызваленчай барацьбы Украіны ў Празе, а В. Уграва характарызуе калекцыю рускага мастацтва Нацыянальнай галерэі ў Празе. Больш падрабязна некаторыя моманты з гісторыі культуры эмігрантаў, у прыватнасці ў галіне мастацтва, раскрываюцца ў артыкулах Ю. Янчаркавай «Мікалай Окунеў. Выстава рускага мастацтва ў кантэксте часу» і Я. Хаўзера. Апошні апісвае дзейнасць Міжнароднага мастацкага аб’яднання «Скіфы» (дзейнічала ў 1929–1933 гг.) і яго заснавальніка С. Мако. Я. Хаўзер заўважае, што ў назве групы была алузія да азіяцкага і качавага бакоў рускай культуры, што, на думку ўдзельнікаў групы, было вынікам «прымесі татарскай крыві». Ён тлумачыць гэта тым, што

С. Мако было блізка еўразійства, а таму «скіфства» ў праграме аб'яднання разумелася як «сімвал рэнегацыі, спадзяванне на блізкае вызваленне творчых сіл, якія дазваляць пазбыцца ўплыву заходнееўрапейскага мастацтва і вярнуцца да вытокаў еўразійскай ідэнтычнасці» (с. 276).

Завяршае раздзел публікацыя М. Кутханавай пра П. Кажэўнікава і яго ролю ў стварэнні і дзейнасці пражскага эміграцыйнага літаратурнага аб'яднання «Даліборка».

Акрамя навуковых даследаванняў, выданне змяшчае спіс скарачэнняў, выбраную бібліяграфію, паказчык імёнаў і рэзюмэ. Яшчэ раз падкрэслім, што

дадатнай рысай манаграфіі з'яўляецца багаты ілюстрацыйны матэрыял.

Варта адзначыць, што рэцэнзуемае выданне не прапануе вычарпальнага аналізу разглядаемых з'яў і працэсаў. Гэта, хутчэй, абазначэнне праблемнага поля, якое патрабуе больш глыбокага вывучэння. Тое, што ў чэшскіх выданнях па гісторыі эміграцыі з былой Расійскай імперыі з'яўляюцца публікацыі, прысвечаныя беларусам, – ужо значны крок наперад, бо яшчэ ў 1990-я гг. пра беларусаў практычна не згадвалі.

*Л. А. Козік*¹

¹Любовь Антоновна Козик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Любоў Антонаўна Козік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Liubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: lubov.kozik@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ И МУЗЕИ КАК ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «АРХІВЫ, БІБЛІЯТЭКІ І МУЗЕІ ЯК ІНСТЫТУТЫ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАМ'ЯЦІ ЧАЛАВЕЦТВА»

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «ARCHIVES, LIBRARIES AND MUSEUMS AS INSTITUTES OF SOCIAL MEMORY»

На историческом факультете БГУ и в Национальной библиотеке Беларуси (далее – НББ) 27–28 мая 2019 г. состоялась Международная научная конференция «Архивы, библиотеки и музеи как институты социальной памяти человечества», организованная по инициативе кафедры источниковедения БГУ, научно-исследовательского отдела книговедения НББ при участии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – Департамент). Для участия в конференции были заявлены свыше 50 ученых и практиков из Беларуси, Российской Федерации, Мальты, Франции, Украины.

С приветственным словом к участникам форума, открывшегося в НББ, обратился председатель его организационного комитета, декан исторического факультета БГУ А. Г. Кохановский. Он отметил междисциплинарный характер конференции, который, по его мнению, позволит по-новому взглянуть на проблемы в сфере взаимодействия родственных институций памяти и найти способы их решения.

Директор Департамента В. И. Кураш обратил внимание присутствующих на важную роль документов Национального архивного фонда Республики Беларусь в деле формирования культуры памяти безотносительно места их хранения – в архиве, библиотеке или музее.

Заместитель директора НББ по научной работе и издательской деятельности А. А. Суша уделил особое внимание анализу культурного наследия, сохраняемого в главной библиотеке страны.

Второй секретарь Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь И. И. Баранов призвал научное сообщество к соблюдению объективности и историзма в исследованиях, подчеркнув при этом роль исторических документов, которую они призваны сыграть для противодействия фальсификации истории.

Пленарное заседание конференции открылось докладом А. А. Суши «Культурная спадчына: рух ад сацыяльнай памяці да сацыяльных дзеянняў». В нем отмечалось, что в наше время историческая память моделируется не только путем научных исследований – сейчас большое значение приобретает популяризация и транслирование образов исторических памятников через объекты культуры массового потребления.

Заведующий кафедрой источниковедения БГУ М. Ф. Шумейко в докладе «Архивы, музеи, библиотеки как хранилища документированной коллективной памяти народов мира» отметил, что, несмотря на наметившиеся тенденции к размыванию границ между архивами, библиотеками и музеями, важно не забывать о теоретических основах архивоведе-

ния, библиотековедения, музеологии, не игнорировать эти научные принципы.

Председатель Европейского отделения Международного совета архивов доктор Ч. Фарруджа (Мальта) в докладе «Национальный архив Мальты: от публичных документов к публичной памяти» подчеркнул необходимость культурного поворота в методике работы с архивными документами за счет привлечения к их изучению не только специалистов-исследователей, но и широкой общественности.

Член Совета ассоциации «История и компьютер», член редколлегии журнала «Отечественные архивы» И. Н. Киселёв (Российская Федерация) в докладе «Архивная теория на пороге перемен» поднял терминологические и иные проблемы архивоведения, обусловленные внедрением информационных технологий в практику архивной работы; докладчик, в частности, проанализировал определение понятия «электронный документ» в нормативных правовых актах ряда европейских стран, включая и Республику Беларусь.

По завершении пленарного заседания состоялась дискуссия, в ходе которой были обсуждены вопросы, касающиеся возрастания роли информационных технологий в деятельности институтов памяти, изменения миссии архивиста, библиотекаря, музейного сотрудника, взаимодействия хранителей и потребителей документальной информации. Выступивший в финале дискуссии профессор кафедры источниковедения С. Н. Ходин предложил зафиксировать обсуждавшиеся проблемы в итоговом документе конференции.

Дальнейшая работа велась в четырех секциях: первая – «Документальное наследие как информационный ресурс общества» – заседала в НББ, три остальные («Хранители и пользователи информации: проблемы взаимоотношений и взаимодействия», «Цифровая трансформация и институты памяти», «Архивы, музеи, библиотеки: общее и отличное в их работе») – на историческом факультете.

На первой секции большой интерес вызвали доклады, посвященные проблемам собирания и возвращения белорусского документального наследия: «З вопыту супрацоўніцтва Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва з дзяспарай у ЗША ў справе збірання і вяртання беларускіх дакументаў» (Н. С. Гордиенко), «З’яўленне трафейных еўрапейскіх бібліятэк у БССР у 1945 г. (паводле архіва І. Б. Сіманоўскага)» (А. Н. Стебурако), «Рукописное историографическое наследие деятелей зарубежного белорусоведения в архивохранилищах Европы» (Д. В. Карев), «Издания из Русской Тургеневской библиотеки в фонде Президентской библиотеки Республики Беларусь» (В. А. Митракова), «Роль архивных источников в исследовании проблемы репарационных поставок, направленных на восстановление промышленности и сельского хозяйства БССР (1945 – начало 1950-х гг.)»

(П. А. Концевой). Внимание участников секции было обращено также на информационный потенциал архивных документов и введение их в научный оборот: «Дакументальныя фонды Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва і іх месца ў навуковых працах і навукова-папулярных выданнях» (А. В. Запартыко), «Успаміны акцёра Сяргея Шышко як гістарычная крыніца» (В. В. Жибуль), «Периодическая печать как источник по изучению международного сотрудничества архивистов (на примере журнала “Советские архивы”)» (О. В. Кульба), «Арганізацыя і дзейнасць дзіцячых дабрачынных устаноў у Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. (па матэрыялах НГАБ)» (И. В. Лебедева), «Фотографии конца XIX – начала XX в. как документальный источник по истории Беларуси (из фондов Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов)» (Е. И. Третьяк), «Патэнцыял судовых кніг у распрацоўцы турыстычнага маршруту па Мінскіх “татарскіх агародах” (на прыкладзе кніг Гродзенскага і Мінскага земскіх судаў)» (А. А. Любая), «Архивные документы как источник изучения отношения “простого советского человека” к проблемам в советском обществе (1987–1991 гг.): на примере обращений граждан в редакции областной и районных газет Витебской области» (Т. В. Бувевич).

В ходе работы второй секции обсуждались современные подходы в деле использования документов, хранящихся в архивах, музеях и библиотеках. Попытки осмысления феномена архива и роли архивиста были предприняты в следующих докладах: «Архивы в современном мире: ристалище борьбы за информацию или средство общественного примирения?» (М. Ф. Шумейко), «Выклікі сучаснасці і змена місіі архівіста» (О. С. Иванова), «Историк в архиве: место культа или культ места?» (А. М. Белявский, С. А. Захаркевич), «Размывание границ библиотеки и музея (Е. А. Погосская), «Использование информационного потенциала документального источника в историческом образовании на примере работы Государственного архива Томской области» (О. Е. Хмельницкая), «Рэалізацыя права на інфармацыю як мэта дзейнасці архіваў» (А. М. Назаренко).

Об особенностях организации работы с документами шла речь в следующих докладах: «Национальная библиотека Мальты: национальная библиотека XXI в. и европейский культурный микрокосм» (У. Заммит), «Практический опыт и особенности организации описания, хранения и использования документов в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны» (В. С. Русецкий), «От картотеки БШПД к персонифицированной электронной базе данных участников партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны» (С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко), «Навукова-метадычныя асновы рэканструкцыі складу і аднаўлення цэла-

снасці комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ» (А. Н. Латушкин), «Увидеть прошлое: экскурсия молодых историков-архивистов в Российский государственный архив кинофотодокументов» (Н. А. Канашевская).

В работе секции использовались современные технологии: так, в виде скайп-сессии был сделан доклад «Инстытуцыялізацыя віртуальнай культурнай прасторы Беларусі» (А. В. Худницкая).

На третьей секции обсуждались вопросы использования современных технологий и их влияния на работу архивов, библиотек и музеев. Большой интерес вызвали доклады, посвященные характеристике веб-сайтов архивов и оцифровке архивных документов: «Организация работы с запросами в архивах Российской Федерации в режиме онлайн» (Е. В. Боброва), «Роля вэб-сайтаў архіваў Беларусі ў папулярызацыі культурнай спадчыны» (Д. А. Кривошей), «Оцифровка документов периода Великой Отечественной войны: опыт Национального архива Республики Беларусь» (А. Г. Шаповал-Конопацкая).

Новые формы введения в научный оборот источников, новые подходы к расширению круга пользователей архивных документов за счет создания коллаборативных проектов, направленных на формирование «публичной истории», были затронуты в докладе «Цифровая публикация документа как средство сохранения, изучения и использования культурного наследия» (Т. Д. Гернович) и «Историческая память в информационном обществе» (С. Н. Ходин).

Участники четвертой секции рассматривали состояние и перспективы развития музейного и библиотечного пространства Беларуси. Были заслушаны доклады «Музейная прастора Мінска як месца фарміравання культурнай памяці» (А. А. Гужаловский), «Роль музейных коллекций библиотек Беларуси в формировании исторической памяти» (Н. Ю. Берёзкина), «К вопросу об интернете как исследовательском и диссеминационном ресурсе: лаборатория скориноведения и белорусоведения» (О. М. Шутова), «Дакументы фонду Рэспубліканскай рады грамадскага аб'яднання “Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры” БДАНТД як крыніца па вывучэнні пытанняў захавання і актуалізацыі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі» (Е. Я. Павлова), «Концепция “туризма” в электронных каталогах НАРБ» (Л. С. Иваничева), «Библиография

изданий Академии наук и трудов ее сотрудников – ресурсы документального наследия науки Беларуси XX столетия» (И. П. Городко), «Революция Гуттенберга: роль печати в социальном развитии европейской цивилизации» (Д. С. Самохвалов).

На секции были также заслушаны доклады о Второй мировой войне: «Архівы, бібліятэкі, музеі: дакументальная памяць Беларусі Другой сусветнай вайны» (К. И. Козак), «Музей Второй мировой войны в Гданьске: польский взгляд на память о войне» (А. А. Лесин); об истории ВКЛ и рода Радзивиллов: «Лёс апошняга караля Рэчы Паспалітай у архівалях Музея Каралеўскага замка ў Варшаве» (А. В. Любы), «Месца архіўных і бібліятэчных збораў роду князёў Радзівілаў у Сусветным рээстры Праграмы ЮНЭСКА “Памяць свету”» (А. Г. Плытнік), «“Безмолвная белой смерти обитель”: хозяйственные описания периода Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в архивах, музеях и библиотеках Республики Беларусь» (С. Б. Каун).

Итоги работы конференции были подведены 28 мая 2019 г. на историческом факультете БГУ. Модераторы секций – А. М. Белявский, О. Е. Хмельницкая, С. Н. Ходин, А. А. Гужаловский – дали позитивную оценку работе возглавляемых ими секций. Рефреном их выступлений звучал призыв к развитию и углублению сотрудничества родственных учреждений, сохраняющих социальную память человечества. В выступлении М. Ф. Шумейко приводились конкретные примеры проявления такого сотрудничества.

Участники конференции предложили подготовить аннотированный библиографический справочник о документальном наследии исследователей истории ВКЛ и Беларуси в XVI–XX вв.; создать виртуальную реконструкцию документов из Русской общественной библиотеки имени И. С. Тургенева и электронную базу данных хранящихся в Беларуси документов белорусской диаспоры.

Для участников конференции была организована культурная программа: гости из России познакомились с музейным замковым комплексом в г. п. Мир; все желающие могли посетить Музей книги в НББ.

Доклады участников конференции будут опубликованы в научном сборнике НББ «Здабыткі: дакументальныя помнікі ў Беларусі».

М. Ф. Шумейко¹,
Т. Д. Гернович²

¹Михаил Федорович Шумейко – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Міхаіл Фёдаравіч Шумейка – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; head of the department of the source study, faculty of history, Belarusian State University.
E-mail: jesti@inbox.ru

²Татьяна Дмитриевна Гернович – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Тацяна Дзмітрыеўна Герновіч – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana D. Hiarnovich, PhD (history), associate professor at the department of source studies, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: adelia.z@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ:
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»**

**МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«САЦЫЯЛЬНЫЯ СТРУКТУРЫ Ё ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОВСКИМ:
ІНДЫВІДУАЛЬНАЕ І КАЛЕКТЫЎНАЕ ВЫМЯРЭННЕ»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«SOCIAL STRUCTURES IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA:
INDIVIDUAL AND COLLECTIVE DIMENSION»**

Вывучэнне гісторыі Вялікага Княства Літоўскага як часткі беларускай нацыянальнай гісторыі пачынаецца ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце з часу яго заснавання і паступовага пераезду ў Беларусь такіх знакавых даследчыкаў ва Усходняй Еўропе, як У. Пічэта і М. Доўнар-Запольскі. Сярод выпускнікоў універсітэта 1920–30-х гг. быў даследчык беларускага летапісання М. Улашчык. Аднак захапленне гісторыяй XVI–XVIII стст. у міжваенны перыяд было выклікана не столькі сістэмнымі даследаваннямі вызначанага перыяду гісторыі Беларусі, колькі наяўнасцю персанальных навуковых школ і асабістым уплывам настаўнікаў. Асобная кафедра гісторыі Беларусі была заснавана толькі ў 1958 г. І ў 1960–70-х гг. знаходзілася пад уплывам Л. Абэцэдарскага. У 1970–80-х гг. актыўна праводзіліся даследаванні сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі дасавецкага перыяду. За першыя дзесяцігоддзі інстытуцыяналізацыі беларускай гісторыі праблематыка даследаванняў была звужана да культурніцкіх і сацыяльных трансфармацый.

У навучальнай і дыдактычнай прасторы Беларусі ў 1990-я гг. адбываюцца значныя змены і структурныя пераўтварэнні. Фарміраванне і адкрытае агучванне канцэпцыі нацыянальнай гісторыі, стварэнне новых курсаў па аічыннай гісторыі, напісанне нацыянальнага гістарычнага наратыву, падрыхтоўка навуковых і педагогічных кадраў новай генерацыі запатрабавалі ад Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта заснавання структурных падраздзяленняў новага ўзроўню.

На базе рэарганізаванай кафедры гісторыі БССР у 1994 г. была створана кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Сярэднявечная гісторыя і гісторыя ранняга Новага часу пачалі выкладацца асобнымі блокамі для гісторыкаў-спецыялістаў. На пасаду загадчыка кафедры быў запрошаны выпускнік гістарычнага факультэта супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі П. А. Лойка. Новы кіраўнік кафедры і абноўлены прафесарска-выкладчыцкі калектыў змаглі закласці асновы для новага працывання

беларускай гісторыі IX–XVIII стст., падрыхтаваць спецыялістаў вышэйшай катэгорыі, якія сёння занялі сваё месца ў навуковым, выкладчыцкім і кіраўнічым сегментах вышэйшай школы і навукі сучаснай Беларусі.

Напісанне падручнікаў для сярэдняй і вышэйшай школы (П. Лойка, У. Сосна, Ю. Бохан, В. Варонін, А. Любы ўваходзілі ў розныя гады ў аўтарскія калектывы), удзел у навуковых рэспубліканскіх і міжнародных даследчыцкіх праектах (пераважна з калегамі з Расіі, Польшчы і Літвы), публікацыйная і выставачная дзейнасць дазваляюць аналізаваць чвэрць веку ў гісторыі кафедры і гістарычнага факультэта БДУ як з’яву ў гістарыяграфіі Беларусі.

Уласна канферэнцыя была прысвечана грамадству Сярэднявечча і ранняга Новага часу Беларусі. Арганізатары планавалі падчас мерапрыемства разгледзець узаемадзеянні, узаемазалежнасці і ўзаемаўплывы паміж сацыяльнымі структурамі Вялікага Княства Літоўскага і індывідуальнай актыўнасцю чалавека эпохі.

У аўдыторыі імя У. Пічэты з уступным словам да ўдзельнікаў канферэнцыі звярнуўся дэкан гістарычнага факультэта БДУ А. Г. Каханоўскі, які адзначыў ролю кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў у развіцці даследаванняў гісторыі Беларусі эпохі Сярэднявечча і ранняга Новага часу за апошнія два з паловай дзесяцігоддзі, распавёў пра ўласнае бачанне перспектывы кафедры, яе месца ў структурах факультэта.

Затым слова было прадстаўлена прафесару П. А. Шупляку, які ў 1991–1996 гг. займаў пасаду дэкана гістарычнага факультэта БДУ. Менавіта пры ім адбываліся карэнныя змены ў афармленні выкладання і арганізацыі беларускай гісторыі 1990-х гг. у БДУ, фарміраванне новых падыходаў да падрыхтоўкі спецыялістаў у галіне аічыннай гісторыі і, у прыватнасці, вывучэнні гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў сістэме вышэйшай і сярэдняй адукацыі, развіцці вывучэння палітычнай і рэгіянальнай гісторыі ва ўніверсітэце.

Запланаваныя пленарныя даклады былі агучаны непасрэдна супрацоўнікамі і выпускнікамі кафедры гісторыі Беларусі. У сваім выступленні загадчык Цэнтра спецыяльных гістарычных навук і антрапалогіі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, прафесар кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў В. Ф. Голубеў правёў паралель паміж значэннем гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, якое надавалася ў гісторыі дзяржаўнасці ў Рэспубліцы Беларусь і Літоўскай Рэспубліцы за апошнія 30 год. Дацэнт гэтай жа кафедры У. А. Сосна акрэсліў сацыяльна-палітычныя ўмовы стварэння кафедраў гісторыі Беларусі ў БДУ ў XX ст. і прасачыў эвалюцыю праблематыкі даследаванняў. Пра асобныя біяграфіі і статыстычныя даныя, якія адлюстроўваюць дзейнасць кафедраў гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў за апошнія 25 год, распавёў дацэнт А. У. Любы. Дакладчык адзначыў асаблівасці кадровай палітыкі, якасныя паказчыкі навуковай і дыдактычнай дзейнасці прафесарска-выкладчыцкага калектыву, падрыхтоўку спецыялістаў на розных ступенях вышэйшай адукацыі. Пра перспектывы кафедры разважалі загадчык кафедры, кандыдат гістарычных навук, дацэнт У. А. Падалінскі і загадчык кафедры ў 2005–2016 гг. дацэнт Ю. Л. Казакоў.

Канферэнцыя праходзіла ва аўдыторыях будынка № 1 Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на вул. Чырвонаармейскай. У мерапрыемстве прынялі ўдзел прадстаўнікі розных універсітэцкіх і даследчыцкіх цэнтраў Беларусі (БДУ, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Палескі дзяржаўны ўніверсітэт г. Пінска, Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт і Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы), а таксама замежныя госці з Латвіі, Польшчы і Расіі.

Падчас канферэнцыі былі закрануты розныя пытанні сацыяльнай гісторыі Беларусі і Вялікага Княства Літоўскага XIV – пачатку XIX ст. Была нададзена ўвага гістарыяграфіі і крыніцам па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, сацыяльным катэгорыям грамадства Беларусі Сярэднявечча і ранняга Новага часу, царкоўным і свецкім уплывам на культуру Усходняй Еўропы.

У першы дзень – 6 чэрвеня 2019 г. – праводзіліся дзве секцыі: «Гістарыяграфія, метадалогія і наратыў Вялікага Княства Літоўскага з пункта гледжання гістарычнай навукі Беларусі XXI ст.» (мадэратары – дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ А. М. Латушкін і загадчык навукова-даследчага аддзела кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі А. М. Сцебурака) і «Палітычны народ, рэгіянальныя эліты і інстытуты ўлады Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVII стст.» (мадэратары – У. А. Падалінскі і старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі кандыдат юрыдычных навук Г. В. Дзербіна).

Сярод дакладаў, прысвечаных сярэднявечнай гісторыі Беларусі, варта адзначыць выступленні дацэнта кафедры гісторыі Расіі БДУ С. М. Цемушава «Старажытнаруская спадчына ў сацыяльнай структуры Вялікага Княства Літоўскага: традыцыі і навацыі», загадчыка аддзела гісторыі Беларусі сярэдніх вякоў і пачатку Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі, дацэнта кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ В. А. Вароніна «Постаць Вітаўта ў айчынных і замежных крыніцах XV–XVI стст. (параўнаўчы аспект)», дацэнта кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта Р. Б. Гагуа «Генрых фон Плоцке і Давыд Гарадзенскі ў супрацьстаянні Вялікага Княства Літоўскага і Тэўтонскага ордэна падчас паходу крыжакоў на Наваградск восенню 1314 г.», вядучага навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. І. Дзярновіча «Штурм замка Піленай у 1336 г.: нямецкая хранікарная традыцыя, калектывны суцыд і раннедзяржаўныя структуры ў Жамойці XIV ст.». Праблематыка Сярэднявечча і яе папулярызацыя ў гістарыяграфіі была прааналізавана ў выступленні магістра гістарычных навук С. П. Емельянава.

Прафесар Д. У. Караў (Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы) выступіў з праблемным дакладам «Вялікае Княства Літоўскае: грамадства і дзяржава ва ўсходнеславянскіх гістарыяграфічных традыцыях навейшага часу». Пра навацыі і класіку метадалогічных падыходаў у прымяненні да тэматыкі айчынай гістарыяграфіі распавёў дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы А. І. Еўстрацьеў.

Пра асаблівасці пошуку крыніц па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага распавялі А. М. Латушкін («Арыгіналы актаў добраахвотнага падпарадкавання ўладароў зямель Усходняй Еўропы вялікім князям літоўскім у XV ст.: архіўны лёс і сучаснае месца захоўвання») і А. М. Сцебурака («Рукапісныя крыніцы па палітычным і сацыяльна-эканамічным працэсе ў Вялікім Княстве Літоўскім у зборы навукова-даследчага аддзела кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі»). Таксама цікавае выклікаў даклад старшага навуковага супрацоўніка аддзела нумізматыкі, археалогіі і зброі Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь Р. І. Крыцука «Скарб літоўскіх грыўняў з-пад в. Турэйск Шчучынскага раёна з фондаў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь» і яго адказы на пытанні прысутных.

Нельга не адзначыць выступленне студэнта гістарычнага факультэта БДУ А. А. Паршанкова з паведамленнем «Прытча пра таленты ў самапрэзентацыі ўсходнеславянскіх перапісчыкаў і друкароў кірылічных кніг».

Сярод выступленняў другой секцыі хацелася б вылучыць даклады загадчыка сектара рэдакцыйна-

выдавецкай падрыхтоўкі аддзела публікацыі дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі Я. С. Глінскага «Уключэнне баяр і мяшчан у зямлянскую супольнасць маёнтка Магільна Новагародскага ваяводства ў XVII–XVIII стст.», а таксама паведамленні магістра медыявістыкі С. М. Салей «Гародня ў ліпені 1567 г.: цэнтр ці перыферыя?» і старшага выкладчыка кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта В. У. Чараўко «Сацыяльны аспект пахавальнай абраднасці насельніцтва паўночнай Беларусі XIV–XVIII стст.».

У наступны дзень – 7 чэрвеня 2019 г. – адбыліся пасяджэнні яшчэ дзвюх секцый. Секцыю «Сацыяльныя структуры, стратэгіі і карпарацыі ранняга Новага часу на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага» мадэрыравала Т. У. Багдановіч, навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Латвіі Латвійскага ўніверсітэта. Секцыя «Царкоўная палітыка і сацыяльныя стратэгіі на землях Вялікага Княства Літоўскага» праходзіла пад кіраўніцтвам А. У. Любага.

Сярод выступленняў другога дня мерапрыемства вылучым даклад старшага выкладчыка кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта кандыдата гістарычных навук А. У. Казакова «Міграцыя маскоўскіх служылых людзей у Вялікае Княства Літоўскае з перспектывы push-pull тэорыі», выкладчыка кафедры класічнай філалогіі філалагічнага факультэта БДУ А. У. Давыдавай «Канструяванне сімвалічнай прасторы ў дыярышы Г. Пельгрымоўскага», магістра гістарычных навук А. А. Пруднікава «Этнасацыяльныя супольнасці ў гарадах і мястэчках каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XVII – XVIII ст.», магістранта кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ П. Л. Дзям’яна «Адаптыўныя стратэгіі насельніцтва ВКЛ у перыяд вайны 1654–1667 гг.: формы і матывацыя». Згаданыя працы раскрылі розныя аспекты эвалюцыі сацыяльнай структуры грамадства Вялікага Княства Літоўскага ў ранні Новы час.

На чацвёртай секцыі дамінавала царкоўная праблематыка, аналізаваліся дзейнасць царкоўных структур у гарадской прасторы і ўзаемаўплывы свец-

кай і царкоўнай культур. Так, прафесар кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы С. В. Марозава зрабіла разгорнутае паведамленне пра праблему ўзнікнення і заняпаду арганнай культуры ўніяцкай царквы на Беларусі, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела публікацыі дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі Н. В. Гарковіч выступіла з дакладам «Межы цярпення і літасці да нядбайных святароў дэкана кс. Б. Гуторскага, афіцыйнага ўніяцкага візітатара Падляскага дэканата ў другой палове XVIII ст.», дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Інстытута менеджменту, спорту і турызму П. Ю. Булаты распавёў пра месца касцёла ў гарадскім асяроддзі Ляхавічаў другой паловы XVIII ст. У працы секцыі прыняла ўдзел студэнтка гістарычнага факультэта БДУ К. М. Апончык.

Завяршыліся секцыйныя пасяджэнні дакладамі Т. У. Багдановіч «Этнічная самасвядомасць нямецкага дваранства ў кантэксце паланізацыі Княства Інфлянцкага XVII–XVIII стст.» і выпускніка кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў кандыдата гістарычных навук Д. В. Віцько «Галоўны Трыбунал ВКЛ 1699 г.».

На закрыцці мерапрыемства былі падведзены вынікі працы канферэнцыі, агучаны прапановы па ўдасканаленні працы па пошуку і апрацоўцы крыніц па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, агучаны прывітальныя лісты з віншаваннямі кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў з 25-годдзем працы па вывучэнні, выкладанні і папулярызацыі гісторыі Беларусі Сярэднявечча і ранняга Новага часу.

Асабліва хочацца адзначыць, што поруч з вядомымі спецыялістамі ў канферэнцыі ўдзельнічалі і маладыя даследчыкі – магістранты і нават студэнты гістарычнага факультэта БДУ. Іх выступленні дазваляюць спадзявацца на хуткае падростанне кваліфікаваных даследчыкаў у галіне вклістыкі ў Беларусі.

А. У. Любы¹

¹Андрей Владимирович Любый – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Уладзіміравіч Любы – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei U. Liuby, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: liuby@list.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Ираида Осиповна
ЦАРЮК**

**Іраіда Осіпаўна
ЦАРУК**

**Iraida Osipawna
CARUK**

Беларуская гістарычная навука панесла вялікую страту. 14 чэрвеня 2019 г. на 92-м годзе жыцця пасля цяжкай і працяглай хваробы памерла Іраіда Осіпаўна Царук – выдатны арганізатар гістарычнай адукацыі і навукі, дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1973–1986 гг., заслужаны работнік вышэйшай школы БССР, доктар гістарычных навук, прафесар.

Іраіда Осіпаўна нарадзілася 29 лютага 1928 г. у в. Гаркавічы Сакоўскага павета Беластоцкага ваяводства (цяпер Польшча). У 1948 г. скончыла з адзнакай Нясвіжскае педагагічнае вучылішча і была накіравана на вучобу ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Пасля завяршэння навучання на гістарычным факультэце вучылася ў аспірантуры БДУ. З 1957 па 1963 г. І. О. Царук працавала ў Мінскім гаркаме,

абкаме КПБ. У кастрычніку 1963 г. Іраіда Осіпаўна вярнулася ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, з ім была звязана яе наступная працоўная дзейнасць. У 1965 г. І. О. Царук паспяхова абараніла кандыдацкую дысертацыю, прысвечаную культурным пераўтварэнням у заходніх абласцях Беларусі. 13 гадоў яе жыцця былі аддадзены плённай працы на пасадзе дэкана гістарычнага факультэта БДУ (1973–1986 гг.). Пасля Іраіда Осіпаўна працавала на пасадзе загадчыка кафедры гісторыі Беларусі.

Доктарскую дысертацыю І. О. Царук абараніла ў 1975 г., тады ж атрымала навуковае званне прафесара. Іраіда Осіпаўна даследавала пытанні палітычнай гісторыі XX ст., нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў БССР, разгортвання нацыянальна-вызваленчага і рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Бе-

ларусі ў міжваенны перыяд. Падчас працы дэканам і загадчыкам кафедры раскрыліся выдатныя якасці Іраіды Осіпаўны як кіраўніка і выкладчыка, прыйшлі разуменне і здольнасць вырашаць надзённыя патрэбы развіцця ўніверсітэцкай гістарычнай адукацыі і навукі. Неабыкавасць да даручанай справы ў яе заўсёды спалучалася з чалавечым стаўленнем да калег і вучняў. Іраіда Осіпаўна – аўтар звыш 100 навуковых публікацый. Пад яе кіраўніцтвам і пры яе кансультаванні абаранілі доктарскія і кандыдацкія дысертацыі больш чым 30 іскальнікаў. Жыццёвы шлях І. О. Царук, яе родных і блізкіх, вірлівыя падзеі ХХ ст., гераізм і трагізм падзей Першай сусветнай вайны, рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі, Вялікай Айчыннай вайны і пасляваеннага развіцця выдатна адлюстраваны

ў кнігах, якія былі напісаны Іраідай Осіпаўнай пасля яе выхаду на пенсію.

Рэдакцыйная калегія «Часопіса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя» і калектыў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта глыбока смуткуюць з прычыны смерці Іраіды Осіпаўны і выказваюць шчырыя спачуванні яе родным і блізкім.

Светлы вобраз Іраіды Осіпаўны Царук, аднаго з самых адметных дэканаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, гісторыка-патрыёта, грамадзяніна і чулага чалавека назаўсёды застанеца ў нашай памяці.

*А. Г. Кахановіч¹,
С. М. Ходзін²*

¹Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Геннадзевіч Кахановіч – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: Kohanovsky@bsu.by

²Сергей Николаевич Ходзин – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Ходзін – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Sirghei N. Khodzin, doctor of science (history), full professor; professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: skhodzin@mail.ru

**Петр Иосифович
ЗЕЛИНСКИЙ**

**Пётр Іосіфавіч
ЗЯЛІНСКІ**

**Pjotr Iosifavich
ZJALINSKI**

Пайшоў з жыцця 15 ліпеня 2019 г. на 88-м годзе беларускі гісторык, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Пётр Іосіфавіч Зялінскі.

Вядомы ў Беларусі і за яе межамі гісторык нарадзіўся 31 снежня 1931 г. у в. Заканалле Люблінскага ваяводства (Польская Рэспубліка) у беларускай сялянскай сям'і. У 1950 г. пасля заканчэння Астремчаўскай сярэдняй школы Брэсцкага раёна Пётр Іосіфавіч паступіў на гістарычнае аддзяленне Брэсцкага настаўніцкага інстытута. Пасля атрымання педагагічнай адукацыі ў 1952 г. пачаў працаваць у Залескай сямігадовай школе. У снежні 1952 г. ён быў прызваны ў шэрагі Савецкай арміі. Першапачаткова службу праходзіў у г. Жыткавічы ў 47-й артылерыйскай брыгадзе, дзе вялася падрыхтоўка афіцэраў запasu. У пачатку ліпеня 1954 г. батарэю, у якой служыў Пётр Іосіфавіч, разам з тэхнікай накіравалі на Тоцкі вучэбна-артылерыйскі палігон у Чырванасцяжную Прыволжска-Уральскую ваенную акругу, дзе яе асабовы склад павінен быў прыняць удзел у вопытна-паказальных вучэннях з прымяненнем атамнай зброі. У момант выпрабавання атамнай бомбы 14 верасня 1954 г. Пётр Іосіфавіч Зялінскі знаходзіўся ў бліндажы назіральнага пункта, які размяшчаўся ўсяго за 2 км ад эпіцэнтра выбуху.

Пасля праходжання службы і вяртання на радзіму Пётр Іосіфавіч амаль дзесяць гадоў – з 1954 па 1963 г. – працаваў дырэктарам Залескай сямігадовай, Баршчэўскай і Высокаўскай сярэдніх школ Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. Паралельна ён атрымліваў вышэйшую адукацыю. У 1958 г. скончыў гістарычны факультэт Гомельскага дзяр-

жаўнага педагагічнага інстытута. У 1965 г. у жыцці Пятра Іосіфавіча адбыліся значныя змены, якія прадвызначылі яго далейшы прафесійны рост: ён паступіў у аспірантуру Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Ужо ў 1969 г. П. І. Зялінскі абараніў кандыдацкую дысертацыю «Роля друку Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі ў мабілізацыі працоўных мас на барацьбу за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў гады сусветнага эканамічнага крызісу капіталізму (1929–1933 гг.)». З моманту паступлення ў аспірантуру амаль усё далейшае жыццё Пятра Іосіфавіча было звязана з БДУ.

Спачатку П. І. Зялінскі працаваў выкладчыкам, старшым выкладчыкам кафедры гісторыі КПСС прыродазнаўчых факультэтаў БДУ. У 1970 г. яго запрашаюць працаваць інспектарам аддзела выкладання грамадскіх навук у Міністэрстве вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР, але ўжо ў 1973 г. Пётр Іосіфавіч вярнуўся ў БДУ, дзе працаваў старшым выкладчыкам, дацэнтам, а з 1989 г. – загадчыкам кафедры гісторыі КПСС прыродазнаўчых факультэтаў. Паралельна П. І. Зялінскі займаўся навуковай працай, вынікам якой стала паспяхова абарона ў 1989 г. доктарскай дысертацыі «Палітычная работа Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі ў масах (1923–1938 гг.)». У 1991 г. Пётр Іосіфавіч атрымаў вучонае званне прафесара. З 1993 г. П. І. Зялінскі працаваў прафесарам кафедры гісторыі Беларусі, а з 1994 да 2017 г. – прафесарам кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта БДУ.

Навуковыя інтарэсы П. І. Зялінскага былі даволі шырокія: гісторыя Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, навейшая гісторыя Беларусі, удзел беларусаў

у стварэнні і выпрабаванні ядзернай зброі. З-пад пяра Пятра Іосіфавіча выйшла некалькі манаграфій, «Палітычная работа КПЗБ у масах: 1923–1938 гг.» (1986) («Друк КПЗБ у барацьбе за свабоду» (1994; у сааўтарстве)), шматлікія вучэбныя дапаможнікі для студэнтаў – усяго звыш 60 публікацый. Пад непасрэдным навуковым кіраўніцтвам Пятра Іосіфавіча 12 аспірантаў падрыхтавалі і паспяхова абаранілі кандыдацкія дысертацыі.

Вельмі шмат было зроблена П. І. Зялінскім дзеля захавання памяці аб ветэранах падраздзяленняў асаблівай рызыкі. Па яго ініцыятыве быў праведзены шэраг навуковых канферэнцый, прысвечаных гадавінам вучэнняў на Тоцкім вучэбна-артылерыйскім палігоне. Выпрабаванні і далейшы лёс таварышаў па службе быў разгледжаны на старонках кніг, якія выйшлі пры непасрэдным удзеле Пятра Іосіфавіча: «Атомные солдаты Беларуси: воспоминания» (2003), «Книга памяти ветеранов подразделений особого риска города Минска» (2008), «Атомные солдаты: книга памяти ветеранов подразделений особого риска Минской области» (2012).

За значныя дасягненні ў навукавай, педагагічнай і грамадскай працы Пётр Іосіфавіч быў узнагаро-

джаны медалём «Ветэран працы», Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, граматамі міністэрстваў і ведамстваў, грамадскіх арганізацый і ўстаноў Рэспублікі Беларусь. У 2011 г. ён быў удастоены ганаровага звання «Заслужаны работнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

У жыцці Пётр Іосіфавіч заўсёды заставаўся вельмі сціплым і простым у зносінах чалавекам. За навуковы ўклад, чалавечыя якасці і дабрыню П. І. Зялінскага вельмі паважалі яго вучні, студэнты, аспіранты, выкладчыкі і супрацоўнікі гістарычнага факультэта БДУ, іншых вучэбных і навуковых устаноў, з якімі супрацоўнічаў Пётр Іосіфавіч Зялінскі. Калегі заўсёды адчувалі яго душэўную цеплыню, цанілі яго веды, тонкі народны гумар, жыццярэдаснасць.

Калектыў гістарычнага факультэта БДУ, калегі па кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу глыбока смуткуюць з прычыны смерці прафесара Пятра Іосіфавіча Зялінскага і выказваюць шчырыя спачуванні яго родным і блізкім.

*А. Г. Кахановіч*¹,
*В. С. Макаревіч*²

¹Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Геннадзевіч Кахановіч – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

²Виталий Сергеевич Макаревич – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Сяргеевіч Макаревіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitaly S. Makarevich, PhD (history), docent; head of the department of and modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: witalij@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 001-055.2(476+510)(06)

Женщины – ученые Беларуси и Китая [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 15 марта 2019 г.) / [редкол.: И. В. Казакова, И. В. Олюнина (отв. ред.)] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 129 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218933>. Загл. с экрана. Деп. 24.04.2019, № 005524042019.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Женщины – ученые Беларуси и Китая», которая состоялась 15 марта 2019 г. в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь). Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами развития сотрудничества Беларуси и Китая и проблематикой вклада женщин в науку. Все материалы представлены в авторской редакции.

УДК 94(476)(075.8)

Любы А. У. Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метаад. комплекс для спец. 1-26 02 04 «Дакументазнаўства (па напрамках)» / А. У. Любы ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 40 с. Бібліягр.: с. 38–40. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220680>. Загал. з экрана. Дэп. 04.06.2019, № 007004062019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭУМК) «Гісторыя Беларусі» прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці «Дакументазнаўства (па напрамках)». Дадзены ЭУМК прадугледжвае вывучэнне гісторыі Беларусі студэнтамі профільных спецыяльнасцей на гістарычным факультэце, ахоплівае перыяды развіцця грамадства і дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVI ст. Улічвае сучасныя навуковыя і метадалагічныя падыходы да вывучэння нацыянальнай гісторыі і тэндэнцыі ў сучасным нацыянальным гістарычным наратыве.

УДК 94(476)(075.8)

Любы А. У. Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метаад. комплекс для спец. 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства (па напрамках)» / А. У. Любы ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 40 с. Бібліягр.: с. 38–40. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220691>. Загал. з экрана. Дэп. 04.06.2019. № 007104062019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭУМК) «Гісторыя Беларусі» прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці «Гісторыка-архівазнаўства (па напрамках)». Дадзены ЭУМК прадугледжвае вывучэнне гісторыі Беларусі студэнтамі профільных спецыяльнасцей на гістарычным факультэце, ахоплівае перыяды развіцця грамадства і дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVI ст. Улічвае сучасныя навуковыя і метадалагічныя падыходы да вывучэння нацыянальнай гісторыі і тэндэнцыі ў сучасным нацыянальным гістарычным наратыве.

УДК 94(476)(075.8)

Любы А. У. **Гісторыя Беларусі** [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец. 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках)» / А. У. Любы ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 40 с. Бібліягр.: с. 38–40. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220692>. Загал. з экрана. Дэп. 04.06.2019. № 007204062019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭУМК) «Гісторыя Беларусі» прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках)». Дадзены ЭУМК прадугледжвае вывучэнне гісторыі Беларусі студэнтамі профільных спецыяльнасцей на гістарычным факультэце, ахоплівае перыяды развіцця грамадства і дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVI ст. Улічвае сучасныя навуковыя і метадалагічныя падыходы да вывучэння нацыянальнай гісторыі і тэндэнцыі ў сучасным нацыянальным гістарычным наратыве.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
К 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков	
<i>Силова С. В.</i> К вопросу о деятельности православного приходского духовенства Беларуси в годы нацистской оккупации (1941–1944).....	6
<i>Цымбал А. Г.</i> Трудовая повседневность в оккупированной Беларуси в 1941–1944 гг. (по материалам германских трофейных документов).....	15
<i>Максимчик А. Н.</i> Продовольственное обеспечение советских партизан в Беларуси в годы Великой Отечественной войны.....	26
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Моторова Н. С.</i> Эволюция системы земских повинностей на территории белорусских губерний (вторая половина XIX – начало XX в.).....	38
<i>Гернович Т. Д.</i> Становление государственных архивов Беларуси (1919–1922).....	46
<i>Гужаловский А. А.</i> Формирование культа Сталина в БССР в 1934–1939 гг.	57
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Евтухов И. О.</i> Девиация парадигмы поведения в англосаксонском обществе.....	68
<i>Подберёзкин Ф. Д.</i> Две «старинны» – одна политика: «юрьевская дань» и «казанская дань» в русской дипломатии и исторической мысли 1550–60-х гг.	74
<i>Соловьев В. В., Лавренко В. С.</i> Время надежд и разочарований: отображение новой общественно-политической действительности в письмах российских военнослужащих с румынского фронта (февраль – апрель 1917 г.).....	83
<i>Колб Е. Г.</i> Реформирование идеологии Французской социалистической партии в 1980–90-е гг.: между обновлением и верностью традиции.....	92
ИСТОРИОГРАФИЯ	
<i>Бруханчик Е. А.</i> Русская историография кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914): подходы к изучению, методология и методика исследования.....	101
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Белевец В. Г.</i> Исследования на селище Ясковичи-1 в 2018 г.: к изучению памятников «предпражского» горизонта на Белорусском Полесье.....	110
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Козик Л. А.</i> История изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии.....	146
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Шумейко М. Ф., Гернович Т. Д.</i> Международная научная конференция «Архивы, библиотеки и музеи как институты социальной памяти человечества».....	149
<i>Любый А. В.</i> Международная научная конференция «Социальные структуры в Великом княжестве Литовском: индивидуальное и коллективное измерение».....	152
ПАМЯТИ УЧЕНОГО	
Ираида Осиповна Царюк	155
Петр Иосифович Зелинский	157
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	159

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	5
-------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Да 75-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў

<i>Сілава С. У.</i> Да пытання аб дзейнасці праваслаўнага прыходскага духавенства Беларусі ў гады нацысцкай акупацыі (1941–1944)	6
<i>Цымбал А. Г.</i> Працоўная штодзённасць у акупаванай Беларусі ў 1941–1944 гг. (па матэрыялах германскіх трафейных дакументаў)	15
<i>Максімчык А. М.</i> Харчовае забеспячэнне савецкіх партызан у Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны	26

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Маторова Н. С.</i> Эвалюцыя сістэмы земскіх павіннасцей на тэрыторыі беларускіх губерняў (другая палова XIX – пачатак XX ст.)	38
<i>Герновіч Т. Д.</i> Заснаванне дзяржаўных архіваў Беларусі (1919–1922)	46
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Фарміраванне культуры Сталіна ў БССР у 1934–1939 гг.	57

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Еўтухоў І. О.</i> Дэвіяцыя парадзгмы паводзін у англасаксонскім грамадстве	68
<i>Падбярэзкін П. Д.</i> Дзве «даўніны» – адна палітыка: «юр’еўская даніна» і «казанская даніна» ў рускай дыпламатыі і гістарычнай думцы 1550–60-х гг.	74
<i>Салаўёў В. В., Лаўрэнка В. С.</i> Час надзей і расчараванняў: адлюстраванне новай грамадска-палітычнай рэчаіснасці ў лістах расійскіх ваеннаслужачых з румынскага фронту (люты – красавік 1917 г.)	83
<i>Колб Я. Г.</i> Рэфармаванне ідэалогіі Французскай сацыялістычнай партыі ў 1980–90-я гг.: паміж абнаўленнем і вернасцю традыцыі	92

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Бруханчык К. А.</i> Руская гістарыяграфія крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі (1861–1914 гг.): падыходы да вывучэння, метадалогія і метадыка даследавання	101
--	-----

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Белявец В. Г.</i> Даследаванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вывучэння помнікаў «перадпражскага» гарызонту на Беларускай Палесці	110
---	-----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Козік Л. А.</i> Příběhy Exilu. Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu [Гісторыя выгнання. Лёсы эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі ў міжваеннай Чэхаславакіі] ..	146
---	-----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Шумейка М. Ф., Герновіч Т. Д.</i> Міжнародная навуковая канферэнцыя «Архівы, бібліятэкі і музеі як інстытуты сацыяльнай памяці чалавецтва»	149
<i>Любы А. У.</i> Міжнародная навуковая канферэнцыя «Сацыяльныя структуры ў Вялікім Княстве Літоўскім: індывідуальнае і калектыўнае вымярэнне»	152

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Іраіда Осіпаўна Царук	155
Пётр Іосіфавіч Зялінскі	157
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	159

CONTENTS

Editorial	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
To the 75th anniversary of the liberation of Belarus from the Nazi invaders	
<i>Silova S. V.</i> The role of activity of Orthodox parish clergy in Belarus during the Nazi occupation (1941–1944).....	6
<i>Tsimbal A. G.</i> Everyday labour life in occupied Belarus in 1941–1944 (on the basis of the German trophy documents).....	15
<i>Maksimchik A. N.</i> Provision of food of Soviet partisans in Belarus during the Great Patriotic War	26
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Motorova N. S.</i> The evolution of zemski obligations' system on the territory of the Belarusian provinces (the second half of the 19 th – the beginning of the 20 th century).....	38
<i>Hiarnovich T. D.</i> Formation of state archives of Belarus (1919–1922).....	46
<i>Huzhalouski A. A.</i> Formation of Stalin's cult in Soviet Belarus in 1934–1939.....	57
WORLD HISTORY	
<i>Yeutukhou I. O.</i> Deviation of the behavior paradigm in the Anglo-Saxon society.....	68
<i>Podberezkin P. D.</i> Two antiquities – one policy: the «tribute of Dorpat» and the «tribute of Kazan» in Russian diplomacy and historical thought in 1550–60s	74
<i>Solovyov V. V., Lavrenko V. S.</i> The time of expectations and disappointments: displaying new social and political reality in the letters by Russian soldiers from Romanian front (February – April 1917)	83
<i>Kolb E. G.</i> Reforming the ideology of the French Socialist Party in 1980–90s: between embracing innovation and loyalty to tradition.....	92
HISTORIOGRAPHY	
<i>Brukhanchik E. A.</i> The Russian historiography of the credit and financial system of the Russian Empire (1861–1914): approaches to the study, methodology and research methodology.....	101
ARCHAEOLOGY	
<i>Beliavets V. G.</i> Research in the village of Jaskavičy-1 in 2018: to the study of the monuments of the «pre-Prague culture» horizon in Belarusian Polesia	110
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Kozik L. A.</i> Stories of Exile. The destinies of exiles from the territory of the former Russian empire in interwar Czechoslovakia	146
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Shumeiko M. F., Hiarnovich T. D.</i> International scientific conference «Archives, libraries and museums as institutes of social memory»	149
<i>Liuby A. U.</i> International scientific conference «Social structures in the Grand Duchy of Lithuania: individual and collective dimension»	152
TO THE MEMORY OF SCIENTIST	
Iraida Osipawna Caruk	155
Pjotr Iosifavich Zjalinski	157
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	159

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Т. В. Мейкшане, О. А. Семенец,*
А. С. Люкевич, С. Е. Богуш
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 31.07.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 280.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *T. V. Meikshane, O. A. Semenets,*
A. S. Lyukevich, S. J. Bohush
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 31.07.2019.
Edition 100 copies. Order number 280.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019